
Ассоциация японоведов
Институт востоковедения РАН

*К 200-летию
Института востоковедения РАН*

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН глазами российских японоведов

*Под редакцией
И. П. Лебедевой, А. Н. Мещерякова и Д. В. Стрельцова*

Москва
2018

УДК 327
ББК 66.4
Я62

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Международного фонда Шодиева

Рецензенты:

доктор исторических наук *В. О. Кистанов*

кандидат исторических наук *С. В. Гришацев*

Авторский коллектив:

М. В. Бабкова (глава 8), *М. П. Герасимова* (глава 16),
О. А. Добринская (глава 4), *А. А. Долин* (глава 9),
Е. Л. Катасонова (глава 17), *И. П. Лебедева* (главы 10–14),
Т. Н. Матрусова (глава 7), *А. Н. Мещеряков* (главы 5, 6),
К. О. Саркисов (предисловие, главы 1, 15),
Д. В. Стрельцов (главы 2, 18), *С. В. Чугров* (глава 3)

Японский феномен глазами российских японоведов: Научное издание / Под ред. И. П. Лебедевой, А. Н. Мещерякова и Д. В. Стрельцова. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 400 с.

ISBN 978–5–7567–0966–7

В предлагаемом издании, написанном как продолжение коллективной монографии под одноименным названием, изданной более двадцати лет назад Центром японских исследований Института востоковедения РАН, описываются специфические особенности современной Японии в политической, экономической, социальной и культурной сферах. В работе делается попытка обозначить прогноз основных направлений, по которым Япония будет развиваться в среднесрочной перспективе.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0966–7

© МОО «Ассоциация японоведов», 2018
© Институт востоковедения РАН, 2018
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2018

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Оглавление

Предисловие	4

Раздел I

ГОСУДАРСТВО

Глава 1. Японский тип государства	16
Глава 2. Политические и административные процессы в современной Японии	41
Глава 3. Переосмысляя доминанты японской политической культуры	57
Глава 4. Японский феномен: внешнеполитическое измерение	76

Раздел II

ОБЩЕСТВО

Глава 5. Среда обитания и историко-культурные процессы	96
Глава 6. Осмысление среды обитания в процессе самоидентификации Японии и японцев	119
Глава 7. Особенности формирования социальной структуры японского общества	144
Глава 8. К проблеме восприятия традиционных обрядов в современном японском обществе	158
Глава 9. Об отношении японцев к классическому наследию	173

Раздел III

ЭКОНОМИКА

О японской модели рыночной экономики	198
Глава 10. Государственное регулирование и особенности отношений между бизнесом и бюрократией	204
Глава 11. Специфические формы деловых отношений между крупными компаниями: горизонтальные кэйрэцу	220
Глава 12. Специфические формы деловых отношений между крупным и малым бизнесом: вертикальные кэйрэцу	234
Глава 13. Отличительные черты системы управления японских компаний	254
Глава 14. Изменения в системе пожизненного найма и их социальные последствия	271

Раздел IV

КУЛЬТУРА

Глава 15. Японский тип культуры	292
Глава 16. О традиционном сознании японцев	325
Глава 17. Японская массовая культура: возвращение к национальным истокам	344

Раздел V

ПРОГНОЗ

Глава 18. Япония: попытка среднесрочного прогнозирования основных тенденций развития	362
Сведения об авторах	400

Предисловие

Предлагаемая работа — новая версия коллективной монографии, изданной более двадцати лет назад Центром японских исследований Института востоковедения РАН. С тех пор многое изменилось и в самой Японии, и тем более — в мире. Название книги — «Японский феномен» — и тогда казалось претенциозным, а сейчас может вызвать даже усмешку: мол, теперь нужно было бы писать о «китайском феномене» или о «южнокорейском чуде».

В книге, вышедшей в конце 1990-х годов, авторы отмечали: «Занимая меньше трех процентов территории земного шара и составляя чуть больше двух процентов его населения... при практическом отсутствии природных ресурсов страна производит около одной пятой мирового ВВП. По своей экономической мощи она уступает только США, но более чем в два раза превосходит Германию, в три раза Францию, в семь раз все страны СНГ вместе взятые». Двадцать лет спустя население, территория и скудность природных богатств страны остались теми же, но остальные характеристики изменились драматически. В 1995 г. доля Японии в мировом валовом внутреннем продукте (ВВП) была более 16%, а размеры ее экономики достигали 71% от экономики США. Сейчас же страна производит лишь около 6% мирового ВВП, а ее экономика составляет примерно четверть от американской (при подсчете по обменному курсу).

И все же в новом варианте авторы сохранили прежнее название, поскольку убеждены, что японский опыт остается во многом феноменальным, по-своему выдающимся и, главное, поучительным. Феноменально уже то, что, несмотря на глубочайшие изменения в мире, страна удерживает третье место в мировой экономике, уступая только США и Китаю, превосходящим ее по численности населения соответственно в два с половиной и десять раз.

Дело в том, что одним из главных трендов мирового развития в последние два десятилетия стало выдвижение на передний план качественных параметров, а не количественных показателей роста. Отраженные в экономической структуре и факторах роста, именно они все больше определяют характер развития страны. В этом отношении японская экономика по-прежнему остается одним из неоспоримых лидеров.

Если вспомнить брежневскую фразу о том, что «экономика должна быть экономной», то Япония в высшей степени отвечает этому требованию. Так, среди крупных экономик мира в Японии отмечается самое низкое потребление энергии на единицу ВВП. Если ее уровень принять за единицу, то для Германии соответствующий показатель составит 1,1, для США — 1,7, Южной Кореи — 2,7, Китая — 4,9, России — 5,5. За сорок лет (1973–2014 гг.) общее потребление энергоресурсов в Японии выросло всего лишь на 20%. При этом, если потребление энергии в непроизводственной сфере и быту увеличилось за этот период в два раза, то в промышленном производстве оно сократилось на 20%¹.

Японская экономика была и остается удивительно эластичной, способной относительно безболезненно переживать кризисы. Ее можно сравнить с пружиной — чем сильнее ее сжимать, тем больше возникает энергии при ее распрямлении. Страна, потенциал которой был разрушен войной на 80%, а потери территории, включая колонии и концессии, составили больше половины, уже в 1968 г. вышла на третье место в мире по объему промышленного производства, а в начале 1970-х годов — и по объему ВВП, уступая лишь США и Советскому Союзу. И позже, в 1970–1980-е годы, темпы ее роста были в среднем в два раза выше, чем у Германии и США. Как-то за один только год ее экономика подросла более чем на 20%. Такой «прыти» не знал даже Китай. При этом в 1973–1975 гг. и в 1979 г. страна пережила жесточайшие кризисы, связанные с многократным ростом цен на нефть, а в 1985 г. столкнулась с таким крайне болезненным вызовом, как стремительная и резкая (двукратная) ревальвация иены по отношению к доллару и другим мировым валютам. Но после каждого кризиса она становилась еще более сильной и способной преодолевать очередное испытание. И даже после 1991 г., когда лопнул «мыльный пузырь» и началась череда экономических неурядиц, она каждый раз выдерживала очередное испытание и продолжала оставаться одним из мировых лидеров.

Конечно, «японское экономическое чудо» осталось в прошлом. Но оно закончилось не потому, что японцы стали плохо работать или допустили серьезные ошибки в стратегии, хотя их часто в этом упрекают (особенно склонны это делать сами же японцы). Дело в том, что в мире произошли огромные перемены, утратили свое прежнее значение факторы, которые когда-то помогали Японии творить «чудо». Тем не менее и в период низких темпов роста, потеряв в динамике, страна сохраняет «живучесть», способность адаптироваться к изменяющимся условиям. Государство залезает в долги (занимая деньги в основном у своих отечественных заимодавцев), но сохраняет и даже наращивает

бюджетные ассигнования, проводя активную экономическую политику. Государственный долг Японии, включая краткосрочные обязательства, к концу 2016 г. достиг 1066 трлн иен, что составляет 250% ВВП (127 млн иен, или более 1 млн долл., на человека)². Это огромные цифры, но вряд ли кому-то придет в голову сравнивать Японию с Грецией, а государственные облигации Японии считаются одним из самых надежных активов.

Жизнеспособность страны и, прежде всего, ее экономики была продемонстрирована во время катастрофического землетрясения 11 марта 2011 г. Оно унесло десятки тысяч жизней и сотни тысяч человек лишило жилья. Это бедствие обошлось экономике в сотни миллиардов долларов (по разным подсчетам — от 188 до 350 млрд долл.). Последовавшее за катастрофой закрытие атомных электростанций лишило страну около 40% потребляемой электроэнергии. Но как человек, который приземлился в аэропорту Нарита спустя несколько часов после землетрясения и прожил в стране все последующие месяцы, я могу засвидетельствовать, что никаких серьезных перебоев ни с подачей электроэнергии, ни с поставками продовольствия не было. Так же как не было ажиотажа или паники, эмоционального взрыва или истерии. Не слышно было и призывов «всем как один встать на борьбу» с последствиями катастрофы. Трудности, особенно психологические, преодолевались спокойно, по-деловому.

То, что происходит сегодня в мире, — более серьезно, чем природные катаклизмы. Диспропорции в экономическом и научно-техническом развитии, геополитическое соперничество, глубокое недоверие и распри в области идеологии развития и универсальных ценностей основательно расшатали международный порядок. Япония преодолевает эти вызовы вполне успешно, сохраняя в целом свой уникальный статус миролюбивой страны.

Ее главные усилия направлены на то, чтобы быть на острие научно-технического прогресса, творить его и открывать новые горизонты. В первой десятке наиболее передовых в области инноваций стран мира Японии нет. По данным на июнь 2017 г., у нее всего лишь 14-е место³. Но это не должно вводить нас в заблуждение — страна по-прежнему сверхчувствительна ко всем новым идеям и тенденциям и старается не только воспринять их, переработать и внедрить, но и стать в авангарде мирового прогресса. Новейшие концепции и идеи, как, например, Интернет вещей (*IoT*), тут же подхватываются и становятся частью ее стратегии развития. Японская правительственная программа «сверхразумного общества» («Общество 5.0»), принятая в январе 2016 г., —

это аналог германской концепции «Индустрия 4.0», американской *Advanced Manufacturing Partnership*, китайской «Сделано в Китае 2025»⁴. Но показательно, что «Общество 5.0», как видно из самого ее названия, представляет собой более широкий взгляд на существо стоящих задач — как на возможность решить, прежде всего, социальные вопросы и подняться на уровень, который позволит сделать новый рывок в будущее.

Есть и другие весомые свидетельства передовых позиций и огромного вклада Японии в научно-технический прогресс. За последние двадцать лет она укрепила свое положение как крупнейшего (второго после США) экспортера передовых технологий и ноу-хау. В 2016 г. за рубежом было продано товаров технологической и патентной номенклатуры на сумму около 33 млрд долл., а их экспорт превысил импорт на 27,7 млрд долл. На научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) страна тратит более 3,5% ВВП, уступая почти вдвое по расходам в абсолютном выражении США и Китаю, но намного опережая европейские страны.

Распространенным заблуждением является и то, что японская экономика живет в основном за счет внешней торговли. Ее доля в ВВП страны значительно ниже, чем у других развитых стран. В 2015 г. для Японии этот показатель составил 36%, в то время как для Германии — 86%, Франции — 61%, Италии и Великобритании — 57%, России — 49%, Южной Кореи — 85%. Примечательно, что для США этот показатель составляет 28%, а для Китая — 40% при колоссальных размерах внешней торговли обеих стран⁵. Более низкие показатели Японии, США и Китая в данном случае говорят о наличии в этих странах емкого внутреннего рынка и солидной базы для экономического развития.

Япония сохраняет лидерство в мировом производстве и использовании промышленных роботов. Из 1,632 млн промышленных роботов, задействованных в мировом производстве (2015 г.), 286,6 тыс. (17,6%) использовались в Японии. Это ровно в 100 раз больше, чем в России (2,9 тыс.)! В Китае установлено 256,6 тыс. роботов, в США — 234,2 тыс. При этом главным поставщиком промышленных роботов Китаю является Япония⁶. Особо следует отметить, что производство промышленных роботов — это технологическая вершина точного машиностроения плюс программное обеспечение. В этой комбинации Япония не имеет себе равных и еще долго не будет их иметь, поскольку не стоит на месте.

При острой конкуренции со стороны Германии и особенно Южной Кореи японским компаниям удастся лидировать в автомобилестрое-

нии. Из 90,1 млн (2015 г.) мирового производства автомобилей на долю японских компаний пришлось 27,2 млн (30,2%). В первой десятке производителей, возглавляемой *Toyota*, четыре японские компании, две германские и по одной из Южной Кореи, США, Франции и Италии⁷.

Япония занимает второе место в мире по производству обрабатывающих станков, уступая лишь Китаю. Но продукция Китая реализуется в основном внутри страны, Япония же по объему экспорта станков удерживает второе место, немного отставая от Германии, но существенно опережая ее по балансу экспорта и импорта (2015 г.)⁸.

Однако, несмотря на эти внушительные цифры, Японию перестали называть «мастерской мира». Может быть, потому, что прошли времена, когда Япония больше всех в мире выплавляла стали, строила более 60% всех судов гражданского назначения и огромными партиями производила многие другие товары, наводняя ими мировые рынки. Но это не значит, что японцы разучились выплавлять сталь или строить суда. Просто времена изменились, и произошла естественная смена игроков в соответствующих нишах мирового рынка. Японию потеснили Китай и Южная Корея, использовавшие такое свое конкурентное преимущество, как дешевая рабочая сила. Как только влияние этого фактора ослабнет, их преимущества будут таять на глазах. Так, например, в 2016 г., спустя 17 лет, Япония вернула себе второе место в мире по размещенным заказам на строительство новых судов, обойдя Южную Корею (первое место безвозвратно ушло Китаю). Дело в том, что 90% южнокорейского производства ориентировано на внешний рынок и, как только ухудшается конъюнктура на мировом рынке, сразу же падают и южнокорейские показатели. У Японии же только половина построенных судов идет на экспорт, поэтому ее положение более устойчиво.

Социальный фактор, как известно, — важнейшая составляющая экономического роста. Накапливаемое за счет экономических достижений национальное богатство позволяет осуществлять эффективную социальную политику, которая в свою очередь питает экономику творческой и производительной энергией. В социальном плане по целому ряду важных показателей японцы несколько уступают американцам и европейцам, тем не менее сдвиги в социальной сфере феноменальны.

Японию отличает традиционно высокий образовательный уровень населения. Эта черта японского общества корнями уходит в прошлое. Даже в эпоху позднего феодализма в закрытой от внешнего мира стране половина населения была грамотной. Сейчас практически все население имеет неполное среднее образование (девять лет). Из них

95,7% продолжают обучение во второй ступени средней школы (три года). Отношение закончивших вузы к общему числу молодых японцев (в возрасте от 25 до 34 лет) в 2013 г. составило 58,7%. По этому показателю Япония проигрывает Южной Корее, но на 10% с лишним опережает Англию, США и Францию и более чем в два раза — Германию⁹.

По данным за 2015 г., в сфере науки в Японии работают 662 тыс. человек. Это третий показатель в мире: он вдвое меньше, чем в США или Китае (с которым соперничать в количественном отношении бессмысленно), но больше, чем в Германии и Франции, вместе взятых, и на треть больше, чем в России. По числу научных сотрудников на тысячу человек трудоспособного населения (10,5) Япония долгое время занимала первое место в мире, и лишь в 2008 г. ее опередила Южная Корея (13,5), которая отличается своей агрессивной целеустремленностью в этой области.

Среди стран с развитой рыночной экономикой Япония выделяется самым низким уровнем безработицы — по данным на апрель 2017 г., он составил 2,8%. Следует признать, что в значительной мере это обеспечивается за счет широкого использования различных категорий непостоянных работников. На их долю приходится сейчас более 37% в общем числе лиц наемного труда. Однако непостоянная занятость широко распространена и в других развитых странах, но тем не менее там безработица существенно выше. Низкие показатели Японии связаны с тем, что здесь государство всегда стремилось обеспечить максимально высокий уровень занятости, так как социальная стабильность — это главный критерий его эффективности.

За годы, прошедшие после выхода первого издания «Японского феномена», значительно улучшилось качество жизни японцев. Мы имеем в виду такие параметры, как уровень реальной заработной платы, структура потребления, жилье, состояние семьи и семейных отношений, здравоохранение, продолжительность жизни, образованность населения, продолжительность рабочего дня, условия труда и отдыха, доступность и свобода информации, защищенность прав человека, личная безопасность, состояние окружающей среды.

На ряд этих показателей оказывает влияние возросший в последние годы приток иностранцев. Но это явление, ставшее «бичом» для Европы, не столь драматично в Японии. Здесь осуществляется жесткое административное регулирование миграции, которое имеет целью стимулировать приток качественной рабочей силы и отсекают низкопроизводительную и «проблемную». В результате число иностранцев с правом постоянного проживания и работы в Японии относительно

невелико. На июнь 2016 г. оно составило 2 млн 307 тыс., из которых 29,4% — это выходцы из Китая, 19,8% — из Южной Кореи (американцев насчитывается чуть больше 2%, а европейцев и того меньше). Барьером на пути миграции является и высокая степень этнической, культурной и языковой однородности населения. Поэтому попытки его «разбавить» за счет инородного элемента, интернационализировать общую среду, сделав английский язык общепотребительным, были и остаются безуспешными.

Стабильность японского общества достигается во многом за счет недопущения слишком большой разницы между бедными и богатыми. Целый ряд налоговых и прочих законодательных мер направлен на сокращение разницы в доходах и уровне жизни. Разрыв между наиболее богатыми и наиболее бедными в Японии в два раза меньше, чем в США.

Социальная устойчивость объясняет и низкий уровень криминализации общества. Преступность здесь намного ниже, чем в США и Европе, а эффективность полиции выше.

Экономические и социальные успехи Японии, ее «постиндустриальный образ», воплощенный в современных городах, проникновение самых новых достижений техники в повседневный быт соседствуют с бережным отношением к традиционной культуре. Все основные черты этой культуры не исчезают, а трансформируются, наполняясь новым содержанием. Секрет японских свершений — в умении синтезировать прошлое с настоящим, находить их оптимальные пропорции. Где-нибудь в переулках Гиндзы вид молодой японки в кимоно за рулем суперсовременного, напичканного электроникой автомобиля, разговаривающей по мобильному телефону, не воспринимается как причудливая эклектика, а выглядит как вполне гармоничная и даже по-особому элегантная картинка.

Японцы могут гордиться не только достижениями в технике и технологиях. Значителен их вклад и в мировую культуру. Среди известных архитекторов, художников, дизайнеров немало японцев. Все больше их в симфонических оркестрах Европы и Америки. Идет настоящее наступление японских кутюрье в Париже. Два японца за последние четверть века стали обладателями Нобелевской премии по литературе.

Японцам в целом не свойственна национальная чванливость. Особенно это заметно сейчас, когда страна уступает одну за другой позиции в мировых рейтингах. Они скорее склонны принижать свои достижения, и это не столько дань этической традиции самоуничижения, сколько стремление держать себя в форме и не расслабляться. Здесь

по-прежнему не считают зазорным учиться у других и заимствовать чужой опыт, от которого они еще очень зависят.

Будучи страной с высокоразвитой экономикой, Япония остается приверженной открытой модели. Здесь вряд ли мог бы появиться политик, лозунгом которого стало бы возвращение японских предприятий на родину. Число зарубежных филиалов японских компаний постоянно растет и на конец 2015 г. составило более 71 тыс.

Имевшая когда-то хождение фраза о XXI в. как о «японском веке» (вслед за французским XVIII, британским XIX и американским XX вв.) родилась не в Японии, а за рубежом. В Японии же она была воспринята не столько как похвала, сколько как провокация — как стремление вызвать антияпонские настроения в Америке и Европе. Японцы лучше других понимают, что «пупом земли» им не стать, да и не в этом они видят свою национальную задачу. Быть среди первых — вот в чем цель. И не для удовлетворения тщеславия, а просто как единственно возможная формула выживания и благополучия нации, поставленной в такие условия, в которых она исторически оказалась. Либо быть на задворках цивилизации и влачить жалкое существование, либо, используя голову и руки, быть впереди. Находиться где-то посередине Японии не дано. Для этого в недрах нет нефти, газа, золота и прочих богатств, которые позволяют некоторым странам без особых усилий обеспечивать безопасность нации.

* * *

В 2017 г. исполняется 150 лет революции Мэйдзи, покончившей с феодализмом. Чтобы не быть поработенной или унижительно зависимой, Японии нужно было догнать Европу и Америку в развитии материальной культуры, сохранив при этом свою духовную идентичность. Эта задача была в целом решена еще до Второй мировой войны, за короткий исторический период, что само по себе было феноменальным. Но мэйдзийская государственность из-за собственных недостатков и в немалой мере под влиянием перемен во внешнем мире была деформирована и деградировала в сторону слепой имперской агрессивности и алчности.

Закончилось все, как известно, коллапсом. Но поражение в войне счастливым образом обернулось новой послевоенной государственностью и моделью развития, основанной на демократических принципах и мирной интеграции в международное сообщество, в глобальный рынок. Основой этого была и остается японская конституция 1946 г. с ее 9-й статьей, запрещающей войну как средство решения международ-

ных конфликтов. Никто не может отрицать, что эта статья в Основном законе страны также представляет собой явление уникальное и беспрецедентное. Сейчас японское общество стоит перед вызовом — как в условиях усиления противоречий в мире сохранить ее, пусть не целиком, но хотя бы в самом главном.

Других вызовов тоже немало, как и тех, кто сомневается в способности страны с ними справиться. Один из наиболее сложных — демографическая ситуация. В стране происходит быстрое старение населения, а в последние годы началось и сокращение его абсолютной численности. По данным на сентябрь 2016 г., в Японии насчитывается 34,6 млн пожилых людей (старше 65 лет), а их доля в общей численности населения составляет 27,3% (в США — 15%). Тех, кому перевалило за 70, насчитывается 23,2 млн, а лиц старше 80 лет — 9,3 млн¹⁰. Средний возраст японцев составляет сейчас 46,6 года, в то время как в 1960 г. он был чуть выше 30 лет (30,4 года). Происходит и сокращение численности трудоспособного населения: с 2000 по 2016 г. его количество сократилось на 2,1 млн человек.

Американский социолог и экономист Клайд Престовиц, известный своей книгой-утопией (1990 г.), на обложке которой звездно-полосатый флаг скукоживается под лучами Восходящего Солнца, мрачно описывавший, как США «вручают» свое будущее Японии, теперь издал ее антиутопию. Как пишет автор, в 2017 г. экономическая программа правительства («абэномика») потерпит крах и Япония перейдет под контроль Международного валютного фонда. Инвесторы начнут продавать все японские активы из-за опасения, что правительство и компании не смогут выплачивать займы, «Самсунг» поглотит «Сони», японская промышленность обрушится. Впрочем, пафос книги заключается не только в том, чтобы подчеркнуть, как низко пал некогда могучий соперник, но и дать советы, как возродить бывшее могущество. Японский парламент, по замыслу автора, назначает комиссию по выработке экстренных мер, и начиная с 2025 г. Япония постепенно поднимается с колен. Вплоть до 2050 г. ВВП растет по 4,5% в год, население увеличивается до 150 млн. Страна становится вновь одной из ведущих держав мира. Но для реализации этого сценария необходимы следующие меры: 1) повышение роли женщин в экономике; 2) планомерное увеличение иммиграции; 3) внедрение английского языка как второго; 4) создание независимой энергетики с упором на возобновляемые источники энергии; 5) воплощение новой модели экономического и промышленного развития; 6) наделение значительно большими правами префектур на основе федеративной системы¹¹.

В Японии есть пословица: «Говорить о будущем — черта смешить». Это можно было бы отнести и к пророчествам американского ученого. Не соглашаясь с его пессимистическими прогнозами, следует в то же время признать, что в его критике в адрес Японии есть немало справедливого. Авторы данной работы меньше всего хотели бы идеализировать Японию. Идеальных обществ и стран нет, и Япония не исключение. В ней достаточно много проблем и изъянов. Если вы заговорите об этом с самими японцами, они найдут кучу недостатков — как мелких, так и серьезных.

Замысел предлагаемой книги, как и прежней, не в том, чтобы на ювелирных весах взвесить все плюсы и минусы, а в том, чтобы привлечь внимание к сильным сторонам японского общества, попытаться хотя бы контурно обрисовать, в чем «секрет» его эффективности. Мы также далеки от мысли пропагандировать японскую модель как универсальную, которой следует подражать. Ведь ее главные элементы — человеческий фактор, этнокультурные и социопсихологические особенности — не поддаются копированию.

Как учит японский опыт, этого и не следует делать. Никогда здесь не перенимали ничего автоматически. Восприятие позитивного зарубежного опыта пропускалось через своеобразное «сито» национального самосознания. Все, что годилось и, главное, было социально эффективным, учитывалось и перерабатывалось в свое, национальное. То, что было неприемлемо, отвергалось, но без ожесточенности или маниакальной предубежденности. Более того, «инородное» могло оставаться на какое-то время в социальном обиходе, но уже скорее как курьез или дань моде. В Японии можно найти все течения и модные увлечения современного века. Это нередко вводит в заблуждение аналитиков, которые вдруг начинают говорить о «разрушении» японской культуры, ее вестернизации и проч. На самом же деле «ядро» собственно японской культуры остается крепким и без заметных признаков эрозии.

Как показывает опыт Японии, эффективным может быть только то национальное или многонациональное общество, которое умеет соединить национальную культуру с новыми, постоянно нарождающимися элементами мирового цивилизационного развития. Это позволяет ему не только «держаться на плаву», но и быть глобальным лидером, решать национальные проблемы и активно участвовать в решении общечеловеческих проблем, уверенно смотреть в будущее.

Саркисов К.О.

Примечания

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2016html/2-1-1.html>.

² Нихон кэйдзай симбун. 02.10.2017.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2017/article_0006.html#top.

⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iot-jp.com/iotsummary/iotcategory/society-5-0/.html>.

⁵ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.TRD.GNFS.ZS>.

⁶ Пресс-релиз Японской ассоциации роботов (JARA) 25 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.jara.jp/data/01.html>; <http://www.jara.jp/data/dl/stock-of-robot-2015.pdf>.

⁷ Данные международной организации производителей автомобилей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oica.net/wp-content/uploads//ranking2015.pdf>.

⁸ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gardnerweb.com/cdn/cms/2016%20WMTS%20Report.pdf>.

⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.stat.go.jp/data/kagaku/kekka/kekkaikai/pdf/28ke_gai.pdf.

¹⁰ Асахи. 21. 2017; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.stat.go.jp/data/topics/topi721.htm>.

¹¹ См.: *Prestowitz C. V. Japan Restored: How Japan Can Reinvent Itself and Why This Is Important for America and the World*, 2015; *Trading Places: How We Are Giving Our Future To Japan & How To Reclaim It*, 1990.

Раздел I

ГОСУДАРСТВО

ЯПОНСКИЙ ТИП ГОСУДАРСТВА

Характерные черты государственности в исторической ретроспективе

Государство и политическая система в Японии формировались под воздействием исторически обусловленных объективных факторов. Как и в других странах, это происходило при сочетании общего со специфическим. «Специфическое» в случае Японии прежде всего — поразительный бросок из феодализма в «просвещенную монархию» в 60-е годы XIX в. Благодаря революции Мэйдзи страна в считанные десятилетия прошла экономические и прочие стадии становления современного развитого государства и уже в конце того же века после победоносной войны с Китаем из-за Кореи, после аннексии Тайваня и Пескадорских островов стала маленькой, но империей. А после побед в Русско-японскую и особенно Первую мировую войну ее статус был уже на уровне европейских держав и США.

«Вы сумели у себя в короткий срок исполнить то, на что другие тратили века» — так в августе 1916 г. приветствовал в России первую парламентскую делегацию из Японии председатель правительства России в отставке Владимир Николаевич Коковцов¹.

Возникшая после Мэйдзи государственность — это компромисс между монархией и парламентом, «божественной волей» и волей народа, выраженной через политические партии. В этой формуле власти преимущество отдавалось императору и его воле. Такой выбор был сделан вовсе не из убеждения в его божественном происхождении, а из-за потребности в инструменте, способном объединить нацию. При отсутствии других «скреп» — единой религии и общенациональной идеи (идеологии), власть императора, или «тэнноизм», служил их заменой. Не случайно, что он же стал основой зарождавшегося национализма.

Этот компромисс не выдержал испытания историей. Системные пороки привели к его деформации. Экспансионизм, начавшийся с ан-

нексии Рюкю (Окинава), затем Тайваня, Кореи, и концессионные приобретения в Китае влияли на государственность, придавая ей имперские черты. В условиях затяжной экспансионистской войны в Китае (начало в 1937 г.), назревавшего и разразившегося конфликта с США и Англией страна стала двигаться от авторитаризма «просвещенной монархии» к разновидности тоталитаризма — милитаризму. На всеобщих выборах в январе 1942 г. 381 из 466 депутатов были избраны при поддержке Ассоциации содействия трону². Концепция «император как институт государства» (кокка кикан сэцу) была предана анафеме, и восторжествовала теория божественности трона и его непогрешимости.

Коллапс милитаризма был прямым следствием его военного поражения, но с течением времени становилось ясно, что система противоречила главной функции государства как инструмента самоорганизации общества, средства достижения максимальной эффективности социальных структур, их стабильности и коллективной солидарности.

Тягу к коллективным решениям и максимально возможной солидарности, несмотря на структурное деление на группы по интересам и неизбежную фрагментацию по социальному и имущественному признаку, исторически и психологически обычно связывают с традиционной культурой рисоводства и необходимостью преодоления частых стихийных бедствий. Первая по своей технологии строится на солидарности, вторые требуют ее для ликвидации разрушительных последствий.

Интересы государства здесь в большей мере, чем в других странах, согласовывались с интересами общества в целом. Его регулирующая роль в большей мере концентрировалась на следующих моментах:

- соблюдение пропорций в распределении власти и богатства;
- консолидация общества в чрезвычайных обстоятельствах за счет как жесткости вертикальной организации, так и определенной справедливости в возложении ответственности за судьбу страны на все сегменты общества;
- развитие этико-моральных устоев, которые позволяли добиться единства нации, ее сплоченности и социальной мобильности;
- использование социопсихологического фактора в качестве неинституционального средства управления обществом, которое нередко оказывалось более эффективным, чем государственные правовые нормы.

Култ государства с течением времени все больше становился морально-этическим фактором, а законопослушание и высокое правовое сознание — обычной социальной нормой. При определенном критиче-

ском отношении к отдельным составляющим государства, особенно его инструментам принуждения (налоги, силовые структуры), в обществе глубоко внедрилась идея тождественности его интересов и интересов отдельных групп. Групповое коллективное самосознание как бы переносилось на общество в целом и на его главную организацию — государство, которое воспринималось выразителем интересов населения как единого коллектива («мы все в одной лодке в бурном океане жизни»).

В Японии, в отличие от многих других стран, неизбежные противоречия между тремя компонентами социальной организации: *государство—группа—личность* не принимали деструктивного характера. Более того, все они, так или иначе, стремились к социальному компромиссу и сотрудничеству, при этом не столько из любви друг к другу, сколько в силу разумного выбора.

Однако такая сплоченность и консолидация общества приводили одновременно и к тому, что его государственная организация оказывалась более консервативной и трудно поддавалась радикальным переменам. Это, однако, было не так уж плохо, поскольку практически исключало революцию как метод изменения государственного строя, со всеми ее трагическими для общества разрушительными последствиями.

Сказанное вовсе не означает, что в японском обществе полностью отсутствует экстремизм как форма поведения отдельных групп. В истории, в том числе и новейшей, таких примеров немало. Это и выступление экстремистски настроенного офицерства в 30-е годы, это и поведение отдельных групп фанатиков при капитуляции Японии, это и экстремизм отдельных религиозных или псевдорелигиозных групп наподобие «Аум Синрике»³. Однако экстремистские формы политического и социального поведения были той аномалией, тем исключением, которое еще больше подчеркивало правило: общий социальный настрой в пользу порядка, гармонии и лояльности государству.

Перемены в характере государственности наступали под воздействием как внутреннего, так и внешнего давления, но катализатором чаще всего оказывались факторы внешнего свойства. К внешним потрясениям, которые привели к коренным сдвигам в государственности и политическом процессе, можно отнести:

- проникновение буддизма и мощную культурную экспансию Китая в VI—VIII вв., когда под влиянием более высокой и развитой культуры государство внедрило на своей национальной почве элементы китайской государственности и права;
- влияние западных идей и ценностей в XVI в. и как реакцию на это — закрытие страны на два с лишним века, совпавшее

с окончательным формированием в Японии централизованной абсолютистской власти с мощным государственным аппаратом (эпоха *сёгуната* Токугава);

- революцию Мэйдзи в середине XIX в., открывшую страну внешнему миру и одновременно завершившую процесс формирования в Японии авторитарного государства, которое под внешней угрозой стало проводить радикальные реформы на западный манер с внедрением элементов более развитой западной цивилизации, западной государственности и права;
- послевоенные реформы, когда в результате жестокого поражения в войне страна впервые за свою историю оказалась оккупированной иностранными войсками; радикальные демократические реформы политической системы, государства и права.

Все эти ключевые по масштабам и качеству события меняли каркас государства и права, оказывали большое психологическое воздействие, но не нарушали культурного ядра нации. Более того, каждый раз эти перемены проходили через сито этнокультурных и социопсихологических устоев. Нововведения не осуществлялись автоматически. Помимо тщательного испытания на предмет их социальной эффективности и целесообразности они строго соизмерялись с традициями национальной культуры и системой ценностей.

Японская государственность за огромный период с VI по середину XX в. прошла много вех и испытала серьезные метаморфозы. Однако, исходя из задачи данной книги, мы остановимся лишь на обозначении общих и принципиальных черт, связанных с особенностями японского типа государства и политического процесса.

Его контуры в эпоху раннего феодализма в значительной мере были определены реформами середины VII в. Тайка (девиз правления императора), ознаменовавшимися переходом к новой государственности и принятием свода законов Тайхо рицурё (уголовные и гражданские законы эпохи Тайхо) в начале VIII в. Построение аппарата государственной власти и системы права осуществлялось по китайской модели, но возникавшая в результате государственность не была аналогией китайской. Схожесть черт и атрибутов была скорее внешней, с иным содержанием. Прежде всего, в них отсутствовала свойственная многим странам Востока гипертрофия государственной власти. Само общество имело сложную сословно-профессиональную организацию, которая исключала экстремизм в поведении властей. Государство в значительно большей мере ориентировалось на компромиссность и стыковку разных его сегментов, чем на принуждение.

Для правовой системы было характерно внедрение таких судебных процедур, как апелляция, ориентация права на исправление преступников, смягчение уголовных наказаний, длительный период отказа от смертной казни, ограничение применения пыток. На возможном для того периода уровне велось правовое просвещение населения — элементы феодальной демократии, имевшие место во многих странах, в Японии получили свое особое развитие. Она, естественно, не имела характера современных демократических свобод, но основной элемент демократии — возможно полный учет интересов не узкого круга лиц, а общества в совокупности при принятии решений — присутствовал в японском феодальном обществе. Связано это было не с высокой сознательностью феодальной элиты, а с особенностями структурирования общества, его деления на группы по сословно-профессиональному признаку⁴.

Важнейшим этапом в формировании японской государственности домэйдзийского периода была эпоха правления *сёгуна* Токугава, эпоха Эдо, как ее часто называют по имени его столицы. Именно в этот период, когда страна была практически полностью закрыта от внешнего мира, формировались многие уникальные особенности японской государственности, которые сохранились и в последующие периоды. Изолированность в течение более чем двух веков — беспрецедентное явление для западной истории. Этот фактор резко усилил внутренние присущие черты японской государственности, привел к закреплению оригинальных этнокультурных черт японского социума. Тем более что закрытость страны не привела к ее деградации, а, напротив, стимулировала социальный и культурный прогресс, основанный на рациональном и свободном от внешнего давления выборе.

В основе мэйдзийской государственности лежит конституция (известная как конституция Мэйдзи), вступившая в силу в ноябре 1890 г. Самое уникальное заключалось в том, что инициатором нового современного устройства или революционных преобразований выступил не новый нарождавшийся класс буржуазии, как это было в европейских странах, а сами же феодальные кланы — Сацума (преф. Кагосима) и Тёсю (преф. Ямагути), которые еще долго сохраняли традиции и ценности самурайского класса.

В новом государстве для обеспечения динамики и жизнеспособности политического процесса по западной модели внедрялась система сдержек и противовесов. Нижней палате (палате представителей, состоявшей из делегатов от всех слоев, организованных в политические партии преимущественно с прогрессистской повесткой дня) в двухпалатном парламенте противостояла верхняя палата (палата пэров — с консервативной повесткой дня, составленная из представителей

аристократии не столько по крови, сколько по принадлежности к бюрократической или военной элите). Парламенту противостояло правительство, которое в эпоху Тайсё (1912–1926) стало формироваться по партийному признаку. В случае если противостояние разных сил становилось разрушительным, а достижение компромисса между ними невозможным, в действие вступали полномочия императора. «Священный и неприкосновенный» (ст. 3 конституции Мэйдзи), он возвышался над всеми как «непогрешимая власть», мудрость и компетентность которой не могла быть оспорена политически. Это качество, возвысив его над всеми, одновременно и отстраняло его от «земной власти». Он провозглашался главой государства (ст. 4), но его роль заключалась в общем надзоре над властью на основе положений конституции, а полномочия, вопреки общепринятым представлениям, не были безграничными. Так, император был лишен права на законотворчество. Он утверждал законы лишь с согласия парламента. В чрезвычайных случаях вместо закона он мог издать указ (рескрипт), который, однако, позже должен был быть одобрен парламентом (ст. 8). Своими указами он вводил в действие законы, но ими он не мог менять сами законы (ст. 9). При необходимости в конституцию могли быть внесены изменения, но этим правом обладал только парламент при условии, что за это голосовало более двух третей присутствовавших депутатов. Правда, формально парламент мог делать это лишь по указу императора (ст. 73)⁵. Только изменения в Закон об императорском доме не требовали согласия парламента.

«Святость» трона позволила вовлечь в процесс принятия решений внеконституционные политические группы высшей бюрократии и военных⁶. Большое влияние на принятие решений имел институт высших советников императора — *гэнро*. В его составе можно увидеть тот же принцип «гармонии» между теми, кто творил мэйдзийскую революцию — все 10 членов этой группы, назначавшихся с 1889 по 1912 г., за исключением последнего (Сайондзи Киммоти), представляли поровну кланы Тёсю и Сацума. При императорах Мэйдзи и Тайсё (до 1925) одобрение со стороны *гэнро*, каждого в отдельности, было необязательным, но крайне желательным. Случалось, что император не ставил своей печати под указом без одобрения его одним из *гэнро*. Например, перед тем, как дать правительству Кацура санкцию на подписание англо-японского союза (январь 1902 г.), имевшего огромное стратегическое значение, он требовал согласия Ито Хиробуми.

Особенностью бюрократии, не говоря уже об офицерстве, ранне-мэйдзийского периода (1870-е годы) было то, что ее составлял бывший феодальный класс самураев, выходцев из кланов Сацума и Тёсю, с их

психологией и нравственными устоями. Признавая их особые услуги, за ними сохранили на первых порах знак отличия — ношение самурайских мечей. Даже в глухой провинции чиновники почтового ведомства в те времена носили мечи⁷. Поразительно, но в элиту вошли не только те, кто боролся за новую власть, но и те, кто боролся против нее. Эномото Такэаки — японский адмирал, глава ряда министерств, в том числе и иностранных дел, посол Японии в России, один из творцов Санкт-Петербургского договора 1875 г., был посажен в тюрьму за военные действия против императорской армии, но амнистирован ввиду особой полезности для новой власти.

Позднее основу бюрократии составила другая группа — образованная элита, выпускники юридического факультета Токийского государственного университета⁸. Со временем ситуация выровнялась — в политическую и бюрократическую элиту стали входить и те, кто оканчивал другие вузы. Ярким примером является один из самых популярных политиков последнего времени премьер-министр Синдзо Абэ, окончивший не слишком престижный университет Сэйкэй в пригороде Токио. Однако элитарность Токийского и Киотоского госуниверситетов была и остается высокой⁹.

Политический процесс в мэйдзийскую эпоху отличался слабостью политических партий, находившихся в зачаточном состоянии. Они не опирались на сколько-нибудь серьезные социальные силы. Само общество не имело еще такой структуры, когда интересы его различных слоев и классов были бы представлены партиями. Оно было в основном сельским, с присущим ему политическим консерватизмом.

Таким образом, наиболее динамичные и политикообразующие силы в обществе были представлены, с одной стороны, опирающимися на традиционные структуры власти бюрократией и военными, в руках которых были реальные рычаги власти, а с другой — либеральной интеллигенцией и деловыми кругами, которые их не имели.

Смерть императора Мэйдзи (июль 1912 г.) и вступление на престол его сына принца Ёсихито (после смерти — «император Тайсё») привели к оживлению демократических принципов мэйдзийской конституции, к активизации деятельности крупных политических партий, добавивших к своим названиям слово «конституционные». Поддержанное городскими слоями и деловыми кругами движение в защиту конституционных основ государства, его представительных органов привело к усилению либеральных тенденций периода так называемой «демократии Тайсё». Главной целью движения в защиту конституционного правления была реорганизация самого политического процесса, попытка внедрить на японской почве начальные элементы западной

представительной демократии, когда правительство не назначается из высших чинов бюрократии и армии, а выбирается из числа политических деятелей партий, победивших на выборах. В определенный момент это движение было поддержано массовыми выступлениями, но впоследствии оно деградировало и потеряло популярность в массах.

Император Тайсё был подвержен недугам, физическим и умственным, и поэтому, в отличие от своего отца, не был ни авторитетен, ни активен. Более того, с ноября 1921 г. до своей смерти в декабре 1926 г., пять лет из одиннадцати, он провел в скромном одноэтажном здании дачи в Хаяма, недалеко от Камакура. Функции императора исполнял его сын-регент, будущий император Сёва.

Политические результаты эпохи Тайсё были ограниченными и противоречивыми, но они позволили даже в эпоху милитаризма звучать порой здравым и разумным голосам. Несколько факторов оказались фатальными для «демократии Тайсё» — разочарование масс в либеральном движении и, как следствие, отказ ему в поддержке, а также жесткая авторитарность мэйдзийской системы государственности, не поддававшейся демократизации. Свою роль сыграла и неспособность либеральных политиков (с сентября 1918 г. по июнь 1922 г. — Хара Такаси и Такахаси Корэкиё) решить вопрос о выводе японских войск из Сибири, когда всем уже была очевидна авантюристность и бесперспективность интервенции, стоившей сотни миллионов иен и десятки тысяч жизней, своих и чужих. В выборе в пользу жесткой мобилизационной модели государства сыграло катастрофическое по масштабам и нанесенному материальному и человеческому ущербу землетрясение 1 сентября 1923 г. Погромы корейских кварталов и расправы толпы над мирными жителями при пассивности органов государства стали проявлением до того не столь выраженной ксенофобии.

В первые годы эпохи Сёва (1926—1988) конституционные начала государства подверглись новому испытанию. Гражданская война в Китае, противостояние в этой стране Севера и Юга поставили под угрозу интересы Японии в Маньчжурии и части Монголии и привели к усилению вмешательства военных в политический процесс. Начавшаяся коррозия мэйдзийской государственности вылилась в ее трансформацию в модель 1930-х годов с преобладающим влиянием военных и бюрократической элиты с военно-мобилизационным складом мышления. Император, чей культ был доведен до предела, стал инструментом в их руках.

Период с 1932 г. до конца войны — это время значительного усиления националистического экстремизма. Возрастание влияния «непартийных» элит в лице бюрократии и особенно военных объяснялось

и объективными факторами. В условиях подготовки к войне их роль в обществе резко возрастала. В эти годы возникает новая концепция государственности — *кокутай*. Это явный суррогат легитимности власти и строя, построенный на культе императора. Сакральность его власти, прежде скорее символическая, теперь становится более функциональной. Защита авторитарной власти императора провозглашалась главной ценностью и задачей государственной политики. Оба военных путча 1932 и 1936 гг. шли под лозунгами «реставрации Сёва» — восстановления абсолютной власти императора.

Можно ли объяснить поражение либерального движения эпохи Тайсё только институциональной слабостью демократии, или это было предопределено движением авторитарного государства в сторону территориальной экспансии в Китае, а затем вовлечением в мировую войну? Скорее всего, обе эти причины сыграли свою роль.

Как ни парадоксально, единственное серьезное противодействие реакции оказывали, пусть и подспудно, традиционные социопсихологические и этнокультурные факторы. Тоталитарная политическая машина с ее философией и практикой насилия, неприятия самого понятия социального консенсуса, идеологическими репрессиями, политическим экстремизмом и военным авантюризмом вела к разрушению идеалов гармонии и стабильности, ставших важнейшим элементом социальной психологии. В какой-то период ей удалось использовать национальные и традиционные элементы для насильственной консолидации общества и разжигания милитаристских настроений, но со временем становилась все более ясной полная бесперспективность подобной государственности с точки зрения ее несовместимости с этнокультурными и социопсихологическими устоями общества.

Современный этап государственности и политического процесса

Поражение Японии в войне окончилось крахом прежней государственности и политической системы. Катастрофические гуманитарные последствия, разрушение страны и экономики, потеря половины территории бывшей империи, реэмиграция из бывших колоний, атомная бомбардировка японских городов с чудовищными человеческими потерями, первая за всю историю страны оккупация иностранными войсками — все эти потрясения имели не только эффект психологического шока. Они продемонстрировали порочность и полную несостоятельность прежнего строя. Его реформирование стало абсолютно

неизбежным. Оно могло быть особенно эффективным потому, что происходило в условиях оккупационного режима, поставившего своей целью радикальную демократизацию государства, всех политических и экономических институтов.

Но Япония не была бы Японией, если бы не попыталась избежать радикальности, хотя бы внешне сохранив некую преемственность. В отличие от Германии, где послевоенный строй возникал как полное отрицание и антипод всему прошлому, в Японии новая конституция 1947 г. в силу традиции принималась как «поправка» к мэйдзийской и в полном согласии с установленной ею процедурой.

В ее преамбуле провозглашалась «решимость не допустить ужасов новой войны в результате действий правительства». Другими словами, ответственность возлагалась на правительство, а не на государство. Сохранение императора как условие «безоговорочной капитуляции», выторгованное у американцев в обмен на согласие на включение 9-й ст. японской конституции, само по себе говорит о «преемственности» послевоенной системы, несмотря на всю радикальность реформ.

Отражая их, новая конституция гарантировала основные политические и экономические свободы, права человека; были ликвидированы основы авторитарного государства — помещичье землевладение, монополии в промышленности и финансах. Было также обеспечено разделение трех ветвей власти, которое в мэйдзийской конституции провозглашалось, но не было реализовано в должной мере.

В результате всех реформ политическая система современной Японии институционально представляет собой разновидность западноевропейской демократии. Написанная в штабе Макартура (в здании японской страховой компании, находившейся напротив императорского дворца) и являющаяся переводом с английского, японская конституция в высшей степени воплощает основные элементы классической демократии.

По своему типу эта система ближе всего к английской. И дело не в сохранении института монархии, который существует как важный этнокультурный фактор, объединяющий нацию и символизирующий ее единство. Классические типы демократии при всех оттенках — парламентский и президентский. Японская система относится к первому. Президентский тип в Японии малопримем по той же причине, что и в Англии, — президент как избранный всего народа мог бы заслонить своей фигурой монарха.

Тем не менее по целому ряду функциональных параметров японская демократия весьма специфична. По сути это — демократический каркас, пронизанный элементами традиционной социальной пси-

хологии, этических, моральных и прочих систем ценностей. Вместе с этнокультурными элементами сохранились и такие, которые можно назвать пережитками феодализма. Они еще долгое время давали пищу для критики японской демократии с коммунистических и социал-демократических позиций¹⁰.

Групповое структурирование в Японии многослойно и многохарактерно. По сути оно представляет сложное переплетение формальных и неформальных групп. Причем трудно сказать, какие из них в социальном плане более важны и влиятельны. Их контуры не совпадают, а накладываются друг на друга. Коммуникационные связи между формальными группами становятся особенно эффективными за счет личных связей членов неформальных групп. Два выпускника одного и того же вуза, члены неформальной группы, работающие в разных министерствах, обеспечивают лучшую связь и взаимопонимание, чем формальные каналы.

Среди больших профессиональных групп выделяются три, взаимодействие между которыми составляет суть внепарламентского политического процесса: политические круги (*сэйкай*), экономические круги (*дзайкай*) и государственное чиновничество (*канкай*). Их взаимоотношения — сложные, противоречивые, подчас даже острые, хотя внешне все выглядит вполне благопристойно. Их тесная взаимосвязь дает повод для обвинения японского общества и государства в отсутствии подлинной демократии и обозначения их сути понятием *Japan Incorporated, Ltd.* — «корпорация Япония», в которой «организованный бизнес, однопартийное правительство и управленческая бюрократия являются ножками треножника, на котором покоится японская политическая система»¹¹.

Трехкомпонентная структура была унаследована у мэйдзийской государственности, что свидетельствует о живучести социального структурирования, основанного на этнокультурных традициях. Но все же она функционирует в рамках демократического государства и по его правилам игры. Это, несомненно, создает определенную путаницу в восприятии японских реалий, когда мирно соседствуют элементы демократии с их подчас полным отсутствием.

Японская система — это сложная комбинация макроуровневой демократии с авторитарной системой взаимоотношений внутри групп, замысловатая и трудно распознаваемая сеть со сложным переплетением интересов групп и различных принципов их функционирования — от демократических до авторитарно-деспотических.

Важнейшей особенностью, однако, является приоритет государственных интересов над интересами этих трех групп. При тесной свя-

зи друг с другом каждая из них действует в рамках своей компетенции и полномочий и не посягает на сферу действия других. Этим вызвано, вероятно, и то, что здесь можно столкнуться с явлениями, необъяснимыми с точки зрения здравого смысла на Западе. Например, политические круги, в том числе и высшие, порой не могут или не хотят оказывать давление на позицию того или иного министерства.

Сама структура министерств и ведомств определяет высокую степень автономности прав бюрократического аппарата. Бюрократическое учреждение, министерство или ведомство, возглавляется министром — политиком. Он определяет лишь общеполитическую линию поведения министерства. Все же основные решения по функциональным и конкретным вопросам принимает бюрократическая элита того или иного министерства во главе с заместителем министра, судьба и карьера которого не зависят от выборов в парламент и смены политической власти.

В качестве высшего государственного чиновника заместитель министра представляет государственные интересы, в то время как министр — интересы своей партии, которая пришла к власти и в результате выборов может ее лишиться. В этом смысле его значение и социальный статус очень высок и значителен.

Разница между политической и бюрократической элитами заключена в их функциях в рамках государства. Политики выражают и интерпретируют интересы общества и реализуют их через государственные механизмы. Бюрократическая элита стоит на страже интересов государства как такового, стремясь согласовать их с интересами общества. И в принципе она может противодействовать политикам, если приходит к выводу, что их линия серьезно нарушает интересы государства. Роль и высокий социальный статус бюрократии связан с традиционным культом государства в Японии.

Кроме того, политики вынуждены относиться с известным уважением к бюрократии, поскольку общественное мнение исходит из предпосылки, что бюрократия является профессиональной и наиболее компетентной как в теории, так и на практике. Важнейшая функция бюрократии — служить амортизатором между политическим и экономическим компонентами общества. Автономность японской бюрократии в общей политической системе позволяет ей обеспечивать стабильное управление государством, обществом и экономикой при всех катаклизмах в политическом мире. Борьба за власть может обостряться, кабинеты могут меняться один за другим, но все это в минимальной степени или вовсе не должно влиять на состояние дел в экономике, на выполнение социальных программ.

В рамках групп этнопсихологические особенности сказываются в первую очередь на процедуре и механизме принятия решений, на наличии негласных, неписаных законов, регулирующих этот процесс. Вторая особенность заключена в принципах и мотивах объединения в группы интересов, которые выступают в виде партий, фракций, объединений и др. Здесь чаще всего вступают в действие законы патернализма, группизма, коллективной ответственности и вертикальной структуры соподчинения.

При анализе японской специфики следует иметь в виду, что она есть результат удивительного и весьма причудливого, но в то же время гармоничного синтеза разных традиционных идеологий, морали и систем ценностей — пантеистического мировоззрения отечественной религии синто, буддизма с его гибкой и достаточно глубокой этико-философской системой и конфуцианства с его строго структурированными и эффективными социальными механизмами. В результате демократические процедуры политического процесса проходят через фильтр ненормативных психологических структур, которые основаны на этнокультурной традиции.

Примером может служить избрание первого лица страны — премьер-министра. Это не обязательно самый влиятельный и тем более выдающийся по своим деловым и интеллектуальным качествам человек. Чаще — это тот, кто способен достичь компромисса между соперничающими группами, или тот, кого эти группы сами выдвигают в качестве компромисса. Его «ординарность» — залог того, что в своей деятельности он строго будет следовать неписаным правилам политической игры и что при необходимости его легко будет заменить на другого. Целая череда японских премьеров в 1970-е и 1980-е годы выступала в виде компромиссных фигур. Это Судзуки Дзэнко, Такэсита Нобору, Кайфу Тосики, Миядзава Киити и даже Накасонэ Ясухиро в первый период своего премьерства.

Структурное деление на группы в политических партиях приводит к образованию фракций. Фракционность составляет «сердцевину» всего политического процесса¹². Известно, что против фракционной структуры Либерально-демократической партии пытались бороться многие политики, но всякий раз безуспешно. Бывший премьер-министр Японии Мики Такэо, считавший фракции основным злом и источником коррупции в партии, пытался их ликвидировать. Но они возродились довольно быстро. Причина «бессмертия» фракций — в традиционной системе самоорганизации японского общества в целом и его отдельных сегментов.

Фракционность Либерально-демократической партии позволяла в течение длительного времени обходиться без реальной многопартийной системы. В обществах с классической демократией динамика политического процесса поддерживается за счет соперничества нескольких партий, которые через систему всеобщих выборов приходят к власти и реализуют свои программы, а затем уступают место другим. В Японии не конкурирующие партии, а фракции в ЛДП, их борьба и соперничество обеспечивали динамику политического процесса. Благодаря этому достигались две важнейшие цели — сохранялась стабильность и преемственность курса и отсекались экстремистские силы, сама же партия играла при этом роль общенациональной¹³.

В Японии фракции формируются не по идейно-политическим признакам, а на основе элементарных интересов борьбы за власть¹⁴. Как и в других групповых объединениях, политик вступает во фракцию, рассчитывая на помощь коллектива в защите его интересов. Во многом фракция — традиционная патерналистская структура, действующая по принципу «все за одного, один за всех».

Поражение на всеобщих выборах 1993 г. Либерально-демократической партии, в течение почти всего послевоенного периода монопольно правившей страной, было вызвано в том числе и кризисом фракционности как формы политической самоорганизации. Показательно, что роковой удар по партии был нанесен одной из самых влиятельных фракций, которая вышла из нее для того, чтобы создать вторую консервативную партию. Но это не стало концом фракционности. Сформировавшаяся в конечном счете новая консервативная партия — Партия новых рубежей — структурно тоже состояла из фракций.

Глубинные этнокультурные причины фракционности в Японии состоят в том, что группа (фракция) как ячейка пока наиболее управляема, адаптивна и восприимчива к внешнему влиянию. Она соответствует исторической традиции кланового структурирования. Групповая «форматизация» политического поля — не сугубо японское явление. То же самое можно наблюдать и в других странах дальневосточного культурного ареала. Однако групповые структуры в Японии, в отличие, в частности, от корейского или китайского социума, организуются не по семейному признаку или признаку родства. Семейные группы — это наиболее примитивная, малоэффективная, подверженная внутреннему разложению система групповых объединений. Кровное родство или связи по браку как мотив объединения в группы были свойственны Японии на ранних стадиях общественного развития, но со временем японское общество ушло от этой формы¹⁵.

Конец эры однопартийного правления наступил за общим политическим кризисом в 1980-е годы, когда следовавшие один за другим скандалы с коррупцией политиков привели к быстрой и хаотической смене правительств, дестабилизировали ситуацию в стране. Эти скандалы спровоцировали падение популярности политических партий и снижение доверия избирателей к ним, но не разрушили саму систему. Доверие к партиям и политикам традиционно находится в Японии на низком уровне, поскольку политическая деятельность всегда рассматривалась как разновидность бизнеса («сёбай»), а не как благородное служение высоким, но абстрактным политическим идеалам. Раз это бизнес, то для достижения целей могут использоваться все возможные легальные и полулегальные методы. Должны быть наказаны лишь те, кто переступает черту дозволенного.

Любопытный материал для понимания политического процесса в Японии дали ставшие обычными в последнее время коалиционные правительства. Немыслимое еще несколько лет назад явление стало реальностью. Теперь с большей уверенностью «политическое поле» страны можно сравнивать с рынком, где возможны разные сделки, а «товаром» служат депутатские места.

В правительственную коалицию 1996 г. вошли политические антиподы — Социал-демократическая партия и Либерально-демократическая партия, а премьер-министром стал социалист Мураяма Томиити. Объяснить это явление можно размытостью идеологического фактора в политической практике, прагматизмом и гибкостью механизмов фракционных структур, когда интересы прихода к власти, а не идеология объединяют различные группы в одном блоке. Поскольку идеология не является «священной коровой», то различия в идеологических позициях не становятся камнем преткновения при формировании коалиций. Это суждение особенно справедливо, если учесть весь исторический опыт Японского государства. Традиционно политическая система в Японии в минимальной мере структурировалась по идеологическому принципу.

И все же в послевоенной Японии благодаря радикальной демократизации государства и права возник целый ряд партий, сформированных по идеологическому и классовому принципу. Это Коммунистическая, Социалистическая партия и Партия демократического социализма. В какой-то мере к партии, созданной на идеологической платформе, можно отнести и Комэйто. Но именно они были обречены на неудачу и не могли прийти к власти, ни самостоятельно, ни в коалиции друг с другом. Находясь в постоянной оппозиции, эти партии

исчерпали свои возможности и достигли пределов своего роста. Если бы идеологический принцип лежал в основе политической мотивации формирования в 1993 г. Новой партии, пришедшей на смену ЛДП, то ей никогда не удалось бы объединить в своих рядах 11 мелких партий и групп.

Новые коалиционные объединения и вчерашние союзники стали противниками, и наоборот. Социалисты и либералы в лице партии Сакигакэ объединились с либерал-демократами. Партия демократического социализма и Комэйто почти полностью растворились в новом консервативном объединении — Партии новых рубежей, созданной диссидентами из ЛДП.

Лишь коммунисты остались в стороне от новых политических веяний — в значительной мере потому, что не отказались от ярко выраженной идеологической платформы. Серьезные изменения произошли в Социалистической партии. Под воздействием новых тенденций социалисты резко снизили прежний идеологический накал и совершили крутой поворот в сторону социал-демократической платформы.

Перемены в XXI веке

Веяния нового века — глобализация, стремительное распространение новых информационных технологий и усиление социального заказа на коренные изменения в обществе привели к революционным переменам. Это в первую очередь — ошеломительная победа Демократической партии Японии (Минсюто) на выборах в конце августа 2009 г. Сформировавшаяся лишь за десять лет до этого партия быстро росла за счет притока в нее отколовшихся членов других традиционных партий. Казалось, что в Японии возникла классическая двухпартийная система, представленная двумя основными течениями — либерально-консервативным и социал-демократическим. Различие между ними определяется отношением к двум основным рычагам влияния на экономическое и социальное развитие — государству с его бюджетом и рынку с его стимулами.

Но столь же сокрушительным, как победа в 2009 г., было и поражение демократов на выборах в декабре 2012 г. Это не только вернуло к власти ЛДП, но и надолго похоронило надежды на двухпартийную систему. Вместо одной подавляющей силы оппозиционный лагерь представлен теперь множеством мелких партий с разной политической повесткой — от либеральной до ультраконсервативной, но чаще просто популистской. Традиция вновь взяла верх над модернизмом.

Одна из традиционных черт японской политики — сосуществование номинального и фактического правителя (правителей). Речь идет о дуализме власти, когда первые лица государства являются лишь ее фасадом или даже ширмой, за которыми скрываются реальные властители. Этот механизм вообще характерен для восточных обществ. Его следы можно было найти, в частности, в современном Китае, где долгое время власть Дэн Сяопина, не имевшего никаких официальных постов, над Политбюро КПК была полной.

В Японии исторически такой дуализм власти проявился в относительно мирном сосуществовании в течение семи веков феодальных правителей — *сёгунов*, обладавших реальной властью, и символических правителей — императоров. Эта двойственность, формальная по существу, была тем не менее рациональной — позволяла избегать неприятных ситуаций, как это было в начале XIX в. во время прихода в Нагасаки русской миссии во главе с Николаем Резановым. Отказываясь от переговоров, но опасаясь военного давления, власти тянули время, ссылаясь на необходимость одобрения своих действий императором. Санкция последнего была формальной, но обязательность ее получения соблюдалась. Санкция императора была обязательной и для вступления во власть очередного сёгуна. Поэтому император был не совсем «куклой» в истории сёгуната¹⁶.

Как отмечает Дж. Сэнсом, военные правители, особенно в эпоху Токугава, всячески подчеркивали уважение к императорской власти и никогда не претендовали на нее. Предоставив все высшие привилегии императорской семье, соблюдая формальный пиетет и подчеркивая всякий раз факт принадлежности высшей власти императору, они заботились лишь о том, чтобы сохранить в своих руках реальные рычаги управления¹⁷.

В послевоенное время дуализм власти проявлялся в групповых структурах. В политических объединениях — в существовании номинальных и фактических руководителей как отдельных фракций ЛДП, так и партии в целом. Особенно наглядно это проявилось в том, что начиная с 1974 г. и вплоть до 1993 г. руководителями партии фактически были лидеры фракции Танака Какуэй, которые, торгуясь с другими фракциями, решали, кому занять кресло премьер-министра. Все внутренние проблемы в японской политике 1970–1980-х годов были так или иначе связаны с наличием «теневого кабинета» в лице фракции Танака, потом Такэсита и Канэмару¹⁸.

Именно это обстоятельство привело в конечном счете к распаду той структуры политического процесса, которая установилась в Япо-

нии в середине 1950-х годов и получила название «система 1955 года». Уход ЛДП в оппозицию в 1993 г. открыл новую эпоху, когда роль политического лидера или персонификация власти стала намного заметнее. Начиная с Хасимото Рютаро, сильного лидера в ЛДП, вновь возглавившего правительство, это все влиятельные и заметные личности. В новом веке — это Коидзуми Дзюньитиро и Абэ Синдзо. Феномен первого особенно интересен тем, что к власти в партии он пришел под лозунгом ее разрушения. Как это ни парадоксально, но именно это привлекало на его сторону избирателей, жаждущих перемен. В целом фракционность и дуализм власти как части системы себя явно изживают. Они строились на негласных формах общения, которые трудно сохранить в эпоху Интернета, социальных сетей и «Гугла».

Критерием зрелости демократии является реальная независимость трех основных ветвей государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной. По конституции Мэйдзи, суды и юридические власти действовали от имени императора, но формально ему не подчинялись. В японских учебниках по истории юриспруденции и права как классический приводится пример с председателем Верховного суда Японии Кодзима Икэн. Во время суда над покушавшимся на жизнь российского престолонаследника будущего императора Николая II (май 1891 г.) он не поддался давлению правительства и косвенно самого императора. Ссылаясь на отсутствие такого рода действий в перечне преступлений, по закону предусматривавших смертную казнь, он вынес решение о пожизненном заключении.

В послевоенной Японии суды — реально независимая ветвь власти. В силу этнокультурной специфики раньше суды в Японии не имели серьезного социального значения как орган, регулирующий конфликтные ситуации, и тем более как карающий орган. Здесь большую роль играли неписанные этические и морально-этические законы и процедуры. Общество предпочитало раздорам компромиссы, и добродетелью считалась способность не доводить конфликт до суда. Но в последнее время по мере усложнения и модернизации всей системы социальных отношений судебная власть стала играть все большую роль. Востребованность адвокатов значительно возросла. В ряде ведущих университетов на правах магистратур были открыты «Роо Сукууру» (*Law School*) для подготовки юридических кадров.

Законодательная власть, как и положено, принадлежит парламенту. Он состоит из двух палат, нижней и верхней, и избирается прямым тайным голосованием на основе Закона о всеобщем избирательном праве. Законодательные и прочие права нижней палаты существенно

шире, чем верхней. Парламент простым большинством голосов избирает премьер-министра. Им становится кандидат от партии или коалиции партий, обладающей большинством мест в нижней палате парламента. Впрочем, законом предусмотрено право верхней палаты выставить свою собственную кандидатуру на пост премьера и голосовать по ней. При избрании ею другого кандидата процедурой предусмотрено заседание согласительной комиссии обеих палат. В случае расхождения мнений нижняя палата имеет преимущество, и ее кандидат становится главой правительства.

В августе 1989 г. верхняя палата избрала премьер-министрам Дои Такако, бывшую в свое время лидером Социалистической партии Японии, но в конечном счете кабинет возглавил либерал-демократ Кайфу Тосики, назначенный нижней палатой.

Парламент не назначает министров, это прерогатива премьера. Премьер-министр в любой момент может быть подвергнут процедуре голосования по резолюции о недоверии и в случае ее одобрения уходит в отставку, назначив дату новых всеобщих выборов. Глава правительства и его кабинет утверждаются императором, функции которого абсолютно символичны. Закон не допускает никакого его вмешательства или участия в политическом процессе.

Законодательная ветвь властного триумвиата по своим функциям, правам и компетенции мало чем отличается от парламентов в других странах развитой демократии. Авторитет и власть парламента в Японии велики и абсолютны, что не так часто бывает даже в демократических государствах, не говоря уже о странах с авторитарными режимами, где роль парламента сводится к их обслуживанию. Подчеркнуто уважительное отношение к парламенту (как институту власти, а не к партиям, его составляющим) отражает традицию пиетета к верховной власти как таковой, а не к ее конкретным носителям. Показательно, что уважительное обращение «сэнсэй» в Японии, как правило, применимо только к трем категориям людей — учителям, врачам и депутатам парламента.

В то же время в японской политической традиции отсутствует культ личности. Подчеркнутое и неослабное восхваление какого-либо лица, будь то император или герой войны, как и сооружение тысяч или десятков тысяч памятников одной и той же личности (кроме Будды), немислимы в этой стране.

Парламент формируется на основе избирательной системы, которая определяет право любого гражданина участвовать в прямых и всеобщих выборах, право на свободное, ничем и никем не ограниченное

изъявление своей воли и т.д. При всей демократичности избирательного права есть специфические черты в поведении и мотивациях избирателей. При голосовании они в меньшей степени ориентируются на те или иные политические или идеологические установки кандидатов, а в большей — на их деловые качества и, главное, на их способность реально выполнять свои предвыборные обещания.

Традиционно на поведении японского электората сказывалось групповое мышление и групповая солидарность, поэтому он отличался значительно более высоким уровнем консерватизма. Его поведение было достаточно прогнозируемо и обычно не сулило каких-то неожиданностей, тем более потрясений.

Однако эта черта в конце прошлого века начала меняться. Об этом свидетельствовали выборы губернатора Токио в 1995 г., которые совершенно неожиданно выиграл Аосима Юкио — популярный артист, обошедший всех политиков. Его победу можно рассматривать и как протест против политической рутины и коррупции, и как свидетельство укрепляющихся в национальном сознании неконформистских настроений. Но, скорее всего, это та же подверженность популизму, которая охватила весь мир. Впрочем, один из авторов авторитетной «Файненшл Таймс» считает, что японский избиратель меньше других покупается на дешевые посулы политиков. Поэтому такие популисты и одновременно националисты, как бывший губернатор Токио Исихара Синтаро и бывший мэр Осаки Хасимото Тору, при всей их популярности не имели серьезных шансов стать во главе японского правительства¹⁹.

Одна из главных проблем демократии состоит в том, насколько точно выборы отражают волю народа в целом. Классический пример — США, где президент может быть выбран меньшинством. В Японии до последнего времени действовал избирательный закон, согласно которому отдельные территориально-избирательные районы, в частности сельские, с малочисленным населением, получали преимущество: депутат от этих округов мог избираться в парламент меньшим числом голосов, чем его коллега, скажем, из крупного города.

Это обстоятельство обеспечивало в парламенте широкое представительство региональных элит, которые в значительной мере были связаны именно с либерал-демократами. Кроме того, сельское население, благодаря умелой аграрной политике ЛДП, по традиции ей симпатизировало и отдавало свои голоса.

Перемены в политической жизни потребовали внесения корректив и в избирательное право. В последнем законе, датированном 20 дека-

бря 2016 г., принципиальные моменты остались теми же. Выборы, как и прежде, делятся на общенациональные и местные. Первые, в свою очередь, делятся на всеобщие выборы в нижнюю палату парламента, когда раз в четыре года полностью меняется состав палаты представителей из 475 депутатов, и выборы в верхнюю палату, когда раз в три года меняется половина состава из 242 депутатов. Выборы проходят по одномандатным округам и по партийным спискам. В случае нижней палаты это соотношение составляет 295 и 180, верхней — 146 и 96. Система одномандатных округов часто подвергается критике как недемократическая, так как дает фору партиям «большинства», сокращая шанс быть избранным представителям «меньшинства».

Другая проблема японской демократии из разряда старых и закоренелых — это чистота политики, борьба с коррупцией. В отличие от авторитарных и деспотических режимов она ведется не только через принятие законов, но и через их строгое выполнение. Регламентация денежных пожертвований политическим партиям и ряд других мер создают почву для заметных перемен в политическом процессе. В 1994 г. после ухода ЛДП в оппозицию правительством Хосокава было инициировано принятие пакета законов (четыре закона), касающихся политических пожертвований. Они были призваны обеспечить более высокий уровень политической конкуренции, меньшее влияние денег на исход борьбы, более справедливое распределение депутатских мест по регионам.

Тем не менее тема коррупции и борьбы с ней не сходит со страниц газет. Посвящая редакционную статью 40-летию самого громкого коррупционного скандала в послевоенной Японии — истории с приобретением американских самолетов «Локхид» за взятку в 5 млн долл., полученную не кем-нибудь, а самим премьером Танака Какуэй, одна из газет писала, что нравы в политическом квартале японской столицы Нагата-тё существенно улучшились, но до полного искоренения этого древнего как мир порока еще далеко²⁰.

Третий элемент государственной властной триады — исполнительная власть — структурно и функционально вполне соответствует требованиям демократического стандарта. Исполнительная власть — это сплав политического и бюрократического компонентов со всеми специфическими чертами этнокультурного и социопсихологического характера. Политический компонент, состоящий из победившей на выборах партии или коалиции партий, сформировав кабинет министров, становится высшей исполнительной властью. Его задача — обеспечивать стабильное и эффективное управление государственной

машиной в тесной кооперации с бюрократией и на основе прямого контакта с политическими организациями бизнеса.

Поведение исполнительной власти несет на себе глубокий отпечаток традиционных этнокультурных норм. В этике поведения высшей исполнительной власти (кабинета министров) можно найти такие черты, как явное предпочтение функций косвенного регулирования прямому вмешательству или непосредственному давлению на органы власти по вертикали. Один из примеров — отношения центральной власти с местными властями на Окинаве по поводу американских военных баз. Когда в 1995 г. губернатор острова под влиянием массового движения протеста в связи с изнасилованием двумя американскими солдатами 12-летней школьницы отказался подписать договор о продлении аренды США военных баз на острове, премьер-министр предпочел жесткому давлению на непокорного губернатора разработку процедуры подписания им самим такого документа.

Готовность взять на себя всю полноту ответственности — одна из важнейших черт высшей исполнительной власти. Это связано не только с традиционными этико-моральными принципами, но и с тем, что уход в отставку того или иного премьера никогда не знаменует какого-то драматического поворота в политике. Более того, в японской политической истории бывали случаи сознательного самопожертвования, когда премьер шел на заведомо непопулярные шаги, брал на себя ответственность и уходил в отставку. Но дело, крайне важное для общества и государства, было сделано. Таким лидерам не ставили памятников, но их имена хорошо известны.

Преимущество курса и стабильность государства как раз и позволяют высшему органу исполнительной власти брать на себя, когда это необходимо, риск по осуществлению непопулярных, но необходимых решений.

* * *

Приведенный анализ японской государственности — всего лишь краткий и фрагментарный очерк на эту тему. Вне поля зрения остался и анализ тенденций ее эволюции. Вступив в XXI в., Япония, как и другие развитые страны, будет сталкиваться с новыми проблемами и неизбежно должна претерпеть заметные изменения.

Это, прежде всего, проблемы государства как такового. Вопреки ожиданиям, его роль не ослабевает, а только усиливается. Эффективность государственного вмешательства в экономические, социальные и культурные процессы внутри страны, активность и авторитет на международной арене сейчас особенно актуальны.

Внутри страны растут противоречия, связанные с диспропорциями в социальных условиях, неравным распределением богатства, старением населения и другими проблемами. Острой является задача оздоровления финансов. Долги государства растут и уже в два с половиной раза превышают ВВП страны²¹. В серьезных реформах нуждаются целые государственные программы — в области образования, социального обеспечения и др.

Неотложные проблемы существуют у государства и за пределами страны, в сфере внешней политики. Здесь, как показывают первые два десятилетия нового века, противоречия не только не уменьшаются, а обостряются, приобретая опасные формы и размеры. Дело не столько в новых вызовах, в частности со стороны международного терроризма, сколько в старых противоречиях между национальными интересами основных игроков на международном поле. Надежды конца 1980—1990-х годов на новый, более гармоничный и безопасный мир оказались иллюзией. Более того, экономические тенденции глобализации вызвали острое противодействие антиглобалистских политических сил. Трамп и Брекзит — два серьезных предупреждения в отношении оптимистических прогнозов на будущее.

Япония старается сохранить себя в «мейнстриме» мировой политики. Она по-прежнему верна идее региональной интеграции. Даже в отсутствие США она остается в Транстихоокеанском партнерстве (ТПП). Более или менее успешно японский внутренний рынок приспособливается к жестким условиям свободной торговли. Но если в экономической сфере пусть и со сбоями, но тенденция сохраняется, то в политической — полный тупик и даже откат в прошлое.

Не говоря уже о Северной Корее, внешне приличные, но внутренне напряженные отношения Японии с ее ближайшими соседями — Китаем и Южной Кореей — одна из «головных болей» государства. Китай, совершивший рывок в мировые лидеры, продолжает наращивать свою экономическую мощь, военный потенциал и политическое влияние. Япония, когда-то доминировавшая, а потом искавшая партнерства и равноправных, обоюдовыгодных отношений с ним, теперь мучительно ищет формы достойного сосуществования со своим соседом — супергигантом.

Оказаться в сфере китайского влияния, так же как это было в древние и Средние века, теперь особенно психологически непереносимо и политически опасно. Было бы идеально уйти от блоковых отношений, перейти от многополярности к «сетевой» системе отношений, в которой нет полюсов силы, а значит, давления и навязывания своей воли, а есть система взаимосвязанных и взаимозависимых элементов,

одинаково ценных и важных для существования всей структуры, наподобие устройства японских рисовых полей.

Но до этого еще далеко. Тесные отношения с США и их «ядерный зонт» — это вынужденное, обременительное и не совсем надежное средство обеспечения безопасности страны. Это понимают в Японии, но все равно ориентируются на две стратегически важные цели — сохранение и усиление союза с США и изменения в конституции страны.

Изменения в конституции должны устранить расплывчатость и недомолвки в формулировании и принципах решения таких фундаментальных вопросов, как роль и место императора в государстве, право на самооборону и др. Но, устраняя неясность в одном, новая конституция, если она будет принята, сделает расплывчатыми другие вопросы, и самый главный из них — могут ли японские солдаты, а если могут, то в каких случаях, спустя более семидесяти лет, вновь воевать и умирать на полях сражений за рубежом²².

Как и отношения с США, так и изменения в конституции не могут быть панацеей от проблем, которые стоят перед Японским государством. Ответы на вызовы глобальных процессов потребуют больших усилий, не только материальных, но и духовных. Изобретательность нужна для адаптации «национального компонента» к общецивилизационным ценностям. Демократический потенциал, сформированный послевоенными реформами, несомненно, будет помогать этому. Все остатки несвободы, сохранившиеся за ширмой этнокультурных традиций, будут элиминироваться.

Здоровая и продуктивная национальная специфика, связанная с этнокультурными и социопсихологическими особенностями, сохранится еще надолго. Не случайно в проекте новой конституции в самых первых словах ее Преамбулы звучит: «Япония — это государство с древней историей и самобытной культурой...»²³

Примечания

¹ Новое Время. 29(16).08.1916.

² Асахи. 25.02.1942.

³ Генерал Макартур, главнокомандующий оккупационными войсками в Японии, вспоминает, что приехавшая по его приказу для переговоров об условиях капитуляции и механизме их реализации японская правительственная делегация приняла все условия, кроме одного. Резкие возражения были против прибытия Макартура в военный аэропорт Ацуги, так как нельзя было гарантировать его личную безопасность из-за остававшихся здесь летчиков камикадзе, настроенных воинственно (*MacArthur D. Reminiscences*. N.Y., 1964. P. 269).

⁴ По вопросам формирования права в статье использованы материалы В. Н. Еремина.

⁵ *Norman E. H.* Japan's Emergence as a Modern State: Political and Economic Problems of the Meiji Period. International Secretariat, Institute of Pacific Relations. N.Y., 1940. P. 188.

⁶ Concise Dictionary of Modern Japanese History / Compiled by Janet E. Hunter. LA, 1984. P. 126.

⁷ *Craig A. M.* Functional and Dysfunctional Aspect of Government Bureacracy // Modern Japanese Organization and Decision-Making / Ed. by Ezra F. Vogel. T., 1980. P. 4.

⁸ Ibid. P. 13.

⁹ *Таканэ Масааки.* Нихон-но сэйдзи эрито (Японская политическая элита). Токио, 1976. С. 147–148.

¹⁰ *Ватанабэ Ёдзо.* Нихон-ни окэру минсюстоги-нодзетай (Демократия в Японии). Токио, 1971.

¹¹ *Curtis G. L.* Big Business and Political Influence // Modern Japanese Organization and Decision-Making / Ed. by Vogel Ezra F. Tokyo. 1980, в которой автор ссылается на монографию японского исследователя Янага Титоси: *Yanaga Chitoshi.* Big Business In Japanese Politics. New Haven, 1968. P. 28–29.

¹² *Baerwald H. H.* Party Politics In Japan. Boston, 1986. P. 16.

¹³ Впрочем, сила ЛДП как партии была не только в ее гибкой фракционной структуре, но и в том, что именно она, и только она была наследницей традиций политических партий, начиная с 1873 г., когда в Японии появилось первое политическое объединение, похожее на партию, — Общество обеспечения благосостояния (Кофукуандзэнся). *Муракава Итиро* Нихон хосюто сёси (Краткая история консервативных партий Японии). Токио, 1978. С. 260–264.

¹⁴ *Муракава Итиро.* Дзиминто-но сэйсаку кэттэй систему (Система принятия решений ЛДП). Токио, 1989. С. 303.

¹⁵ *Bernard Farber* (ed.). Kinship and Family Organization. N.Y.: John Wiley & Sons, 1966. P. 425.

¹⁶ Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей (сходство и различие). М., 2016. С. 40–42.

¹⁷ *Sansom G. B.* The Western World and Japan. A study in the Interaction of European and Asiatic Cultures. Tokyo, 1977. P. 180.

¹⁸ *Эйдзи Томиномори.* Нихонгата минсюсюги-но кодзу (Структура демократии японского типа). Токио, 1993. С. 24.

¹⁹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://courrier.jp/news/archives/80347/>.

²⁰ Асахи симбун. 27.07.2017. (Ред. статья.)

²¹ Нихон Кэйдзай симбун. 10.12.2017.

²² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://constitution.jimin.jp/draft/>.

²³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://constitution.jimin.jp/draft/>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Тенденции в системе государственного управления

Особенностью политической системы Японии является «вторичный характер» законодательной и судебной властей по отношению к исполнительной. Органы представительной демократии были сформированы в Японии лишь в конце XIX в. в рамках масштабной политической модернизации эпохи Мэйдзи. В период феодализма в Японии, в отличие от многих европейских стран, где парламентские институты развивались в рамках монархической системы, правительство выполняло не только административные, но и законодательные, а также судебные функции. Принципы парламентаризма, равно как и традиции публичного обсуждения государственных дел, были чужды японской политической традиции. К созданию соответствующих политических институтов — парламента и независимой судебной системы — Япония приступила не в силу внутренних потребностей, а, скорее, под внешним давлением, стремясь приобщиться к лагерю западных стран, где наличие подобных институтов считалось важным критерием «цивилизованности».

В современных условиях фактор «первичности» исполнительной власти по отношению к прочим ее ветвям проявляется в гипертрофированной роли, которую играет бюрократия в сфере государственного управления. Государственным чиновникам отданы на откуп многие вопросы общественно-экономической и политической жизни, которые в других странах являются объектом законодательного регулирования.

Формированию такой модели способствует то, что японские законы традиционно носят характер значительно более общий, чем во многих зарубежных странах, что оставляет огромный простор для их широкой интерпретации чиновниками. В результате решение многих конкретных вопросов экономической и социальной жизни отдается на усмотрение административной власти. Крайне высока и степень участия правительства в законодательном процессе. Например, если в США значительная часть принимаемых законов подготавливается депутатами конгресса с помощью аппарата секретарей и советников, то в Японии доля принимаемых к рассмотрению парламентом правительственных законопроектов превышает 90% (от 75 до 95% на разных этапах послевоенного периода). Одной из причин этого является то обстоятельство, что депутаты парламента не располагают собственным экспертно-аналитическим аппаратом, способным юридически грамотно оформить законопроект.

Следует отметить также сильную информационную зависимость политических руководителей правительства от бюрократии ведомств, в результате чего бюрократия имеет возможность манипулирования кабинетом министров в выгодном для себя ключе. Серьезной управленческой проблемой стала безальтернативность процесса подготовки и выдвижения государственных решений. Общественная экспертиза принимаемых ими решений носит формальный характер и не оказывает существенного влияния на их деятельность, а в министерствах и ведомствах «консультативные советы» с участием представителей экспертного сообщества, СМИ и деловых кругов занимают подчиненное, второстепенное положение в системе принятия решений. Как правило, на суд коллегиального органа выносится уже подготовленный проект, получивший предварительное одобрение, а сам ход дискуссий направляется бюрократами данного ведомства, которые держат в своих руках всю необходимую для работы документацию. Под контролем бюрократии находится и кадровый состав советов.

Аналогичная картина наблюдается и в прочих коллегиальных правительственных структурах: коллегиях министерств и ведомств, межведомственных координационных комиссиях, а также консультативных органах при премьер-министре. Таким образом, коллегиальные органы фактически отстраняются от обсуждения существа вопроса, в то время как решение принимается на уровне низовых исполнителей. Обсуждение в парламентских комиссиях носит скорее постановочный характер и больше рассчитано на демонстрацию позиции политиче-

ских партий, чем на выработку реально работающего решения. Бюрократия сохраняет приоритетное положение в ходе выдвижения законопроектов, а также их информационного обеспечения. Фактически под ее контролем традиционно находится и сама парламентская процедура рассмотрения и обсуждения законопроектов.

Несовершенством системы государственного управления является также ведомственный сепаратизм. В силу сложившегося в Японии принципа разделения властей, закрепленного конституцией, члены кабинета министров традиционно выступают выразителями не политических, а бюрократических интересов, представляя в кабинете, прежде всего, собственные ведомства.

В условиях относительной организационной и идеологической слабости партийного начала в политической жизни принятие политических решений традиционно осуществляется главным образом в теневой плоскости и не подлежит общественному контролю. Основными ее акторами выступают не публичные политики или возглавляемые ими открытые структуры, а неформальные внутрипарламентские группировки, фракции, «кланы», «группы давления». Активно вмешиваются в процесс принятия политических решений и различного рода деловые ассоциации, находящиеся в сильной зависимости от бюджетных инвестиций и налоговой политики и потому жертвующие большие средства в политические фонды ведущих партий. К их числу можно отнести Ассоциацию экономических организаций Японии Ниппон (*Кэйданрэн*), Ассоциацию врачей (*Исикай*), Центральный совет сельскохозяйственных кооперативов (*Нокё*) и др.

Определенной спецификой отличается и японская модель корпоративного воздействия на подготовку и принятие решений в сфере государственного управления. Во многих странах Запада, например США, процесс лоббирования находится под достаточно жестким общественным контролем. Лоббирование выступает как средство ведения «честной», идущей по заранее оговоренным правилам, конкурентной борьбы и, таким образом, поставлено на службу общественным интересам. В Японии же с ее традицией неформальных обсуждений и легитимно неоформленных решений имеет место сращивание госаппарата и «большого бизнеса», в результате чего лоббирование выходит из-под публичного контроля. Это участие проявляется не только в форме лоббирования, но и за счет сложной и многоуровневой системы «неформального общения» чиновников и бизнесменов: практики взаимных визитов (посещения штаб-квартир крупных корпораций министерски-

ми бюрократами и правительственных офисов топ-менеджерами крупнейших компаний), традиции совместного посещения ресторанов во вне рабочее время, а также иных форм «досуга», позволяющих проводить «взаимные консультации» по проектам готовящихся в правительстве решений. Данную практику, имеющую отчетливо выраженный «мафиозный» характер и не вполне отвечающую стандартам западных моральных ценностей, следует рассматривать в контексте психологических особенностей японского национального характера и коммуникационной модели японского социума.

Важной составляющей системы государственного управления является роль и место в ней главы исполнительной власти. Японская конституция закрепила лидирующее положение премьер-министра в политической системе страны. В законодательстве содержатся конкретные нормы, обеспечивающие руководящее место премьера в кабинете министров. В соответствии со ст. 72 конституции и ст. 6 Закона о кабинете министров глава правительства представляет кабинет, а также осуществляет контроль и общее руководство министерствами и ведомствами, которые находятся в его подчинении. Кроме того, премьер-министр обладает правом назначения и снятия министров с должностей (ст. 67 конституции) — это условие обеспечения коллективной ответственности кабинета министров.

Несмотря на указанные законодательные нормы, большую проблему для административной системы Японии на протяжении всего послевоенного периода составляла слабость лидирующего начала главы исполнительной власти. В рамках партийно-политического правления ЛДП премьер-министр был связан ограничениями, вытекающими из «фракционной политики», при которой любые политические решения должны были проходить согласование между лидерами конкурирующих фракций.

В 2000-е годы несколькими кабинетами, сформированными как ЛДП, так и ДПЯ, были предприняты большие усилия для выправления этой ситуации. Например, в ходе политико-административных реформ 1990-х — начала 2000-х годов многое было сделано для правового и институционального укрепления должности премьер-министра с целью повышения его роли как субъекта принятия политических решений. В результате политической реформы 1994 г., внедрившей систему малых избирательных округов, повысилась роль премьер-министра как главы партии парламентского большинства в нижней палате. В новой редакции Закона о кабинете министров (ст. 53) были специально ука-

заны prerогативы премьер-министра в деле выдвижения важных видов государственной политики. В ходе административной реформы кабинетов Рютаро Хасимото (1996–1998) было проведено системно-организационное усиление вспомогательных органов при премьер-министре, призванных обеспечить независимость главы кабинета от бюрократического аппарата в реализации «права инициативы» путем придания проектам его решений должной экспертно-аналитической основы. С этой целью были укреплены кадровые полномочия премьер-министра, увеличена численность аппарата советников премьер-министра. В 2001 г. в кабинете министров был создан специальный орган — канцелярия кабинета министров (*найкакэфу*), ставший центральной структурой обеспечения политического начала в решениях правительства. В наиболее полном, завершенном виде новая система оформилась при кабинетах Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006), который широко использовал полученные полномочия при проведении структурных реформ. После смены в 2009 г. власти Демократическая партия попыталась осуществить еще более радикальную реформу, направленную на внедрение в сферу административного управления принципов «политического руководства» — главенствующей роли политиков. И хотя она полностью не была реализована, в результате реформы произошло существенное институциональное усиление премьер-министра, получившего гораздо большую свободу при принятии политических решений. Японская политическая система обрела черты Вестминстерской модели.

Эти тенденции были продолжены при премьер-министре Синдзо Абэ, который после возвращения во власть в 2012 г. сосредоточил в своих руках право принятия стратегических решений в сферах внешней политики и национальной безопасности. С этой целью по модели США под руководством премьера был создан Совет национальной безопасности. Прерогативы определения приоритетов макроэкономической и бюджетной политики при Синдзо Абэ из министерства финансов перешли в ведение политических структур кабинета министров. В 2014 г. при правительстве было создано Агентство по кадровым делам, через которое премьер-министр стал контролировать назначения на примерно 600 руководящих должностей в государственном аппарате, которые ранее проводились на уровне министерств и ведомств. В результате государственные служащие стали проявлять больше «чувствительности» к политической линии, олицетворяемой главой кабинета министров.

Партийное строительство

Одна из причин закрепления «бюрократоцентристской модели» политической власти кроется в особенностях партийно-политической системы послевоенной Японии. Исторически политическая партия в западной парадигме возникала как форма протеста ущемляемого меньшинства против привилегий и власти. В Японии же партии никогда не выполняли функции протеста. С момента своего становления партия организовывалась в рамках существующей власти и как инструмент власти именно против оппозиции. Основная партийная философия Сэйюкай, первой крупной олигархической партии, образовавшей в 1900 г. первый в истории партийный кабинет, состояла в том, чтобы находиться «по правую руку» от власти.

В политической элите Японии получила широкое распространение точка зрения, в соответствии с которой партии, не находящиеся (или не находившиеся) у власти, вообще не являются политическими партиями. Иными словами, только приход партии к власти, предполагающий вхождение членов ее руководства в состав правительства и дающий им возможность реально участвовать в выработке решений, составляет высший смысл ее существования. Подобный подход привел к тому, что политические партии Японии являются парламентскими, а не массовыми, как во многих других странах. Депутатский корпус составляет в них политическую верхушку и принимает все политически значимые решения, включая выборы высшего партийного руководства. Местные же организации имеют крайне ограниченное право голоса, лишь эпизодически направляя на партийные съезды своих представителей. Политическую карьеру в Японии выбирают с главной, пусть и труднодостижимой целью — пробиться в парламент.

К числу уникальных черт партийно-политической системы современной Японии можно отнести феномен «полупартийной системы», или «системы 1955 года», действовавшей в период с 1955 по 1993 г. В послевоенной мировой истории нет, вероятно, кроме Японии, ни одного примера демократического государства, где монополия одной партии на власть при сохранении всех демократических институтов и наличии в парламенте реально действующей оппозиции продолжалась почти четыре десятилетия. Длительность господства ЛДП привела к образованию особой партийно-правительственной системы принятия решений: государственная политика вырабатывалась параллельно в структурах правительства и органах политического планирования

ЛДП (Совете по политическим вопросам), которые вместе составляли целостный механизм государственного управления.

Специфика «полуторапартийной системы» проявилась также в наличии особой фракционной структуры правящей партии, благодаря которой периодически обеспечивался приход к руководству страной свежих политических сил, а у избирателя создавалось впечатление «смены курса». При этом основные кадровые решения принимались в непубличном формате, в рамках закулисных консультаций между лидерами фракций, что также нехарактерно для стран с демократической системой правления.

В постбиполярный период форма организации власти существенно изменилась. В 1993 г. феномен «доминантной партии» ушел в историю, а Япония вступила в период коалиционных правительств. Вернувшись в 1996 г. к власти, либерал-демократы уже не смогли обходиться без партнеров по коалиции. Созданная в 1998 г. Демократическая партия Японии смогла составить в 2000-е годы мощную политическую альтернативу ЛДП и нанести ей в 2009 г. сокрушительное поражение, но правительство ей удалось сформировать только в коалиции с другими партиями. После возвращения ЛДП к власти в декабре 2012 г. практика коалиционного правления была продолжена — ее партнером по коалиции, как и прежде, стала партия Комэйто.

Проведенная в 1994 г. избирательная реформа повысила роль политических партий в системе государственного управления, однако так и не привела к полноценному соперничеству между олицетворяемыми ими концепциями общественного развития. Даже между ЛДП и ДПЯ — партиями, претендующими на роль системообразующих, — так и не образовался водораздел по принципиальным вопросам государственного управления, наличие которого дало бы основания разделить эти партии, например, на «консервативную» и «либеральную». Программное сходство большинства политических партий наблюдается по многим вопросам финансовой, налоговой и экономической политики. Единственным исключением стал подход к социальным функциям государства: если ЛДП придерживается теории минимизации социальных обязательств государства, то ДПЯ выступает в поддержку идеи «государства социального благоденствия», опробованной в странах Северной Европы. Политически мотивированному избирателю в этих условиях труднее сделать сознательный выбор, основанный на идеологических, а не личностных предпочтениях, а партиям сложнее сформировать когорту «твердых голосов» из числа своих сознательных приверженцев.

В результате в стране так и не сложилась двухпартийная система, подобная той, что существует в США или Великобритании, где две крупнейшие партии периодически сменяют друг друга у власти. Партийная система продолжает характеризоваться высокой степенью волатильности — партии переживают период рождений и исчезновений, расколов, слияний, новых союзов и коалиций, порой кажущихся на первый взгляд противоестественными. Некоторые партии, без которых трудно представить развитие партийно-политической системы биполярного периода, деградировали, превратившись в маргинальную политическую силу (как это случилось с СПЯ в 1990-е годы).

Становление системы коалиционных правительств актуализировало в 2000-е годы значение «малых партий» в политической жизни Японии. Бум «малых партий» связан с тенденциями в электоральном поведении японцев, которые регулярно демонстрируют разочарование в «системных» партиях (ЛДП и ДПЯ). На руку «малым партиям» играют и особенности избирательной системы, в частности наличие в обеих палатах крупного блока мест, выборы в который также проходят на основе принципа пропорционального представительства (по партийным спискам). В таких округах относительно маргинальные политические силы, неспособные конкурировать с системными партиями в мажоритарных округах, имеют гораздо больше шансов на прохождение в парламент. Благоприятным для «малых партий» фактором является также то обстоятельство, что сроки выборов в верхнюю палату не совпадают с выборами в нижнюю — в случае одновременного проведения голосования в обе палаты они, безусловно, оказались бы в существенно менее выигрышном положении, нежели крупные партии, имеющие достаточный финансовый и кадрово-организационный потенциал для того, чтобы сконцентрироваться сразу на двух выборах.

Именно в руках этих партий — Партии всех, Новой народной партии, партии «Вставай, Япония!», Партии жизни и т.д. — зачастую находился ключ к решению политических кризисов, периодически потрясающих Японию. Особенно поддержка «малых партий» оказывалась критичной в условиях «перекрученного парламента», когда для преодоления вето верхней палаты правительству для проведения законов требовалось большинство в две трети в нижней.

Трудно отрицать, что в перспективе «малые партии» сохраняют свою, во многих случаях существенную, роль в политических процессах Японии. Они будут и впредь возникать из осколков «системных» партий, объединяться между собой и с крупными партиями, самораспускаться. Им на руку играет рост популизма в политике, заставляющего амбици-

озных деятелей, по какой-то причине не удовлетворенных своим положением в «системной партии», решительно порывать с ней, организуя собственную партию. Так это было с бывшими либерал-демократами, ставшими лидерами собственных партий, — Ёити Масудзоэ, главой Новой партии «Реформа» (*Синто Кайкаку*), Такэо Хиранума, председателем партии «Вставай, Япония!» (*Татиагарэ Ниппон*), Ёсими Ватанабэ — лидером Партии всех, Юрико Коикэ — лидером партии «Токийцы прежде всего».

Однако реальную возможность выжить по действующим правилам имеют лишь достаточно крупные политические партии, у которых есть общенациональная сеть региональных организаций и которые способны составить друг другу альтернативу во всех избирательных округах страны.

Остается пока нерешенным и вопрос о том, кто останется «второй» или «третьей» партией, способной составить действенную альтернативу Либерально-демократической партии. Большие сомнения вызывает перспектива возрождения в качестве таковой Демократической партии Японии — невыразительные итоги ее правления в 2009–2012 гг. оттолкнули от ДПЯ даже тех избирателей, которые мало интересуются политикой.

Против становления двухпартийной системы в Японии работают особенности парламентской системы страны, в частности наличие у нее такой сущностной характеристики, как «вязкость». Эта система предоставляет оппозиции реальные возможности для воздействия на процесс принятия законодательных решений. К числу составляющих ее механизмов относятся, в частности, наличие в парламенте верхней палаты, имеющей практически равные права с нижней, и системы парламентских комиссий; ограниченность продолжительности сессии, невозможность ее неограниченного продления, а также перенесения отдельных пунктов повестки дня сессии с предыдущей на последующую; наконец, соблюдение традиций консенсуса при решении вопросов регламента. Все это дает «партии меньшинства» дополнительные рычаги воздействия на законодательный процесс, что способствует большему учету ее мнения в принимаемых парламентом решениях.

Основная часть факторов «вязкости» вытекает из нормативных и юридических особенностей законодательного процесса. Однако не следует забывать и об особенностях политической культуры и национальной психологии японцев, отличительной чертой которых является особая роль непубличных методов разрешения конфликтов. В «вязком» парламенте правящей партии гораздо труднее реализовать

свою стратегию, которая бы встречала принципиальные возражения со стороны меньшинства. В результате партиям сложно сохранять свою программно-политическую идентичность, которая лежит в основе любой двухпартийной системы.

Электоральные процессы

Дальнейшее политическое развитие Японии с высокой степенью вероятности пойдет по пути реформирования партийного пространства, формирования новых малых и средних партий, лучше консолидированных по идеологическому принципу: неоконсервативной и социал-демократической. Этому способствуют качественные изменения в электоральном поведении японцев: если раньше избиратель был персонально ориентированным, так что провалы и неудачи ассоциировались с отдельными политиками и не проецировались на партию в целом, то в нынешней ситуации избиратель голосует именно за партию, что создает мощный спрос на политическую альтернативу действующей власти. В этой связи с большой степенью вероятности можно утверждать, что в прежнем виде феномен доминантной партии не возродится, хотя какие-то элементы старой политической модели, бесспорно, имеют шанс быть реанимированными.

Широкую известность получила такая особенность японской политической культуры, как феномен «партийно-индифферентного, персонально ориентированного электората». Поскольку многие избиратели склонны голосовать не за партию, а за личность, политики в меньшей степени зависят от поддержки со стороны политических партий и в большей — от собственных организационных усилий, точнее, от работы «обществ поддержки», представляющих собой их личный капитал. Именно этим, например, можно объяснить и такое нехарактерное для западных демократий явление, как наследование избирательного округа и существование в нескольких поколениях политических династий.

Одним из факторов радикальных перемен в японской политической сфере постбиполярного периода явились качественные изменения в социальном портрете электората. Проходящие с 1960-х годов процессы урбанизации привели к увеличению доли «плавающих голосов», не аффилированных с какой-либо из действующих политических сил. Снижается традиционно присущая японским избирателям ориентация на конкретную фигуру, предполагающая их голосование за того или иного политика вне зависимости от его партийной ориентации. Одновременно растет значение партийных брендов в электоральной

мотивации избирателей. На выборах все большую роль играют «манифесты», т.е. предвыборные обещания партий по насущным вопросам, представляющим первоочередной интерес для избирателей.

Хотя говорить об отмирании феномена «партийно-индифферентного, персонально ориентированного электората» пока рано, все большее значение для итогов выборов приобретают политически мотивированные слои избирателей. В отличие от «традиционных» избирателей, политический выбор которых в большей степени детерминирован их происхождением, статусом, принадлежностью к традиционным социальным институтам, эти электоральные слои утратили земляческие связи со своей родной местностью, являются выходцами из нуклеарных семей и потому более волатильны в своих политических предпочтениях, являясь скорее продуктом постиндустриальной цивилизации.

Даже с учетом того обстоятельства, что общая доля таких голосов относительно невелика, именно их поддержка была решающей для сокрушительной победы ДПЯ на выборах в нижнюю палату в 2009 г., а утрата этой поддержки предопределила ее поражение в 2010–2012 гг. Часть избирателей, недовольных действующей властью, приходит на избирательные участки именно для того, чтобы наказать правящую партию за «неподобающее поведение». В условиях мажоритарной системы такое протестное голосование создает своего рода «эффект маятника»: даже небольшие флуктуации общественного мнения немедленно приводят к резким изменениям в раскладе сил в парламенте и даже к смене власти, что убедительно продемонстрировали парламентские выборы 2005, 2009 и 2012 гг. Поскольку политически мотивированный избиратель делает свой выбор в последний момент на основе субъективных ощущений, общий исход голосования оказывается все более труднопредсказуемым.

Необходимость выбора между политическими партиями создала в голове избирателя своего рода «когнитивный диссонанс», связанный с отсутствием существенных различий в их избирательных манифестах. Теперь приходится выбирать не между программами развития, а между виртуальными имиджами партий, создаваемыми главным образом в медиапространстве. Отрицательный образ «системных» партий, разочарование в политике и утрата доверия к политическим лидерам привели к тому, что многие избиратели стали выражать свой протест «ногами», т.е. путем абсентеизма. Например, в период с августа 2002 по март 2010 г. процент избирателей, не поддерживавших ни одну из парламентских партий, колебался от 23 до 51%. Таким образом, именно абсентеизм проявляется в последние годы в качестве одной из основных форм протестных настроений в обществе.

Рост абсентеизма на выборах свидетельствует об отсутствии интереса граждан к политике в целом и политическим партиям в частности. Партии не имеют обратной связи с избирателями, вернее, такая связь оказывается весьма ограниченной. Утрата функции медиокра во взаимоотношениях между обществом и властью не позволяет партиям быть в курсе проблем, вызывающих общественное недовольство, и исполнять роль выразителя общественного протеста. Что же касается избирателей, то их связь с партиями ограничивается главным образом периодом проведения выборов и материализуется в их электоральном поведении, основанном на эмоционально мотивированной позиции: соответствует или, наоборот, не соответствует имидж партии и ее лидеров представлениям о «правильности», сформированным в голове у избирателя. Эти представления носят, безусловно, весьма субъективный характер.

В других случаях избиратели сознательно выражают свой протест путем голосования в малом округе за партию «третьего полюса» или одну из «малых партий», кандидаты которой шансов пройти в парламент заведомо не имеют, а даже если бы их представители и прошли в парламент, возможностей воздействовать на процесс принятия решений у них практически нет. На этом фоне уверенно на выборах чувствуют себя лишь те партии, которые имеют относительно организованную электоральную базу — и прежде всего Комэйто и КПЯ, избиратели которых приходят на участки в любую погоду и при любой политической конъюнктуре.

Значимым для электоральных процессов является фактор популизма: избиратели все чаще голосуют в своем округе под имиджевым влиянием популярного лидера той или партии. В этой связи огромную роль приобретает моральная репутация лидеров ведущих политических партий, их личная незапятнанность, непричастность не только к явной коррупции, но и к относительно несерьезным нарушениям действующего законодательства, например несоблюдению правил в сферах налогообложения, пенсионного обеспечения, политических пожертвований и проч.

Рост авторитаризма в японской политике

Ограниченность обратной связи с избирателями приводит к росту авторитарных тенденций в политике. Неудачи прошлых администраций, проявленная ими ранее нерешительность в действиях вызывают массовую апатию и утрату интереса к политике и одновременно — спрос на сильную личность авторитарного характера.

В этой связи стоит выделить политических лидеров постбиполярного периода, которые в полной мере использовали ресурс популизма для продления своего пребывания у власти. Речь идет прежде всего о премьер-министрах Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006) и Синдзо Абэ (2012 — н/вр). Их приход соответствовал общественному запросу на харизматичного политического лидера, который умеет говорить на понятном массам языке и последовательно проводит в жизнь свою политическую программу, даже если эта программа нравится далеко не всем. Если Дзюньитиро Коидзуми смог позиционировать себя в глазах рядовых избирателей как борец с консерваторами в собственной партии и косными бюрократами, тормозящими структурные реформы (этим можно объяснить победу ЛДП на выборах в нижнюю палату 2005 г.), то высокие рейтинги Синдзо Абэ связаны больше с усталостью от длительного «мозаичного» периода политической нестабильности, когда премьеры меняли друг друга практически каждый год. После ухода кабинета Коидзуми в отставку в Японии с 2006 по 2012 г. сменилось шесть премьер-министров, что дало основание некоторым экспертам говорить о появлении в Японии синдрома «премьера вращающихся дверей», озабоченного сиюминутной целью выживаемости возглавляемого им кабинета.

Следует отметить также, что возвращению Синдзо Абэ на политический олимп в 2012 г. после пятилетнего перерыва предшествовал также провальный в глазах общественного мнения период власти ДПЯ 2009–2012 гг. Между тем японское общественное мнение, судя по опросам, не во всем бесспорно разделяет взгляды премьер-министра по вопросам конституции, политики в области военной безопасности, исторического прошлого. Однако Абэ показал недюжинную способность поддерживать высокий накал общественных ожиданий, действуя для этого возможности современных политтехнологий.

В арсенале Абэ — использование кратких и емких слоганов, которые стали визитной карточкой его кабинета. Следует отметить, что для японской политической культуры характерно широкое применение лозунгового стиля общения власти и общества, направленного на решение мобилизационных задач (например, лозунги эпохи Мэйдзи *фукоку кёхэй* «Богатая страна — сильная армия», *дацуа нюо* «Выйти из Азии и войти в Европу» и т.д.). Придя к власти, Абэ последовательно вводил в оборот такие девизы, как *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов», намек на все взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. Даже если

эти лозунги были абстрактными и допускали различные интерпретации, они позволяли создать видимость регулярного обновления им политической повестки дня. Такая тактика оказалась особенно эффективной в условиях накапливающегося разочарования итогами деятельности правительства, особенно в социально-экономической сфере.

Наиболее известным и раскрученным лозунгом, ставшим настоящим мемом в глобальных сетях и, по сути, визитной карточкой правления Абэ, стала «абэномика» — экономический курс правительства, нацеленный на стимулирование экономики путем масштабных инфраструктурных инвестиций, искусственное поддержание избытка денежных средств в банковской сфере (политика т.н. количественного смягчения), структурные реформы в управлении. Не случайно Абэ удалось успешно позиционировать выборы в палату советников 2016 г. как народный референдум именно по вопросу о курсе «абэномики», проводимом правительством на протяжении целого ряда лет.

Что касается наиболее острых вопросов конституции и политики в сфере национальной безопасности, по которым оппозиция располагает определенным не использованным пока резервом накопленного в японском обществе протестного потенциала, правительству Абэ удалось вывести их на периферию политической повестки дня и успокоить общественное мнение, представив дело так, что власть будет во всем учитывать мнение граждан и не станет предпринимать никаких шагов, противоречащих общественным ожиданиям. Благодаря медийным возможностям Абэ удалось также создать себе образ «спасителя» Японии, благодаря которому она избежала неприятных моментов, вызванных с глобализацией. Действительно, в стране практически отсутствуют конфликты, связанные с массовой иммиграцией, нет серьезных межэтнических и межконфессиональных противоречий, лучше, чем где бы то ни было в мире, ситуация в сфере общественного порядка. Не столкнулась Япония в полной мере и с проблемой терроризма. По сравнению с Европой в Японии существенно ниже уровень безработицы, лучше ситуация в социально-экономической сфере. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев, не обязательно относящихся к числу поклонников Абэ, возникает ощущение «благодарности» лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьере «было бы только хуже».

Большой проблемой для правящей партии в связи с руководством Синдзо Абэ явился серьезный управленческий кризис ЛДП. Многие наблюдатели указывают на то, что авторитарный стиль Абэ, который принимает многие важные политические решения единолично, не со-

ветуясь со своими коллегами, наносит большой ущерб как ЛДП, так и правительству в целом. В глаза бросается отсутствие внутрипартийных дискуссий, которые были характерной чертой правления ЛДП в период «системы 1955 г.». Это связано прежде всего с тем, что в партии утратили былое значение внутрипартийные фракции, представители которых в условиях существования средних избирательных округов вели между собой борьбу за депутатское кресло.

В период холодной войны плюрализм мнений и свобода дискуссий, упор на согласовательные методы и достижение консенсуса при принятии решений в ЛДП, очевидно, компенсировали издержки длительной монополии ее правления, противоречащей принципу регулярной сменяемости различных политических сил у власти. Не только теоретическая возможность, но и реальная перспектива провести своего кандидата на высший пост в партийной иерархии в соответствии с правилами «очереди во власть» давала фракциям «антиосновного течения» определенную политическую нишу внутри партии, позволявшую им оказывать действенное влияние на процесс принятия политических решений. Фракции традиционно имели реальные финансовые и организационные ресурсы для выставления своих кандидатов в округах и их карьерного продвижения в партийной иерархии. Фактическая автономия фракций гарантировала депутатам иммунитет от любых преследований за критику партийного руководства, включая отказ номинировать их кандидатуру на очередных выборах — ситуация, коренным образом отличающаяся от той, что сложилась в нынешней ЛДП. В результате политической реформы 1994 г. в каждом округе в парламент стал избираться только один кандидат, а прерогатива выдвижения кандидатов перешла к формальным партийным структурам. Это привело к тому, что фракции утратили изначальный смысл своего существования как организации самопомощи политиков для успешного проведения избирательных кампаний и переродились в «исследовательские организации», не имеющие реального права голоса в решении партийных дел.

Механизмы политического ранжирования в рамках «системы 1955 г.» гарантировали партийным меньшинствам учет их мнений даже при нахождении в лагере внутрипартийной оппозиции, что в свою очередь придавало дополнительный динамизм политическому процессу. Именно эта, даже весьма условная внутрипартийная демократия давала дополнительные гарантии от субъективизма в принятии решений, экстремизма в действиях и оценках политических лидеров. Ее наличие дарило избирателям надежды на обновление партии и вла-

сти, даже если руководство ЛДП своими действиями порождало у них чувство разочарования. В более автократической ЛДП середины 2010-х годов такие механизмы утратили свое бывшее значение. В отношении важнейших и наиболее резонансных законопроектов, поступающих на рассмотрение в Совет по политическим вопросам ЛДП, в партии не проводится практически никакого обсуждения, а готовое решение, в противоположность японской традиции консенсусной демократии, стало просто спускаться сверху вниз.

Можно предположить, что недопущение любой оппозиции в партийных рядах, которую неизбежно выявило бы начало внутрипартийных дискуссий, в том числе сопряженных с критикой действующего главы партии, связано в первую очередь с подспудным страхом перед возможным расколом партии, который в прошлом уже однажды привел ЛДП в оппозицию в 1993 г. Многие связывают сокрушительное поражение ЛДП на парламентских выборах 2009 г. с тем, что в партийных рядах отсутствовало единство, а тогдашний ее лидер Таро Асо подвергался острейшей критике изнутри. В результате отсутствия какой-либо самокритики внутри ЛДП ее депутаты утратили способность к самообучению, не занимаются разработкой политических альтернатив, предпочитая основную часть своего времени тратить на поддержание связи с избирателями в собственном округе.

ПЕРЕОСМЫСЛЯ ДОМИНАНТЫ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Неогруппизм и неопатримониализм

О политической культуре Японии в отечественной японистике уже накопилась целая библиотечка трудов¹. Истоки современной политической культуры Японии наши исследователи ищут в истории, в особенностях географического положения и климата страны. Они усматривают в этом уникальном социокультурном феномене такую ключевую черту, как терпимость, выкованную климатологическими условиями островного типа, которые позже обеспечили укоренение консервативных начал и инертного отношения к политической жизни. Действительно, сформировалась *«культура тайфунного типа»*: она постоянно претерпевает натиск штормов и ударов природных катаклизмов. Однако лишь только тайфун стихает, тьма рассеивается, вновь появляется солнце, и японцы, наподобие муравьев, берутся всем миром за обыденные труды, будто никаких встрясок не случилось.

В японских хрониках редко можно найти упоминания о тайфунах, землетрясениях и цунами. Это доказывает то, что японцы склонны воспринимать разрушительные природные катастрофы как вполне рутинные, т.е. повторяющиеся события, в которых нет ничего необычного. Восприятие бедствий, судя по постфукусимскому синдрому, и сейчас можно считать фаталистическим.

«Надо отдать должное японским властям и народу: восстановление было скорым по международным стандартам, — замечает лидер японской политической науки Иногути Такаси. — За исключением энергоблока “Фукусима-1” возрождение потерпевших районов северо-востока Японии выгодно отличалось от процессов в других районах,

разоренных природными катастрофами, включая Новый Орлеан после урагана “Катрин” или Сычуань после землетрясения»².

С учетом этого фактора становится более понятной природа японского группизма и того кодекса обходительности, который призван охранять спокойствие и нервную систему ближнего в условиях перенаселенности: японцы, как не раз подмечали социологи, столь же терпимо воспринимают потрясения в политике, как и природные аномалии.

В истории Японии было несколько потрясений, которые заложили фундамент современной политической культуры. Крупнейшая трансформация уклада жизни и законодательных норм в виде «реформ Тай-ка» VII–VIII вв., революция Мэйдзи, разгром в войне на Тихом океане, атомные бомбардировки и тяготы оккупации могли свергнуть в состояние перманентного постоперационного шока любую другую страну. Но Япония каждый раз возрождалась из пепла. Испытания заложили предпосылки для «японского экономического чуда». Может, терпимость и способность к регенерации — ключ к разгадке японского феномена? Или это и есть японская культурная доминанта³?

Еще один «конек», которого «оседлали» отечественные и зарубежные японоведы для истолкования феномена японского группизма, — это институт *из* (дом), на основе которого в эпоху *бакумацу* (1853–1867) сформировалась непротиворечивая и органичная для того времени система патримониальных социальных связей. Автор не избежал принадлежности к тому направлению мейнстрима, в котором со времен тотального увлечения теорией *ниходзинрон* группизм считался главной родовой чертой японской системы, происходящей из феномена *из*.

В некотором смысле этот феномен сравним с древнегреческим *полисом*, напоминавшим крепкое семейство, которое во внутреннем круге основано на взаимопомощи, а по отношению к внешнему кругу (соседям и пришельцам) — на подозрительности. С определенными оговорками такой социальный институт сравним также с кланом или с российской традиционной общиной. Подобную систему Макс Вебер называет патримониальной. В ней превалируют сильные связи между патроном и чиновниками, которые получают полномочия из рук «правителя» в виде личных привилегий, но в ответ платят ему личной преданностью.

Социально-экономический принцип, на который опирался группизм в прошлом, — это необходимость координировать усилия крестьян при создании сложных ирригационных систем (дамб, каналов, канавок и т.п.), обеспечивавших бесперебойную подачу воды на *та-*

нада — террасные рисовые поля. Подобные трудозатратные системы можно было соорудить и эксплуатировать исключительно усилиями сплоченных групп, что стало первоисточником формирования японского коллективистского мышления. В феодальной Японии прочность отношений между *даймё* и подданными определялись числом *коку* риса, и рис служил своего рода материальной скрепой патримониальной политической системы.

Сейчас, в эпоху деконструкции группизма и стремительного роста индивидуализма, в символической политике стран рисоводческой цивилизации мы можем видеть формы неопатримониализма, особых взаимоотношений между властью и индивидуумами. И в наши дни сохраняется ритуал посадки самого первого кустика риса собственноручно императором, дающий старт посевной кампании. Однако экологически чистое заливное террасное рисоводство деградирует из-за оттока молодежи в города и может скоро совсем исчезнуть. Защитники окружающей среды и традиций предлагают различные меры по сохранению традиций рисоводства путем привлечения молодежи, среди которых, например, уроки рисоводства в начальной и средней школе, чтобы подростки впредь могли подрабатывать во время уик-эндов на рисовых полях⁴.

Было бы некорректно говорить о патримониализме как примате государства над личностью в современной Японии. Неопатримониализм отличается от хрестоматийного веберовского патримониализма тем, что он подразумевает внешнее признание роли социокультурных ценностей, в частности индивидуализма, но подспудное следование патримониальным нормам. Смысл неопатримониализма в том, что сложился скорее конкордат, опирающийся на лояльность властям в обмен на патерналистскую заботу. Любой политик вынужден начинать карьеру как младший член той или иной политической группировки, подвластный капризам ее босса. Лояльное и преданное служение начальнику надлежит вознаграждать продвижением в политической карьере, а другие сценарии должностного роста считаются чуть ли не подрывом традиционных нравственных устоев. Сейчас, естественно, влияние традиционных карьерных механизмов едва заметно, талантливые люди имеют возможность пользоваться социальными лифтами. После Второй мировой войны взаимодействие политиков и чиновников все более трансформируется в симбиоз патримониальных представлений, отторгающих индивидуализм, но не отрицающих в политической среде бережного отношения к принципам верности и лояльности.

Современные исследования показывают, что японский группизм как константа — это нечто сродни мифу. Япония проходит сквозь чередование периодов господства коллективизма и индивидуализма. В качестве яркого примера доминирования индивидуализма можно привести жизнь и похождения Иккю Содзюн, буддийского монаха и поэта XVI в. «Многие из его стихотворений посвящены любви к монахине, — пишет Иноуги. — Эмоции и предпочтения, выраженные в его поэзии, определенно не содержат ни намека на коллективизм»⁵. Тут Иноуги, кажется, несколько спрямляет. Иккю, *enfant terrible* японского монашества, проповедовал не столько чувственную, греховную любовь, сколько «спасение в миру», возможность достичь просветления среди разгула страстей (есть даже термин «разгульный дзэн»), «недуальность сакрального и профанного, духовного и телесного»⁶. Абсолютно же прав Иноуги в том, что Иккю Содзюн — это и антипод группизма, и образец достижения человеческим духом запредельных индивидуалистических вершин. И вообще, по Иноуги, «период Средневековья и эпоха “сражающихся княжеств” были временем индивидуализма, так для самурая важнее всего было такое качество, как индивидуализм на основе личной чести и достоинства (*мэйэй гата кодзинсюги*)»⁷. Не менее красноречив анализ творческих мук индивидуалиста Нацумэ Сосэки, который «писал новеллы, посвященные переживаниям своего внутреннего “я”, — отмечает Иноуги. — Многие из его произведений, приобретших популярность в стране, которая становилась все более централизованной, получили название “повести о себе” (*I-novel*, 私小説)»⁸.

Кроме того, в качестве устойчиво нарастающей тенденции можно выделить феномен так называемой «персонализации политики»⁹. Ему присущи такие черты:

- 1) возрастание важности личных качеств политика;
- 2) упор на завлекающие фразы и лозунги, распространяемые через средства массовой информации и Интернет;
- 3) снижение роли партий как мобилизующей силы;
- 4) ослабление бюрократических институтов.

Иноуги Такаси замечает:

«Предпочтение старых социально-экономических сетей и ценностей коллективизма и авторитаризма все еще играет важную роль, однако постепенно предпочтения меняются»¹⁰.

Западная традиция недвусмысленно различает публичное и приватное пространства. В Японии такой водораздел чисто условен, сфера

личного порой толкуется как *сфера общих интересов*, а границы между публичным и приватным предельно подвижны, как перегородки *сёдзи* в традиционном японском жилище. (Планировка японского дома, как мы знаем, такова, что, скатывая *футон* и раздвигая *сёдзи*, любой член семьи движением пальцев превращает ночное приватное пространство в дневное общественное.) Но японцы все чаще предпочитают западную среду обитания, а в гостиницах появились комнаты *ваёсицу*, диковатый на первый взгляд, но функциональный гибрид японского и западного стиля.

Переосмыслить надо и стереотипные клише, сложившиеся в нашем японоведении в советскую эпоху о японском империализме и имперской политике. Японская имперскость имеет иной смысл, нежели на Западе. Исходя из определения, которое дает «Словарь» Л. И. Скворцова: империя — это «монархическое государство, во главе которого стоит император»¹¹, империей Япония именуется довольно условно. Японцы беспрекословно восприняли слово *emperor* как аналог японского патримониального властителя, хотя *тэнно* («Небесный правитель») в терминах властных полномочий — это при сёгунах носитель лишь символической власти, т.е. нечто иное в принципе, а сейчас — вообще «символ единства нации», нечто декоративное и полностью лишенное реальных рычагов влияния на политику. Если же империя — это «крупная империалистическая колониальная держава с ее владениями»¹², то собственно имперская политика насаждалась штыками императорской армии только в конце 1930-х и первой половине 1940-х годов... Часто с помощью слов мы приписываем японскому феномену те коннотации, которые нам привычны в европоцентричной системе координат.

Гармония и потребность в ответной реакции

Еще одной канонической доминантой японской политической культуры после группизма принято считать принцип *ва*, сформулированный в «Конституции 17 статей», авторство которой приписывают принцу Сётоку Тайси (574–622). Считается, что *ва* (гармония, мир, спокойствие) — это, с одной стороны, «мягкий стиль» принятия решений, предотвращающий распад существующего порядка. С другой стороны, *ва* координирует взаимодействие индивидов и институтов, ставит социальные отношения на прочный фундамент терпимости, вежливости и доброжелательства. Любым способом достичь согласованности и консенсуса — это категорический императив принципа *ва*. Можно урезонивать друг друга, идти на взаимные уступки — но все это

до тех пор, пока стороны не придут к согласию, что социологи образно называют «деревенским сходом» (*мура-но ёриаи*). Политическая культура Японии, несомненно, ставит согласие выше соперничества. Люди как бы обязаны блюсти некий кодекс моральных норм, чтобы охранять *ва* (вспомните пословицу «Не тревожь *ва*»). Неопределенность, «политика страха» в наше время значительно надломили принцип гармонии. Однако все говорит о том, что нарушения гармонии, обострения спора по-прежнему чужды японцам¹³.

Гармония во взаимодействии личностей в японском способе коммуникации, в том числе политической, как мы много раз читали и слышали, достигается путем практического применения принципа *амазэ* (зависимости от эмоциональной благосклонности других). Любой иностранный специалист, который провел часть жизни в Японии, особенно японоведа, неизбежно сталкивался с ситуациями, когда японцы, иногда гипертрофированно (в западном понимании), выказывали ему особое расположение или стремление оказать услугу, ожидая, порой стыдливо и трепетно, но совершенно ненастойчиво, получить реакцию в том же эмоциональном ключе.

В ходе международных переговоров японские контрагенты, как правило, детально живописуют переживаемые их страной трудности, полагая, что другая сторона — если не сочувственно, то во всяком случае с пониманием отнесется к этим обстоятельствам, и обыкновенно ощущают фрустрацию, если сталкиваются с эгоистической реакцией. Но сейчас японский дискурс много жестче, чем раньше.

Принцип *амазэ* всегда считался неотъемлемой частью смыслового ядра теорий о японской уникальности — *нихондзинрон*, которые на наших глазах прошли через все стадии дискурса — от восторженного восхваления «особой тонкости японской культуры» до полновесной и беспощадной критики. Появилась своего рода бесконечная сага, научно-популярная литература о японской исключительности, — немереное число книг и десятки тысяч статей. На пике популярности «теорий о японцах», например в 1977 г., вышло в пять раз больше книг, чем в 1960-м, а этот феномен стал практически частью поп-культуры. Сейчас мы имеем дело с отголосками былого дискурса (хотя сама модель личностной *амазэ*-коммуникации никем не отменялась и в определенных контекстах действует).

Идет энергичный переход Японии на прагматические принципы более жесткой политической коммуникации с внешним миром. Как следует из опросов, в меняющейся Японии в ногу со временем идет закрепление индивидуализма, эгоизма и рационализма.

Пространство и время в японской политической культуре

Представления о пространстве и времени — фундамент политической культуры Японии. Точнее, к японскому политическому сознанию больше применимы термины феноменологии «пространственность» (*кукансэй*) и «темпоральность» (*дзикансэй*), которые лучше вписываются в тезаурус постмодернизма. Япония представляет собой интереснейший предмет для феноменологов, демонстрируя беспримерную продвинутость в постмодернизационном¹⁴ развитии. По словам видного исследователя модернизации В. Г. Федотовой,

«пока еще нет ни одного, вошедшего в постсовременность, общества. Япония наиболее близкий пример, но многие в Японии хотели бы решить некоторые задачи модернизации уже, так сказать, после модернизации. Если они этого не сделают, Япония будет удаляться от современности, если сделают — приближаться к ней»¹⁵.

Что касается времени, то японцы воспринимают его как нечто субъективное, изменчивое, способное ускоряться или замедляться, разбегающееся, как капельки ртути, подвижное, ускользающее, зыбкое и текучее (вспомним гравюры *укиё-э* — «картины плавающего мира»). Великий философ Вацудзи Тэцуро настаивал, что «не человек существует во времени, но, напротив, время возникает из человеческого существования»¹⁶. Упомянем британского социолога польского происхождения Зигмунта Баумана, создателя постмодернистского понятия текучести, в котором отсутствует постоянная имманентная сущность. Помимо «текучей модерности» З. Бауман ввел понятие «текущий страх», который трудно преодолеть и локализовать. Он иллюстрирует состояние сознания, охваченного страхом, метафорой, вполне уместной для характеристики психологической травмы японского общества в период кризиса:

«Представьте, что вы находитесь в небе в самолете и в какой-то момент замечаете, что кабина пилота пуста, а успокаивающие речи — не более чем когда-то давно сделанная запись. Вдобавок вы узнаете, что аэропорт, где вы надеялись приземлиться, еще не только не построен, но даже заявка на его строительство застряла в офисе какого-то учреждения»¹⁷.

Страх перед непредвиденным развитием событий присутствует в большей или меньшей мере во всех культурах. Но именно в Японии стабильность и определенность считаются исключительно важными ценностями. Жители Японских островов в более выраженной степени опасаются нестабильности и неожиданных поворотов событий, чем,

скажем, американцы, порой откровенно скучающие от отсутствия перемен. Японцам же нужно оставаться в рамках привычного, а боязнь потерять лицо фрустрирует их и на индивидуальном уровне, и на уровне институтов, с которыми они себя аффилируют.

Такова и японская политика — внутренняя и внешняя — зыбкая, колеблющаяся, подвижная, гибкая, склонная к поискам компромиссов. Иногути Такаси ставит диагноз:

«Все, что ощущается как проволоочки и неспособность принять быстро и эффективно ответственное решение, было значительным фактором в неуклонном снижении рейтингов популярности [политических деятелей и институтов]. *Кимэраэнай сэйдзи* (нерешительная политика) — это одно из выражений, используемых для характеристики японской политики»¹⁸.

Контент-анализ японских медиаресурсов показывает, что выражение «нерешительная политика» стало регулярно использоваться СМИ с 2008 г.¹⁹

Пространство («здесь») обычно воспринималось японцами как нечто константное, прочное, опорное. Именно феномен пространства ставит человека в понятный и стабильный контекст и определяет имманентную черту бытия (пространство Японского архипелага ограничено береговой линией — в отличие от ничем не ограниченного течения времени).

В европейской культуре дискуссия о примате пространства принесла известность такому классическому феноменологии, как Эдмунд Гуссерль. Если совершить скачок в наше время, то прежде всего внимания заслуживает теория Зигмунда Баумана, которая прекрасно описывает дистанцию между внутренним и внешним кругами (*ути* и *сото*):

«Близко, — пишет он, — это пространство, внутри которого человек чувствует себя “как дома”, пространство, где он редко, если вообще когда-либо, испытывает неуверенность, не знает, что говорить и делать. С другой стороны, “далеко” — это пространство, где человек оказывается от случая к случаю или не оказывается никогда, где происходят вещи, которые он не способен предвидеть или понять, и не знает, как ему реагировать на происходящее, пространство, содержащее такое, о чем он мало что знает, от которого он мало чего ждет и которое его не волнует»²⁰.

Пространственность — это принцип построения каркаса японского вертикального общества. *Айдагара* — пространственный промежуток (дистанция) между «я» и «другим», причем каждый знает свое место. Пространственная терминология вскрывает взаимосвязь и еди-

нение человека со средой предельно рельефно, если этимологически проанализировать состав слова *нингэн* (человек), отражающий дихотомию личности, которая сразу индивидуальна и социальна. Первый иероглиф — *нин* (собственно «человек») — персонифицирует индивидуальный характер, второй — *гэн*, или *айда* («между») — отражает пространственную взаимоположенность, или сферу взаимодействия, индивидов. У социопсихолога Кимура Бин *айдагара* выглядит как *хито то хито-но айда* (взаимоположенность одного индивида по отношению к другому). Разумеется, это не просто отношения между двумя индивидами, а оппозиция «я» и «ты», «я» и «не-я». Кимура объясняет феномен «между человеком и человеком» как

«нечто, не связанное только с конкретными физически существующим человеком... Точно так же, как энергия и сила мыслятся как существующие в космосе повсеместно, это “нечто” должно представляться как существующее везде и в любое время. Можно сказать, что оно возникло с появлением человека или скорее еще до его появления и продолжает свое существование непрерывно»²¹.

Иначе говоря, это «коэффициент близости и дистанции», который определяет стабильность иерархии в отношениях, их понятность и зависимость от контекста. Будучи частью пространственности, хито то хито-но айда в определенном смысле — некий мостик к темпоральности, т.е. к гибкости, адаптивности, позволяющим выходить из трудных положений в рамках пространственного «каркаса».

Применяя пространственные концепты *ути* и *сото*, японское общество контролирует дистанцию между индивидами и группами, сохраняя стабильность, в том числе и в политической сфере. Если в старой Японии индивид нарушал принцип *ва*, чрезмерно «выделялся» на фоне группы, то подвергался остракизму вплоть до выдавливания из общины (*мурахатибу*). Японские институты склонны всеми способами ограждать себя от аутсайдеров и вытеснять их из *ути* («шляпка гвоздя не должна торчать»). Правило *тисоку амбун* («знать свое место и держаться в рамках своего статуса») несколько веков обеспечивало гармонию в отношениях и управляемость общества. Многие талантливые японские интеллектуалы и творцы были вынуждены покинуть страну и искать признания за рубежом (на ум приходит имя в буквальном смысле выдающегося музыканта Одзава Сэйдзи, главного дирижера Венской оперы, который не смог найти общего языка с японскими оркестрами). Только в самом конце XX в. норма социальной нивелировки стала исподволь, мало-помалу вытесняться.

Границы между «мы»-группой и «они»-группой диктуют иерархию контекстов отношения в зависимости от круга коммуникации. Подобных концентрических кругов бывает, как правило, несколько (семья — компания — друзья и знакомые — японцы — все остальные). Граница между последними двумя кругами порой особенно трудно проницаема. Японцы проецируют свои хронотопы на отношения с другими странами, что придает иерархичность японским симпатиям/антипатиям в международных отношениях и определяет приоритеты внешней политики.

Пространственные оценки накладывают отпечаток на все стороны жизни и отражаются даже в лексическом строе японского языка. Несмотря на то что язык представляет собой чрезвычайно подвижную и гибкую систему, тем не менее в японском языке упорно сохраняются не только архаизмы, но и сам логический строй дискурсивных связей. Один из характерных примеров — стремление японцев избегать личных местоимений первого и второго лица.

Что касается личного местоимения первого лица, то, по мнению ряда лингвистов, слово *ватакуси* («я» в том же смысле, как и в европейских языках) вошло в широкое употребление в ходе проникновения европейских принципов индивидуализма в эпоху *бакумацу*. В смысле «я» широко применяют местоимение *дзибун*, которое обозначает буквально «моя часть», «моя доля», а это значит, что «партитивная личность» рассматривает себя как часть, доля определенного коллектива, ограниченного пространства, которые делятся на какое-то количество составляющих. Подобный коннотационный акцент прямо антагонистичен восприятию личности на Западе, лексическим «сгустком» которого можно считать слово «индивид» (*in-divide*, буквально — *неделимый*). Ощущение себя частицей своей референтной группы, своей нации у японцев выступает в форме конвенциональной культурной доминанты.

Не менее показательно то, что, несмотря на существование в японском языке нескольких слов для обозначения «я», выражающих различные ролевые функции, японцы предпочитают обходиться безличными конструкциями. Это свидетельствует о том, что в языке отсутствует «я» в европейском понимании и что всякое употребление «я» диктуется определенным контекстом. Вероятно, правы те социологи, которые видят в этом симптом некоторой вторичности, «условности» самой личности, старающейся не обмануть ожиданий первичной окружающей среды. Опять отсутствует константа, точнее, именно изменчивость представляется японцам некой константной «текущей трансформацией». Японская политическая культура, вспомним, в вы-

сокой степени контекстуальна, т.е. всецело зависит от контекста ситуации, который в принципе сам весьма изменчив.

Японские психолингвисты отмечают, что обращение с употреблением личных местоимений второго лица («ты», «вы») представляет собой как бы вторжение в личное пространство человека, находящегося в гармонии с окружением, и «личные местоимения второго лица не применяются с целью избежать конфликтной атмосферы, создающейся суровой тональностью»²². Иными словами, в иерархии степеней учтивости самым невежливым считается прямое использование местоимения второго лица («ты», «вы»), равно как и указательные местоимения («вон тот»); чуть более корректно обращение по фамилии («Того-сан»). Еще более вежливо обращаться с указанием профессии (например, «Сэнсэй!» — «Учитель!»; «Тайсу!» — «Г-н посол!»), а самым учтивым было бы вообще опустить указание на собеседника, как бы не выделяя его из общего пространства (非明示). Некий отголосок этого чувствуется в куртуазной манере обращения в третьем лице в европейской культуре: «Чего изволит его величество?», «А что об этом думает господин министр?». Но в японской политической культуре подобные вещи обретают куда более глубокий смысл, о чем порой забывают иностранные, особенно американские, переговорщики, часто прямоотой и бесцеремонностью шокирующие японцев, предпочитающих обращение не к персоне, а к условному контексту.

Если в западной политической культуре доминирует коммуникация между индивидами, то в японской — между контекстуалами. В японской культуре все максимы гибки и контекстуальны, резко контрастируя с кантовским категорическим императивом. Если индивид адекватно воспринимает контекст ситуации и свое место в иерархии, он испытывает психологический комфорт.

На Западе этика основана на морали и черпает нормы из источника, которой находится вовне. Этика японцев интравертна и направлена на самопостижение и самосовершенствование личности, которая самостоятельно должна выявить в себе основания для правильного, морально безупречного решения. Японское восприятие рассчитано на внутреннее понимание, а западный стиль — это активное действие, направленное вовне. Японцу важно вписаться в контекст, а жителю Запада — переломить его. Как ни парадоксально, при этом японцы, конечно, прагматики, поскольку, с их точки зрения, нет ни абсолютного зла, ни абсолютного добра, а есть переменчивый контекст.

Не случаен и недолговременный прагматизм в политическом поведении японцев и, вопреки расхожему мнению о «тонкости японской души», их нежелание предаваться метафизическим спекулятивным

рефлексиям. Для них не может быть навек заданных законов и правил, наоборот, нормы трансформируются, подчиняясь контексту. Точно так же японцы демонстрируют виртуозность в краткосрочном планировании, но не склонны к составлению продолжительных планов и прогнозов²³. В области практической политики это проявляется в кажущемся отсутствии внятной стратегической линии, в том, что японцы отдают предпочтение политике лавирования.

Доверие как относительная ценность

Для японца «презумпция доверия» — это часть его идентичности и залог гармоничного сосуществования, производный от концепта *ва*.

Возьмем, к примеру, диады «ученик—учитель» или, скажем, «адвокат—клиент» в контексте доверия между ними. *Сэнсэй* (учитель, воспитатель, врач) обязан действовать максимально в интересах ученика (подзащитного, пациента), а тот, со своей стороны, — максимально полагаться на *сэнсэя*. На Западе преподаватель, защитник или врач обязаны растолковать возможности, а право обучаемого, клиента — принять или отклонить их.

Тем не менее такой авторитет в политологии, как Иноугути Такаси, категорически отрицает, что доверие — основа японской политической культуры, ссылаясь при этом на опросы общественного мнения. Уровень межличностного доверия действительно высок сравнительно с другими странами, а вот доверие к институтам, считает Иноугути, крайне невысоко:

«Самым низким уровнем доверия у японцев пользуются демократические институты — политические партии и законодательные органы. Такая модель распределения доверия более-менее универсальна»²⁴.

В Японии с древних времен законы не считались чем-то абсолютным. На Западе законы существуют вне зависимости от общества, они как бы принесены извне. В японском менталитете — в отличие от западного — кодексы всегда были своего рода формальностью и отличались гораздо большей контекстуальностью и гибкостью, чем в большинстве зарубежных стран, и это неизбежно оставляет большой простор для того, чтобы чиновники их произвольно интерпретировали. Справедливость искони почиталась выше, чем соблюдение формальных предписаний. Даже в заключаемых контрактах японцы не всегда внятно прописывают все условия, так как ожидают друг от друга гибкости в случае форс-мажора. В контрактах японцам куда ценнее дух, а не буква²⁵.

Законы, согласно японской психологии, незыблемы лишь тогда, когда они «правильны», и тогда, когда власти сами дают пример их неукоснительного соблюдения (некоторые социологи подмечают схожую черту в российской культуре). Но в целом, безусловно, японцы в высшей степени законопослушны.

Механизмы принятия решений

Специфику японской политической культуры замечаем и в процедурах принятия политических решений: в Японии в гораздо большей степени, чем на Западе, характерные контексты заблаговременно как бы согласованы и выступают в качестве конвенциональной нормы, некоего изначального стандарта. Разного рода тотемы и табу — неизбежные спутники процессов, связанных с принятием политических решений. Скажем, ведомствами готовится проект решения путем его согласования между подразделениями. Решения, как правило, не являются юридически обязывающими, далеко не всегда они облекаются в форму законов или политических директив. Как правило, индивидум сам интерпретирует решения, но при этом он «самопроизвольно» отдает предпочтение такому толкованию, которое согласовано в ходе консультаций инициативной группы. Процесс этот несколько громоздкий. Но раз уж решение принято, механизм срабатывает в конце концов довольно результативно. Японский алгоритм выработки политических решений опирается на согласованность субъективных оценок членов референтной группы²⁶.

Японские модели восприятия более ситуационны, чем западные. Тем самым они менее умозрительны и потому более конкретны и приближены к жизни. Если на Западе цели задаются заблаговременно и механизмы запрограммированы на достижение этих целей, то японские структуры много эластичнее. Цели порой не задаются извне, а спонтанно корректируются *ad hoc* — «на марше», внутри системы. Мышление японцев отличается ситуативностью и приспособляемостью. Очевидно, в этом одна из причин того, что японская политическая культура способна гармонично переплести разнородные элементы.

Контурные институциональной системы Японии²⁷

Расхожая точка зрения утверждает, что политическая культура антипод политических институтов. Но любой грамотный политолог не сомневается в том, что институты и политическая культура — это две стороны одной медали. Как пишет Ричард Уилсон,

«верования и ценности, которые поддерживают какие-либо институциональные преобразования таким образом, что это уменьшает транзакционные издержки, являются существенным компонентом того, что я определяю как политическая культура»²⁸.

Приведем и классическое определение из знаменитой книги «Насилие и социальные порядки»:

«Институты — это правила игры... структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средствах принуждения к исполнению этих правил и норм»²⁹.

Эрозия традиций политической культуры Японии под прессингом глоболизирующегося медиапространства подтачивает окостенелую иерархию смыслов и ценностей, когда расстраивается собственная, «домашняя» система связей. Возникает угроза перемены идентичности: японцы чувствовали себя благополучной экономической нацией, и неожиданно «японская уникальность» была объявлена мифом. И снова подключаются социально-психологические механизмы, которые не раз эффективно обеспечивали адаптацию заимствований из разных культур к политической культуре Японии и согласование идеалов групповой солидарности и индивидуальной свободы. Тут уместно еще раз процитировать Иноуги Такаси:

«В каком-то смысле японская культура подобна губке, которая, поглощая различные стимулы из внешней среды, сама меняется под их воздействием»³⁰.

Многие японцы ностальгируют по атмосфере взаимозависимости, позволяющей намереком достигнуть соглашения, хотели бы вернуться к законам, поддающимся расширительной интерпретации. И здесь явно обнаруживается *гибридность* системы. Соединение традиционных методов разрешения проблем с западными демократическими процедурами рождает своеобразного, но довольно органичного политического «тяни-толкая». На фоне внешней ломки стереотипов «японская политическая система успешно управляется конфуцианскими патриархальными нормами»³¹.

Чрезвычайно показателен феномен, который Иноуги называет «квазифедерализмом». Он восходит к эпохе *бакумацу*, когда страна представляла собой конгломерат из трехсот обладающих определенной самостоятельностью княжеств, каждое со своей автономной внутрен-

ней политикой. При этом центральное правительство сёгунов Токугава взяло на себя функции обороны, дипломатических отношений и внешней торговли. Интересно то, что и в последующем

«на высшем уровне центрального правительства власть была фрагментирована и децентрализована, — подмечает Иногути. — Однако каждая бюрократическая структура выстраивала централизованную вертикаль власти, доходящую до самого низового уровня... К примеру, армейская верхушка в значительной мере состояла из уроженцев княжества Тёсю, а руководство флота — княжества Сацума. Полицейское управление во многом составили бывшие самураи из провинции Хиго и замка Айдзу-Вакамацу, а финансовое — из княжества Хидзэн»³².

Пожалуй, и сейчас можно увидеть черты этого «квазифедеративного устройства» японских институтов: в системе центральной власти, выполняющей функцию координатора, каждое министерство, каждый бюрократический орган обладает автономией, а его глава подбирает себе сотрудников по жесткому принципу современной клановости, например выходцев из своей префектуры или выпускников своего университета (*гакубацу*).

Симфония централизации и автономии, традиционализма и инноваций базируется на том, что фасад политической системы на макроуровне подвергся модернизации, а структуры на микроуровне, т.е. внутри малых групп, застыли в доктринальном виде, копируя чуть ли не средневековые паттерны³³.

В Японии находим два канала легитимации верховной власти. С одной стороны, это канал западного типа, регулируемый демократическими процедурами. Параллельно в органической связи, но автономно, действует другой канал — традиционный, отчасти сакральный в лице династической традиции, а рудименты конфуцианства легитимизируют его. Однако на деле ныне действующая конституция заменила суверенитет императора суверенитетом народа; монарх, «символ государства и единства нации»³⁴, исполняет лишь церемониальные функции, еще более символические, чем у британской королевы. Но, по всем опросам общественного мнения, японцы довольны сохранением «хризантемового трона», а многие «испытывают благоговение» по отношению к институту монархии.

Примечательная черта политической культуры Японии заключается в том, что японцы живут в интенсивном политическом поле — или проводят предвыборные кампании, или выбирают, или находятся в ожидании выборов (в случае роспуска нижней палаты распускается и верхняя, после чего должны проводиться новые выборы). Однако бурное полити-

ческое кипение сродни иллюзии: с 1955 г. почти 60 лет у власти (с двумя краткими промежутками) находится (или играет ведущую роль в правящей коалиции) Либерально-демократическая партия (ЛДП). В этом весь консерватизм японцев. И еще любопытная черта конституции Японии — не было ни одной поправки с момента ее принятия.

Японский парламентский механизм может преодолевать вето, наложенное на законопроект верхней палатой, с помощью повторного голосования в нижней палате, где достаточно собрать две трети голосов присутствующих членов палаты представителей. Но порой политики предпочитают вместо этого прибегнуть к процедурам согласования — ведь японцы мастерски умеют и сызмальства приучены достигать компромиссных решений путем «увязывания корней» (*нэмаваси*).

Иноуги Такаси, проанализировав деятельность и идеологию японской консервативной элиты на примере двух десятков премьер-министров, дал образную типологию японской версии демократии, выделения в японском политическом ландшафте «демократию *караоке*» и «демократию *кабуки*». «Демократия *караоке*» в его трактовке значит, что «исполнители» (политические акторы) постоянно сменяют друг друга, а «мелодия» (политический курс) остается постоянной, как заезженная пластинка. Политики, проводящие этот курс, на удивление безлики, они просто автоматически повторяют одну и ту же «песню». «Демократия *кабуки*» опирается на культурные доминанты разновидности театра, которая возникла в XVII в.: «*Кабуки* в своей современной форме — волнующее действо, драматическое шоу и экстравагантность, не для узкой элиты, а для *hoi polloi* (οἱ πολλοί, «многих». — *Прим. авт.*). В демократии *кабуки* политические лидеры вносят в свою роль на национальной политической сцене персонализм и эмоции»³⁵. К таким лидерам Иноуги причисляет, к примеру, Коидзуми Дзюньитиро (2001–2006), который ниспроверг стереотипное мнение о патологической неспособности японских премьеров принимать смелые решения и заслужил репутацию экстравагантного политика, умело выстраивавшего драматургию своего политического спектакля. Сейчас, утверждает Иноуги, государство нуждается в самостоятельных политиках, а не в политиках-функциях. Нынешнего премьер-министра Абэ Синдзо, судя по методологии оценок, ученый считает сильным лидером, который может принимать независимые решения³⁶.

Политическая культура Японии органично сцементировала традицию и модерн. Они столь тесно переплелись между собой, что возник термин «гибридизация» (*дзассюсэй*), а гибрид нельзя разъединить. Тем не менее динамика баланса социально-политической традиции и актуальной реальности — одна из ключевых проблем японского социума, которая пока что не нашла решения. Общество постоянно воссозда-

ет довольно эффективный и подвижный синтез модерна, постмодерна и «японского духа». Мы можем приблизиться к разгадке «японского феномена», если будем рассматривать его с политико-феноменологической, а не сущностной точки зрения (феноменологический подход ближе «японской душе», нежели онтологический). Главное для отечественного японоведения — окончательно отказаться от некоторых привычных клише, которые остались от прошлой эпохи, и заново, без идеологических пристрастий постигать удивительный «японский феномен».

Примечания

¹ В далеко не полном списке — такие работы, как: *Стрельцов Д. В.* Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002; *Он же.* Государственное регулирование в Японии и США: тенденции и перспективы // Япония и современный мировой порядок. М., 2002. С. 65–81; *Он же.* Японская демократия // Япония без предвзятости. М., 2003. С. 91–104; *Саркисов К. О.* Японский тип государства // Японский феномен. М., 1996. С. 84–102.

Внес свою лепту и автор главы в таких работах, как: *Чугров С. В.* Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010; *Он же.* Политическая культура Японии // Политическая система современной Японии / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013; *Он же.* Некоторые особенности политической культуры и политического устройства Японии // Сравнительная политология / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: МГИМО-Университет, 2014. Здесь использованы некоторые идеи, высказанные автором в указанных работах. Вместе с тем материал был фундаментально обновлен, многие позиции принципиально уточнены, а некоторые постулаты кардинально пересмотрены.

² *Inoguchi Takashi.* Japan and Russia: Domestic Politics and Foreign Policy. Introduction // Japanese and Russian Politics: Absolutely Different or Something in Common? / Ed. by Takashi Inoguchi. Washington, D.C.: Palgrave-Macmillan, 2015. P. 19.

³ Согласно дефиниции «Русско-английского словаря социологических терминов» под ред. С. А. Кравченко: «Доминанта культурная — *dominant, cultural* — по Ф. Джеймисону — “силовое поле”, в котором функционируют “совершенно различные виды культурных импульсов” при очевидном доминировании собственно постмодернистской культуры. — Литература: *Jameson F.* Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991».

⁴ Нихон-но суйдэн инасаку тэйки-суру сёмоднай (Проблемы возрождения заливного рисоводства в Японии) // Кокусай Нихон гаку. Кэнкю сэйка хококу сю. № 14) (Международное японоведение. Сборник докладов научно-исследовательских результатов. № 14). Токио: Хосэй дайгаку Кокусай Нихон гаку кэнкюдзё (Институт международного японоведения Университета Хосэй), 2017. С. 203–216.

- ⁵ *Иногути Такаси*. Сэйдзи рирон (Политическая теория). Токио: Минерва, 2015. С. 164–165.
- ⁶ *Штейнер Е. С.* Иккю Содзюн. М.: Восточная литература, 1987. С. 49.
- ⁷ *Иногути Такаси*. Сэйдзи рирон (Политическая теория). Токио: Минерва, 2015. С. 164–165.
- ⁸ Там же. С. 166.
- ⁹ *Inoguchi Takashi*. The Asia Barometer Survey Questionnaire of 2006 // Japanese Journal of Political Science. 2007. Vol. 8. Pt 3 (December). P. 427–453.
- ¹⁰ *Иногути Такаси*. Сэйдзи рирон (Политическая теория). Токио: Минерва, 2015. С. 165.
- ¹¹ *Скворцов Л. И.* Большой толково-объяснительный словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2017. С. 809.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Умэхара Т., Уэда М.* «Нихон» то ю куни: рэкиси то нингэн-но сайхаккэн (Страна, называемая «Япония»: новый взгляд на историю и человека). Токио: Иванами сётэн, 2001. С. 166.
- ¹⁴ Из множества дефиниций постмодернизма выберем одно из образных — «аисторическое восстание без героев против слепого инновационного информационного общества» (Ч. Ньюмен). Эпоху постмодерна порой определяют как «эпоху “ничто”», как «постэпоху» (*post-age*). Такой принцип постмодерна, как отказ от линейного типа детерминизма, всегда был присущ японцам, склонным к модальности и релятивизму.
- ¹⁵ *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. С. 72 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://viperson.ru/data/200509/modernizofothereurope.doc> (дата обращения 22.12.2016).
- ¹⁶ *Вацудзи Тэцуро*. Ринригаку (Этика) // Вацудзи Тэцуро дзэнсю (Полное собрание сочинений Вацудзи Тэцуро). Токио, 1962. Т. 10. С. 199.
- ¹⁷ *Бауман З.* Текучая современность и текущий страх: взгляд из 2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gazetaprotestant.ru/2012/01/tekuchaya-modernost-i-tekuchij-strax-vzglyad-iz-2011-goda/>.
- ¹⁸ *Inoguchi Takashi*. Japan and Russia: Domestic Politics and Foreign Policy. Introduction // Japanese and Russian Politics: Absolutely Different or Something in Common? / Ed. by Takashi Inoguchi. Washington, D.C.: Palgrave-Macmillan, 2015. P. 19.
- ¹⁹ Нихон кэйдзай симбун. 23.09.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nikkei.com/article/DGXNASFS21024_R20C12A9SHA000/ (проверено 16.09.2017).
- ²⁰ *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества М.: Весь Мир, 2004. С. 27.
- ²¹ *Кимура Бин*. Хито то хито-но айда (Между человеком и человеком). Токио, 1972. С. 15–16.
- ²² *Итоно Мика*. Pourquoi ne dit-on pas le pronom personnel à la deuxième personne en japonais // Кокусай Нихон гаку. Кэнкю сэйка хококу сю. № 14 (Международное японоведение: Сборник докладов научно-исследовательских

результатов. № 14). Токио: Хосэй дайгаку Кокусай Нихон гаку кэнкюдзё (Институт международного японоведения Университета Хосэй), 2017. С. 109.

²³ Оцука К. Нихон-но сэйдзи бунка (Политическая культура Японии). Токио: Иванами сётэн, 2008. С. 251.

²⁴ Иногучи Такаси. Сэйдзи рирон (Политическая теория). Токио: Минерва, 2015. С. 174.

²⁵ Подробнее см.: Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. С. 117.

²⁶ Подробнее см.: Стрельцов Д. В. Элементы традиционализма в системе принятия решений правительственными органами // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000. С. 79–101.

²⁷ Эта составляющая японской политической культуры неплохо изучена отечественными исследователями. Поэтому отсылаем читателя к детальному анализу институтов в книге: Политическая система современной Японии / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2013.

²⁸ Wilson R. Compliance Ideologies. Rethinking Political Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 18.

²⁹ Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 58–59.

³⁰ Иногучи Такаси. Сэйдзи рирон (Политическая теория). Токио: Минерва, 2015. С. 168.

³¹ Myers D. Nine Myths about Contemporary Japan // Japan at the Crossroads. Hot Issues for the 21st Century. Nagoya, 1998. P. 142.

³² Иногучи Такаси. Сэйдзи рирон (Политическая теория). Токио: Минерва, 2015. С. 168.

³³ См.: Сергеев В. М. Демократия как переговорный процесс. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.democracy.ru/curious/democracy/book_sergeev/page12.html (проверено 18.01.2017).

³⁴ Нихонкоку кэмпо (Конституция Японии) // Канхо (Официальная информация). 09.1946–04.1947. Токио: Тайкуся, 1993. Гл. 1. Ст. 1. С. 3. Официальный перевод: Конституция Японии. Конституции государств Азии. Т. 3 / Под ред. Т. Я. Хабаровой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма, 2010. С. 1013–1037.

³⁵ Inoguchi T. Japan's Foreign Policy Line after the Cold War // The Troubled Triangle. Economic and Security Concerns for the United States, Japan, and China / Ed. by T. Inoguchi, G. J. Ikenberry. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 35–62. URL: http://dx.doi.org/10.1057/9781137316851_3.

³⁶ Inoguchi T. "Political Theory" // International Encyclopedia of Political Science. Vol. 6. L.: Sage, 2011. P. 2050–2063; Inoguchi T. Political Parties and Democracy // Contemporary Western Europe and Asia / Ed. by T. Inoguchi, J. Blondel. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137277206>.

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Внешняя политика Японии вызывает непреходящий интерес у историков и политологов. Между тем рассмотрение японского феномена через призму одного теоретического подхода не позволяет составить полную картину формирования послевоенного политического курса государства и получить ответ на вопрос, почему долгие годы Япония предпочитала следовать определенной модели внешнеполитического поведения.

В настоящее время Япония занимает третье место в мире по размерам ВВП (в 2016 г. он составил 4,939 трлн долл.¹), является вторым после США по величине донором в ООН и МВФ, а также одним из лидеров по объемам предоставления официальной помощи развитию (ОПР). Ее силы самообороны оснащены по последнему слову техники, и она обладает возможностями в течение нескольких лет создать собственное ядерное оружие. При желании Япония могла бы стать крупнейшей военной державой в регионе, однако, несмотря на свою впечатляющую экономическую, политическую и военную мощь, Япония долгое время предпочитала вести себя пассивно на международной арене.

Особенности формирования японской внешней политики

Внешняя политика Японии неразрывно связана с особенностями ее географического положения и природных условий, а также с отличительными чертами национального мышления и поведения, которые определяют восприятие тех или иных событий и выработку политических решений. Вследствие островного положения Япония в некотором смысле оторвана от процессов сохранения безопасности на материке, что может породить тенденцию к изоляционизму во внешней полити-

ке, однако ее интересы не может не затрагивать складывающийся там баланс сил. Для Токио могут быть предпочтительнее ситуации, когда континентальные соседи разобщены между собой, однако может представлять опасность положение, при котором одна держава доминирует в регионе. Эта логика лежит в основе реалистских представлений в регионе, а в Восточной Азии региональные отношения ближе к реалистской модели, чем к модели сообщества безопасности².

Поскольку Япония — густонаселенный остров, бедный природными ресурсами, одной из важнейших задач ее дипломатии является обеспечение условий для бесперебойных поставок сырья и товаров, безопасности торговых коммуникаций. Зависимость от внешних факторов также предопределяет стремление к минимальным рискам в международных отношениях, поддержанию хороших или нейтральных отношений со странами, богатыми природными ресурсами. Япония позиционирует себя как «торговая нация», что объясняет важность сохранения отношений с важнейшими экспортёрами сырья, прежде всего, энергоресурсов.

Исторический аспект

Обращение к истории позволяет говорить о существовании некоторых закономерностей во внешнеполитическом поведении Японии. В его основе всегда лежало стремление проводить политику следования за сильным, за наиболее влиятельной державой в регионе, а затем и в мире. Со времени образования государства Ямато его внешняя политика была интегрирована в китаецентричный порядок в Восточной Азии. После реставрации Мэйдзи таким «сильнейшим», за которым следовала Япония, стала мощнейшая империя того времени Великобритания, с которой в 1902 г. был заключен военный союз. После окончания Второй мировой войны внешняя политика Японии была ориентирована на США — главный полюс силы западного лагеря.

Япония предпочла переложить вопросы обеспечения безопасности на Вашингтон, что позволило ей сосредоточиться на экономических задачах. Политика опоры на военно-политический союз с США, низкая активность в международных делах, а также приоритетность задач экономического развития получили название «доктрина Ёсида». Хотя эта доктрина не имела документального оформления, а скорее представляла собой набор негласных принципов, она на протяжении почти полувека позволяла Японии успешно развиваться и достичь статуса великой экономической державы. В то время как сам Сигэру Ёсида считал этот

путь развития временной мерой, его доктрина пережила не одно десятилетие. Относительная внешнеполитическая пассивность со временем стала предметом критики за рубежом, породив немало едких формулировок, характеризующих Японию как «безбилетного пассажира», «экономического гиганта, но политического карлика», а ее дипломатию как «дипломатию караоке» — намек на ее несамостоятельность.

Можно предположить, что невыгодный имидж порождало восприятие на Западе национальных особенностей процесса принятия политических решений. Частая смена премьер-министров, являющаяся результатом фракционности, особенности партийной политики и политической культуры в целом создавали впечатление отсутствия в стране сильного лидера, с которым можно вести диалог. Японская политическая традиция *нэмаваси* («обработка корней», т.е. проработка и согласование со всеми заинтересованными лицами вопроса на предварительной стадии), предпочтение кулуарных переговоров, отсутствие ярких инициатив и запоминающихся выступлений закрепили за японской дипломатией ярлык «тихая дипломатия»³.

Ускоренное восстановление и экономическое развитие через несколько десятилетий после окончания Второй мировой войны вывели страну на ведущие мировые позиции. Это дало основания полагать, что Япония может затмить США и даже занять их место мирового лидера. В 1980-е годы был популярен тезис о закате американской гегемонии и скором наступлении эпохи мира по-японски *Pax Nipponica*. Труд гарвардского профессора Эзры Фогеля «Япония как первый номер. Уроки для Америки» побил рекорды популярности и стал настольной книгой для тех, кто стремился постичь сущность японского феномена. Экономическая мощь стала восприниматься не только как путь к мировому лидерству, но и как фактор, способный привести к полному переосмыслению понятия «великая держава». В условиях ограничений, наложенных конституцией, распространение получил дискурс о том, что мировое лидерство может опираться не только на военную мощь, но и на мягкую силу экономики.

Несмотря на прогнозы о том, что Япония станет центральным игроком на мировой арене, до недавнего времени она почти не проявляла лидерства в решении важнейших международных проблем, предпочитая действовать кулуарно и влиять на принятие политических решений путем закулисных переговоров. Хотя Япония обладала всеми ресурсами для того, чтобы из пассивного участника превратиться в активного игрока, чаще она продолжала довольствоваться тем, что следовала повестке, разработанной другими.

Академические подходы к японской внешнеполитической стратегии

Многие ученые, как в Японии, так и за ее пределами, пытались объяснить сущность японского феномена — внешнеполитической пассивности на фоне экономических успехов. В академических кругах сформировались две группы, придерживающиеся полярных подходов к японской внешней политике. Первая группа исходит из того, что Япония — это реактивное, или реагирующее, государство, внешняя политика которого представляет собой не результат большой стратегии, а формулируется в ответ на международные события. Наиболее известным выразителем этой точки зрения служит американский профессор К. Калдер. По его мнению, японской политике присуща инертность, а основной ее движущей силой является давление извне (*gaiacu*). Основы инертности лежат в особенностях политической культуры (неповоротливость процесса принятия политических решений, связанная с бюрократическими проволочками, фракционностью, конфликтом интересов разных социальных групп) и глубоко укоренившемся пацифизме. Эти эксперты считают, что политика обеспечения национальной безопасности основана на национальном интересе в узком понимании и представляет собой компромисс между внешним давлением со стороны США и пацифистски настроенной общественностью.

Вторая группа ученых утверждает, что внешнеполитическая пассивность не свидетельствует о неспособности принимать решения, а, напротив, является результатом стратегического расчета, основанного на национальном интересе. Япония позволяет другим брать инициативу в международных делах, в то время как сама незаметно укрепляет собственную экономическую и техническую мощь и увеличивает дипломатическое влияние. Принятие политических решений становится результатом не действия разнонаправленных сил, а функционирования слаженного механизма, состоящего из политиков, чиновников и бизнеса, которых объединяет консенсус относительно национальной стратегии и продвижения интересов страны.

Сторонники такого взгляда исходят из того, что понимание национальной мощи в Японии значительно отличается от американского — в центр этого понятия ставится не военная сила, а экономический и технологический потенциал. Выразитель такого подхода профессор Р. Сэмюэлз называет японскую стратегию «меркантильным реализмом», Дж. Най, Р. Дрифт предпочитают понятие «комплексная безопасность». Американский политолог М. Грин называет ее примером «оборонительного реализма»⁴. Стратегия Японии вполне логична для

державы среднего звена, которая не сталкивается с непосредственными угрозами безопасности, а доверяет защиту своих жизненно важных интересов сильнейшему государству в мире.

Если предыдущие трактовки японского внешнеполитического поведения и стратегии или ее отсутствия основаны на рассмотрении страны через призму реализма, то американский профессор Т. Бергер предлагает применять к ней либеральный подход и представляет модель «адаптирующегося, или адаптивного, государства»⁵. Согласно этой модели, Японии присуща способность быстро перенастраиваться и адаптироваться к меняющемуся миру, переосмысливать происходящие изменения и инкорпорировать в национальную стратегию. Движущей силой внешней политики Японии является не столько наращивание национальной мощи, сколько либеральные устремления к многостороннему сотрудничеству, увеличению своего присутствия в международных организациях, участию в решении глобальных проблем. Либерализм в японской политике находит отражение в идее создания Восточно-азиатского сообщества, налаживании регионального взаимодействия в АТР, ее отношении к межрегиональным форматам сотрудничества. Иллюстрацией либеральных тенденций служит и вовлечение Японии в решение глобальных проблем, а также внимание к миротворчеству. В то же время либеральная линия в японской внешней политике имеет свои ограничения, такие как нарастание межгосударственных противоречий с Китаем и усиление реалистских тенденций в регионе.

Существенный вклад в изучение японского феномена внесла конструктивистская школа, которая делает акцент на нормах, формирующих поведение политических игроков. В отношении Японии ученые выделяют несколько норм внешнего и внутреннего характера, которые определяют особенности ее внешнеполитического курса⁶.

Прежде всего, это норма двусторонних отношений (билатерализм), а именно центральное положение альянса с США в послевоенном внешнеполитическом курсе. Установка на тесное взаимодействие с США иллюстрирует внешнеполитический курс «следования за сильнейшим», традиционно присущий Японии. Несмотря на окончание холодной войны и исчезновение «угрозы с Севера» в лице СССР, альянс остается краеугольным камнем политики обеспечения безопасности и ключевым элементом стабильности в Тихоокеанской Азии.

Второй влиятельной нормой является «азиатизм», делающий акцент на особые связи с азиатскими странами. Эта норма помогает Японии развивать свою азиатскую идентичность, и ее проявлением можно считать традиционную посредническую роль, которую Токио стремился и стремится играть как мост между Западом и Востоком. С окончанием

холодной войны опасения по поводу ухода США из Восточной Азии, а также нарождающиеся проекты регионального взаимодействия, проводящиеся при поддержке государства, побудили некоторых политиков продвигать идеи отхода от ориентации на Запад и обращения в сторону Азии. Их выразителем стал бывший губернатор Токио Синтаро Исихара, автор нашедшей книгу «Япония, которая может сказать нет!». Практическим воплощением «азиатизма» можно считать выдвинутое Японией на конференции АСЕАН в 1991 г. предложение об учреждении многостороннего форума для обсуждения проблем безопасности. Это был редкий случай, когда Япония выступила с важной внешнеполитической инициативой без предварительного одобрения США⁷. Японское предложение легло в основу созданного в 1993 г. Асеановского регионального форума (АРФ). Наиболее явно азиатский уклон во внешней политике проявился во время правления кабинета Юкио Хатояма (2009–2010), поставившего целью формирование Восточноазиатского сообщества и отход от безусловной ориентации на США. Однако приходится констатировать, что доминирование «азиатизма» в ущерб ориентации на США, *во-первых*, не находит поддержки у большей части японского истеблишмента, *во-вторых*, сдерживается самим Вашингтоном. Более успешно Токио использует риторику азиатской общности как обоснование присутствия в Центральной Азии и Афганистане, т.е. там, где «азиатизм» не вступает в конфликт с интересами альянса.

В японском внешнеполитическом поведении можно выделить установку на трехстороннее взаимодействие Японии, Европы и США, или норму трилатерализма. Она служит для уравнивания региональных и глобальных интересов Вашингтона и одновременно для поддержки союзника в рамках многосторонних институтов. Примером проявления этой нормы можно считать предложение о создании тройственной валютной системы, основанной на долларе, иене и евро, которое продвигал в 1999 г. премьер-министр Кэйдзо Обути. В 1990-е годы трилатерализм стал применяться и к диалогам не по экономическим вопросам⁸. Частично иллюстрацией этой нормы служит наращивание сотрудничества между Японией и НАТО, укрепление связей с европейскими союзниками США.

После окончания холодной войны развитие в японской внешней политике получила идея интернационализма. Она находит выражение в стремлении расширять сотрудничество с мировым сообществом, увеличивать вклад в обеспечение международной безопасности. Главным поборником интернационализма выступал Итиро Одзава, с легкой руки которого понятие «нормальное государство» прочно вошло в лексикон японских политиков. Проявлением этой тенденции стало

участие Японии в миротворческих операциях, а также финансирование деятельности ООН.

В целом действие международных норм на японскую внешнюю политику направлено на ее активизацию как на региональном, так и на глобальном уровне. Значительное влияние имеют и нормы внутреннего порядка, которые зачастую вступают в противоречие с международными нормами и препятствуют выполнению Японией новой роли, адекватной постбиполярным реалиям.

Прежде всего это пацифизм, возникший как результат трагического опыта Второй мировой войны и последствий атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Пацифизм работает как мощный сдерживающий элемент на пути легитимации использования вооруженной силы как инструмента государственной политики.

Еще одной укоренившейся в японском обществе нормой является «ориентация на развитие», суть которой состоит в попытках Японии равняться на Запад как экономически, так и с точки зрения политического и культурного влияния. Япония подчеркивает, что стала первой незападной страной, которая прошла модернизацию собственными усилиями, а также за короткий срок сумела не только восстановиться после войны, но и достичь впечатляющих успехов. Желание сравняться с Западом по степени влияния нередко лежало в основе различных политических и экономических инициатив, в том числе прослеживается в ее стремлении популяризировать японскую модель экономического развития в начале 1990-х годов.

Существенным элементом, влияющим на формирование внешнеполитических приоритетов Японии и на ее положение в системе международных отношений, является норма экономизма. Определяющим экономизм стал в период ускоренных темпов роста, что наиболее явно отразилось в плане по удвоению ВВП, принятом премьер-министром Хаято Икэда. Впечатляющие успехи японского экономического чуда подкрепляли верность выбранного курса в русле «доктрины Ёсида», что также объясняет, почему Япония долгое время не отказывалась от этой оправдавшей себя модели послевоенного развития.

Внутренние нормы по-прежнему сказываются на внешней политике Японии, однако их влияние несколько ослабевает. Постепенно меняется отношение населения Японии к зарубежной деятельности сил самообороны, широко обсуждаются вопросы применения вооруженной силы, что было немыслимо еще пару десятилетий назад. Крах «экономики мыльного пузыря» дискредитировал в глазах многих японскую модель развития, а рост Китая, в том числе вытеснение им Японии со второго места по размерам ВВП, дает повод сомневаться в возможностях японского лидерства в мире и Восточной Азии.

Внешняя политика 1990-х годов: поиск новой глобальной роли

Трансформация международной среды безопасности после окончания холодной войны, ускорение взаимосвязанных процессов глобализации и регионализации стали отличительной чертой нового формирующегося мирового порядка в 1990-е годы. Внешние изменения совпали с важными внутривнутриполитическими процессами в самой Японии. Крах «экономики мыльного пузыря» поставил под вопрос эффективность японской модели развития, долгое время являвшейся основой ее привлекательности в мире. Замедление темпов экономического роста привело к снижению расходов на внешнюю политику и оборону. Это коснулось и финансирования программы официальной помощи развитию, одного из важнейших внешнеполитических инструментов. Завершился период существования стабильной «системы 1955 г.», которая характеризовалась доминированием Либерально-демократической партии (основное течение в ней составляли прагматики умеренных взглядов, предпочитающие проводить в жизнь установки «доктрины Ёсида»).

Первоначальной реакцией Токио на изменение международной системы было продолжение ориентации на Вашингтон. Модель «следования за сильнейшим» не претерпела значительных изменений даже после окончания биполярного противостояния. Первые попытки выработать внешнеполитическую линию после холодной войны во многом перекликались с американской стратегией национальной безопасности. Например, формулировки, озвученные в 1991 г. премьер-министром Тосики Кайфу, фактически копировали тезис Джорджа Буша о «новом мировом порядке».

Отношения с США оставались краеугольным камнем политики обеспечения национальной безопасности. После недолгого периода неопределенности и опасений по поводу ухода США из Азии стороны в 1996 г. подтвердили незыблемость союза безопасности. В 1997 г. были подписаны новые Руководящие принципы оборонного сотрудничества, расширившие сферу ответственности альянса фактически на весь регион.

В то время как магистральное направление японской внешней политики не претерпело существенных изменений, трансформация международной среды после холодной войны давала Токио возможность расширить горизонты внешнеполитической деятельности с тем, чтобы привести политическую роль в соответствие с экономическим статусом.

В 1990-е годы в Голубых книгах по дипломатии начал фигурировать тезис о намерении Японии играть важную роль в создании нового

мирового порядка. Во внешнеполитическом дискурсе 1990-х доминировала либеральная риторика, что во многом было связано с распространёнными в то время представлениями о снижении важности военной силы и выходе на первый план проблем глобального характера. В таких условиях Япония видела возможность по-новому позиционировать себя на международной арене. В 1991 г. премьер-министр Киити Миядзава уверенно заявлял, что в деле строительства нового мирового порядка международная роль Японии будет расти⁹. Эта роль предполагала большую активность в региональных делах, участие в межрегиональном сотрудничестве, а также имела глобальное измерение.

Во-первых, значительно изменился подход Японии к многостороннему взаимодействию в Восточной Азии. В годы холодной войны Токио не стремился к выдвиганию каких-либо интеграционных инициатив в регионе, а вопросы безопасности предпочитал обсуждать только с Вашингтоном. С конца 1980-х — начала 1990-х годов Япония начала выработку предложений, касающихся налаживания регионального сотрудничества, в том числе в сфере безопасности в ее широком понимании. Японские идеи были воплощены в проектах по созданию АТЭС, АРФ.

Во-вторых, Япония начала налаживать отношения с новыми партнерами, в частности укрепила свои позиции в Евразии. В 1991 г. была подписана Совместная декларация между Японией и Евросоюзом, давшая начало регулярным саммитам ЕС и Японии. С 1996 г. Япония стала наблюдателем в Совете Европы, Европарламенте, в июле 1992 г. на встрече ОБСЕ заявила о желании представлять себя в организации, стала ее ассоциированным членом, с 1996 г. получила статус партнера по сотрудничеству. С 1992 г. Япония стала сотрудничать с ОБСЕ в таких областях, как предотвращение конфликтов, безопасность человека, борьба с распространением наркотиков, новые угрозы безопасности.

Нарождающиеся процессы евроатлантического сближения, расширение НАТО на Восток, установление партнерских отношений между НАТО и Россией побудили Токио к поиску путей предотвращения изоляции от процессов евроатлантического сближения. Таким путем стала Евразийская дипломатия Рютаро Хасимото, которая представляла собой попытку вывести из тупика отношения с Москвой, а также вовлечь Китай и Россию в сотрудничество на постсоветском пространстве Центральной Азии и Закавказья. Был провозглашен курс на расширение сотрудничества, совместную деятельность по строительству нового мирового порядка в Азии¹⁰. Таким образом, Япония обозначила свои интересы в новом регионе, которые заключались в поддержании стабильности, получении доступа к природным ресурсам Центральной

Азии и Закавказья, а также укреплении дипломатических позиций по отношению к России и Китаю.

Горизонты японской дипломатии в 1990-е годы достигли и Африканского континента. В 1993 г. была организована первая Токийская конференция по развитию Африки (ТИКАД). С тех пор прошло шесть конференций в этом формате, и Япония прочно закрепила позитивный образ в этом отдаленном регионе. Комплексный подход к отношениям с Африкой сочетал не только предоставление ОПР, но также развитие торговли, частные инвестиции и обеспечение доступа к рынку в целях содействия развитию и улучшению социально-экономической структуры этих стран.

Новые реалии высветили недостаточность «экономической дипломатии», на которую долгое время делала ставку Япония, обозначив слабые стороны «доктрины Ёсида». Первым «звонком» для японцев стал кризис в Персидском заливе, во время которого Япония не направила силы самообороны для участия в международной коалиции, однако выделила на финансирование операции огромную сумму — 13 млрд долл. Критика со стороны мировой общественности (прежде всего, США) и даже отсутствие Японии в списке стран, которым Кувейт выразил официальную благодарность, стали ударом по национальному престижу. Это событие наглядно продемонстрировало лимит «дипломатии чековой книжки», которая долгое время была визитной карточкой Токио. Внешнеполитический провал Токио 1991 г. оставил горький осадок у японских политиков и дал старт дебатам о том, как должна измениться Япония после холодной войны.

Дискуссии относительно будущей роли Японии можно условно разделить на два направления. Первое — видение Японии как государства, которое могло бы полноправно участвовать в системе коллективной безопасности, а также проявлять активность на международной арене и принимать на себя риски, связанные с внешней и экономической политикой, чтобы поддержать и повысить свой международный престиж и государственную мощь. Сторонники этой точки зрения среди авторов доклада «Роль Японии в международном сообществе» под руководством депутата Итиро Одзава предлагали пересмотреть толкование ст. 9 конституции, с тем чтобы Япония могла участвовать в операциях ООН по поддержанию мира. Предлагалось взять на вооружение принцип «активного пацифизма», т.е., опираясь на конституцию, действовать в интересах установления мира во всем мире¹¹. Особый резонанс вызвала книга Итиро Одзава «Программа для новой Японии», а его выражение «нормальная страна» укоренилось как понятие, обозначающее государство, которое имеет право использовать воору-

женную силу и готово делать это для обеспечения международной безопасности под эгидой ООН. Вторая группа выступала за скромную модернизацию сил самообороны в рамках прежней модели сотрудничества с США, с тем чтобы, опираясь на статус пацифистской державы, координировать международные усилия в социально-экономической области, руководствуясь целями обеспечения мира, стабильности, процветания и благосостояния людей. Одним из идеологов этой точки зрения стал известный журналист, впоследствии главный редактор газеты «Асахи» Ёити Фунабаси, выдвинувший концепцию Японии как «глобальной невоенной державы», продвижение которой на международном уровне будет способствовать снижению значимости военной силы в мире и позволит создать благоприятную для японских национальных интересов внешнюю среду¹².

Основными направлениями, на которых Япония сосредоточила свои усилия по достижению нового статуса в мире, стали содействие социально-экономическому развитию, а также миротворчество и постконфликтное восстановление. Хотя участие в ОПМ ООН стало результатом импульса извне (кризиса в Персидском заливе), со временем проблемы миротворчества, постконфликтного восстановления были прочно инкорпорированы в политику обеспечения национальной безопасности. Принятие в 1992 г. Закона о содействии международному миру открыло дорогу для участия сил самообороны в операциях по поддержанию мира, хотя оно сопровождалось большим количеством ограничений. В 1993 г. силы самообороны были направлены в Камбоджу, а затем участвовали в ОПМ в Мозамбике, Восточном Тиморе, на Голанских высотах и в других точках мира.

Широкая трактовка понятия безопасности, которая уже существовала в Японии и которая стала популярна в постбиполярных реалиях, нашла отражение в выдвинутой ПРО ООН в 1993 г. концепции «безопасности человека». Для Японии, видевшей возможности реализации «творческой роли» в формировании нового миропорядка, в получении места постоянного члена СБ ООН, эта концепция представляла значительный интерес. Кроме того, она перекликалась с появившейся в Японии на рубеже 1970–1980-х годов концепцией комплексного обеспечения национальной безопасности, которая подчеркивала важность не только защиты от военных угроз, но и обеспечения безопасности в широком понимании. Не случайно премьер-министр Томиити Мураяма стал одним из первых мировых лидеров, поддержавших концепцию на Генассамблее ООН в 1995 г. При премьер-министре Кейдзо Обути концепция стала частью официальной японской внешней политики. Сначала она имела четко выраженный региональный характер

и являлась ответом японского правительства на азиатский финансовый кризис, поскольку стабилизация азиатских рынков имела важнейшее значение для восстановления японской экономики, а внимание к судьбе жителей стран региона благоприятно повлияло на их отношение к Японии¹³.

На Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. премьер-министр Ёсиро Мори назвал безопасность человека одним из столпов японской дипломатии, подчеркивая, что ООН должна играть более активную роль в ее обеспечении¹⁴. После неудачной кампании Токио по получению статуса постоянного члена СБ ООН концепция постепенно стала уходить из приоритетных направлений внешнеполитической повестки дня. Тем не менее она прочно закрепилась как руководящий принцип предоставления помощи развитию (упоминание о ней впервые появилось в среднесрочной программе ОПР 1999 г.), в таких областях, как, например, предотвращение вооруженных конфликтов, разоружение (в частности, уничтожение противопехотных мин), борьба с бедностью. Это обосновывало важность ОПР как вклада Японии в обеспечение международной безопасности.

Концепция безопасности человека, которая позволяла Японии не только улучшить свой имидж в ЮВА, но и закрепиться в новых для нее регионах, таких как Африка или Центральная Азия, стала ее визитной карточкой в мире, поскольку наполняла новым смыслом политику оказания помощи развитию. Это давало возможность Японии играть роль глобальной невоенной державы, избегая необходимости существенно пересматривать свою оборонную политику, и одновременно вносить вклад в обеспечение международной безопасности даже при существующих конституционных ограничениях.

В целом характеризуя внешнюю политику Японии в 1990-е годы, можно сказать, что она прошла под лозунгом поиска роли в формировании нового мирового порядка. Традиционный курс на сотрудничество с ООН приобрел новые очертания. Притом что сохранилась такая константа, как приоритетность отношений с США, Япония активно начала осваивать новые региональные направления, а также активизировала многостороннюю дипломатию в АТР, тем самым проявляя либерализм в своей внешней политике.

2000-е годы: на пути к «нормальной державе»

Поиск Японией творческой роли в новом миропорядке, во многом связанный с надеждами на то, что она сможет проявить себя как глобальная невоенная держава, сменился новым периодом в ее внешней

политике, который характеризуется повышением значимости фактора военной силы в международных отношениях. Либеральные тенденции 1990-х годов стали отходить на второй план в связи с усилением реализма. Главным его отражением было значительное укрепление альянса с США и повышение роли Японии в нем. Правительство Дзюньитиро Коидзуми продемонстрировало безоговорочную поддержку США во время операций в Афганистане и Ираке, были приняты законы, позволяющие направлять силы самообороны для помощи международной коалиции. Участие Японии в международных коалициях в Афганистане и Ираке было минимизировано до той степени, чтобы продемонстрировать лояльность союзническим обязательствам, но избежать чрезмерного вовлечения в эти операции и риска для сил самообороны. Японцы ушли из Ирака в 2005 г., а в 2010 г. завершили миссию в Индийском океане. Основной вклад в осуществление этих операций Япония постаралась свести к проектам по постконфликтному восстановлению и по линии «безопасности человека».

Следуя курсу на укрепление стратегического и тактического взаимодействия, в феврале 2005 г. стороны впервые приняли «Общие стратегические цели», зафиксировавшие области совместных интересов в мире и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также конкретные ориентиры долгосрочного сотрудничества. В 2015 г. были обновлены Руководящие принципы оборонного сотрудничества, учитывающие возможность Японии применять ограниченное право на коллективную самооборону, были сняты географические рамки его действия.

Исключением в проамериканской линии стал внешнеполитический курс лидера оппозиционной Демократической партии Юкио Хатояма, пришедшего к власти в 2009–2010 гг. Он заключался в попытке получить большую независимость от США (пересмотреть вопрос о передислокации авиабазы «Футэмма»), а также сближении с Китаем и установлении курса на создание Восточноазиатского сообщества. Быстрое падение правительства Хатояма и возврат его преемников к привычной ориентации на Вашингтон только подтвердили отсутствие жизнеспособной альтернативы политике, ставящей в центр альянс.

Еще одним отражением возросшего реализма в японский внешней политике стал курс Синдзо Абэ, направленный на усиление региональной и глобальной роли Японии. Выступая в Центре стратегических исследований в Вашингтоне, премьер-министр заявил, что Япония не будет державой второго эшелона, тем самым обозначив отношение к позиции сторонников Японии как «средней державы», которая могла бы довольствоваться определенной нишей в международных делах и не стремиться к повышению своего статуса.

Япония как страна первого мира опирается на тесные отношения с США, укрепление собственного оборонного потенциала, а также проведение активной дипломатии. В своей парламентской речи в январе 2013 г. премьер-министр обозначил задачу развития стратегической дипломатии, основанной на фундаментальных ценностях свободы, демократии, основных прав человека, верховенства закона¹⁵. Дипломатия Синдзо Абэ основана на «панорамном взгляде на мир», что подразумевает развитие отношений с максимальным числом внешнеполитических партнеров, таким образом демонстрируя преемственность ее внешнеполитическому курсу 1990-х годов.

ОПР продолжает оставаться важным инструментом достижения внешнеполитических целей, однако ее характер тоже претерпевает определенную трансформацию. Устав ОПР, пересмотренный в 2003 г., акцентирует деятельность Японии по постконфликтному восстановлению, основой которого является содействие проектам безопасности человека. В его основу легла концепция консолидации мира, предусматривающая участие в политическом процессе, содействие обеспечению безопасности и оказание гуманитарной помощи. В результате этих изменений происходит политизация ОПР и сращивание ее с вопросами безопасности, «секьюритизация» помощи развитию, благодаря чему использование ОПР стало рассматриваться как значительная часть вклада Японии в дело миротворчества и миростроительства, наглядным примером чему стало японское содействие Афганистану. Новый вариант Устава ОПР 2015 г. разрешает оказание помощи вооруженным силам стран-реципиентов, при условии, что она не будет направлена на военные цели. По линии ОПР Япония помогает береговой охране Филиппин и Вьетнама, противостоящей Китаю в территориальных спорах в Южно-Китайском море. Таким образом происходит дальнейшая «секьюритизация» ОПР как внешнеполитического инструмента, ее использование для стратегии по «выстраиванию возможностей», направленной на сдерживание Китая.

Борьба за лидерство с Китаем в Восточной Азии является одной из причин возросшего реализма в японской внешней политике, особенно со второй половины 2000-х годов. Отношения соперничества и сотрудничества Японии с Китаем характеризуются тем, что, с одной стороны, Япония стремится вовлечь Пекин в диалог в Восточной Азии, с другой — предпринимает шаги по его сдерживанию в других регионах. Экономический подъем Китая (в 2009 г. он сместил Японию со второго места в мире по объему ВВП), наращивание его военной мощи, а также наступательная стратегия в отношении прилегающего морского про-

странства ведут к тому, что Токио воспринимает действия Пекина как вызов своей безопасности и как угрозу статус-кво в регионе.

Стремление Японии найти ответ на этот вызов диктует наращивание собственного оборонного потенциала и пересмотр некоторых аспектов оборонной политики, но также и активизацию ее дипломатической стратегии, направленной на формирование антикитайского фронта. Происходит сближение Японии со странами, имеющими с Китаем территориальные разногласия, привлечение внерегиональных игроков к территориальным спорам в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Сама Япония постепенно начинает более активно участвовать в поддержании безопасности в Юго-Восточной Азии (например, морские учения, помощь береговой охране прибрежных стран, меморандумы о военном сотрудничестве и т.п.). Следует отметить, что в контексте регионального и глобального соперничества с Китаем Япония все чаще стремится прибегать к использованию и своей мягкой силы.

Понятие «мягкая сила» в 2000-е годы прочно вошло не только в академический, но и в политический лексикон Японии. Например, в 2004 г. председатель Комиссии по безопасности и обороне при премьер-министре сделал особый акцент на том, что необходимо оптимально использовать жесткую и мягкую силу как способы поддержания мира и безопасности¹⁶. Созданный при премьер-министре Дзюньитиро Коидзуми Совет по продвижению культурной дипломатии предложил использовать потенциал современной культуры как дипломатического ресурса, что вскоре было взято на вооружение правительством, разработавшим инициативу *Cool Japan* («Классная Япония»).

Во внешнеполитическом курсе нынешнего премьер-министра Синдзо Абэ культурная и публичная дипломатия играет большую роль. *Во-первых*, сам премьер-министр придает значение продвижению японских ценностей, «японской сущности» в мире, о чем он неоднократно заявлял публично, а также написал в книге «Красивая Япония». *Во-вторых*, культурная дипломатия рассматривается как способ сглаживания опасений по поводу реформ оборонной политики в условиях обострившейся «войны слов» с Китаем и Южной Кореей по вопросам истории.

В условиях повышенного внимания к военной составляющей в международных отношениях перед Японией стоит задача «примирения» ее мягкой силы, основанной на пацифизме, и жесткой силы, заключающейся в усилении военной роли и расширении военного сотрудничества с США. Само понятие пацифизма в нынешних условиях приобретает новое содержание. Речь идет о концепции активного пацифизма, центральном понятии первой в послевоенной истории Япо-

нии Стратегии национальной безопасности. На смену «пассивному» пацифизму, основанному на неприменении силы, который характеризовал Японию в годы холодной войны, приходит «активный», разрешающий ее использование в целях поддержания международного мира и безопасности. Активный пацифизм стал отличительной чертой глобальной роли Японии в 2010-е годы. С трибуны ООН в сентябре 2013 г. Синдзо Абэ заявил: «Я сделаю возможным, чтобы Япония с позиций активного пацифизма была еще более вовлечена в меры коллективной безопасности в рамках ООН, включая операции по поддержанию мира»¹⁷.

Принятие в сентябре 2015 г. пакета законов по обеспечению мира и безопасности, предусматривавшего, в том числе, смягчение условий использования силы в миротворческих операциях и постоянный закон об отправке сил самообороны за рубеж, вызвало негативную реакцию в японском обществе. В то же время, вопреки опасениям, оно, хотя и сказалось на рейтинге премьера, не привело к серьезным политическим последствиям, что свидетельствует о постепенном принятии японской общественностью новой модели политики безопасности, предполагающей приближение к статусу «нормального государства».

В 2000-е годы наблюдается не только рост реализма, но и усиление ревизионистских тенденций и подъем национализма. Особенно явно это проявилось во время нахождения у власти премьер-министра Коидзуми. Демонстративное посещение храма Ясукуни, скандал с учебниками истории, в которых замалчивались зверства японской армии, привели к охлаждению отношений с Китаем и Кореей, сведя на нет намечавшийся прогресс в двусторонних и трехсторонних отношениях. Придя к власти, Синдзо Абэ под лозунгом «Вернем Японию!» заявил о намерении покончить с «комплексом побежденного», прекратить восприятие национальной истории с левых позиций. Его высказывания по вопросам оценки деятельности Японии во время Второй мировой войны неоднократно вызывали возмущение у пострадавших от японской агрессии соседей по региону.

Националистическая и ревизионистская риторика руководства страны негативно сказывается на ее имидже в мире и во многом сводит на нет мягкую силу. В то время как Япония увеличивает ассигнования на публичную и культурную дипломатию, она сталкивается с недоверием и обвинениями в попытках «подкупить» общественность других стран¹⁸. Более того, некоторые ученые считают, что с точки зрения формирования мирового общественного мнения Токио проигрывает Пекину и Сеулу. Так, например, хотя Китай молчит по поводу наращивания своего военного потенциала, он видит проблему в отношении японских

лидеров к истории и неоднократно выражал озабоченность и страхи по поводу возможного возрождения японского милитаризма¹⁹.

Таким образом, в 2000-е годы в японской внешней политике продолжали активно развиваться те тенденции, начало которым было положено в 1990-е годы. В то же время происходит усиление реализма, особенно в Восточной Азии, в связи с растущим восприятием Китая как угрозы национальной безопасности, что приводит к наращиванию оборонного потенциала и преобладанию курса на сдерживание Пекина. Реализм, в свою очередь, препятствует проявлению либерального подхода к развитию многостороннего сотрудничества в Восточной Азии. В глобальном плане Япония стремится позиционировать себя как держава «первого эшелона», которая в полной мере обладает возможностями реализации своих внешнеполитических целей, включая использование вооруженной силы. Концепция активного пацифизма лежит в основе деятельности Японии по обеспечению международной безопасности. Популярная в 1990-е годы концепция «безопасности человека» как олицетворение международного вклада Японии продолжает развиваться как один из столпов оказания официальной помощи развитию, однако не является доминантой, определяющей глобальную роль Японии. Официальная помощь развитию как внешнеполитический инструмент также претерпевает трансформацию, которая заключается в ее «секьюритизации», что отражает повышение внимания к вопросам безопасности в целом.

* * *

За годы, прошедшие после окончания холодной войны, японская внешняя политика приобрела новые черты, одновременно сохраняя элементы преемственности. Окончание биполярного противостояния открыло новые возможности для того, чтобы выйти из тени США и обозначить свой статус политической, а не только экономической великой державы. Расширение понятия безопасности и национальной мощи во многом перекликалось с уже существовавшими в Японии концептуальными установками, а также с той деятельностью по оказанию содействия развитию, которую Япония осуществляла на протяжении нескольких десятилетий.

Если во время холодной войны японская внешняя политика была в основном ориентирована на защиту национальных интересов, особенно экономических, то сегодня Токио проявляет инициативу в обеспечении международной безопасности, причем делает это не только финансово, но и дипломатически, а также задействует силы самообороны. Эта либеральная тенденция, обозначившаяся в начале 1990-х годов,

является характерной чертой японской политики предоставления ОПР, участия в миротворческих операциях, решения глобальных проблем, таких как, например, защита окружающей среды или разоружение.

Во внешней политике 2000-х годов продолжают сосуществовать либеральные и реалистские тенденции, однако преобладает реализм, связанный прежде всего с региональным и глобальным соперничеством Японии и Китая. Либерализм во внешней политике будет зависеть от возможности мирно интегрировать Китай в международную систему и от будущей роли США в мировых делах²⁰.

Усиление региональной роли Японии по-прежнему мыслится только в тесном взаимодействии с США. Таким образом, Япония продолжает традицию ориентации на сильнейшее государство, присущую ей исторически. Одновременно она идет по пути пересмотра ограничений в оборонной сфере, постепенно приближаясь к статусу «нормальной державы». Интернационализм стал одной из ключевых норм, определяющих движение в сторону большей вовлеченности в обеспечение международной безопасности.

Пацифизм продолжает оставаться основой внешней и оборонной политики страны, однако меняется его содержание. Активный пацифизм, пропагандируемый Синдзо Абэ, направлен не на сдерживание, а, напротив, на стимулирование международной активности сил самообороны, поскольку подразумевает использование силы в благих целях обеспечения мира и безопасности. Постепенно меняется и отношение общества к политике национальной безопасности, многие темы, обсуждение которых было немыслимо еще несколько десятилетий назад, становятся предметом открытых дискуссий.

В целом же за период, прошедший со времени окончания холодной войны, Япония стала более активным игроком в международных отношениях. Она готова проявлять большую твердость в отстаивании национальных интересов, в том числе по территориальным вопросам, активно проецирует свою мягкую силу, выдвигает важные инициативы по глобальным проблемам. Адаптируя свою внешнюю политику к быстро меняющимся международным реалиям, она в то же время не стремится категорически отказываться от той модели, которая обеспечивала успех ее послевоенного развития.

Примечания

¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.tradingeconomics.com/japan/gdp.

² *Buzan B.* Japan's defence problematic // *The Pacific Review*. Vol. 8. No 1. P. 26.

- ³ Hook G., Dobson H., Gilson J., Hughes Ch. Japan's international relations. L., 2001. P. 74.
- ⁴ Подробнее см.: Green M. Japan's Reluctant Realism. Palgrave Macmillan, 2003.
- ⁵ Japan in International Politics / Ed by T. Berger. L., 2007. P. 259–290.
- ⁶ Hook G., Dobson H., Gilson J., Hughes Ch. Japan's International Relations. L., 2001. P. 65–68.
- ⁷ Панов А. Н. Япония: поиски «достойного места» и «влиятельной роли» в новой системе международных отношений после «холодной войны» // Япония в поисках новой глобальной роли. М., 2014. С. 92.
- ⁸ Hook G., Gilson J., Hughes Ch., Dobson H. Japan's international relations. 1997. P. 66–67.
- ⁹ Выступление К. Миядзава на 122-й сессии парламента. 08.11.1991. Гайко сэйсё. С. 349.
- ¹⁰ Выступление премьер-министра Р. Хасимото в Обществе экономических единомышленников 24 июля 1997 г. Посольство Японии в России.
- ¹¹ Бунгэй сьондзю. 1992. Апрель. С. 132–145.
- ¹² Funabashi Y. Introduction: Japan's international agenda for the 1990s // Japan's International Agenda. Tokyo, 1995. P. 13.
- ¹³ Shinoda Hideaki. The concept of human security: historical and theoretical implications // IPHSU English Research Report Series No 19. Conflict and Human Security: a Search for New Approaches of Peace-Building. 2004. P. 18.
- ¹⁴ Statement by H. E. Mr. Yoshiro Mori, prime minister of Japan at the Millennium Summit of the United Nations. 2000. September 7. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/un/summit2000/pmstate.html>.
- ¹⁵ Дай 183 кай коккай ни окэру Абэ найкаку соридайздин сёсин хёмэй эндзэцу. (Выступление премьер-министра С. Абэ на 183-й сессии парламента) // Канцелярия премьер-министра Японии. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130128syosin.html.
- ¹⁶ Tsuneo Akaha. Japan's soft power — hard power balancing act // The US-Japan Alliance. Balancing Soft and Hard power in East Asia. Routledge. L.; N.Y., 2010. P. 60.
- ¹⁷ Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations. 2013. Thursday, September 26. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html.
- ¹⁸ Подробнее см.: Добринская О. А. Реформы С. Абэ в сфере политики обеспечения национальной безопасности // Япония: консервативный розвит. М., 2015.
- ¹⁹ Toshiya Nakamura. Japan's New Public Diplomacy: Coolness in Foreign Policy Objectives. Мэдиа то сякай (Медиа и общество). № 5. P. 13.
- ²⁰ Japan in international politics. The foreign policies of an adaptive state / Ed. by Th. Berger. 2007. Boulder, CO. P. 286.

Раздел II

ОБЩЕСТВО

СРЕДА ОБИТАНИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Влияние природных условий на историко-культурные и информационные процессы не является жестко детерминированным. Эта взаимосвязанность задает лишь основные параметры, в рамках которых проявляются закономерности социально-исторического и культурного развития. Поскольку же человек до определенной степени обладает свободой воли, то малопредсказуемый фактор случайности также имеет огромное значение. Тем не менее без учета характеристик среды обитания рассмотрение историко-культурных реалий невозможное.

Если представить себе историю Японского архипелага за последние 100 тыс. лет в терминах периодического изменения температурного режима, то получим следующую картину. В ледниковый период пики похолодания наблюдались 95, 70, 35 и 20 тыс. лет назад. В периоды похолодания уровень моря опускался, в периоды относительно потепления — поднимался. Во время максимального похолодания (20—18 тыс. лет назад) уровень моря понизился более чем на 100 м, и тогда значительные территории Восточно-Китайского моря, донные части, прилегающие к береговой линии Филиппин, Юго-Восточной Азии, стали сушей. Длительное время соединялся с материком остров Хоккайдо (по суше и по льду). Что касается юга Японии, то, если он и был связан с материком, это, вероятно, продолжалось недолгое время. Анализ цветочной пыльцы показывает, что 20—18 тыс. лет назад большая часть Хоккайдо представляла собой лесную тундру; северо-восток Хонсю и гористые участки запада Хонсю поросли хвойными лесами субарктической зоны (напоминает центральную часть нынешнего Хоккайдо), центр и юго-запад архипелага — широколиственными лесами (соответствует нынешнему северо-востоку Хонсю).

С окончанием ледникового периода наступило значительное потепление, которое достигло своего оптимума 6 тыс. лет назад, когда рас-

тительный мир приблизился к современному состоянию. На северо-востоке распространились широколиственные леса (бук зубчатый, дуб железистый и др.), на юго-западе — вечнозеленые (дуб остролистный, литокарпус Зибольда и др.). С точки зрения собирательства первые представляли собой более благоприятную среду обитания.

В Японии не существует точки, откуда расстояние до моря превышало бы 100 плюс несколько десятков километров. Рельеф являет собой сочетание равнин и гор (около 75% территории). Причем на любом широтном срезе есть как равнинные, так и горные участки. Таким образом, в каждом из регионов Японии сложилось сосуществование трех зон, весьма отличных по своим природным условиям, на основе которых в исторический период получили полноформатное развитие три хозяйственно-культурных комплекса: морской, равнинный и горный (рыболовецкий, земледельческий, охотничье-собирательно-земледельческий).

Как показывает история мирового хозяйствования, каждый из таких комплексов может быть вполне самодостаточным. Однако физическая приближенность их друг к другу в условиях Японии предопределила возможность и даже необходимость тесных контактов между ними, что выразилось в ранней специализации типов хозяйствования.

Японию по традиции считают страной островной. Сами японцы времени фиксации официального мифа также называли свою страну «восемью большими островами» («Ооясима»). Это утверждение верно лишь с существенными оговорками: длительные периоды автаркического и полуавтаркического существования показывают, что территория Японии достаточно велика, а ресурсы ее в состоянии¹ обеспечить замкнутый цикл жизнедеятельности, который способен не только удовлетворить первичные физиологические потребности человека, но и генерировать высокоразвитую культуру, которая невозможна без соответствующего уровня прибавочного продукта. И в этом смысле Японию можно было бы квалифицировать как маленький материк. Не случайно массовое сознание японцев до сих пор не склонно считать свою страну морской, хотя ныне около 90% ее внешней торговли осуществляется морским путем².

Современные исследования отмечают длительное сочетание культуры заливного рисосеяния с сухоходольными культурами (чумиза, просо, гречиха, соя, красная фасоль, батат и др.), однако не подлежит сомнению, что общей тенденцией было расширение посевов риса и постепенное вытеснение менее эффективных в условиях Японии культур. Дело в том, что заливной рис практически не требует удобрений.

Ограниченность же территории, пригодной для ведения интенсивного производящего хозяйства, не позволила развиваться на архипелаге скотоводству, служащему в доиндустриальном обществе основным источником удобрений.

Еще одним фактором, препятствующим развитию скотоводства (в данном случае как источника белковой пищи), было наличие высокоэффективного рыболовства. Прибрежные воды Японии обеспечивают высокие уловы, а сжатость коммуникаций — доступность морепродуктов для жителей равнин и гор. Считается, что в нынешнее время в прибрежных водах Японского архипелага водятся 3492 вида моллюсков, морских животных и рыб, в то время как в Средиземном море — 1322, а у западного побережья Северной Америки — 1774³. Подавляющее большинство их обитает в районе архипелага Рюкю, однако наиболее продуктивные виды добываются на Хонсю и Хоккайдо (последний не входит в историческое ядро Японского государства — его полномасштабное освоение современными методами началось лишь во второй половине XIX в.). При этом восточное (тихоокеанское) побережье отличается намного большей продуктивностью, чем западное, что является одной из ключевых причин (наряду с наличием там богатых с точки зрения собирательства лесов), по которой в качестве хозяйственного центра Японии в период Дзёмон (неолита) утвердилось именно восточное (а точнее, северо-восточное) побережье архипелага⁴.

Особенно важным фактором в деле добычи пищевых ресурсов было наличие больших запасов кеты и горбуши, поднимающейся на нерест в материковые (островные) реки. Как показывают данные сравнительно-этнографических исследований, присваивающее хозяйство, основанное на промысле данных пород рыб, было способно обеспечивать высокую степень оседлости и плотности населения, вырабатывать сложные формы организации социальной жизни как на территории Японского архипелага, так и на северо-западном побережье Северной Америки. Еще одной своеобразной чертой японского морского промысла являлось широкое применение водорослей, многие виды которых использовались в пищу, а также в качестве удобрений.

Морской промысел (добыча морепродуктов вообще, включая рыбу, моллюсков, водоросли, соль) стал не чем-то дополняющим земледелие, а необходимым фактором его полнокровного развития в том виде, в каком оно сформировалось в Японии. Морепродукты были для японцев источником белка, микроэлементов, а впоследствии и удобрений для сухоходольного земледелия. Протяженность береговой линии Японии составляет более 280 тыс. км. Активное использование «мор-

ской нивы» в хозяйственных целях дает основания говорить о фактическом и весьма значительном увеличении территории Японии, пригодной для интенсивного хозяйственного освоения.

Таким образом, природные условия Японского архипелага представляют собой своеобразное сочетание факторов, которые в значительной степени позволяют поставить вопрос о предпосылках специфики исторического развития этой страны. Одна из его основных характеристик — интенсивность внутриобщественных информационных процессов, которые обеспечивались многообразием природных особенностей и способами адаптации к ним человека. В самом деле, «стартовав» (по дальневосточным и восточноазиатским меркам) сравнительно поздно, японское общество в конечном итоге (т.е. на сегодняшний день) превратилось в одного из экономическо-технологических лидеров современного мира, причем это ускоренное развитие было достигнуто почти единственно в результате экономического (технологического) развития, без использования экстенсивных (экстерриториальных) допингов. Постоянное обращение именно к интенсивным факторам развития — едва ли не основная черта истории японского общества и государства.

Японский архипелаг — это своего рода аппендикс Азиатского континента, «дальневосточная Америка», «край света», бывший в доисторическое время конечным пунктом дрейфа различных культур и народов. Теснимые всевозможными обстоятельствами, наиболее активные и жизнеспособные люди отправлялись в странствия, чтобы обрести чужую землю именно там. По каким-то, не совсем, впрочем, понятным, причинам (возможно, благодаря прежде всего разнообразию природных условий, позволявших развиваться почти каждому хозяйственному укладу) эта земля, соединенная в свое время с материком несколькими сухопутными мостами, не давала пришлым думать о возвращении. В результате с самого начала формирования неолитического общества рождалось некое единство людей, готовых (на уровне поведенческих реакций) к постоянному усвоению информации (в первую очередь экономико-технологической), исходящей из внешнего источника.

Динамическое взаимодействие человека и природной среды прослеживается по крайней мере начиная с периода, отстоящего от нас на 15 500 лет (памятники раннего палеолита на территории архипелага немногочисленны, и их атрибутика вызывает много вопросов). Именно в это время наблюдалось значительное потепление, которое дополнялось повышением влажности (13 тыс. лет назад) и формированием теплого Цусимского течения, впадающего в Японское море, — климат

архипелага становится морским и в своих важнейших параметрах не отличается от нынешнего.

Эти изменения вызвали трансформацию среды: увеличение снежного покрова, скрывающего корм на пастбищах; заболачивание почв; разрастание широколиственных лесов, поглощающих пастбища; увеличение населения и, следовательно, усиление его давления на окружающую среду, что привело к исчезновению крупных млекопитающих. Для населения же архипелага это означало сокращение привычной белковой пищи и необходимость хозяйственной адаптации: изменения приоритетов в охоте (японский олень, кабан, медведь, заяц, куница, енотовидная собака); намного большую роль собирательства (каштан, желуди, различные виды орехов).

Началось более активное освоение рыбных запасов; первые археологические свидетельства о морском промысле датируются периодом 10 тыс. лет назад — в наиболее ранних раковинных кучах обнаружены остатки различных морских моллюсков, кости плосколоба индийского, мурены, большоголового морского карася, полосатого тунца, тунца восточного и других рыб, которые соседствуют с костями млекопитающих и птиц, служивших объектом охоты⁵. При этом считается, что рыболовецкие сравнительно небольшие общины осваивали морскую территорию в радиусе 5–10 км от поселений⁶. Именно в это время появляются поселения на берегу моря — ранее они практически отсутствовали. Причем рыболовецкие прибрежные поселения, не будучи столь многочисленны, как материковые, абсолютно превосходят их по концентрации населения: если поселения собирателей состоят из 1–2 жилищ площадью 5–15 кв. м, то прибрежные значительно больше — как совокупно, так и по площади отдельных жилищ. При этом большая концентрация населения прослеживается в Северо-Восточной Японии. Антропологический анализ костных остатков показывает, что обитатели побережья, т.е. потребители более богатой белками пищи, обладали более мощным телосложением⁷.

В период Дзёмон совершенствуются орудия рыболовства, появляется рыбная ловля сетями. Все это свидетельствует о том, что в период Дзёмон в прибрежной части Японии создаются более благоприятные условия для эффективного хозяйствования.

Тогда же появляются и каменные топоры как следствие адаптации к разрастанию лесного покрова, а также керамика для варки растительной и животной пищи⁸ (по типу керамики, украшенной «веревочным орнаментом» — Дзёмон, и был назван весь последующий период). Первые крупные лесные пожары, вызванные хозяйственной деятель-

ностью человека, отстоят от нас на 8500—7000 лет⁹. Таким образом, от формирования доземледельческого хозяйственного уклада, основанного на охоте, собирательстве и активном морском промысле, нас отделяют приблизительно 10 тыс. лет.

От периода Дзёмон сохранились весьма крупные сооружения (жилые помещения диаметром до 30 м, циклопические кладки, масштабные кладбища), постройка которых требует кооперации значительного количества людей. Это свидетельствует о высокой степени самоорганизации общества Дзёмон, недостижимой без достаточной плотности населения (численность населения архипелага в конце Дзёмон оценивается в 1 млн человек¹⁰) и интенсивных информационных процессов в его среде. О том, что такие процессы действительно происходили, свидетельствуют как «миграция» орнаментов на керамике (в том числе из Восточной Японии на Кюсю — передача умения), так и наличие центров по производству каменных орудий, которые использовались на весьма значительном удалении от места создания¹¹.

Отмеченное выше единство трех хозяйственно-бытовых комплексов начинает складываться в период Яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.), когда на территории архипелага стремительно развивается производящее хозяйство (первые археологические данные о зачаточном земледелии — тыква-горлянка, перилла, лопушник, бобовые, гречиха и др. — датируются 4-м тыс. до н.э.¹²; к 1000 г. до н.э. подсечное земледелие — гречиха, просо — уже получило определенное распространение). В период Яёй мощный поток переселенцев, преимущественно с Корейского полуострова, приносит с собой культуру заливного риса¹³, для выращивания которого природные условия архипелага (обилие водных ресурсов, влажный и сравнительно теплый климат) оказались подходящими¹⁴. Вместе с тем неравномерность природных условий, сложный рельеф местности и ограниченность равнинных участков, приспособленных для земледелия, делали сельскохозяйственное освоение всей территории архипелага занятием весьма трудоемким. Наряду с культурой заливного земледелия на архипелаге получает распространение также применение (импорт и производство) бронзы и железа, появления которых практически не разведены в Японии во времени.

Поток переселенцев был мощным¹⁵ и сначала не встретил на своем пути существенных природно-естественных и культурных преград. Стремительность и география распространения заливного земледелия, принесенного на архипелаг сразу в своем законченном виде, впечатляет: появившись первоначально на Северном Кюсю и быстро освоив Юго-Западную Японию, культура заливного рисосеяния менее чем за

50 лет достигла восточного побережья Хонсю (преф. Аити) и побережья Японского моря в районе залива Вакаса. В 1988 г. заливные поля для возделывания риса, относящиеся к периоду Яёй, были обнаружены даже в префектуре Аомори.

Культура Яёй, однако, в отличие от Дзёмон, распространяется уже не по всей территории архипелага — Хоккайдо и Рюкю, север Хонсю и юг Кюсю не входят в ее ареал. Там не прививается заливное рисосеяние и связанный с ним культурный комплекс, а продолжают традиции Дзёмон, что и предопределило их историческое отставание. Сложившееся положение на севере Японии объясняется тем, что климат тех мест неблагоприятен для рисоводства, а рыбные ресурсы настолько богаты, что не стимулируют поиск более интенсивных способов хозяйствования. Что касается Рюкю, то вопрос этот остается в японской исторической науке открытым. Риском высказать предположение, что быстрый переход к производящему хозяйству, наблюдавшийся на основной территории страны, был возможен только в условиях притока значительного количества переселенцев. А их вынудили к передвижению неблагоприятные климатические и социальные факторы. Обретя землю на Кюсю, Хонсю и Сикоку, они тут же лишились всякого стимула к дальнейшему движению. Без иноэтнического и инोकультурного вливания Япония, по всей вероятности, еще в течение длительного времени оставалась бы страной рыболовов, охотников и собирателей — пример населения севера и юга архипелага свидетельствует в пользу этого заключения.

Распространение культуры Яёй на Хонсю также не было равномерным. И если на юго-западе Японии рисосеяние укореняется очень быстро, то на северо-востоке этот процесс протекает намного медленнее. По всей вероятности, здесь сыграли роль по меньшей мере несколько факторов.

- 1) Рисосеяние на северо-востоке в силу климатических условий менее эффективно, чем на юго-западе.
- 2) Поскольку условия для собирательства и морского промысла были более благоприятными на северо-востоке, то и заселенность этой части архипелага была традиционно выше¹⁶, поэтому весь культурный комплекс Яёй и его носители неизбежно должны были столкнуться с более мощной культурной инерцией, чем это наблюдалось на юго-западе.
- 3) Цикл рыболовства на севере (северо-востоке) Японии, более богатом рыбой, имеет своим пиком летний сезон, в то время как на юге сезонные миграции рыбы не так заметны¹⁷. Это предо-

пределило возможность (и необходимость) ведения более специализированного морского промысла на севере архипелага и сравнительно плавный переход к производящему хозяйству на юге (юго-западе). Хозяйственные последствия сезонного характера миграций рыбы смягчались широко распространенным собирательством моллюсков и водорослей.

- 4) Отказ (хотя бы и частичный) от рыболовства на холодном севере сопряжен с большими сложностями, чем на юге, в связи с потребностью населения в белковой пище.

С укоренением рисосеяния центр хозяйственной жизни архипелага сместился в Центральную Японию, где стремительно увеличивается плотность населения. К концу Яёй или же к началу курганного периода (III–VI вв.) оно уже превышает население Северо-Восточной Японии¹⁸. Население архипелага в целом к концу Яёй составило около 3 млн человек, т.е. утроилось¹⁹. Разумеется, это могло произойти лишь на основе производства значительного прибавочного продукта²⁰. Зримое отражение этот процесс находит в появлении специально построенных деревянных хранилищ, которые приходят на смену ямным «кладовым» Дзёмон. Именно в Центральной Японии в результате произошло формирование японской государственности. Анализ раковинных куч периода Яёй свидетельствует о продуктообмене между населением прибрежной и материковой частей Японии: раковинные кучи материковых регионов содержат достаточное количество остатков морепродуктов²¹.

Носителям рисоводческой культуры, таким образом, очень скоро (хотя и на ограниченный период) сделался доступным практически весь Японский архипелаг (за исключением Хоккайдо и Окинавы). Основывая на его территории собственные поселения, они вовлекали в свое информационно-хозяйственное поле все более обширное население. Размер этих поселений был значительно большим, чем в период Дзёмон (в среднем в два раза: соответственно 25 и 50 человек).

Однако этот процесс не был одномоментным. Современные исследования показывают, что жители горных районов еще весьма длительное время практиковали суходольное подсечное земледелие²² вкупе с охотой и собирательством; население же прибрежных районов занималось специализированным морским промыслом (рыболовство, собирательство водорослей, ракушек, выпаривание соли). Каждый хозяйственный уклад имел специализированный и товарный характер, не был самодостаточным, что предопределило развитие натурального, а впоследствии и денежного товарообмена.

Кроме уже указанного обмена продуктами питания, рыболовецкий комплекс испытывал зависимость от суши и в другом отношении: ему необходим был лес для строительства судов, дрова — для приготовления пищи и выпаривания соли. К тому же в отличие от населения Камчатки, Аляски или Океании японские рыбаки в меньшей мере использовали море для производства орудий лова (кость морских животных, китовый ус, раковины), завися в этом отношении от суши, в основном от горных районов (кость оленя для крючков, вьющиеся растения, конопля и др. для лесок и сетей)²³.

Курганный период (III—VI вв. н.э.) был назван так, исходя из наиболее зримого материального свидетельства эпохи — погребальных курганов правящего рода и родо-племенной знати (самый крупный из них, известный как «курган Нинтоку», имеет в длину 486 м; расчеты показывают, что для его постройки потребовалось более 1400 тыс. человеко-дней). К настоящему времени открыто более 10 тыс. курганов. Их многочисленность и широкий ареал распространения (от Кюсю на юге до современных префектур Иватэ и Ямагата), значительное конструкционное единообразие, быстрота распространения свидетельствуют о высокой «проводимости» вместившей их культурно-естественной среды. В курганный период формируется государственное образование, которое получило название Ямато. Его ядро находилось в Центральной Японии (в районе современных городов Нара—Киото—Осака).

Какими же процессами характеризуется этот период с точки зрения взаимоотношений человека и природы? Климатически это было время увеличения атмосферных осадков и некоторого похолодания, что сузило ареал распространения заливного рисоводства и вынудило человека адаптироваться к несколько ухудшившимся условиям земледелия, прибегая к ведению более интенсивного и эффективного хозяйствования. Интенсификация проходила по двум основным направлениям: 1) широкое применение металлических орудий труда, пришедших на смену деревянным; 2) устройство ирригационных систем (обводнение и осушение), что потребовало кооперации уже не только на деревенском, но и на региональном уровне (более сложная общественная организация и определенная структура по управлению этим процессом). В результате значительно увеличилась площадь обрабатываемой земли, возросло количество населения, которое могло прокормиться с нее, усилилась общая централизация жизни.

Урожайность риса в начале его распространения в Японии оценивается в 60 кг с 1 тана²⁴ (0,0992 га), т.е. около 6 ц с 1 га. Постоянное

совершенствование орудий труда и агротехнологий привело к росту урожайности, которая к XVII в. составила около 15 ц с 1 га²⁵. Рис стал основным средством платежей чиновничеству, что свидетельствует о достаточно высокой производительности труда и отлаженной системе сбора налогов. Определение размера налога именно в рисе (в то время как в сельском хозяйстве осваивали и другие культуры — чумизу, просо, гречиху, бобовые, батат и др.) свидетельствует о признании государством первостепенной важности этого продукта в общественном производстве.

Границы Ямато совпадают с границами культуры заливного риса. Японское государство было государством рисосеяния и — вольно или невольно — было заинтересовано прежде всего в контроле над регионами рисоводства²⁶. К тем же районам (север Хонсю, Хоккайдо), где производство риса было невозможно по климатическим условиям, государство не испытывало особого интереса, и попытки поставить их под свой контроль не отличались последовательностью²⁷. В Средневековые северная граница между «Японией» и «не-Японией» фактически проходила по реке Коромогава (преф. Иватэ). Верно и другое утверждение: в районах своего господства государство всячески стимулировало рисосеяние (там, где оно было возможно).

Наряду с рыбаками относительным политическим (но не хозяйственным) суверенитетом обладало население горных регионов; вмешательство в его жизнедеятельность ограничивалось теми случаями, когда она наносила ущерб каким-то общественным структурам (в первую очередь, храмам) или рисосеянию. Это касается прежде всего сохранения лесных запасов, обеспечивающих влагу в почве и питающих таким образом реки (количество атмосферных осадков на основной территории архипелага недостаточно для ведения поливного рисосеяния и предполагает ирригацию).

Всесторонне регламентируя деятельность равнинных земледельцев, государство считало жителей гор (так же, как и жителей приморских районов) особой категорией населения, признавая за ними большую свободу передвижения и блокируя попытки установления частной собственности на горные леса. Таким образом, присваивающие секторы хозяйствования четко выделялись как особые формы жизнедеятельности, не подпадающие под законы земледельческого (рисоводческого) уклада. Неделимость лесных и морских запасов выступала гарантом делимости и присваиваемости равнинной земли, пригодной для заливного рисосеяния. Подобная политика в отношении лесных массивов проводится начиная лишь с VIII в. — до этого времени многие лесные

участки находились в личном или же корпоративном владении/пользовании²⁸. Характеризуя земельную политику Японского государства в целом, исследователи обращают внимание на то, что в VIII–X вв. она была направлена не столько на освоение или же завоевание новых земель, сколько на четкое определение условий ведения хозяйствования на землях, уже вошедших в сельскохозяйственный оборот²⁹, что способствовало интровертности японской культуры в целом.

Одновременно с этим остается фактом активная деятельность государства (а также выступающих в качестве его агентов крупных буддийских монастырей) в области строительства ирригационных сооружений — каналов, дамб, дренажных систем и т.д. Эта направляемая государством деятельность началась по крайней мере со второй половины VII в., дополняя усилия, предпринимаемые на местном уровне. Свидетельством первостепенной важности, придаваемой государством земледелию, могут служить описания провинций Японии «Фудоки» (VIII в.), выполненные по государственному заказу, где уже применяется девятистепенная оценка плодородия земли³⁰.

В результате агротехнических усовершенствований, с учетом особенностей климата и почв, в XII в. сложилась ситуация, при которой стало возможным получать два урожая в год. Плодородие же любой пахотной земли исчислялось с XVI в. в гипотетическом урожае риса с единицы территории (*кокудакасэй*). Таким образом, именно рис становился наряду с деньгами универсальным товарным эквивалентом.

Что же касается рыболовства, то государство, считавшее себя земледельческим, вмешивалось, как отмечалось, в него в ограниченной степени, а социальный статус рыбака был всегда низок. Согласно официальным генеалогическим спискам «Синсэн сёдзироку» (815), практически все роды, чья историческая судьба была связана с морем, получили наименее престижный статус потомков «земных божеств»³¹. Японское государство было создано земледельцами, и потому представители других хозяйственных укладов не имели в нем доступа в высшие социальные сферы.

Чем же было море для общепонской культуры и цивилизации? Море, в отличие от суши, в доиндустриальном обществе — это почти всегда «ничейная земля», оно не вызывает территориальных конфликтов в такой степени, в какой они случаются на суше. С одной стороны, оно отъединяет, а с другой — служит проводящей информационной средой. Парадокс заключается в том, что море вплоть до второй половины XIX в. было проводником информации (если взглянуть на дело с макроисторической точки зрения) только в одном направле-

нии: с материка — в Японию. Это тем более примечательно, что, как уже отмечалось выше, значительная часть населения исторической Японии была образована выходцами с материка, которые сумели преодолеть водный барьер, причем массовость переселения указывает на преодолимость этой преграды. Тем не менее остается фактом неумение (а скорее нежелание) японцев строить быстроходные и надежные корабли, приспособленные для плавания в открытом море. Вплоть до начала массовых контактов с европейцами в XIX в. японцы не выучились серьезному мореплаванию, а их суда были предназначены для хождения преимущественно в прибрежных водах. Встречающиеся в литературе соображения о том, что в Японии отсутствует такое первоклассное кораблестроительное сырье, как скандинавский дуб или же тик, видимо, лишены серьезных оснований. Дело, вероятно, в ином — в отсутствии культурно-исторически обусловленной мотивации к постройке океанских кораблей.

Данные мифологическо-летописного свода «Нихон сёки» убедительно свидетельствуют о том, что до середины VII в. для государства Ямато (самоназвание того государственного образования, которое потом стало именоваться Японией) путешествие по морю не представляло особой проблемы. Весьма тесные связи военно-политического свойства с государствами Корейского полуострова, где Ямато имело свои интересы, обуславливали посылку туда многочисленных эмиссаров и крупных контингентов войск. Так, экспедиционный корпус 663 г. составлял 27 тыс. человек. Однако в результате серии поражений он был вынужден вернуться на архипелаг, после чего Ямато отказывается от активной внешней политики и начинает энергичное обустройство внутренней жизни.

От моря теперь ждут неприятностей, усиливается охрана южной границы, строятся крепости. Японское государство как бы впервые начинает отгораживаться от моря, определяя его как свою государственную границу. Пожалуй, именно в этот момент был сделан окончательный выбор в пользу интенсивного пути хозяйствования, который сопровождался постепенным нарастанием общей интровертности культуры. И хотя расширение территории Ямато продолжалось вплоть до X в. в северо-восточном направлении, водное расстояние, отделяющее Хонсю от Хоккайдо, преодолено фактически не было. Более того, даже на севере Хонсю власть Центра не была особенно прочной.

Представляется, что сложившийся в Японии хозяйственно-культурный комплекс ограничивал экспансию во внешний мир: цикл воспроизводства имел замкнутый и самодостаточный характер; тер-

ритория архипелага располагала всем необходимым для его поддержания. Главными условиями самодостаточности явились: отсутствие скотоводства и почти неизбежно сопутствующей ему территориальной агрессивности, вызываемой потребностью в пастбищах, а также богатые ресурсы моря, которые для того времени можно принять за неисчерпаемые, т.е. малоподверженные борьбе за территориальное превосходство; заливное рисосеяние, автоматически предполагающее интенсивные методы хозяйствования и тщательное освоение прежде всего ближнего пространства. Территориальная экспансия Японии началась только после «обновления Мэйдзи» (1867), т.е. только после того, как страна перешла на рельсы европейского индустриального развития, которому неизбежно сопутствует необходимость в увеличивающемся количестве минеральных ресурсов.

Объективно существовавшие предпосылки изоляционизма дополнились чисто историческими факторами. Нараставшая в VIII в. мирная экспансия иноземной культуры подтачивала саму идеологическую основу существования японского общества — культ предков, освящаемый синтоизмом. Может быть, свое наиболее зримое выражение этот процесс нашел в неудавшейся попытке (фактически единственной на всем протяжении японской истории) смены правящей династии, предпринятой буддийским монахом Докё. К тому же выходцы из Кореи и Китая предприняли масштабные усилия ревизовать синтоистский миф за счет создания генеалогических списков, согласно которым иммигранты возводили свое происхождение к божествам синтоизма. Увидев в этом процессе размывания устоявшихся социальных ценностей угрозу собственному положению, японская родо-племенная аристократия проявила стремление к самогерметизации, стараясь не допустить сторонние элементы в свою кастовую структуру. Естественно, что и вся ее социальная политика оказалась подчинена этим целям — она была рассчитана на предотвращение социальной мобильности во всех общественных сферах.

Однако способ изоляционизма, избранный японской аристократией, оказался весьма своеобразным. Ориентация на прошлое, на прецедент распространялась в основном на социальную сферу, что теоретически могло бы при осуществлении должного контроля привести к полному блокированию потенций ко всякому развитию. Однако этого не произошло, ибо наука и техника фактически не вошли в понятие формирующейся концепции национальной культуры (эта установка была реализована как «китайское знание и японский дух» начиная с IX в., как «европейская техника и японский дух» во второй

половине XIX в.), и, таким образом, для континентальных достижений в этих областях никогда не существовало непреодолимых препятствий к проникновению в Японию.

Отказавшись от решения военно-политических задач на Корейском полуострове, Японское государство, однако, еще не утеряло в этот момент интереса к культурному взаимодействию с материком. Тем не менее приоритеты были резко изменены — теперь наибольший интерес вызывали не государства Корейского полуострова, а сам Китай — безусловный центр древней дальневосточной цивилизации. Успев отправить четыре миссии к суйскому двору, Ямато продолжало посылать посольства в Китай танский: с 630 до 838 г. (время последней миссии) со средней периодичностью один раз в 14 лет. Первые посольства к танскому двору состояли из одного или двух кораблей (на каждом — от 120 до 160 человек). В VIII в. отправлялись уже обычно четыре корабля. Наиболее многочисленным посольство было в 838 г. — свыше 600 человек. Обычно в состав посольств входили дипломаты, специалисты (врачи, фармацевты, астрологи, ремесленники), ученые и монахи, экипаж кораблей (до 40% общей численности посольства — конструктивное несовершенство судов компенсировалось мускульной силой).

Наряду с выполнением задач, связанных с этикетом, посольства поставляли разнообразную письменную информацию (монахи Сайтё и Кукай, направившиеся в Китай с посольством 804 г., привезли в Японию 446 текстов только буддийского содержания; количество светских текстов не поддается точному учету), на что выделялись специальные ассигнования. Не слишком большое число посещавших Китай позволяет предположить, что основным средством получения необходимой информации и навыков были книги, которые после возвращения на родину изучались, переписывались и распространялись. Несмотря на то что японцы (как по количеству посольств, так и по числу посылаемых студентов) уступают в интенсивности контактов с Китаем Королевства Силла³², знакомство японцев со всеми проявлениями китайской жизни отнюдь не уступало знаниям силланцев. При этом почти полное отсутствие у Китая интереса к Японии давало возможность избирательного отношения к получаемой информации и интерпретирования ее с точки зрения сложившихся условий и менталитета.

Наиболее многочисленные личные контакты с носителями континентальной культуры осуществлялись не посольствами, а мощным потоком переселенцев с Корейского полуострова, вызванным крушением Пэкче (663) и Когурё (668), когда Силла удалось объединить Корею.

Как свидетельствуют генеалогические списки «Синсэн сёдзироку» (815), в высшей элите японского общества около трети были недавними выходцами с континента. Находясь на стадияльно более высокой ступени развития, они, естественно, представляли собой незаменимые кадры для государственно-культурного строительства. Кроме того, определенную роль в приобщении японцев к дальневосточной цивилизации играли и посольства государства Силла, заинтересованного в укреплении своего международного авторитета. Однако после признания Силла Китаем официальные миссии стали постепенно сокращаться и прекратились после 779 г.

Проявляя интерес к материковому опыту (прежде всего — китайскому), моделируя в значительной степени государственное строительство по китайскому образцу, японцы делали это главным образом с помощью готовых кадров с континента (переселенцев из Кореи и Китая), а также письменной информации. В этом историческом опыте заложены стереотипы культурно-исторического поведения японцев на протяжении почти всего последующего исторического периода: мудрость приращивается прежде всего письменным словом; не столько самим искать контактов с внешним миром, сколько ожидать, когда этот внешний мир откроет тебя («комплекс невесты»). В то время как начиная с IX в. китайские торговцы значительно активизировали свою деятельность, включив в нее и Японию, в самой Японии стал действовать запрет в отношении посылки на материк частных торговых судов³³. Такая же ситуация сложилась и с прибытием в XVI в. в Японию португальских торговцев: именно они, а не японские купцы осуществляли морские перевозки. Крайне немногочисленные, приближающиеся к нулю, контакты Японии с внешним миром (Голландия, Китай, Корея) в период Токугава (1603—1867) также соответствуют этой модели: японцы были готовы изредка принимать иностранные суда, но не посылать свои.

Оценивая в целом характер связей Японии с окружающим миром, отметим, что обмен между ней и материком осуществлялся прежде всего в информационной (книжной), а не товарной сфере. Японцев значительно больше интересовали идеи, ноу-хау, а не готовые к употреблению продукты.

Пассивность по отношению к внешнему миру компенсировалась значительной активностью в области целенаправленного создания внутренней информационной инфраструктуры, немислимой без строительства дорог и подготовки специалистов в сфере протоинформатики — грамотных чиновников. Именно эта инфраструктура была при-

звана обеспечить единое товарно-информационное поле государства: облегчить обменные процессы между центром и провинцией, между регионами, различными хозяйственными укладами.

Еще в VII в. было построено несколько дорог, соединявших Центральную Японию, где локализовались резиденции японских «императоров», с Нанива (совр. Осака), где находился морской порт. О выдающемся значении, придававшемся раннеяпонским государством дорогам, свидетельствует «манифест Тайка»³⁴ (645), знаменующий собой начало перехода к «современному» государству. В этом указе, наряду с радикальными реформами системы социально-политического устройства (отмена частной собственности на землю, ликвидация лично зависимых категорий населения, введение надельной системы землепользования), запланировано создание сети почтовых станций, призванных обеспечить бесперебойное сообщение между центром и провинцией. В VIII в. усилиями государства было построено семь «государственных дорог» — *кандо* (шириной по меньшей мере 10 м), которые должны были обеспечить сбор налогов, быстрое и эффективное сухопутное сообщение.

Водные пути коммуникации были при этом государством почти полностью проигнорированы. Данная стратегия была, несомненно, стратегией чисто земледельческого государства. Одним из символических (да и практических) выражений такой стратегии явилось прекращение посольств в Китай в IX в. и прямой запрет на контакты с ним без специального разрешения. Достигнув на какой-то период политико-социальной стабильности, государство полностью утратило интерес к подвижной стихии воды, соединявшей его с внешним миром, стало испытывать страх перед открытыми пространствами, все более замыкаясь «на внутреннем» во всех его проявлениях. К этому времени основные культурные стереотипы уже сформировались; вышедшее на историческую арену самурайство тоже не имело особого желания проникать за пределы Японии, и его милитаристская направленность реализовалась в продолжительной серии междоусобных войн.

Что касается создания общегосударственного информационного поля, то здесь еще начиная с VII в. был сделан сознательный выбор в пользу письменных средств коммуникации. О размахе употребления письменности для государственных нужд свидетельствуют многочисленные «деревянные таблички» (*моккан*), массовые находки которых относятся к самому последнему времени. Эти таблички содержат в основном информацию, представляющую интерес для государственного управления: переписку между различными ведомствами, сведения

о назначениях, поступлении налогов, складировании и хранении товаров и т.п. Кроме того, обнаружены таблички с цитатами из произведений китайской классической литературы, японские стихи, записанные иероглифами в их фонетической функции. Двор требовал от провинций детальных отчетов о численности и составе населения, сборе налогов и т.д. Подобная документация отправлялась ко двору несколько раз в год, причем за один раз, как об этом свидетельствуют сохранившиеся данные по провинции Идзумо, могло составляться до 45 свитков³⁵. Что касается документов, присылаемых из Центра, то одной из самых распространенных находок являются календари, призванные обеспечить создание единого общегосударственного времени, «вмещающего» в себя всю остальную информацию, необходимую для функционирования государства.

Такой интенсивный обмен информацией не мог, разумеется, осуществляться без разветвленной сети школ. Школы чиновников создаются в Японии чрезвычайно рано: столичная — в 670 г. (около 450 учеников), провинциальные — в 701 г. (около 60 провинций с числом учеников от 24 до 60). Кроме того, существовали школы медицины и астрологии (общее число учеников — около 110). Таким образом, количество получающих планомерное образование в каждый отдельно взятый момент было для своего времени достаточно велико — более 3 тыс. человек. Если учесть, что какое-то число буддийских монахов получало образование при монастырях, то станет понятно: система образования в Японии VIII—X вв. (начиная с X в. пришедшее в упадок государственное образование сменяется домашним) отличалась размахом достаточным, чтобы обеспечить реальное функционирование письменности как средства управления и коммуникации. Усвоение единого корпуса текстов создавало общую культурную память, без которой невозможно формирование национальной культуры. К тому же китайский язык в известной мере играл роль койне, призванного преодолеть и диалектную раздробленность.

В создании единого информационного поля роль буддизма была весьма велика. Общая направленность этого вероучения на прозелитскую деятельность диктовала потребность в обширном корпусе проповедников, путешествующих по всей стране, служивших проводниками самой различной информации. Заинтересованность буддизма в приобретении новых адептов находила свое выражение, в частности, в активном участии его приверженцев в строительстве транспортной инфраструктуры: жития святых этого времени, перечисляя достоинства святого, не забывают отметить его вклад в строительство мостов и до-

рог. Широкое строительство буддийских храмов, активно поддерживаемое государством, обеспечивало высокую концентрацию населения в местах строительства. Сами храмы также стали постоянным местом общения, обмена и аккумуляирования информации. Признавая одной из основных добродетелей переписывание сутр, буддизм способствовал широкому распространению грамотности.

Япония унаследовала китайско-конфуцианский пиетет перед письменным словом, которое стало символом высокого социального статуса (доступ в центральную школу чиновников был социально детерминирован). Стремление к овладению грамотой, осознание общественных и практических преимуществ образованности прослеживается на всех этапах истории этой страны.

Вряд ли следует, разумеется, переоценивать уровень общей грамотности населения. В VIII в. Япония уже владела искусством ксилографии, и во второй половине VIII в. был отпечатан 1 млн (!) буддийских дхарани. Однако этот опыт оказался изолированным, и реальное распространение ксилографической печати (прежде всего для тиражирования буддийских текстов) относится к XII в. Тем не менее в исторической перспективе любовь к книжному образованию, его необходимость для карьерного продвижения, практические выгоды от овладения важной управленческой, научной, экономической и технологической информацией принесли свои плоды: в первой половине XIX в. уровень грамотности среди мужчин составил 40–45%, что и послужило одной из важнейших предпосылок невероятно быстрого перехода Японии к современному индустриально производящему хозяйству.

Стремление приобщиться к настоящей «цивилизации» (которая однозначно ассоциировалась с Китаем) было продиктовано потребностью в соответствующем письменно закреплённом оформлении государственности, которое вылилось в последовательное составление исторических летописей и законодательных текстов. Особый интерес представляет собой феномен летописей, ибо исторические формы сознания стали неотъемлемой частью массовой психологии и являлись важнейшим условием передачи информации (технологической и культурной) во времени. Сама естественная история Японского архипелага как бы создает символические предпосылки для формирования установок на преэмптентность: ледниковый период не вызвал в Японии сколько-нибудь обширных зон оледенения, и похолодание, в отличие от Европы, сопровождалось не столько вымиранием наименее приспособленных видов флоры и фауны, сколько смещением границ их распространения к югу. Большая протяженность архипелага в ме-

ридианном направлении и отсутствие барьеров в виде пересекающих острова в широтном направлении горных хребтов давали для этого достаточные возможности³⁶. Разнообразие природно-климатических условий среды обитания, проявляющееся в повседневной практике (прежде всего в неоднородности пищевых ресурсов), явственно приводит к возникновению предпосылок запрограммированно-плюралистического отношения к жизненным ценностям вообще. Опыт Японии вполне подтверждает этот тезис: общий модус поведения японца характеризуется весьма терпимым отношением ко всему, что причисляется к «внешнему» миру (будь то религиозные, культурные или бытовые представления). Вопрос заключается в том, где проходит граница между «внутренним» и «внешним».

В основе уважительно-трепетного отношения японцев к прошлому (то, что было однажды начато, должно быть во что бы то ни стало сохранено и продолжено) лежит развитый культ предков. В самых ранних письменных источниках, фиксирующих реальности мифа, мы встречаемся со счетом времени, который ведется на «поколения». Именно «поколение» является квантом времени, причем поколение представляется элементом не столько разъединяющим, сколько объединяющим. В отличие, скажем, от греческой мифологии, где между различными поколениями божеств возникают постоянные конфликты (проблема «отцов и детей» в современном обществе), в японской мифологии понятие «поколение» символизирует прежде всего преемственность.

Культ предков в результате наполнился историческим содержанием, создавая возможность передачи во времени максимума информации. В исторический период счет времени по поколениям был дополнен китайскими системами летосчисления (шестидесятилетним циклическим; по девизам правления), но эти системы оставались, пожалуй, в большей степени лишь техническим средством. Внутреннее же содержание течения времени сохранялось прежним: оно воспринималось, главным образом, как процесс преемственности. Оттого-то и идея революционных преобразований, неизбежно связанных с волевым разрывом связи времен, т.е. поколений, никогда не пользовалась в Японии сколько-нибудь широкой популярностью.

Японские реформаторы всегда облекали свои новаторские идеи в одежды традиционности, возврата к прошлому. Реставрация Мэйдзи служит тому наилучшим подтверждением — решительный и поистине революционный перевод страны на рельсы современного экономическо-технологического развития позиционировался как возврат к про-

шлому, реставрация власти «императора», ущемленной при военных правителях — сёгунах.

Таким образом, интенсивные процессы передачи информации «по горизонтали» в пространстве (во многом обусловленные естественно-природными факторами) дополнялись в Японии такими же активными процессами передачи информации и «по вертикали», т.е. во времени (социально-культурный фактор).

На практике это приводило к длительному сосуществованию социальных групп и образований, которые отчетливо осознавали свои исторически обусловленные интересы — плюралистический фактор японской истории. В то же время внутреннее устройство каждой группы было вполне иерархичным, что находило объяснение в писаной или устной «внутренней» истории.

Многоукладное общество с родовой аристократией у власти (ее собственное экономическое могущество зиждилось прежде всего на эксплуатации земледельцев-рисоводов) создало весьма своеобразную культуру, которая осваивает крайне ограниченное физическое пространство, интенсивно насыщенное всякого рода обменными и информационными процессами. Эту культуру возможно определить как «близорукую», имея в виду, что она (в противоположность культурам «дальнозорким» — российской, например) осваивает прежде всего ближнее, «околотелесное» пространство; она интровертна, тяготеет к самореализации в мелких пространственных формах; склонна к детализации, структуризации, каталогизации; процедура измерения играет в ней значительную роль; она страдает агорафобией. Одной из символических фигур такого мировидения остается дзэнский монах, предающийся медитации, взгляд которого направлен не вовне, а внутрь. Что касается временного аспекта этой культуры, то она осваивает прошлое время на максимально возможную глубину, но «не любит» и не умеет строить объемные планы на будущее³⁷.

Примечания

¹ Широко распространенное ныне мнение о бедности Японии ресурсами справедливо лишь до некоторой степени. *Во-первых*, Япония бедна лишь минеральными ресурсами (растительные, лесные, водные и рыбные ресурсы имеются в достаточном количестве), и, *во-вторых*, их ограниченность стала ощутима лишь в XIX в. перед опасностью военно-экономической экспансии Запада.

² *Обояси Тарё*. Нихон-но кайё бунка то ва нани ка (Что такое японская морская культура?) // Уми кара мита нихон бунка. Уми то рётто бунка (Взгляд

на японскую культуру со стороны моря. Море и культура архипелага). Т. 10. Токио, 1992. С. 23.

³ *Ясуда Ёсинори*. Рэтто-но сидзэн канкё (Природные условия архипелага) // *Нихон цуси*. Т. 1. С. 52.

⁴ *Акимити Томоя*. Уми-но сэйтайгаку то гёро (Экология моря и рыболовство) // *Уми кара мита нихон бунка*. Т. 10. С. 154.

⁵ В принципе не исключена возможность обнаружения более древних раковинных куч, поглощенных ныне морем. Соседство костных остатков объектов промысла, обитающих в различных природных средах, свидетельствует о комплексном, неспециализированном характере хозяйства того времени.

⁶ *Акимити Томоя*. Уми, кава, мидзууми-но сигэн-но риёхохо (Использование ресурсов морей, рек и озер) // *Нихон-но кодай* (Япония в древности). Т. 8. Токио, 1987. С. 50.

⁷ *Ямаути Киёси*. Дзёмон дзидай-но гёро кацудо (Рыболовство в период Дзёмон) // Там же. Т. 8. С. 89, 113–116.

⁸ *Ясуда Ёсинори*. Указ. соч. С. 61–68.

⁹ *Matsuo Tsukada*. Vegetation in Prehistoric Japan: The Last 20 000 Years // *Windows on the Japanese Past: Studies in Archaeology and Prehistory*. The University of Michigan, 1986. P. 12.

¹⁰ *Кито Киёаки*. Рокусэйки мадэ но нихон рэтто (Японский архипелаг до VI в. н.э.) // *Нихон цуси*. 1993. Т. 2. С. 19. Существуют и более умеренные оценки численности населения архипелага.

¹¹ Там же. С. 8–9.

¹² Показательно, что первые данные о зачаточном земледелии совпадают с понижением среднегодовых температур, что привело к сокращению населения архипелага.

¹³ Наиболее раннее свидетельство возделывания риса относится к 1200 г. до н.э. (Итадзукэ, преф. Фукуока), но в этот период рисосеяние еще не получило сколько-нибудь широкого распространения.

¹⁴ В отличие от великих цивилизаций Древнего Востока, неизменным условием существования которых являются огромные усилия, направленные на строительство оросительных систем и сбережение воды, японской цивилизации пришлось приспосабливаться и к избытку водных ресурсов. Несмотря на необходимость проводить ирригационные мероприятия по осушению, они все-таки сильно уступают в масштабности работам по обводнению в странах Древнего Востока, что, безусловно, способствовало становлению там деспотических режимов правления.

¹⁵ Численность переселенцев за период с начала Яёй до VIII в. оценивается в 1200 тыс. человек (местное население на начало Яёй составляло около 1 млн человек). См.: *Hanihara Kazuo*. Estimation of the Number of the Early Migrants to Japan: A Simulative Study // *Journal of Anthropological Society of Nippon*. 1987. Vol. 95. 1987. No 3. P. 391–403; *Koyama Shunzo*. Prehistoric Japanese Populations: A Subsistence-Demographic Approach / *International Center for Japanese Studies*.

Kyoto, 1992. Р. 187–197. При этом общее население Японии в VIII в. насчитывает 5600 тыс. человек. См.: *Савада Гоити*. Наратё дзидай-но минсэй кэйдзай-но сутэки кэнкю (Статистическое исследование народной экономики в период Нара). Токио, 1927.

¹⁶ Плотность населения на севере Японии в период Дзёмон оценивается в 3 человека на 1 кв. км, в то время как в районе Кинки (Нара—Киото—Осака) — 0,09 человека, т.е. приблизительно в 30 раз меньше (см.: *Ямаути Киёси*. Указ. соч. С. 122).

¹⁷ *Акимити Томоя*. Уми, кава, мидзууми-но сигэн-но риёхохо. С. 50.

¹⁸ *Кояма Сюдзо*. Дзёмон дзидай. Компюта кокогаку фукугэн (Эпоха Дзёмон. Компьютерная реконструкция археологии). Токио: Тюокоронся, 1984.

¹⁹ *Кито Киёаки*. Указ. соч. С. 19.

²⁰ Согласно подсчетам Кояма Сюдзо (их, разумеется, следует воспринимать не как окончательную истину, а как более или менее адекватное отражение реалий хозяйственной жизни), пищевая ценность источников питания, рассчитанная в калориях, которые можно получить с единицы площади, такова: олень — 1, пресноводная рыба — 24, желуди — 342, форель восточная — 414, рис — 1012 (см.: *Кояма Сюдзо*. Жизнь и умонастроения... С. 126).

²¹ *Акимити Томоя*. Использование ресурсов морей, рек и озер. С. 56.

²² Подсечное земледелие широко практиковалось в горных районах вплоть до Второй мировой войны. Рассуждая о причинах столь длительного существования подсечного земледелия, Обаяси Тарё, вслед за Киёума Кадзутаке, отмечает кислотный характер почв во многих горных регионах, плодородие которых при традиционных методах хозяйствования (т.е. при отсутствии удобрений и извести) могло поддерживаться только с помощью выжигания растительного покрова (см.: *Обаяси Тарё*. Яма-мо сэйтайгаку то синборидзуму (Экология гор и символизм) // Нихон-но кодай. 1987. Т. 10. С. 20–21). Отметим более интенсивный (по сравнению с Россией и Европой) характер вегетации японской флоры, что обеспечивает более короткий восстановительный период (в Японии минимальный период восстановления составляет 10 лет).

²³ *Акимити Томоя*. Использование ресурсов морей, рек и озер. С. 182–183.

²⁴ Нихон кодайси дзитэн (Словарь древнеяпонской истории). Токио, 1993. С. 30.

²⁵ *Сасаки Комай*. Хатасаку бунка то инасаку бунка (Культура сухоходльного земледелия и культура заливного рисоводства) // Нихон цуси. Т. 1. С. 225.

²⁶ Именно поэтому письменные источники, которыми мы располагаем, отражают по преимуществу реалии земледельческого (рисоводческого) уклада, с чем и связаны значительные трудности по реконструкции общей картины хозяйственной и культурной жизни общества.

²⁷ Хоккайдо оставался территорией, полностью независимой от Ямато; север Хонсю, населенный племенами эмиси, занимавшимися охотой, рыболовством и собирательством, находился с Ямато в даннических отношениях. Попытки активной колонизации севера Хонсю были оставлены в начале IX в.

См.: *Кумата Рёсукэ*. Кодай кокка то эмиси, хаято (Древнее государство эмиси и хаято) // Нихон цуси. 1994. Т. 4. С. 187–224.

²⁸ *Нисияма Рёхэй*. Санрингэнъя-но сихай то хаттэн (Управление и освоение горных лесов и долин) // Нихон-но кодай. Т. 10. С. 368.

²⁹ Там же. С. 374.

³⁰ Применение данной шкалы отражает общую склонность японской культуры, выявляемую уже в это время, к тотально используемой процедуре измерения, которая в Европе получает широкое распространение лишь в Новое время. Это стало одной из важнейших предпосылок стремительного усвоения Японией научно-технических достижений Запада после реставрации Мэйдзи.

³¹ *Маюдзуми Хиромити*. Кайдзиндзоку-но удзи-о сагури, тодзэн-о оу (Род у морских племен и продвижение на восток) // Нихон-но кодай. Т. 8. С. 197–200.

³² *Ёсида Такаси*. Хассэйки-но нихон. Рицурё кокка (Япония в VIII в. Государство типа «рицурё») // Нихон цуси. Т. 4. С. 71.

³³ Китайские купцы вывозили из Японии в основном первичные ресурсы — золото, ртуть, серу, жемчуг, дерево, а также рис, произведения искусства и мечи, а ввозили медную монету, керамику, шелк и хлопчатобумажные ткани, пряности, красители, изделия из бамбука и дерева, письменные принадлежности, книги, картины, экзотических птиц и животных. Таким образом, структура внешней торговли была рассчитана на удовлетворение потребностей высших страт японского общества.

³⁴ Перевод «манифеста Тайка» см.: *Попов К. А.* Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984. С. 52–77.

³⁵ *Хиракава Минами*. Урусигами мондзё то тихо гёсэй (Лаковая эпиграфика и местное управление) // Нихон цуси. Т. 4. С. 325.

³⁶ *Ясуда Ёсинори*. Указ. соч. С. 49–50.

³⁷ Подробнее см., в частности, мои работы: Нихон бунка то росиа бунка-но хикаку рон. Кинсиган то энсиган (Сравнительный анализ российской и японской культур. Близорукость и дальнорукость) // Гэнго бунка кэнкю (Исследования по языку и культуре). Киото, 1991. № 5–6; Взгляд и нечто. Близорукость и дальнорукость японской культуры // Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992; Space and Time Pattern in Russian and Japanese Cultures // State, Religion and Society in Central Asia: A Post-Soviet Critic. Ithaca Press Reading. L., 1993; Взгляд на пространство и пространство взгляда // Иностранная литература. 1993. № 5.

ОСМЫСЛЕНИЕ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ В ПРОЦЕССЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЯПОНИИ И ЯПОНЦЕВ

Для полноценного физического и социального существования каждый человек и каждый порожденный людьми институт нуждаются в идентификации, т.е. в проведении границы, обозначающей их отдельность как в физическом пространстве, так и в общественно-идеологической системе. Появляясь позже собственно человека и протогосударственных институтов, государство подчиняется этому правилу.

В истории Японского государства можно проследить несколько основных направлений и этапов идентификации.

1. Идентификация государства (со второй половины XIX в. и «японского народа») через сакральную фигуру императора (особый упор делается на непрерывности и несменяемости династии). Данный способ идентификации «работает» с древности до сегодняшнего дня.
2. Идентификация через особые свойства населения, проживающего на территории, подвластной (фактически или идеологически) верховному правителю (императору или сёгуну). Этот дискурс актуализируется при сёгунате Токугава, когда под «особыми свойствами» понимались главным образом морально-этические параметры (лояльность и соблюдение конфуцианских норм общежития), по которым японцы (прежде всего самураи) превосходят другие народы. В период Мэйдзи, когда происходит целенаправленное формирование «государства-нации», к «японцам» относят уже всех обитателей архипелага и к их особым свойствам добавляются антропологические (цвет кожи, строение тела) и культурные характеристики (обычаи, умения, обостренное чувство прекрасного и т.д.). После окончания Вто-

рой мировой войны основной акцент делался на культурных особенностях японцев (дискурс, получивший название «*нихондзинрон*»).

3. Идентификация через землю (среду обитания) японцев. Этот дискурс восходит к древности и дожил до настоящего времени. К реальной среде обитания он имеет лишь опосредованное отношение. Несмотря на то что среда обитания японцев менялась сравнительно мало, в разные исторические периоды ей приписывались разные характеристики. По аналогии с широко распространенным термином «воображаемые сообщества» (*invented communities*) этот способ идентификации можно назвать «воображаемой географией» (*invented geography*), в результате его создается конструкт «земля Японии». Именно этому способу идентификации уделяется основное внимание в данной главе.

Большая и обильная страна

Исторический путь Японии сколько-то полно прослеживается по письменным источникам начиная с VII–VIII вв., когда происходит формирование централизованного государства. Его управленческие центры располагались в Хонсю (так называемый «район Кинай») в местах нахождения резиденций государей — в Фудзивара, Нара, Хэйан (совр. Киото). Этот тип государства с одним центром власти в столице формально просуществовал до образования сёгуната Минамото (1185), однако его эрозия хорошо заметна уже в X в.

В древности под «государством» понимался прежде всего государь и его ближайшее аристократическое окружение. Этих аристократов объединяло происхождение от высших божеств синтоистского пантеона. Только они имели право на получение высших рангов (с 1-го по 5-й) и должностей. Численность этой группы составляла всего несколько сот человек. Именно в их среде и происходила выработка критериев для идентификации «японского государства». Низкоранговое чиновничество численностью приблизительно 6 тыс. человек выступало проводником тех идей, которые вырабатывались «государством». Чиновники имели множество привилегий, освобождались от налогов. Все остальное население налоги платило. Его подавляющее большинство составляли крестьяне. В Древней Японии была принята система надельного землепользования, вся земля находилась в корпоративной собственности государства (т.е. двора). Аристократам обеспечивался наиболее благоприятный доступ к этому основному ресурсу земле-

дельческого общества, который они постепенно превращали в частную собственность.

Государь и государство выступали в качестве учителя и руководителя по отношению к остальному населению (прежде всего крестьянам) — одной из главных характеристик «простого народа» объявлялась «глупость», т.е. неспособность к принятию адекватных решений. Именно поэтому в государевых указах эти люди часто именуется «детьми» — людьми не вполне полноценными. Данная метафора подразумевает не только родственную близость и теплоту семейных отношений (в формульных интронизационных указах государи обязуются «ласкать и миловать» народ), но и безоговорочное послушание государю, позиционировавшемуся как «отец» (или даже как «отец и мать») народа. Поскольку общественные отношения характеризовались малой вертикальной мобильностью, в отличие от настоящих детей «государевы дети» не имели шанса «вырасти» и перестать быть детьми, отстраненными от принятия каких бы то ни было решений, касающихся государства. «Дети» представляли для государства объект заботы (была создана достаточно эффективная система помощи в случае недородов, стихийных бедствий, эпидемий), но не выступали в качестве предмета гордости, повышающего престиж страны, ибо вряд ли можно гордиться носителями глупости.

Повышение престижа государства осуществлялось, в частности, через наделение территории страны положительными и даже превосходящими характеристиками. Они закреплены в именовании Японии, которые постоянно встречаются в ранних мифологических, ритуальных, исторических и поэтических текстах. К ним относятся: Ооясимано кун — Большая страна из восьми (множества) островов (территорий); Тоёакикусима — Остров (острова, территории) богатых урожаев; Тоёасихара мидзухо-но кун — Страна обильных тростниковых равнин и удивительных колосьев риса (тростник в данном случае выступает как символ быстрой вегетации и, следовательно, показатель обильности японской земли).

В период создания и начального существования централизованного государства элита заряжена оптимистическим настроем, поскольку управленческие и мобилизационные возможности государства демонстрировали положительную динамику. Этот настрой соотносился с представлением о богатстве японской земли не только пищевыми ресурсами, но полезными (подземными) ископаемыми. В VIII в. фиксируется три изменения девизов правления, связанных с обнаружением полезных ископаемых — золота (два случая) и меди. В указах, посвященных этим находкам, неизменно подчеркивалась изобильность японской земли. Так, по случаю обнаружения меди в указе государыни Гэммэй говорилось:

«И вот донесли Нам, что в стране обильной, где Мы правим, в земле Мусаси, в стороне восточной, мягкий красный металл сам собой наружу явился. И мыслим Мы божественной сутью своей, что это — сокровище, явленное изволением богов дарующих, на Небе пребывающих, на Земле пребывающих»¹.

Исторические хроники фиксируют достаточно большое количество природных бедствий (землетрясений, тайфунов, наводнений, засух), пожаров, эпидемий и политических заговоров, которые воспринимались как проявление гнева конфуцианского Неба, синтоистских божеств и будд в ответ на несправедное поведение государя и его чиновников. Для умиротворения высших сил существовал целый комплекс ритуальных и практических мер: моления, материальная и медицинская помощь пострадавшим, послабления в налогах, амнистии, смена девиза правления и т.д. Считалось, что эти меры угодны высшим существам, которые непременно сменят гнев на милость. Иными словами, жизненные проблемы мыслились как принципиально поддающиеся контролю.

Вышеперечисленные названия Японии и характеристики ее земли предназначались прежде всего для внутреннего употребления и укрепления уверенности элиты в своих силах и правах. Как же обстояло дело с представлениями об окружающих Японию землях и странах?

В период формирования древнего централизованного государства японская элита заимствовала многие китайские концепты, включая и модель пространства. Тем не менее она претерпела на японской почве существенные трансформации. Китайская модель пространства предполагала, что вверху находится круглое Небо, а внизу — квадратная Земля (Поднебесная). В центре Поднебесной располагается «срединная страна» — сам Китай, окруженный с четырех сторон варварскими племенами и странами. Японии в этой модели уделялась роль «восточных варваров», которые обязаны приносить дань ко двору «сына Неба» (китайского императора).

По понятным причинам японская элита не захотела принять эту концепцию полностью и позиционировала Японию как независимую страну, а не как вассала Китая. В связи с этим в Японии вводятся собственные (а не китайские!) девизы правления и собственное законодательство — маркеры независимости страны. Кроме того, в начале VIII в. принимается решение о «самовольном» переименовании страны, что было также запрещено в той системе международных отношений, в центре которой находился Китай. Если раньше самоназванием страны было Ямато (топоним в центре Хонсю), то теперь в международной практике она начинает гордо именовать себя Нихон («Присолнечная страна»). Этот акт был решительной ревизией китайской простран-

ственной концепции. И если для Китая восток (как и любые другие направления за исключением Центра) однозначно ассоциировался с варварами, обитающими на непригодных для культурного китайца землях, то в японском понимании восточное расположение страны было связано исключительно с положительными коннотациями.

Соотнесение Японии с прародительницей императорского рода Аматэрасу, востоком и утренним солнцем становится постоянной и общепринятой характеристикой страны, показателем ее уникального и благоприятного географического расположения.

Соотнося себя с востоком, Япония не называла себя «срединной страной». Тем не менее японский император часто именует себя «сыном Неба». Поскольку «сын Неба» по определению может быть в Поднебесной только один, то он непременно должен соотноситься только со «срединной страной». Таким образом, древние японцы все-таки считали себя «срединной страной» (или же ее аналогом), хотя и избегали употребления этого термина. Но это была «срединная страна» не для всего мира, а лишь для самого Крайнего Востока, в который Китай не входил. Таким образом, речь идет о «мини-Поднебесной», о ее уменьшенном клоне.

Концепт «срединной страны» предполагал «недвижимость» порядков и может быть охарактеризован как «географический детерминизм»: Центр, где пребывает священный и добродетельный правитель, отличается несравненными природными характеристиками — благоприятным географическим положением, наилучшим климатом. Эти природные условия самым непосредственным образом влияют на обитающих там людей — они изначально «культурны», периферия же не имеет никаких шансов на то, чтобы превратиться в Центр. В первую очередь потому, что периферия по определению обладает дурными природными условиями (климат, рельеф, географическое положение), которые не могут породить «культурность». Осознание этого доставляло глубокое удовлетворение обитателям Центра, которые не ставили своей целью широкомасштабное окультуривание варварских окраин. Именно этим объясняется наблюдаемая на протяжении почти всей японской истории пассивность по отношению к расширению своей территории. Считалось, что периферия малопригодна для проживания там «культурного» человека.

Концепция «срединной страны» предполагала, что Япония окружена варварами. На их роль были «назначены» племена хаято (обитатели юга Кюсю и прилегающих островов — «южные варвары»), к «восточным варварам» относились племена эмиси (или эдзо — протоайны), населявшие север острова Хонсю со стороны побережья Тихого океана. Племена эмиси на севере Хонсю (со стороны Японского моря) счита-

лись «северными варварами», обитателей Силла и Бохай с некоторыми оговорками можно квалифицировать как «западных варваров». Обязанность варваров — присылать посольства с небольшой данью, чего и требовал японский двор от своих системных партнеров. Эта дань была символической, ответным дарам полагалось быть более богатыми, но нарушение сроков посылки посольств расценивалось как нарушение обязанностей страны-вассала и вызывало угрозу войны (в VIII в. Япония дважды планировала отправку в Силла карательного корпуса).

Таким образом, представления о местоположении (реальном или же домысленном) страны в мире играли огромную роль в идентификации страны и ее политике. Подобная картина мира позволяла не переживать из-за «малости» или ущербности Японии, скорее наоборот — японская элита считала свою страну большой — настолько большой, что на ее периферии находилось место и для варваров.

Китай выпадал из этой геополитической модели — восприятия Китая как культурного лидера не оставляло японскую элиту, никому не приходило в голову считать Китай варварским государством. Вместе с тем Китаю отводилось место не в Центре, а на западе. Китайская династическая хроника «Суй-шу» сообщает, что в послании японской правительницы Суйко (554–628, на троне 592–628) китайскому императору она именует себя правительницей страны на востоке, где «восходит солнце», а Китай — страной, где солнце заходит (в японской хронике сказано: «Государыня Востока почтительно обращается к императору Запада»)². В этой геополитической конструкции Центр отсутствовал.

Земля Японии считалась в древности (в отличие от сегодняшнего дня) весьма богатой, благодатной, большой. На этой земле часто случаются благоприятные знамения, и их гораздо больше, чем знамений неблагоприятных. Это воспринималось как свидетельство того, что правящая династия пользуется покровительством высших существ, которые благоволят ей. Японцы не позиционировали свою островную страну как отличающуюся дурным климатом, подверженную постоянным и разрушительным стихийным бедствиям, как «маленькую» или ущербную. Все названия Японии и ее характеристики подчеркивали положительные свойства ее территории.

Окраинная страна размером с просяное зернышко

Позитивная самооценка Японии постепенно меняется со второй половины периода Хэйан. Связано это с двумя главными обстоятельствами: упадком централизованного государства (потеря управляемости, мятежи и смуты) и глубоким внедрением в картину мира буддий-

ского языка описания. Это приводит к пессимистическим настроениям среди элиты. Общий модус пессимистического отношения к реалиям государственной жизни самым непосредственным образом сказывается на общей оценке среды обитания, на восприятии размеров страны и ее географического положения — государственное пространство как бы «сжимается», территория страны начинает восприниматься как крошечная и ущербная. Япония прекращает отправлять посольства в Китай и одновременно в значительной степени перестает позиционировать себя как региональный Центр. Япония отказывается теперь и от приема иностранных посольств — даже из таких стран, которые желали стать ее вассалами. Когда на Корейском полуострове в 918 г. было воссоздано государство Корё (Когурё), оно пожелало установить дипломатические контакты и приносить дань японскому императору, однако это, казалось бы, столь лестное предложение было отвергнуто.

Вместе с упадком государственности положительные характеристики ее земли отходят на второй план. В связи с глубоким проникновением буддизма во все области жизни синтоистская и китайская модели мира были в значительной степени потеснены картиной мира буддийской. Она зафиксирована, в частности, в «Сутре о человеколюбивых государях» (яп. «Ниннокё» или «Нинно гококу ханья харамиси кё»), которая получила широкую известность в Японии. В этой сутре говорится, в частности, о том, что вокруг расположенной в центре мироздания горы Сумеру вращаются солнце, луна и звезды. Сумеру является обителью высших существ буддийского пантеона. По четырем сторонам света от Сумеру расположены четыре континента. Только на Южном континенте живут люди и распространено учение Будды. Южный континент называется Джамбудвипа (джамбу — мировое древо на севере Индии, двипа — земля). Там имеется 16 больших стран, 500 средних стран, 10 тыс. — маленьких и бесчисленное число стран с просяное зернышко. Первые упоминания сутры «Ниннокё» в Японии относятся еще к VIII в. Показательно, однако, что в это время сутра воспринимается как чисто магический текст — ее чтение предписывается для избавления от болезней, засухи и проклятий³, но ее космологическая часть длительное время оставалась не востребовавшейся.

Востребованность такой картины мира, в которой Япония занимает периферийное положение, связана с общим восприятием жизни и осознанием того, что дела в стране идут недолжным образом. Приводимая сутрой градация стран по их размеру давала, казалось бы, возможность японцам для сколько-нибудь благоприятного позиционирования своей страны (тем более что сутра не содержит никаких сведений собственно о Японии). Однако общественное сознание склонно-

лось к тому, чтобы отнести Японию к «странам с просяное зернышко». Таким образом, в буддийской пространственной модели Япония заняла периферийное и далеко не самое благоприятное положение, ибо она отдалена и от места рождения Будды, и от благодати мировой горы. В этой парадигме прежняя идея об обильности и обширности территории Японии не могла получить сколько-нибудь существенного распространения. Теперь эта земля и ее природа предстают не как источник благодати и радости, а как юдоль печали, временное и ненадежное обиталище. Средневековые тексты часто определяют территорию Японии как зернышки проса, разбросанные в море — на окраине мира (*дзокусан коку*; варианты: *хэнти дзокусан*, *дзокусан хэндо*). В предыдущий период Япония описывалась как «большая страна восьми островов» и ее острова не трактовались как уничижительная характеристика, теперь те же самые острова воспринимаются совсем иным образом. Удаленная и крошечная Япония противопоставляется «большим странам» — Индии и Китаю, которые расположены ближе к Сумеру, а потому обладают и более благодатным климатом, и лучшими условиями для проживания.

Одно из первых упоминаний Японии в качестве крошечной страны с сугубо отрицательными характеристиками встречается в сочинении монаха Дзёкэй «Гумэй хоссин сю» (рубеж XII—XIII вв.), где тот говорит, что родился в неудачное время («до Будды, после Будды») и в неудачном месте — «в маленькой стране с просяное зернышко», в восточной стране «без кармы, позволяющей освободиться от привязанностей, без деяний, что позволяют достичь просветления и спасти живые существа»⁴. В этом пассаже восток коррелирует с отрицательными характеристиками японской земли, что соответствует психологическим реалиям времени.

Жизнь Дзёкэй (1155–1213)⁵ пришлось на то время, когда в Японии напряженно переживали наступление «конца буддийского закона» (*манпо*). Считалось, что эта эпоха наступила в 1052 г. Концепцию *манпо* можно определить как «хронологический детерминизм»: после того как Будда достиг нирваны, все реалии этого мира с неизбежностью ухудшаются⁶. Это касается упадка набожности, невозможности достичь просветления, общего падения и огрубления нравов, потери почтительности и церемониальности, сокращения продолжительности жизни, участвовавших природных бедствий, мятежей и т.д. Свидетельством тому стали участвовавшие смены девизов правлений, ориентированных на преодоление кризисных явлений. Считалось, что это убогое место с неизбежностью будет разрушено огнем, водой и ветрами. Поэтому со второй половины периода Хэйан распространяется практика захоронения

в горах сутр в металлических футлярах — считалось, что горы каким-то образом избегнут разрушения, а футляр поможет сохранить сутру.

В VIII в., когда господствовали оптимистические настроения, Япония считалась большой страной, которой правят «сто поколений государей». При этом под числом «сто» понималось правление вечное. Однако теперь это число стало пониматься буквально. Одним из наиболее ярких произведений, в котором «нынешним временам» даны поистине «убийственные» характеристики, является «Гукансё» монаха Дзиэн (1155–1225). В этом сочинении Дзиэн констатирует и упадок нравов, и близящийся конец правления императоров — он считал, что на государственном уровне конец закона Будды проявит себя в исчезновении императорской династии с вступлением на престол сотого императора (исходной точкой считалось правление Дзимму)⁷.

Побывавший в Китае знаменитый проповедник дзэн-буддизма До-гэн (1200–1253) писал о Японии с неприкрытым ожесточением:

«Страна Япония расположена далеко в море, люди там глупы, мудрецов здесь никогда не рождалось, нечего и говорить, что и люди, вступившие на путь учения, здесь редки».

В другом сочинении середины периода Камакура говорилось:

«Япония и вправду маленькая страна, а поскольку она является таковой, то она не является землей, пригодной для обретения Пути, в ней собрались только люди бескорневые и недобродетельные, только мелкие и недалекие, а потому здесь невозможна проповедь Закона [Будды]»⁸.

Исторический парадокс состоит в том, что ламентации по поводу удаленности Японии от родины Будды достигли пика в то время, когда распространение и укоренение буддизма в японской культуре тоже достигли наивысшей степени. Несмотря на драматические перемены в позиционировании Японии по сравнению с прошлым «оптимистическим» периодом, в ходе рассуждений тогдашних мыслителей обнаруживается и преемственность: как процветание государства, так и его упадок напрямую зависят от изначально данной японцам среды обитания.

Разумеется, даже в этот период господства трагических настроений находились мыслители, которые пытались противостоять тотальному пессимизму и размышляли о положительном и уникальном образе Японии. К таким ее характеристикам в первую очередь относились забота о государстве со стороны синтоистских божеств и непрерываемая императорская династия — явление, не наблюдаемое в других странах. Однако в рассматриваемый период эти идеи не были доминирующими в общественном сознании.

Солнечная страна-крепость

Рубежом в новом переосмыслении идентичности Японии стало возникновение сёгуната Токугава, когда после эпохи кровавых усобиц наступает прочный и долгожданный мир. Еще одной отличительной особенностью этого времени является почти полное закрытие страны. Умами овладевает сознание того, что от внешнего мира следует ждать только неприятностей. Сёгунат проводит политику жесткого изоляционизма, но это не означало, что мыслители периода Токугава «забыли» про существование границы. Однако теперь она служит примером «неправильного» устройства жизни. Европу раздирают войны, там свергают монархов. Нынешний же Китай, где к власти пришла «дикая» кочевническая маньчжурская династия Цин, тоже оценивался отрицательно. Что до Индии, то она смещается на периферию общественного сознания.

В период Токугава буддизм перестает быть основным средством для осмысления мира. В значительной степени это было связано с разочарованием в его магических потенциях: буддизм не сумел обеспечить мирную жизнь и единство государства. Мир общественный, государственный, мир образованных управленцев после долгого перерыва вновь обретает преимущественно конфуцианские характеристики, для которых свойственно позитивное мышление. Реалии мирной жизни, ее стабильность создают ситуацию, когда общественная мысль приобретает оптимистический заряд. Буддийская идея о минувшем «золотом веке» и непрекращающемся упадке больше не является главенствующей.

В период Токугава Япония позиционируется как страна счастья и благоденствия. Мыслители того времени неизменно возносили хвалу мирному правлению сёгуната. В отличие от сегодняшнего дня, когда принято подчеркивать бедную ресурсную базу Японии, расхожее мнение того времени заключалось в том, что Япония, как и в VIII в., снова обладает всем необходимым для благополучного существования:

«...наша страна изобильна пятью злаками [рис, ячмень, чумиза, бобы, просо], богата пятью металлами [золото, серебро, медь, железо, олово] и во всем испытывает недостаток, потому, видимо, имеет полное основание не оглядываться на других»⁹.

Замиренному социуму эпохи Токугава сопутствовало ощущение, что и природа Японии тоже пребывает в замиренном состоянии. В это оптимистическое время конфуцианское Небо было «довольно» порядками, царящими на японской земле, — продолжительность девизов

правления становится существенно больше, чем в предыдущий неблагоприятный период, когда с помощью принятия нового девиза надеялись избавиться от нежелательных явлений. В сознании современников (власти) аномальных природных явлений становится намного меньше, чем раньше. И это несмотря на то, что данные климатологии указывают на существенное похолодание в XVII–XVIII вв. Эдо, где базировался сёгунат, располагался в более сейсмоопасной зоне, чем Киото. Тайфуны в прибрежном Эдо также случались чаще и имели значительно более разрушительный характер. Так что землетрясения, цунами и тайфуны регистрировались в Эдо намного чаще. Огромные размеры города, узость его улиц, деревянные строения, скученность населения провоцировали регулярные опустошительные пожары. Однако все эти напасти, включая сильнейшее извержение вулканов Фудзи (1707) и Асама (1783), не могли поколебать уверенности в благодатности нынешнего времени. Показательно, что ни извержение Фудзи, ни извержение Асама, вызвавшее временное похолодание, неурожай и голод, не привели к изменениям девизов правления.

Похвалы Японии и хула по отношению к загранице были неотъемлемыми чертами дискурса эпохи Токугава. В качестве отправной точки рассуждений о превосходстве Японии над другими странами широко использовался тезис о том, что по своим качествам земля Японии превосходит земли других стран. Если суммировать аргументы в пользу этого тезиса, то они сводятся к следующему: земля Японии была создана синтоистскими божествами в наиболее благоприятном месте, которое характеризуется средоточием положительной «солнечной энергии» (так как Япония расположена на Востоке, то солнце освещает ее первой), страна обладает необходимым для вегетации количеством осадков, «правильным» чередованием четырех времен года, сбалансированностью температурного режима. Силы Инь и Ян находятся здесь во взаимоуравновешенном состоянии. Все вместе это оказывает решающее влияние на обитателей Японии, которые отличаются церемониальностью (т.е. соблюдением конфуцианских правил общежития, предполагающих строгую иерархичность общественного устройства), трудолюбием, красотой, долгожительством.

Астролог и географ Нисикава Дзёкэн написал в 1720 г. трактат «Нихон суйдо ко» — «Размышления о японской земле» (буквально «Размышления о японской воде и земле»). В этом трактате он обосновывал несравненные достоинства географического положения Японии¹⁰. Он отмечал: территория Японии обладает «сильной» и положительной ки-энергией. Это обуславливает тот факт, что японцы отличаются

моральными (конфуцианскими) достоинствами — развитым человеколюбием (кит. *жэнь*, яп. *нин*) и любовью-обязанностью (*ай*) по отношению к тем людям, с которыми им приходится вступать в контакт. Кроме того, японцы обладают мужеством-силой, которую они черпают от гор (резервуар ян'ной энергетики). В связи с этим японцы любят светлое-чистое-белое и не любят грязное-мутное, они строго придерживаются церемониальности (*рэй*). В отличие от жителей других стран даже японские простолюдины неукоснительно справляют Новый год и твердо придерживаются норм брачно-семейных отношений. Новый год — это начало светлой энергии-ки, брак — это основа человеческих отношений-обязательств (*дзинрин*). Поэтому японцы постоянно веселы, жизнерадостны, а уныние ненавидят. И эти чувства народа — тоже следствие естественного географического положения страны.

В труде Нисикава не встречается привычного для нынешнего времени определения Японии как «островной страны» (*симагуни*). И это при том, что сам термин уже существовал. В другом своем сочинении — «Каи цусё ко» («Размышления о торговле Центра и варваров») — Нисикава утверждает, что в море к югу от Индии расположена «островная страна» Сомондара (Суматра). В этой стране отсутствует единый правитель и есть только племенные вожди, там страшно жарко, люди чернокожи и всегда ходят раздетыми¹¹. Автор подразумевает, что вышеперечисленные признаки имеют уничижительный характер, они свидетельствуют о дурном климате и, следовательно, о варварских обычаях местного населения. В сочинении Нисикава упоминаются еще несколько «островных стран», расположенных на юге, и все они характеризуются похожим образом. Таким образом, термин «островная страна» соотносится с бескультурьем и отсталостью, и Нисикава Дзёкэн не определяет Японию как «островную страну». Нам неизвестно употребление словосочетания «островная страна» по отношению к Японии и другими японскими авторами того времени, которые сделали предметом рассуждения географию Японии, хотя все они (включая Нисикава) соглашались с тем, что Япония — это все-таки остров(а).

Нисикава Дзёкэн был озабочен доказательством того, что Япония не является страной крошечной. Он констатировал, что Япония действительно меньше Индии и Китая. Однако справедливо ли суждение о том, что Япония — страна маленькая? В море расположены восемь («восемь» возможно трактовать и как «множество») больших островов-материков. Среди них страна Япония — «самый большой остров». Так почему же страну называют маленькой? Японию именуют «просяным зернышком», но это совсем не так. Огромный земной шар делится на

360 градусов, а длина Японии с востока на запад меньше этого числа всего в 32 раза. А потому Япония — страна совсем не маленькая. Нисикава определяет Японию словосочетанием, которое можно интерпретировать как «остров-материк» (*тосю*), т.е. вольно или невольно автор подводит читателя к мысли, что размеры Японии соотносимы с «настоящими» материками.

Продолжая полемику против уничижительного представления Японии страны «маленькой», Нисикава отмечал, что большие размеры страны вовсе не означают, что ее следует считать «заслуживающей уважения». «Уважение» к стране определяется климатом (правильностью смены четырех времен года, отсутствием чрезмерной жары и холода) и качеством проживающих там людей (их моральностью), а по этим параметрам Япония — страна несравненная. В странах со слишком большой территорией чувства людей и их обычаи чересчур разнообразны, их трудно объединить. Китай — это страна мудрецов древности, но там из-за разнообразия обычаев все время происходят смены династий. Размеры Японии — не большие и не маленькие, обычаи ее людей, их чувства — одинаковы, управлять ими — легко. Поэтому и правящая династия в Японии никогда не менялась, что делает ее уникальной. Объясняется же это божественностью ее территории.

Раз земля Японии столь благодатна, то неудивительно, что она порождает не только высокоморальных, но и мудрых людей. Нисикава (как, впрочем, и очень многие образованные японцы) остро переживал тот труднооспоримый факт, что Китай исторически являлся культурным донором для Японии. Однако, утверждает Нисикава, местные мудрецы и боги хорошо понимают, как им поступать с заимствованиями:

«За исключением [синтоистских] богов и [японской] поэзии, все в эту страну пришло из Китая. Однако с самого начала мудрецы нашей страны учитывали ее особенности, переосмыслили то, что не может быть применено здесь в неизменном виде, видоизменяли [заимствованное] в такую форму, которая соответствует сердцам людей этой страны, и использовали [заимствованное] в таком виде, чтобы это подходило людям [японцам]. Если же пришедшее из других стран получало распространение в неизменном виде, то это пришедшее само собой принимало форму, соответствующую водам и земле этой страны без всякого участия человека. Приобретение [пришедшими явлениями] облика, соответствующего [сущности] Ямато, объясняется чудесной и неизменной деятельностью божеств»¹².

Потребность в безопасном существовании актуальна для любого государства. Эта безопасность обеспечивается как практическими

мерами, так и ритуальными способами. Особенностью «оборонного сознания» Японии эпохи Токугава было признание того, что географическое положение страны само по себе является гарантией защиты против внешних врагов. Нисикава Дзёкэн утверждал, что территория Японии превосходно «укреплена» самой природой, и по этому параметру она превосходит все другие страны. Хотя земля Японии находится поблизости от больших стран, она отделена от них бурным морем. Благодаря этому она никогда не была покорена. В предлагаемой системе ценностей морю придавались положительные смыслы — как стихии, которая отделяет и охраняет «культуру» от «варварства». Море играло роль искусственного рва с водой. И такая точка зрения в эпоху Токугава доминировала.

Превознося достоинства своей земли, мыслители эпохи Токугава обосновывали тезис о самодостаточности Японии, которая не нуждается в контактах с внешним миром. Поскольку в этом мире отсутствуют благоприятные природные условия, то эти страны (прежде всего Запад) ищут возможности для внешней торговли. Кроме того, неблагоприятные природные условия порождают там людей агрессивных и аморальных, так что не существует никакой необходимости в контакте с ними. В наиболее резкой форме эту установку обосновывал нативист Хирата Ацутанэ (1776–1843). Он утверждал, что Япония расположена на самой макушке земного шара, и уподоблял ее «лбу» человека.

«Таким образом, страна императоров при сравнении с другими странами отличается непревзойденной красотой своей земли, она светла, ибо расположена там, где тянулись к Небу почки. Что до множества островов в нижней части земли, то поскольку они образовались-сгустились там, где изначально располагалась страна корней [т.е. страна смерти], то там много грязи и скверны».

Поскольку в мифе об Идзанаги и Идзанами содержится запрет на посещение живыми этой страны, то синтоистские боги ее больше и не посещали¹³. Напрашивался вывод: и потомкам богов, японцам, тоже там делать нечего.

Если оценивать в целом восприятие природной среды обитания в период Токугава, то следует признать, что она характеризовалась как чрезвычайно благоприятная для проживания — как с точки зрения положения в мире, так и с точки зрения изобильности и климата. Считалось, что эти благоприятные условия порождали «несравненный» тип государства, общества, человека, морали. Связка «земля—люди» осмыслялась как однозначная и жесткая, она обеспечивала условия для

оптимистического восприятия жизни и была хорошо приспособлена для автаркического существования. В то же самое время такой тип географического детерминизма служил серьезнейшим препятствием для выработки адекватных ответов на вызовы внешнего мира. В середине XIX в. европейские державы осуществили операцию по «открытию» Японии. Операцию, которая не стоила им слишком многих сил.

От островной страны к материковой империи

В середине XIX в. Япония ввергается в жесточайший кризис. Он был обусловлен тем, что мировые державы (США, Россия, Англия и Франция) принудили Японию открыть несколько портов для торговли. Периоду почти в два с половиной века автаркического и мирного существования пришел конец, в Японию пришла европейская культура. Японцам становится понятно, что страна безнадежно отстала от Запада — прежде всего в военном отношении. Сёгунат, на который возлагалась задача по обороне страны и императора, обвиняют во всех смертных грехах, и в 1868 г. он упраздняется. На какое-то время японцы становятся пленниками комплекса неполноценности — им казалось, что в стране не существует достойной уважения культуры и цивилизации, а спасение может принести только тотальная вестернизация. Задачу по модернизации страны берет на себя группа реформаторов, которые объединяются вокруг юного императора Мэйдзи (1852–1912, на троне 1867–1912). Хотя он ничего не решал в практическом отношении, именно Мэйдзи становится знаменем перемен¹⁴.

В период Мэйдзи происходит решительное переосмысление всего предыдущего исторического и культурного опыта. Этот процесс затронул весь строй жизни японцев, включая такие фундаментальные понятия, как власть, пространство и время. Радикальные изменения произошли и в осмыслении среды обитания.

Если при Токугава японцы считали свою страну совершенно самодостаточной, то теперь сетования на крошечные размеры территории и обделенность ресурсами становятся обычным явлением. Как и в период господства буддийской картины мира, Япония снова мыслится как крошечная островная страна, бедная ресурсами и оторванная от центра цивилизации — на сей раз Запада. Эти сетования отражают комплекс неполноценности и царящие в обществе пессимистические настроения. Особенно показательны они на фоне того, что в начале периода Мэйдзи территория Японии существенно расширилась: остров Хоккайдо, который раньше не изображался на картах Японии, офици-

ально вошел в состав страны. То же самое касается Курильских островов и архипелага Рюкю.

Ситуация начинает меняться с 1890-х годов XIX в. К этому времени Япония существенно продвинулась по пути реформ и добилась значительных успехов в экономике и образовании. Особенно большое значение для изживания комплекса неполноценности имела японско-китайская война. Эта победоносная для Японии война заставила Запад взглянуть на нее по-другому. Известный публицист Ёкояма Гэнносукэ (1871–1915) писал:

«В 1894 г. разразилась японско-китайская война, и Япония, которая до этого времени являлась одиноким островом на Востоке и на которую мир не обращал внимания, вдруг предстала в качестве сильнейшей державы Востока и приковала к себе внимание всего мира...»¹⁵

И теперь все чаще японцы стали прибавлять к официальному названию своей страны определение «великая» — «великая Японская империя».

«Величие» Японии заключалось не только в сакральности ее «изначальной» территории, но и в умении распространить свою светоносность за свои пределы. В связи с победой японской армии в войне с Китаем, в результате которой удалось приобрести Тайвань, император Мэйдзи заявлял: «Выражая радость по поводу того, что боевые действия продемонстрировали светоносность Империи; они продемонстрировали, что Путь, пройденный Великой Японской Империей, имеет вечные основы, о чем Мы и мечтали со дня нашего воцарения»¹⁶. В сочинениях историков или тех, кто ими себя называл, история Японии представляла теперь через расширение территории, чем она была обязана своим императорам — начиная с Дзимму и кончая Мэйдзи. Поскольку приращение территории требовало соответствующего величине страны дворца, то именно поэтому, утверждал один историк-публицист, императорам приходилось переезжать из одного места в другое. Хэйан был величественнее Нара, нынешняя столица Токио — более величественна, чем Хэйан¹⁷.

Практические меры по расширению страны сопровождались переосмыслением среды обитания, Япония на глазах теряла униженный статус «одинокого острова». Считается, что оптимистическое понимание термина «островная страна» — заслуга видного историка Кумэ Кунитакэ (1839–1931). Весной 1894 г. в журнале «Друг народа» («Кокумин-но томо») он опубликовал статью «Характер островитян». По мнению Кумэ, есть два таких «характера». В первом случае остро-

витяне проводят изоляционистскую политику, страдают ксенофобией, не склонны заимствовать достижения мировой цивилизации и в результате превращаются в отсталую страну. Второй тип — открытый миру и для мира. Люди такого «островного характера» покоряют моря, склонны к цивилизационным заимствованиям и экспансии. Японцы по своей природе относятся именно ко второму, активному характеру, а изоляционистская политика сёгуната Токугава была лишь досадным недоразумением, идущим вразрез с японским характером.

В духе своего времени Кумэ подвергает сёгунат испепеляющей критике. В период Токугава, когда страна прибегает к полной изоляции, наступает внутренний мир, и в условиях отсутствия международной конкуренции японцы теряют активность, а их мыслительные способности ослабевают. Изначально активные островитяне превращаются в «горцев», не знающих моря и существующих в условиях автаркии. Если не исправить положения, то Японию ждет судьба варварских островных государств Индийского и Тихого океанов — все они стали европейскими колониями.

Далее Кумэ сменяет исторический гнев на исторический оптимизм. Островное положение Японии, утверждает он, совсем не обязательно служит свидетельством обреченности. Ведь Великобритания тоже островная страна, но при этом она сумела стать самой могущественной державой мира, с помощью своего огромного флота она осуществляет связи со многими странами. Англичане смогли развить свой активный «островной характер», потому что они были привлечены морскими просторами. А потому, заключал Кумэ, для Японии тоже нет ничего невозможного в том, чтобы превратиться в такую же мощную державу. Именно такая «оптимистическая» трактовка термина «островная страна» становится господствующей в Японии конца XIX — начала XX в. За Японией прочно закрепляется именование «Англия Востока», а термин «островная страна» напитывается положительными смыслами, сулящими процветание страны, которое мыслится как превращение в «материковую империю».

Победа в войне с Россией принесла Японии новое территориальное приобретение — Южный Сахалин, но он был «всего лишь» островом. Тем не менее после побед над российским флотом Япония впервые в ее истории получает статус «морской державы». Таким образом, если раньше существенную роль в идентификации Японии играла только суша, то теперь «не забыто» и море. Но лишь после присоединения Кореи (1910 г.) государственные деятели, мыслители и публицисты получили полное основание объявить Японию теперь уже «материковым

государством», и они наперебой заговорили о том, что из «островной страны» Япония наконец-то превратилась в «материковую империю». В журнале «Тоа-но хикари» (Свет Востока. 1910. № 10) Иноуэ Каору (1835–1915), виднейший политический деятель и один из архитекторов реформ периода Мэйдзи, писал:

«Если посмотреть на Японию до настоящего момента, то это, конечно, острова. Она состояла только из островов — сам Хонсю, Сикоку, Кюсю, Хоккайдо, Сахалин, Рюкю, Тайвань. Да, Япония состояла всего лишь из многочисленных островов, но теперь к ней оказался присоединен Корейский полуостров, и ситуация сильно изменилась. Корейский полуостров — он и есть всего лишь полуостров, он выдается в сторону северного Кюсю и выглядит почти как остров, и все же он является окончательностью материка».

С присоединением Кореи японцы окончательно перестали воспринимать свою страну как маленькую и ущербную. Говорили: ведь ее площадь больше территории Германии, подобно Великобритании, она владеет колониями, в том числе и на материке. К этому времени произошла полная смена пространственной парадигмы: сетования по поводу замкнутого и крошечного островного пространства, отгороженного от мира водной преградой, сменились гордостью за расширяющуюся территорию империи. В то же самое время разгорается дискуссия об этногенезе японцев и национальном составе страны. Размер Японии и ее этнический состав осознавались как взаимосвязанные понятия.

В обществе высказывались самые разные идеи о происхождении японцев, говорилось и о «чистоте» японской расы. Что касается правительства, то оно придерживалось твердого курса — Япония является страной многонациональной. Эту многонациональность японцы демонстрировали на Всемирных выставках. Так, на выставке в Сент-Луисе (1904) была построена айнская деревня. Как и колониальные павильоны западных стран, эта экспозиция была призвана показать себе и миру, что Япония — империя «настоящая», скроенная по западному, многонациональному лекалу. С присоединением Кореи Япония обрела более 10 млн новых подданных, и теперь «инородцы» составляли около 30% населения страны. Наиболее ретивые сторонники многонациональности даже заявляли, что Япония — страна более полиэтническая, чем Россия, а всякое «поли» лучше, чем «моно», поскольку только многообразие способствует развитию¹⁸. Тезис Кумэ Кунитакэ о «похожести» Японии и Великобритании предполагал, что они схожи не только своим островным положением, но и многонациональностью.

В школьных учебниках тоже говорилось о полиэтничной Японии. Согласно учебнику географии 1919 г., национальный состав империи выглядел следующим образом:

«Большую часть народа составляет народ Ямато численностью более 54 млн человек. Кроме этого, в Корее проживают около 16 млн корейцев, на Тайване — более 100 тыс. аборигенов и более 3 млн мигрантов из Китая. На Хоккайдо живут айны, а на Сахалине — айны и другие аборигены. Все эти народы отличаются друг от друга, но все они являются в высшей степени верноподданныческими имперскими народами»¹⁹.

В пособии по истории для средних школ 1935 г. утверждалось, что японский народ ведет свое происхождение от императоров (потомков богов), спустившихся на землю Японии, созданную богами для японцев. Помимо этих потомков богов, в процессе этногенеза участвовали «переселенцы (из Кореи и Китая), а также инородцы (племена эдзо, кумасо), но они были быстро ассимилированы в нашей стране, и все вместе, объединившись вокруг императорского дома, они проявили верноподданничество и достигли нынешнего процветания»²⁰. Беря за пример США, учебники по истории буквально объявляли Японию «плавильным котлом народов».

После присоединения Кореи ученые и журналисты принялись выискивать корейский элемент в мифах «Кодзики» и «Нихон сёки», они выявляли близкое родство японского и корейского языков, общие черты в физической антропологии двух народов. Археологи и историки находили «корейский след» в древней японской культуре (керамика, архитектура, произведения буддийского религиозного искусства) и истории (например, культуртрегерская деятельность корейских мигрантов при японском императорском дворе в древности). Подчеркивалось, что, согласно генеалогическим спискам «Синсэн сёдзироку» (815), треть японской элиты составляли корейские и китайские мигранты. Говорилось и о том, что в жилах императрицы Дзингу Когу по материнской линии текла корейская кровь, а супруга императора Камму тоже имела корейские корни. На этом основании утверждалось, что нынешние корейцы в состоянии «подтянуться» до японцев. Не были забыты и предания о завоевательном походе императрицы Дзингу Когу в Корею, и тесные отношения между Ямато и древнекорейскими государствами (Имна, Пэкче). Наиболее радикальная точка зрения заключалась в том, что наряду с японцами корейцы тоже являются потомками синтоистских божеств²¹.

Таким образом, присоединение Кореи выглядело в общественно-государственном сознании в значительной степени как восстано-

ние изначальной (т.е. «нормальной») ситуации совместной истории, ситуации, наблюдавшейся еще в глубокой древности. Практическим воплощением этой идеи стал «династический брак» между вывезенным в Японию корейским наследным принцем Ли Юн и дочерью японского принца Насиномото (1919).

Беря пример с западных колониальных империй, в Японии стали утверждать: миссия японского народа — нести «свет» цивилизации другим народам. Корейцы попали в их число. То есть следует научить их японскому языку, передовым агротехникам и технологиям, стилю жизни и верноподданничеству по отношению к императору, подтягивать их к своему культурному уровню, и тогда они станут полноценными членами Японской империи, волеются в единую семью. Одни идеологи говорили, что меньшинства станут настоящими «братьями» (будут ассимилированы), другие настаивали, что они получают статус «приемных детей».

Официальная точка зрения в обобщенном виде выглядит следующим образом: японцы («народ Ямато») являются потомками синтоистских божеств. В начале своей истории народ Ямато быстро ассимилировал некоторые этносы, поэтому к сегодняшнему дню он накопил необходимый исторический опыт для «вбирания в себя» других народов. Благодаря тому, что японцы имеют опыт проживания и в холодном, и в тропическом климате, они способны к расселению по миру (прежде всего в Азии).

Морская стихия обладала теперь исключительно положительными значениями, она выступала в качестве той проводящей среды, которая обеспечивает прохождение солнечного света, света, исходящего от Японии. На страницах довоенных школьных учебников Япония фигурировала в качестве «морской державы»:

«Нынешняя Япония, как и говорит название “морская Япония”, во всех морях мира подняла свой “солнечный круг” [национальный флаг. — *Прим. авт.*], который испускает сияние страны... Пространство, на котором несет свою славу морская Япония, — необъятно. Продвигаться по этим широким просторам с “солнечным кругом” — наше благородное предназначение»²².

Земля Японии признавалась «божественной» и ритуально «чистой». Поэтому моральный долг ее обитателей заключался в том, чтобы «очищать» другие страны. Предполагалось, что вхождение азиатских стран в зону японского влияния избавит их от гнета «нечистого» белого человека и обеспечит им процветание. Свое законченное и официальное

выражение паназиатизм получает в концепции «великой восточноазиатской зоны процветания». Это словосочетание начинает широко использоваться в политическом лексиконе в 1940 г. Границы этой «сферы» поначалу включали в себя Японию, Маньчжурию и Китай, потом в нее вошли Французский Индокитай (Вьетнам, Лаос, Камбоджа), Голландская Индия (Индонезия), британские колонии Малайя (Малайзия), Борнео, Бирма, американские Филиппины, независимый Таиланд. В документе, вышедшем в сентябре 1941 г. из недр министерства военно-морского флота, эти территории назывались «южными территориями Японии» и ее «внешними контурами». Главным геополитическим лозунгом стало выражение «*хакко итиу*» — восемь углов под одной крышей. Под этой формулой понималось, что весь мир («восемь углов» или «восемь направлений») нужно «накрыть» одной крышей, историческая миссия по возведению которой принадлежит Японии. Только она одна — в силу своей «чистоты» — и способна выполнить миссию по деколонизации Азии. Освобождение Азии от западного колониализма зачастую описывалось именно в терминах ритуального «очищения». В этом и состоит «новый порядок» (по аналогии с «новым порядком» нацистов и «новым миром», который обязались построить коммунисты), к которому стремится «дух японского народа». Этот порядок может возникнуть только при условии разрушения старого мироустройства, который «поддерживается Америкой и Англией». И тогда народы Востока, «собратья» японцев, обретут счастье и гармонию.

От «островной страны» к «стране-саду»

Сразу после окончания Второй мировой войны в Японии господствовали пессимистические настроения, обусловленные как самим поражением, так и крахом прежней картины мира. Потеря заморских территорий снова вернула Японию в ее островные границы. Те исторические представления, на которых был основан довоенный дискурс, оказались разрушенными. Те исторические фигуры, которые в прошлом рассматривались как образец верноподданничества, были скомпрометированы. Однако потребность в национальной самоидентификации и предмете гордости оставалась по-прежнему насущной. И тут на выручку приходит новое переосмысление среды обитания. Показательным примером служит метаморфоза, случившаяся с Фудзи. Она была символом мощи и амбиций грозной империи, однако сразу же после войны превратилась в символ новой — демократической и мирной — Японии.

Недавняя история Японии представлялась теперь вереницей ошибок. Сама дисциплина под названием «история» оказалась скомпрометированной. На сцену выходят этнологи, которых идейно возглавлял Янагита Кунио, еще в довоенные времена говоривший о том, что японцы — народ островной. Если официальная точка зрения довоенных идеологов заключалась в том, что Япония является многонациональной материковой державой, то этнологи заговорили о том, что на самом деле японцы — это мононациональный народ, всегда проживавший на островах. Они признавали это позитивным фактором, потому что островное положение Японии, ее изолированность позволили сформировать уникальный японский народ с его уникальной культурой. Твердя о том, что островная Япония окружена водной стихией, послевоенные этнологи считали море преградой, а не возможностью для общения. Эта преграда воспринималась по преимуществу в положительном смысле — как шанс на выработку уникального японского менталитета и стиля жизни²³. Такой подход как бы возвращал японцев в эпоху Токугава, когда окруженность стихией моря трактовалась как непреодолимая преграда — как для иноземного вторжения, так и для проникновения в Японию «вредных» обычаев, исходивших из внешнего мира. Но если до войны идеи Янагита Кунио об «островной» Японии не пользовались широкой популярностью и государственной поддержкой, то теперь его признают отцом-основателем японской этнологии, а в 1951 г. награждают орденом культуры. Его книги становятся бестселлерами.

Таким образом, и после войны в деле идентификации географический фактор был задействован в полной мере, идея о том, что природные условия являются ключевым моментом в формировании национального менталитета, нашла себе новых сторонников. Времена менялись, но концепция географического детерминизма по-прежнему владела умами. Сам термин «островная страна» обрел положительные характеристики и наполнился особой теплотой. Он служил доводом в пользу исключительности японцев.

Во второй половине 1960-х годов, когда мир заговорил о японском «экономическом чуде», начался расцвет идеологии, известной как «японизм» (*нихондзинрон*). Эта идеология обосновывала отличие японцев от всех других народов. Ее фундаментом стал тезис об «островной стране», природа которой уникальна, благодатна, прекрасна. Японцы же — ей под стать. *Нихондзинрон* — разновидность культурного национализма. В то же самое время следует помнить, что это был тот его редкий вариант, который лишен агрессивной составляющей.

Закончилась ли дискуссия по поводу роли географического фактора в процессе самоидентификации? Думается, что нет. В последние десятилетия в общественном дискурсе большой популярностью стало пользоваться понятие «Японский архипелаг» (*Нихон рэтто*), которое обозначает множественные острова с прилегающим к ним морем. Впервые в широкий оборот это понятие было введено премьер-министром Танака Какуэй, который в 1972 г. опубликовал книгу «Реформа Японского архипелага». Книга была издана на пике популярности дискурса *нихондзинрон*, сосредоточенного на поисках уникальности Японии и японцев. Поскольку в это время Япония стремительно превращалась в экономического гиганта, то в общественно-государственно-этническом дискурсе господствовали в целом оптимистические настроения, под влиянием которых в общественном сознании «увеличивалась» и территория страны. Этому осознанию способствовало официальное введение в 1982 г. после многолетних дебатов исключительной экономической зоны, в связи с чем общая территория Японии, подверженная хозяйственному освоению, значительно возросла. Современный исследователь с азартом доказывает своим оппонентам, что Японский архипелаг — совсем не маленькая страна. Хотя площадь ее суши составляет 380 тыс. кв. км (60-е место в мире), но с учетом исключительной экономической зоны она занимает уже почетное 9-е место²⁴.

Желание человека ассоциировать себя с территорией, на которой он обитает, видимо, имеет биологическое основание. Меняется человек, под влиянием антропогенного фактора меняется и территория. И теперь из уст японцев мы слышим не только похвалы японской земле и природе, но и призывы к их улучшению. Об этом свидетельствуют и правительственные программы по «улучшению» среды обитания. В 1998 г. кабинет Хасимото принял пятую после окончания войны программу по комплексному развитию Японии. Эта программа, рассчитанная на выполнение к 2015 г., имеет подзаголовок «Создание прекрасной земли». В преамбуле говорится о необходимости

«продемонстрировать миру прекрасную землю, на которой живут японцы, которые обладают современной культурой и образом жизни, связанными с особенностями исторического пути и территории, продемонстрировать вызывающие чувство уважения острова-сада, утвердить идентичность нашей страны в условиях глобального мира».

Поддерживая эту программу, мыслитель Кавакацу Хэйта утверждает, что идентичность японцев напрямую связана с понятиями «остров»

и «сад», которые являются «визитной карточкой» Японии в мире. И потому он тоже призывает к тому, чтобы превратить Японию в «острова-сады»²⁵. Таким образом, мы видим, как и в нашем «рационалистическом» времени находится достаточно места для мечты о «райском острове».

* * *

Проведенный анализ показывает, что представления о размере страны и благодатности земли имеют достаточно субъективный характер, обусловленный исторической ситуацией, состоянием государственности, культурными особенностями, господствующей в тот или иной период картиной мира, эмоциональным настроем эпохи. Именно указанные факторы, а не точно измеряемая площадь оказывают определяющее влияние на представление о величине в общественном сознании и подсознании. При этом описание среды обитания (территории Японии) производилось с помощью ограниченного набора терминов и понятий. К таким ключевым понятиям относятся: остров(а), море, восток, солнце, горы, вода (влажность), центр, периферия. Прибавление к ним соответствующих определений и уточнений создает тот словарь, с помощью которого и шло осмысление природной среды обитания на протяжении всей японской истории.

Преемственность в описании территории страны наблюдается и еще в одном отношении: концепты, которые следует охарактеризовать как «географический детерминизм», неизменно играли выдающуюся роль. Таким образом, природный фактор признавался первичным по отношению ко всей социальной сфере. С нашей же «современной» и «рационалистической» точки зрения осмысление природных реалий находилось в прямой зависимости от реалий социальных. Однако сами творцы истории вряд ли согласились бы с мнением современного историка и посчитали бы его предрассудком.

Примечания

¹ Сёку нихонги, Вадо, 1-1-1 (708 г.). В данном случае использован перевод Л. М. Ермаковой. См.: *Норито*. Сэммё. М.: Наука, 1991. С. 141.

² *Нихон сёки*. Анналы Японии / Пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мешерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 2. С. 101 (Суйко, 13-9-11, 608 г.).

³ См., например: «Нихон коки», Дайдо, 3-3-1 (808 г.); Конин, 9-4-27 (818 г.); «Сёку нихон коки», Дзёва 5-7-25 (838 г.).

⁴ Гумэй хоссин сю // Камакура кюбуккё. Токио: Иванами, 1995. Т. 3. С. 15.

- ⁵ См. о нем: *Трубникова Н. Н., Бачурин А. С.* История религий Японии. М.: Наталис, 2009. С. 301, 376, 428–433.
- ⁶ Подробнее см.: Там же. С. 294–301, 435–443.
- ⁷ *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. СПб.: Гиперион, 2006. С. 262–290.
- ⁸ Цит. по: *Утида Хидэо.* Нихон-но сюкётэки фудо то кокудокан. Токио: Даймёдо, 1971. С. 30, 9.
- ⁹ *Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки.* Канкай ибун. Удивительные сведения об окружающих землю морях / Пер. В. Н. Горегляда. СПб.: Гиперион. С. 47.
- ¹⁰ Мы пользовались следующим изданием: *Нисикава Дзёкэн.* Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко. Токио: Иванами, 1988. С. 18–26.
- ¹¹ *Нисикава Дзёкэн.* Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко. Токио: Иванами, 1988. С. 144.
- ¹² Кинсэй тёнин сисо. Токио: Иванами, 1996. С. 152.
- ¹³ *Хирата Ацутанэ.* Тама-но михасира // Фуко синто. Токио: Сюнъёдо сётэн, 1936. Т. 2. С. 280–281.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2013 (последнее переиздание).
- ¹⁵ *Ёкояма Гэнносукэ.* Найти дзаккёго-но Нихон. Токио: Иванами, 2007. С. 13.
- ¹⁶ *Мори Киётто.* Дайниппон сётёку цукай. Токио, 1941. С. 835.
- ¹⁷ Нихондзин. 1898. № 81. С. 10–13.
- ¹⁸ *Огума Эйдзи.* Танъицу миндзоку синва-но кигэн. Нихондзин-но дзигадзо-но кэйфу. Токио: Синъёся, 2010. С. 77–78.
- ¹⁹ Там же. С. 160–163.
- ²⁰ *Накадзима Ясу.* Кёкасё дзюнкё кюсё-о цукаму нихон рэкиси. Осака: Синсиндо, 1935. С. 2.
- ²¹ *Огума Эйдзи.* Указ. соч. С. 104–109.
- ²² *Иризэ Ёко.* Нихон га ками-но кунни дата дзидай. Кокумин гакко-но кёкасё-о ёму. Токио: Иванами, 2001. С. 45.
- ²³ Подробнее см.: *Мещеряков А. Н.* Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории // Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010. С. 236–251.
- ²⁴ *Окамото Масатака.* Симагуникан сайко — утинару табунка сякайрон котуку-но тамэ-ни // Фукуока кэнрицу нингэн сякай гакубу киё. 2010. № 2. С. 79.
- ²⁵ *Кавакацу Хэйта.* Фукоку ютоку рон. Токио: Тюко бумпо, 2000. С. 20, 32–34.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА

Особенности организации современного японского общества начали привлекать усиленное внимание исследователей в то время, когда, с одной стороны, Япония продемонстрировала самые высокие темпы роста национального продукта и производительности труда, а с другой — социальные потрясения первых лет восстановительного периода уже улеглись, и это общество постепенно приобрело репутацию самого стабильного в мире.

По мере того как углублялось изучение причин быстрого экономического взлета Японии, становилось все более очевидным, что многие из них имеют весьма специфическую окраску и обусловлены самой природой японского общества. Особенно ярко это проявлялось в упоре на человеческий фактор, который был характерен для управления экономикой как на макро-, так и на микроуровне. Возникал закономерный вопрос: в чем же заключается специфика японского общества и за счет чего обеспечивается эффективное управление людскими ресурсами и динамичное развитие страны в целом?

Поиски ответа на этот вопрос оказались не из легких, поскольку наблюдатели со стороны столкнулись с необычным и необъяснимым для себя явлением. Японское общество выглядело монолитным и неразделимым, неким «конгломератом конгломератов», состоявшим из органически спаянных друг с другом групп различного уровня, начиная с семьи и кончая нацией в целом. Первым, кто непосредственно ощутил проявление этого качества японского социума (и активно ему воспротивился), было американское предпринимательство, осознавшее опасность столь сплоченного конкурента и окрестившее его (уста-ми своих ученых) *Japan Incorporated*¹.

Большую роль в таком восприятии японского общества, как справедливо отмечают американские ученые Росс Моуэр и Ёсио Сугимото, сыграло противостояние Японии и США на мировых рынках. Значительная часть ученых, занимавшихся в послевоенное время этой проблемой, была представлена американцами, и неудивительно, что они воспринимали Японию с точки зрения интересов своей страны и ее предпринимательства².

Представления о японском обществе как о едином целом усиливались и благодаря его этнической однородности. Но независимо от общей оценки столь сплоченного общества — отрицательной (как конкурента) или положительной (как примера для подражания) — его образ носил отпечаток загадочной, даже мистической уникальности, необъяснимости и неповторимости. При этом положительно окрашенный образ японского общества нередко идеализировался и абсолютизировался как опыт гармоничного и стабильного развития социума вообще. Вольно или невольно ученые в своих работах способствовали закреплению такого восприятия своей страны. Как пишут те же Росс Моуэр и Ёсио Сугимото, они весьма часто упрощали реальную действительность, давали ей одномерные оценки, которые отнюдь не отражали существенных характеристик японского общества³.

Сплоченным конгломератом Япония выступала и выступает не только по отношению к внешнему миру. Она и по сути является хорошо отлаженным, единым организмом. Так, регулярно проводимые исследования показывают, что большая часть населения ориентируется скорее на общественные, чем на личные интересы. Широко известно, как легко японцев можно сплотить вокруг одной идеи и подвигнуть на ее осуществление. Быстрая военная мобилизация и движение против войны, общенациональные кампании за рационализацию производства, рост производительности труда или за повышение качества продукции — все эти и другие подобные явления характеризуют это общество как хорошо организованное и в высшей степени эффективно управляемое.

Рассматривая структуру современного японского социума, необходимо в первую очередь ответить на вопрос: каковы его отличительные черты и каким образом решается задача эффективного управления им? С этой целью мы обратимся к анализу формирующих структуру общества групп и социальных слоев, на уровне которых и функционируют соответствующие мобилизующие и оформляющие групповое сознание институты.

Большинство исследователей полагают, что переход Японии к современной социальной структуре в силу многих обстоятельств оказался весьма сложным и растянулся на значительный период — от рестав-

рации Мэйдзи до Второй мировой войны. Более того, многие черты, характеризующие структуру общества наших дней, окончательно сложились лишь в послевоенный период. По мнению многих авторов, формирование современного японского индустриального общества происходило под влиянием как минимум двух разнонаправленных факторов. Один из них — мощнейший пласт национальной культуры и традиций, а также самобытная психология народа, на которую наложил серьезный отпечаток долгий период изоляции страны. Другой — интенсивное влияние культуры Запада, понимаемой в самом широком смысле.

В зависимости от оценки значимости этих факторов делаются разные выводы о характере развития японского общества и особенностях его структуры. Одни полагают, что оно формировалось целиком на собственной основе и поэтому приобрело весьма специфическую структуру. Другие считают, что в процессе индустриализации и общения с внешним миром Япония развивалась в соответствии с общими для всех закономерностями. Скорее всего, истина на стороне тех, кто считает, что японское общество приобрело свой современный облик в результате сложного взаимодействия столь несходных между собой (и во многом противоположных) культур, начавшегося после стремительного перехода Японии к новой модели развития в период Мэйдзи.

Во всяком случае, в настоящее время мало кто отрицает, например, что пришедшие с Запада в начале XX в. марксистские взгляды оказали большое влияние не только на умы японских ученых и общественных деятелей. Они активно влияли и на формирование классового самосознания той части населения, которая отрывалась от прежних источников дохода, получаемых от сельского хозяйства, и переходила к наемному труду. Темпы роста численности фабрично-заводских и транспортных рабочих в первой трети XX в. были очень высоки, что обеспечивало социальную базу для распространения влияния социалистических и коммунистических организаций⁴. Драматические события, связанные с одним из крупнейших в истории Японии землетрясений (1923) и мировым экономическим кризисом начала 1930-х годов, усилили это воздействие и создали благоприятную обстановку для структурирования общества по известной на Западе конфликтной модели.

В довоенный период в стране происходил процесс развития трудового и социального законодательства, направленного на защиту интересов наемных работников и оформляющего их самосознание. Соответствующие настроения определенной части населения получали воплощение в организации общенациональных профсоюзных и партийных структур леворадикального толка. Характерной чертой этого процесса стало довольно глубокое проникновение таких струк-

тур в разные сферы жизни. Их идеологические, политические и экономические притязания консолидировали на противоположной стороне силы предпринимателей, логически превращая их в самостоятельный классово оформленный слой общества.

Исторические факты довоенного периода свидетельствуют о том, что, по меньшей мере, до вступления Японии в «большую войну» с Китаем во второй половине 1930-х годов и начала усиленной милитаризации общество развивалось со значительным креном в пользу конфликтной западной модели с присущим ей набором атрибутов, характеризующих социальную структуру. В первую очередь имеются в виду довольно ярко выраженное расслоение общества с резкой дифференциацией доходов и возникновение политических партий с четко обозначенной социальной ориентацией.

Характерно, что определенные моменты этого исторического опыта были достаточно быстро извлечены из памяти нации уже в первые послевоенные годы, в критической ситуации, связанной с поражением в войне и разрухой. Тогда были восстановлены структуры социальной защиты наемных работников, в трудовом законодательстве предусмотрены забастовочные и другие организованные действия, реанимированы общенациональные профсоюзы и левые партии. Все это в первое время оказывало заметное влияние на социальные отношения в стране. Важно отметить, что уже тогда стали создаваться и национальные предпринимательские организации. Особую роль среди них начала играть Федерация предпринимательских организаций Японии (Нихон кэйдзай рэнгокай — Никкэйрэн), взявшая на себя функции по урегулированию вопросов, связанных прежде всего с трудовыми конфликтами⁵.

Усилению западного влияния на характер социальных отношений в послевоенные годы способствовали и демократические преобразования, затронувшие самые разные стороны жизни японского общества. Однако исторический опыт, которым японское общество воспользовалось в этот период, не сводился только к усвоению классово-антагонистических отношений между определенными слоями населения. Он свидетельствовал и о необходимости сохранения определенных традиционных институтов.

Прежде всего речь идет о традиционной японской семье — *из*. Она, как известно, состояла из представителей разных поколений и родственных ветвей и представляла собой специфическую социальную единицу. Это была самостоятельная и закрытая от внешнего мира производственно-потребительская ассоциация, которая обладала целым рядом характерных черт. Одна из них — преемственность семейной линии. Прямой обязанностью членов семьи всегда являлось продолжение этой линии,

хотя кандидаты на роль ее главы могли изыскиваться и среди представителей побочных ветвей. Все члены семьи должны были поддерживать ее статус, и тот, кто опозорил имя *изэ*, мог быть исключен из нее. Интересы семьи и забота о сохранении преемственности были гораздо важнее интересов и желаний каждого отдельного члена⁶. При этом по отношению к внешнему миру семья выступала как единое целое.

Несмотря на то что согласно Гражданскому кодексу Мэйдзи (1898), имущество формально стало регистрироваться на определенное лицо, фактически традиция совместной собственности *изэ* сохранялась еще очень долго. Как справедливо отмечает Вадим Рамзес, благодаря этому *изэ* вплоть до поражения Японии во Второй мировой войне довольно успешно противостояла проникновению в свою среду капиталистических отношений⁷. Как самостоятельная производственно-потребительская единица *изэ* обычно существовала за счет определенного вида деятельности, и все члены должны были вносить в нее свой вклад. Все они пользовались ее благами сообща, без индивидуального вознаграждения, и в критических случаях вместе переносили материальные затруднения.

Эти особенности японской семьи способствовали сохранению отходничества, обычно характерного лишь для начальных этапов развития капиталистических отношений. Отходники в Японии гораздо дольше поддерживали отношения с семьей и не стремились перейти к жизни, основанной на получении дохода от работы по найму. В случае необходимости они без особых проблем возвращались к прежним занятиям в семье. При утрате трудоспособности они также могли рассчитывать прежде всего именно на ее поддержку, чему способствовал принцип неделимости дохода и всего имущества. Несомненно, что такое положение длительное время сдерживало развитие структур социальной защиты наемных работников, а также других механизмов, способствовавших их идентификации со своим классом. Влияние этого ощущается вплоть до настоящего времени, выражаясь, в частности, в относительно низком уровне развития общенациональных институтов социального обеспечения.

Исход борьбы за семейную традицию во многом определял будущее социальной структуры Японии. Не только интернационализация страны, включение ее в мировые связи и восприятие ценностей западных обществ вели к критической оценке собственного наследия и разрушению традиций. События внутренней жизни подталкивали к развитию этого процесса в том же направлении. Так, по мере индустриализации и урбанизации постепенно менялась и сама семья *изэ*, бывшая источником национальной традиции. Она распадалась на самостоятельные ячейки, связи между которыми все больше ослабевали.

Меры законодательного порядка, инициированные в период Мэйдзи национальной элитой, а после Второй мировой войны — оккупационными властями, способствовали развитию этого процесса. В послевоенный период он интенсифицировался благодаря росту уровня жизни, активному вовлечению женщин в общественный труд и снижению рождаемости, а также усилению значения западных ценностей в среде молодежи.

Еще в довоенные годы началось постепенное разрушение целостности *из* как производственно-потребительской единицы. Менялась и ее социальная роль. Такие функции *из*, как повышение квалификации работников, обеспечение нетрудоспособных и даже воспитание подрастающего поколения, подвергались определенной эрозии в результате разрушения семьи как самостоятельного экономического образования. Вместе с тем угасанию традиции противодействовали целенаправленные акции со стороны консервативных представителей высших слоев общества и неосознанное следование людей привычному укладу жизни.

Показательно, что еще при принятии Гражданского кодекса, в эпоху Мэйдзи, именно вокруг семейной системы разгорелись дебаты: одни видели в ней основу для поддержания хорошо организованной социальной жизни, другие — главное препятствие на пути к прогрессу. В результате был достигнут компромисс. Приверженцев новых веяний устроило то, что законодательно закреплялась обязательность регистрации собственности за одним членом семьи. Консерваторам импонировало то, что признавался принцип преемственности *из*, поскольку Гражданский кодекс узаконивал существовавший порядок генеалогических записей⁸.

Несколько позже, когда в 1920-х годах в стране разгорелись классовые конфликты, вопрос о семейных традициях стал едва ли не главным в противостоянии между всем предпринимательством, с одной стороны, и левыми организациями — с другой. Последние связывали интересы наемных работников с новыми условиями их существования, т.е. вне семьи. Отвечая на требования левых профсоюзов и партий легализовать и нормативно оформить отношения между трудом и капиталом, работодатели ссылались на необходимость следования «красивым обычаям» японской семьи, неписаным законам патернализма (со стороны *оябун*), преданности и жертвенности (со стороны *кобун*).

В этом противостоянии речь шла уже не о судьбе традиционной семьи как таковой, а об использовании семейной традиции для решения проблем социальных отношений на уровне всего общества в условиях, когда производственно-экономические функции переходили от крестьянской *из* к торгово-промышленным компаниям.

Существенное влияние на ход борьбы за семейную традицию оказывало то обстоятельство, что в мэйдзийский период, когда она началась, семейные связи еще не были разрушены и надежды на их сохранение были весьма сильны. Население живо откликалось на любые действия, которые питали их. Например, требования к школьникам заучивать наизусть текст императорского указа об образовании (1890), в котором предписывалось уважать традиции семьи, были встречены в народе с пониманием⁹.

Бизнес строил свои отношения с наемными работниками на «семейный» лад и широко использовал мощную идеологическую поддержку со стороны государства. В частности, место общенациональных систем занимали разнообразные патерналистские институты социальной защиты, появление первого из которых относится еще к началу XX в.¹⁰ Попытки повести правое крыло рабочего движения по пути внутрифирменного структурирования рабочего движения также были направлены на создание закрытых организаций по семейному типу для решения внутренних проблем «своим домом». Таким образом, вместо традиционных постепенно формировались новые производственно-социальные структуры, в которых отношения работодателей и работников складывались в систему вертикальных иерархических отношений квазисемейного типа.

Однако, несмотря на то что влияние национальных традиций на самосознание японцев в довоенный период было очень велико, борьба за внедрение основанных на них отношений в практическую жизнь общества была весьма нелегкой, особенно в период острых конфликтов с левыми партиями и профсоюзами. Рабочее движение в целом отвергало предлагаемые работодателями варианты «семейных» отношений, и лишь в 1950-е годы «то, к чему в 20–30-е годы стремился предприниматель, пустило в рабочей среде самые прочные корни»¹¹.

В целом можно сказать, что современная структура японского общества, для которой характерны, с одной стороны, многие черты, унаследованные от традиционной семьи, а с другой — черты, приобретенные в результате активного взаимодействия страны с внешним миром, сложилась к началу периода высоких темпов экономического роста, т.е. к концу 1950-х годов.

Типичная для обществ западного типа горизонтальная стратификация в Японии существенным образом осложнена наличием границ, разделяющих общественные слои на замкнутые группы, которые существуют в рамках изолированных друг от друга организаций, построенных по принципу отдельных семей. При этом сторонники универсальных концепций считают, что роль традиционных элементов в японском обществе сильно преувеличена. Напротив, традицио-

налисты полагают, что социальная структура Японии сформирована прежде всего по вертикальному принципу, свойственному *изэ*. Так, по мнению Наканэ Тиэ, все японское общество построено по этому принципу, и признаки подобной модели можно видеть повсюду — на уровне правительства и в уголовном мире, в женских клубах и локальных сообществах, в сельских кооперативах и, конечно, прежде всего в компаниях. Отдельная ячейка японского общества — вертикальная группа — отделена от «чужих», а отношения среди «своих» сцементированы принципом патернализма.

В результате, как пишет Наканэ Тиэ, свойственное Западу противоборство классов и общественных слоев уступает в Японии место довольно жесткой конкуренции между группами. В соответствии с традициями семьи все «свои» выступают против «чужих». При этом отсутствие равноправия среди «своих» не провоцирует противодействия сложившейся иерархии отношений¹².

По мнению адептов теории вертикальных структур и, прежде всего, самой Наканэ Тиэ, основой, на которой покоится современная структура общества, ядром, вокруг которого она сформировалась, служат крупные корпорации. Именно здесь процветают отношения патернализма и непрерываемой иерархии старшинства. Именно для компаний характерна жесткая конкуренция с внешним миром, вытекающая из принципа *ути-сото*. Причем в этом противостоянии их активно поддерживает государство.

Благодаря неразделимости экономических интересов членов корпорации-семьи гасятся те противоречия, которые в стратифицированном обществе осознаются как противоречия классов по поводу собственности. Идеология семьи, к которой постоянно апеллирует бизнес в Японии, способствовала тому, что в конце концов и профсоюзы были органически встроены в структуру корпорации и фактически перестали быть таковыми в изначальном понимании этого слова. Эта оказалось в высшей степени важным обстоятельством для сохранения социальной стабильности в обществе в целом, ибо трудовые конфликты «не растекались» с помощью профсоюзного движения по всему слою наемных работников, а локализовывались внутри корпораций и приобретали форму выяснения «семейных» отношений.

Это способствовало тому, что известные своей боевитостью в 1950-е годы «весенние наступления трудящихся» трансформировались в период высоких темпов роста в акции, проводимые общенациональными профсоюзными объединениями «по расписанию», с тем чтобы не наносить ущерб предпринимательской деятельности. Несомненно, преобладающая в Японии пофирменная структура профсо-

юзов явилась одним из важных факторов поступательного движения экономики страны. Понятно и стремление предпринимательских кругов сохранить сложившуюся структуру профсоюзов, несмотря на усиливающиеся сомнения по поводу многих других сторон существующей системы отношений в корпорациях и в обществе в целом¹³.

Построение корпорации по принципам семьи отделяет ее от «чужих» не только с экономической точки зрения, но и с социальной. Претендуя на роль семьи, современная японская корпорация самостоятельно выполняет в отношении своих членов многие функции, которые на Западе считаются прерогативой общества и государства.

Оппоненты теории вертикальной структуризации японского общества справедливо полагают, что, будучи сосредоточена главным образом на характере трудовых отношений в корпорациях, эта теория не в состоянии объяснить характер общества во всей полноте. Как считает английский исследователь Бернард Экклестон, глубоко укоренившаяся уверенность в существовании связи между системой трудовых отношений и якобы бесклассовым обществом зиждется на весьма спорном предположении о том, что постоянный наем в Японии общедоступен. Отсюда и проистекает завышенная оценка роли фирмы как «корпоративной семьи» в общественных отношениях¹⁴.

Одной из самых уязвимых сторон методологии Наканэ Тиэ и ее последователей, с точки зрения ее наиболее резких критиков Росса Моуэра и Ёсио Сугимото, является то, что в сферу их внимания попадает относительно небольшая часть рабочей силы страны¹⁵, в то время как значительные массы населения остаются за пределами области вертикальной структуризации, на ее периферии. Среди тех, кто не попадает в сферу корпоративного патернализма, — целые категории населения, отличающиеся либо по признаку пола, возраста, национальности (женщины, престарелые, национальные меньшинства)¹⁶, либо по роду и характеру деятельности (временные и поденные работники, работники мелких предприятий). Для этих категорий характерен более низкий уровень дохода, худшее положение в социальной иерархии, менее благоприятные жизненные перспективы. И это при том, что за Японией закрепился образ «эгалитарного общества, общества равных возможностей»¹⁷.

Несомненно, однако, что характер отношений, сложившихся в крупных японских корпорациях с их мощной экономической базой, оказывает сильное влияние на структуру всего общества. Это влияние не ограничивается только средой работников самих этих компаний, которые испытывают «семейный» патернализм в полной мере. Взаимоотношения более мелких фирм со своим персоналом, хотя и нанятым на открытом рынке труда, строятся по образцам, выработанным

в фирмах-гигантах. Точность и последовательность применения этих образцов, безусловно, различны и зависят от размеров компаний. Однако системы материального и социально-бытового стимулирования, механизмы продвижения по старшинству представляют собой общенациональное явление, которое организует деятельность экономически активной части общества по более или менее единому шаблону.

Стремление юридически самостоятельного мелкого и среднего бизнеса через практику группирования попасть в сферу интересов крупных корпораций, а в идеале — в ее «семью» — также служит укреплению этой тенденции. В результате влияние корпораций, хотя и угасающее по мере удаления от эпицентров патернализма, несомненно, ощущается на всех уровнях.

Теорию вертикальных структур можно критиковать со многих позиций, в том числе (и в первую очередь) за то, что, как справедливо считают Росс Моуэр и Ёсио Сугимото, она не в состоянии во всех деталях объяснить специфику социальной организации Японии. Однако именно она помогает выявить те отличительные черты и характерные особенности, которые, по выражению Наканэ Тиэ, составляют ее «структурную сердцевину», и понять механизмы управления специфическим японским социумом¹⁸.

Исторические факты свидетельствуют о том, что традиции *иэ* вполне сознательно использовались национальной элитой в процессе строительства нового общества. На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи. В истории Японии имеется достаточно много свидетельств того, что формирование системы пожизненного найма и повозрастной заработной платы происходило именно по инициативе предпринимателей¹⁹. В результате традиция выступала не только в качестве элемента реальной жизни, но и культивировалась как ее идеал.

Следует подчеркнуть, что влияние идеологии корпоративного патернализма на японское общество не ограничивается только корпоративным сектором, но охватывает значительно большую часть японского социума.

«Не столь важно, — пишет Харвей Лейбенштейн об институте пожизненного найма, — является ли он достоянием всех членов общества и существует ли во всех или хотя бы в большинстве японских фирм. Важно то, что он воспринимается как идеал, а люди ведут себя так, словно он действительно является самым главным среди всех организационных устройств»²⁰.

У самого подножия иерархической лестницы от корпоративного патернализма в реальности может остаться лишь идеальное представ-

ление о нем, но и в качестве такового он продолжает действовать, не позволяя аутсайдерам жить по иным законам.

В этом смысле можно считать успешной и попытку Наканэ Тиэ и ее последователей доказать на основе ряда признаков то, что все в Японии живут по единым законам вертикального общества. Идеология патернализма не только маскирует социальную стратификацию от сторонних наблюдателей, но во многих случаях освящает неравенство в глазах самих японцев.

«Когда признаки социального неравенства, — пишет Бернард Экклестон, — становятся совсем очевидными, они с готовностью оправдываются доминирующей идеологией. Чтобы женщины воспринимали как должное свое положение на рынке труда, идеология делает упор на жертвенности их роли в качестве хороших жен и мудрых матерей»²¹.

Когда пенсионеры работают в старости, то тем самым они демонстрируют свою приверженность идеалам традиционной трудовой этики. «Факты дискриминации корейцев оправдываются в глазах большинства тем, что те как “чужие” занимают место подчиненной национальности среди “своих” представителей в целом единой нации»²².

Когда речь идет о структуре японского общества, принципиально важным является вопрос о механизме социальной подвижности и формирования национальной элиты, с помощью которой вся структура поддерживается в жизнеспособном и эффективном состоянии. Ученые традиционалистского направления признают, что при всем видимом равноправии членов японского общества его отличает очень высокая степень иерархичности.

«Иерархическое деление, — полагает английская исследовательница Дж. Хендри, — пронизывает всю ткань японской жизни, затрагивая индивидуумов, группы, учреждения, материальные объекты, даже еду. В Японии издавна и до сих пор уважается традиционное правило, предписывающее каждому “знать свое место”, устоявшееся отношение к нему зафиксировано и в языке, который различными способами отражает виды ранжирования индивидуумов в их повседневной жизни»²³.

Вместе с тем традиционалисты убеждены в том, что иерархия японского типа носит вполне обоснованный и справедливый характер. Если резюмировать их понимание этого вопроса, то структурно иерархия проявляется на трех основных уровнях: между индивидуумами в пределах замкнутых вертикальных организаций, между самими организациями и, наконец, на уровне общества в целом, т.е. между элитой и всем остальным населением.

Ввиду этого механизм социальной мобильности в Японии принципиально отличается от того, который существует в горизонтально стратифицированных социумах. В любой японской организации, будь то компания или государственное учреждение, иерархия индивидуумов выстроена в системе соподчиненных друг другу групп различного уровня, отношения между которыми строятся по квазисемейному типу *оябун-кобун*. В такой системе главному лицу всей организации (или чаще главенствующей группе) *оя* подчиняются несколько лиц, находящихся по отношению к первому в положении *ко*. В свою очередь, по отношению к своим подчиненным эти последние выступают в роли старших *оя*²⁴.

Социальное продвижение в рамках такой системы предполагает наличие отлаженного механизма, основанного на четких отношениях старшинства. На этом, в частности, покоится убежденность японцев в том, что восхождение к более высоким ступеням иерархии имеет характер чуть ли не закономерного процесса. В доказательство этого обычно приводятся факты того, что большая часть президентов японских корпораций, их управленческая номенклатура, как правило, являются выходцами из нижних этажей социальной лестницы своей организации.

Вместе с тем ученые-традиционалисты понимают, что это верно до тех пор, пока речь идет о социальной подвижности в рамках «своей» вертикальной структуры. Как только кому-либо случается выйти из нее, неумолимо вступает в силу принцип *ути-комо*. Чужаку не суждено когда-либо добраться до вершины иерархии в другой организации, поскольку социальная мобильность в Японии существенно ограничена замкнутыми рамками вертикальных структур.

Особенно сильно это влияет на положение тех, кто с самого начала не попал в сферу крупного бизнеса и элитных государственных служб. Таких в настоящее время в стране большинство: до 70% рабочих трудятся на предприятиях с числом занятых менее 100 человек. Можно стать президентом маленькой фирмы или занять видный пост в министерстве сельского, лесного и рыбного хозяйства, но дальнейший путь вверх будет приостановлен из-за низкого статуса самой организации, поскольку сами организации также строго ранжированы.

Иерархия организаций в Японии определяется целым рядом взаимосвязанных факторов, не все из которых в полной мере изучены. Джой Хендри обращает внимание на достаточно хорошо известные принципы ранжирования компаний в предпринимательских структурах типа *додзоку*, где роль старшего исполняет крупнейшая материнская компания. При этом положение той или иной побочной фирмы (семейной ветви) в группе зависит от времени ее отпочкования²⁵. Нередко в табели о рангах учитываются и размеры компаний. Однако

сами по себе размеры, прибыльность и другие экономические показатели не всегда свидетельствуют о статусе компании. Гораздо важнее степень ее вовлеченности в организацию крупной корпорации. В современной Японии имеют место такие формы объединений, в которых статус мелких организаций может быть довольно высок. Об этом, в частности, свидетельствует практика командирования персонала головной фирмы в ее филиалы и возвращения обратно с повышением.

Таким образом, в японском вертикально структурированном обществе тем его членам, которые состоят в организациях, занимающих в своей иерархии малозначительное место, путь в ряды общенациональной элиты практически отрезан навсегда. Властные структуры пополняются прежде всего за счет тех, кто представляет крупные и авторитетные организации.

Но если большая часть общества априори лишена перспектив продвижения к власти, то возникает вопрос о справедливости механизма селекции. При этом важно понять, каким образом определяется водораздел в обществе между теми, кто попадает в организации большей значимости, с одной стороны, и теми, кто остается в аутсайдерах, — с другой. Наиболее часто это объясняется на основе концепции «приоритетности образования».

В условиях бесплатного девятилетнего образования и весьма недорогого полного среднего образования жесткая машина конкурсного отбора на стадии вступительных университетских экзаменов объективно способствует тому, чтобы возможности социальной мобильности не зависели исключительно от экономических факторов, т.е. от уровня благосостояния семей. Таким образом, концепция «приоритетности образования», с одной стороны, поддерживает идею эгалитарности социального устройства Японии, а с другой — предлагает объяснение механизма социальной мобильности, которое вполне согласуется с точкой зрения традиционалистов на японскую иерархию, возникшую в рамках вертикальных структур.

Современные тенденции в развитии социальной мобильности, однако, дают все больше поводов сомневаться в том, что она однозначно определяется образованием. Последнее, в свою очередь, все больше зависит и от социального происхождения, и от материального достатка членов общества. Более того, чем дальше, тем труднее системе образования противостоять влиянию других факторов социальной мобильности, прежде всего экономического порядка. Несмотря на весьма сильное регулирование со стороны государства, система образования стоит перед угрозой постепенной утраты своих позиций в сфере формирования структуры общества. Ей все больше отводится роль меха-

низма сдерживания социальной дифференциации, происходящей под влиянием иных причин²⁶.

Итак, современная социальная структура Японии сложилась в результате взаимодействия многих факторов, среди которых немалую роль сыграли историческая традиция и следование своим собственным эволюционным путем. В то же время большое значение придается и субъективному фактору, который подключается каждый раз, когда возникает угроза угасания традиции. Очевидно, что его эффективность в значительной мере зависит от степени укорененности тех или иных национальных традиций в повседневной жизни людей, от форм их проявления в социальных связях.

Примечания

¹ Social Structures and Economic Dynamics in Japan Up to 1980. Fodella, 1975. P. 59.

² Mouer R., Yoshio Sugimoto. Images of Japanese Society. L.; N.Y., 1990. P. 7–10.

³ Ibid.

⁴ Хаяма У. Современный японский империализм. М., 1932. С. 52.

⁵ Windmuller J. P., Gladstone A. Employers Associations and Industrial Relations. Oxford, 1984. P. 319–353.

⁶ Hendry J. Understanding Japanese society. L.; N.Y.: Routledge, 1991. P. 21–38.

⁷ Рамзес В. Б. Социально-экономическая роль сферы услуг в современной Японии. М., 1975. С. 95–99.

⁸ Hendry J. Op. cit. P. 21–38.

⁹ Мита гаккай дзасси. 1969. Т. 62. № 7.

¹⁰ Hendry J. Op. cit. P. 21–38.

¹¹ Levin S. B. Industrial Relations in Postwar Japan. Urbana, 1958. P. 114.

¹² Chie Nakane. Japanese Society. Tokyo, 1991. P. 26–42.

¹³ Ibid.

¹⁴ Eccleston B. State and Society in Post-War Japan. Cambridge, 1989.

¹⁵ Mouer P., Yoshio Sugimoto. Op. cit. P. 129–155.

¹⁶ Chalmers N. Industrial relations in Japan. The Peripheral Workhorse. L.; N.Y., 1991. P. 42–44.

¹⁷ Eccleston B. Op. cit. P. 142.

¹⁸ Chie Nakane. Op. cit. P. 2.

¹⁹ Chalmers N. Op. cit. P. 28.

²⁰ Leibenstein H. Inside the Firm. Cambridge, L., 1997.

²¹ Eccleston B. Op. cit. P. 142.

²² Ibid.

²³ Hendry J. Op. cit. P. 21–28.

²⁴ Chie Nakane. Op. cit. P. 44.

²⁵ Hendry J. Op. cit. P. 24–38.

²⁶ Social Structures and Economic... P. 186.

К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ранним утром по улицам японских городов торопливо пробегают служащие всевозможных государственных учреждений, крупных и малых частных предприятий. Большинство из них живут в домах, оборудованных по последнему слову техники, и не понаслышке знакомы с достижениями научного прогресса. Они практичны, придерживаются рационалистического мировоззрения и к удовлетворению своих насущных потребностей относятся гораздо серьезнее, чем к своим связям с чем бы то ни было внешним по отношению к нашему миру. Иными словами, назвать современных японцев религиозными людьми едва ли возможно. При этом подавляющее большинство спешащих на работу взрослых, образованных людей по дороге заворачивают в храм, святилище или просто останавливаются у маленького алтарика. Склоненная голова, два хлопка, монетка, брошенная сквозь деревянную решетку, и глухой звук колокола, потревоженного дерганьем свисающей веревки. Выполнив несколько несложных действий, человек продолжает свой путь¹.

На работе японцев ожидает участие в коллективных ритуалах — действиях, которые несут самую разную смысловую нагрузку. Они могут иметь религиозную окраску (первая группа в нашем обзоре) или нет (вторая группа). В качестве примера из первой группы можно назвать церемонию закладки первого камня перед строительством какого-либо объекта, которая сопровождается обрядом изгнания злых духов. Обряд (по-японски он называется «втыкание лопаты» — 鍬入れ, *куаирэ*) проходит следующим образом. Высокопоставленным лицам из строительной компании и/или представителям заказчика вручают ритуальные мотыги и насыпают перед каждым из них горку земли. С криками,

отпугивающими нечисть, они должны дважды замахнуться мотыгой, каждый раз замирая в полуприседе на две-три минуты, но не касаясь инструментом земли. На третий раз после замаха мотыга должна чуть-чуть «вскопать» почву, что символизирует успешное начало строительства². Что касается второй группы, то всевозможные корпоративные церемонии, не связанные непосредственно с отправлением культа, давно стали визитной карточкой японского бизнеса. Здесь можно говорить о знакомстве, приветствиях, проведении переговоров и пр.³

Дома, в семье, дни японцев и японок точно так же наполнены самыми разными традициями, обычаями и обрядами. На домашних алтариках (仏壇, *буцудан*; 神棚, *камидана*) стоят изображения и символы kami, будд и бодхисатв, таблички с именами предков, а иногда и урны с прахом после кремации недавно умершего родственника. Обряды календарного цикла собирают в храмах и святилищах толпы участников, а переход человека от одного жизненного этапа к другому чаще всего сопровождается неким традиционным действием (часто праздничным, как, например, синтоистский обряд «первое посещение младенцем храма» — 初宮参り, *хацумия маури*).

Такое положение дел не могло не привлечь внимания исследователей, и помимо собственно описания различных обрядов в работах высказываются предположения о том, почему жизнь японцев устроена именно так. Настоящая работа представляет собой обзор ряда частных вопросов, так или иначе связанных с восприятием традиционных обрядов в современном японском обществе. В зависимости от того, какие ответы ученые предлагают на эти вопросы, они выстраивают ту или иную гипотезу о религиозном или светском характере японского общества и о возможных путях дальнейшего развития или угасания системы традиционных обрядовых действий.

Прежде всего необходимо отметить, что в настоящее время серьезному пересмотру подвергается идея об обратной зависимости между ростом уровня развития страны и ролью религиозных ритуалов в быту ее жителей. Применительно к Японии это означает следующее. С одной стороны, в 2012 г. первый номер *Journal of Religion of Japan* фактически предрекал гибель в Японии религии в привычном смысле этого слова (авторы статей, вошедших в издание, — И. Ридер, Дж. К. Нельсон, М. Р. Маллинс и Э. Порку — писали о тотальной секуляризации всех сторон жизни японцев⁴). С другой стороны, сам факт появления нового периодического издания с таким названием говорит о том, что все-таки есть (и предполагается, что и дальше будет) что изучать в этой области. Ян ван Бремен, опираясь на ряд проведенных антро-

пологами исследований⁵, отмечает, что место исчезающих обрядов занимают новые, а индустриализация является одним из факторов, способствующих не только упадку, но и подъему популярности храмов и святилищ⁶.

В одной из недавно опубликованных монографий авторитетного исследователя японской культуры и верований Стивена Хайне есть главы под названиями «Токио — город... храмов?» (*Tokyo — City of... Temples?*) и «Родиться синтоистом... жить, поклоняясь Инари... умереть буддистом» (*Born Shinto... live Inari... die Buddhist*)⁷. По мысли автора, *во-первых*, храмы и святилища в современном Токио процветают и важны для обеспечения исторической преемственности не только в облике города, но и в самоощущении его жителей. *Во-вторых*, опираясь на исследование, в фокус которого попали такие святилища, как Санно Хиэ, Тоёкава, Ноги, Хикава и др., а также буддийские храмы района Асакуса в Токио, Хайне раскрывает специфику религиозности японцев.

Он вполне согласен с традиционным тезисом о том, что большинство японцев, не считая себя последователями какой-то определенной традиции в рамках синто или буддизма, фактически с рождения до смерти участвуют в обрядовых действиях и синто, и буддизма, и (по большей части) той общей традиции, которая не поддается разделению и широко известна как синто-буддийский синкретизм. В своем исследовании Хайне сосредоточивается на взаимопроникновении синто и буддизма в области, традиционно закрепленной за каждой из религий (рождение — синто; смерть — буддизм), и вскрывает пласты, которые на самом деле присутствуют и там и там, еще раз напоминая именно о синкретизме, и, что примечательно, обращая внимание на важность описываемых им обрядов в жизни современных японцев.

Внимательный читатель, вероятно, задается вопросом о различиях между употребляемыми в данной работе терминами. Слова «обряд», «ритуал», «традиция» и «традиционный» здесь, безусловно, требуют некоторого пояснения, которое, однако, разрастается в отдельный, достаточно обширный комплекс вопросов. Пожалуй, самый общий из них, задающий рамки для дальнейших рассуждений, — вопрос о том, насколько методологически оправданно оперировать категориями «традиция» и «традиционный». В публикациях последних лет отчетливо вырисовывается критика классического «культурологического» подхода, согласно которому существует некоторый статичный набор черт, характеризующих ту или иную культуру на определенном этапе ее развития. Соответственно, в классическом подходе существующая па-

радикала признается традиционной, а то, что не вписывается в ее рамки, объявляется либо маргинальным, либо новаторским, свидетельствующим о переходе культуры на следующий этап — в другую, дочернюю по отношению к предыдущей традицию⁸.

Эдмунд Лич⁹ и его современники и последователи предложили изучать культуру в динамике (см. теория изменений в культуре Э. Лича, *theory of cultural change*), определяя традицию не как статичный набор обычаев или регуляторов поведения людей, а как подвижную структуру — нормы, которые носителями культуры на данный момент воспринимаются как устоявшиеся. Роберт Дж. Смит, анализируя свадьбы и похороны в современной Японии, делает еще один шаг и представляет то, что раньше изучалось исследователями в качестве традиции, в виде «движущейся мишени» (*moving target*). Смит проследил истоки наиболее распространенного в современном японском обществе «традиционного свадебного обряда» и выяснил, что он опирается на тот обряд, по которому в 1900 г. прошла церемония бракосочетания будущего государя Тайсё (大正天皇, годы правления 1912–1926). Ученый обнаружил, что для того, чтобы нечто стало считаться «традиционным» (со всеми вытекающими последствиями для японского общества, в котором само представление об устоявшемся порядке является одним из культуuroобразующих столпов), оказалось достаточно одного прецедента. В статье есть и другие интересные рассуждения, но для нас здесь важно, что современные ученые подвергают переосмыслению само понятие «традиция» и связанное с ним прилагательное «традиционный»¹⁰. Хотя некоторые еще советуют полевым исследователям отправляться в глухие японские деревни за «аутентичными», «настоящими» и «традиционными» обрядами, одновременно набирает силу и развивается подход, согласно которому нормы, на которые ориентируются люди, будь то в провинции или в сердце крупных городов, и есть традиция.

Слова «обряд» и «ритуал» можно рассматривать как синонимичные или как включающие одно другое в двух вариантах: ритуал можно трактовать как более общее понятие, «действие, совершаемое по заданному образцу и имеющее символическое значение», тогда как обряд будет ритуалом, но не всяким, а религиозным. Или наоборот, к обрядам можно отнести любое устоявшееся действие (например, обмен визитками при знакомстве двух японцев в таком случае можно смело считать обрядом, необходимым для установления отношений), а слово «ритуал» связать с религиозными верованиями¹¹. В этой работе для простоты «ритуал» и «обряд» используются как синонимы, что, одна-

ко, не избавляет от проблем, связанных с рамками этих понятий. Оба они тянут за собой связку «религиозное—светское», о которой в настоящее время ученые активно спорят.

Так же как и в случае с «традицией», полемика ведется не только и не столько японистами, сколько антропологами, культурологами, социологами и религиоведами и касается явлений, наблюдающихся во всех странах мира. Общая тенденция такова, что вместо линейной оппозиции двух крайностей исследователи предпочитают говорить о не имеющей четкого разделения на поля «координатной сетке», на которой находят свое место самые разные обычаи. Среди критериев, влияющих на то, насколько религиозным будет считаться обряд (или ритуал), называют мотивацию участников (стремятся ли они установить контакт с божеством); задействованность предметов культа (в Японии — используются ли буддийские свечи, благовонные палочки, курильницы, синтоистские метелки, бумажные лоскуты и т.д.); участие священнослужителей и многое другое. Так или иначе, граница между светским и религиозным оказывается размытой.

Особенно сложно приходится исследователям японской культуры. К Японии практически неприменима фраза из статьи о ритуале в «Новой философской энциклопедии»: «Формировавшиеся в процессе секуляризации публичной и частной жизни светские ритуалы в значительной мере унаследовали внешнюю (в том числе психологическую) структуру соответствующих культовых актов, лишив их сакрального содержания»¹². *Во-первых*, все стороны жизни японцев с начала времен и по сей день регламентированы и ритуализированы до крайности, так что современные светские ритуалы не могут считаться простыми наследниками культовых актов. *Во-вторых*, тот, кто задается целью изучить какой-нибудь ритуал, столкнется с вопросом о том, насколько он «лишен сакрального содержания». Поэтому ученые, имеющие дело с Японией, особенно настаивают на отсутствии четкой грани между светским и религиозным ритуалами. К примеру, в коллективной монографии «Церемония и ритуал в Японии: религиозные практики в индустриализованном обществе» (1995) соседствуют главы «Подношения сонаэмоно» (*Sonaemono*) и «Ритуал оборота полотенца» (*The Ritual of the Revolving Towel*)¹³. Первая из них посвящена домашним обрядам подношения даров буддийским и синтоистским божествам. Во второй рассматриваются традиционные для современных японцев (т.е., напомним, привычные и воспринимаемые как важная часть быта) действия с маленькими полотенцами *таору* (タオル, от англ. *towel*): дарение их новым соседям, упаковка в качестве бесплатного бонуса к крупным

покупкам и прочие, совершенно не связанные с религиозным культом практики.

Один из последних номеров *Japan Review* (№ 30 за 2017 г.) называется «Процессы формирования категории “светское” в Японии» (*Formations of the Secular in Japan*) и содержит крайне интересные работы¹⁴. Главная тема издания, которую рассматривают приглашенные редакторы А. Ротс и М. Теувен, — идея о том, что понятия «светское» (世俗, *сэдзоку*) и «религиозное» (宗教的, *сю:кё:тэки*), как и само слово «религия» (宗教, *сю:кё:*), хотя и были привнесены в Японию извне, тем не менее, укореняясь в культуре, опирались не только на западную, но и на японскую традицию. Авторы статей рассматривают с различных сторон то, что в культуре Японии периода Мэйдзи (1868–1912) и в течение XX в. повлияло на наполнение содержанием этих новых слов¹⁵.

Восприятие традиционных обрядов в современном японском обществе — одна из тем, обсуждаемых в статье М. Теувена «Столкновение моделей: единство ритуала против разнообразия религий» (*Clashing Models: Ritual Unity vs Religious Diversity*) в вышеуказанном издании. Строго говоря, основная интенция автора — показать, как начиная с периода Эдо в Японии вырисовывалось понимание того, что относится к «религии», а что — нет. Хотя само слово 宗教, *сю:кё:* тогда еще не использовалось, вместо него обсуждали такие категории, как «вера» (信心, *синдзин*, 信仰, *синко:*) или «вероучения» отдельных школ (宗旨, *сю:си*, 宗門, *сю:мон*).

Для нас важно, что еще до появления слов «религиозное» и «светское» в Японии многие ритуалы по самым разным причинам оказались вне компетенции организаций, которые потом были определены как религиозные. Здесь сразу же возникает вопрос: определены кем? И мы подходим к следующей важнейшей особенности устройства японского общества — тесной связи религии (со всем, что к ней относится: храмами, священниками, обрядами, прихожанами и т.д.) с государственной властью.

Как и в других древних обществах, в Японии отправление культа всегда было делом государственной важности. Функции верховного жреца исполнял император, который вплоть до 1945 г. воспринимался даже не как служитель культа, а как божество в зримом обличье, прямой потомок солнечной богини Аматаэрасу. Влиятельным ведомством в правительстве страны Ямато была Палата по делам небесных и земных божеств (神祇官, *Дзингикан*). Пришедший из-за моря буддизм утвердил свои позиции, поставив монахов на службу государству: они молились о благоденствии страны. Священнослужители, как синто-

истские, так и буддийские, состояли на государственной службе, и при всей своей веротерпимости японцы и помыслить не могли, чтобы кто-то из простых граждан оказался вне сложной системы культовых мероприятий: не совершал подношения, не участвовал в коллективных чтениях сутр, ритуалах *мацури* и вообще не выказывал свою лояльность по отношению к существующим порядкам.

На протяжении веков правления военных служение «родным богам» оставалось в ведении государя. Подавляющее большинство буддийских храмов оказалось встроенным в систему «пяти гор» (五山, яп. *годзан*), так что в целом культ по-прежнему напрямую был связан с государственным аппаратом. Правительство Мэйдзи вместе с возвращением власти императору вернуло и позиции его предков — богов¹⁶. Была даже предпринята попытка восстановить *Дзингикан* (в 1869). Правда, уже в 1871 г. совет был преобразован в министерство (神祇省, *дзингисё*), а еще через год его сменило министерство по делам религий (教部省, *кё:бусё*), просуществовавшее до 1877 г. Желая превратить Японию из «отсталой азиатской страны» в конкурентоспособную державу, правительство Мэйдзи стремилось контролировать и то, кому и как поклоняются подданные императора (как раз о процессах, протекавших в этот период, рассуждает Теувен). При этом необходимо было учитывать опыт Европы и Америки, где к концу XIX в. прочно утвердились идеи свободы вероисповедания, религиозности как черты отдельной личности, а не характеристики общества в целом, терпимости к различным конфессиям (выстраданной кровопролитными войнами еще со времен Реформации). С последним в Японии проблем оказалось меньше всего. В синто-буддийском синкретизме, привычном населению, отношение к «учениям» (教, *кё*;) всегда было довольно ровным. Власти ничуть не «кривили душой», объявляя, что японцы вольны выбирать себе религию (宗教, *сю:кё*;) . То, что государство привыкло контролировать, было вовсе не «учением», а именно культом, «путем» (道, *до*;) , по которому идут люди. Поэтому в период Мэйдзи и оказалось, что обряды, направленные на поддержание благоденствия императора, «не имели отношения к религии», — ситуация, которая до сих пор плохо укладывается в головах европейцев и американцев, но не вызывает ни малейшего удивления у большинства японцев.

Насильственное разделение синтоизма и буддизма было проведено именно в связи с тем, что последний был «учением» (когда нужно было как-то обобщенно назвать то, что проповедовали буддисты, японцы говорили «учение Будды», 仏教, *буккё*;) , т.е. одной из «религий», такой же, как, к примеру, христианство (キリスト教, *кирисутокё*;) , букв.

«учение Христа»). В качестве «религии» буддизм должен был быть отделен от государства так же, как во всех цивилизованных странах Запада. Синто, путь богов, напротив, оказался главным идеологическим инструментом правительства Мэйдзи. То, что было еще на рубеже XIX–XX вв. объявлено «светским», «естественным» поведением людей, включало в себя подавляющее большинство практик, ныне маркируемых как «традиционные японские обряды».

Среди таковых, пожалуй, и самые масштабные гулянья всей страны в период новогодних праздников. Переход на григорианский календарь Япония совершила в 1873 г., и с тех пор вокруг 1 января (元日, *гандзицу*) сосредоточены массовые празднества. Буддийские храмы 31 декабря 108 раз звонят в колокол, очищая население от грехов. Люди готовят и едят особые блюда, надевают праздничную одежду, украшают дом — все это ритуализировано и подчинено определенным правилам, имеющим свое толкование. Святилища в это время еле вмещают всех желающих совершить обряд «первого в году посещения» (初詣, *хацумодэ*)¹⁷.

В первой половине XX в. синто оказался подходящим для формирования не только национального, но и националистического японского духа. Святилища, полностью подчиненные государству, служили местами пропаганды, священнослужители совершали обряды, призванные возвеличить государя лично и всех его подданных, вместе взятых. Многие из этих обрядов, хотя и поменяли статус (с имеющих общенациональное значение на входящие в сферу деятельности независимых от государства юридических лиц), сами по себе остались прежними. Люди, которые участвовали в коллективных молениях, покупали амулеты и получали благословения, — бабушки и дедушки современных японцев. Поэтому не так уж холодно расчетливы политики-националисты, когда совершают какое-нибудь явно имеющее политическое значение ритуальное действие и говорят, что всего лишь «соблюдают традицию»¹⁸.

Следующий исторический период, существенно повлиявший на отношение современных японцев к традиционным ритуалам, — послевоенные годы. В 1945 г. Япония, по сути потерявшая политическую независимость, была вынуждена принять массу навязанных ей оккупационными силами нововведений. С точки зрения оккупационных властей, лишить Японию ее главного средства поднятия боевого духа населения было очень просто. Поскольку таким средством был синто — носивший, на взгляд американцев, вне всякого сомнения религиозный характер, причем характер не просто религии, но отсталого язычества, полного суеверий и предрассудков, — достаточно было про-

следить за полным разделением государства и религии в Японии. Это и было сделано. В дополнение к закреплению в конституции статуса Японии как светского государства был принят ряд законодательных актов. Государственный синто был упразднен, а храмовый синто объявлен религией. На деле это означало полное прекращение государственного финансирования храмов и святилищ. Отдельным законом было урегулировано отправление культа императором: отныне и впредь он мог совершать любые обряды только как частное лицо¹⁹.

Для самих японцев второй половины XX в. вопрос о роли традиционных обрядов в их жизни оказался основополагающим, важным для поиска своей культурной идентичности. Обнаружилось, что то, что они привыкли выполнять еще со времен разделения буддизма и синтоизма, прикрывало империоцентристские националистические взгляды²⁰. При этом, напомним, очень долгое время считалось, что синто — нечто, свойственное японцам в принципе, а буддизм — традиционная японская религия. Ямаори Тэцуо, Накамура Хадзимэ и другие японские ученые попытались переосмыслить основания собственной культуры, обратившись к рассмотрению всей истории страны «через голову» преобразований Мэйдзи²¹. Здесь нужно отметить, что на Западе были попытки уйти от восприятия традиционного образа жизни японцев как «религиозного» и объявить его особенным, свойственным культуре именно этой страны. Об этом, к примеру, рассуждает И. Ридер в статье «Гражданская религия в современной Японии»²².

Параллельно с изданием законов о религиозных организациях и строгим контролем деятельности чиновников в стране на государственном уровне были закреплены принципиально светские ритуалы, т.е. те, которые ни по содержанию, ни по вкладываемому в них смыслу, ни по составу участников никак не были связаны ни с одной религией. Таково, например, празднование достижения 20-летнего возраста. Во второй понедельник января городские власти организуют «день совершеннолетия» (成人の日, *сэйджин-но хи*). Юношей и девушек приглашают на торжественную церемонию, где чиновники поздравляют их и дарят небольшие подарки²³. Предполагается, что после этого они продолжают праздновать в кругу семьи и друзей. Поощряется облачение в традиционную японскую одежду — кимоно и штаны хакама.

Прежде чем перейти к подведению итогов, необходимо вспомнить еще об одной важной стороне жизни японцев, непосредственно связанной с исполнением традиционных ритуалов, — о похоронах. В монографии о повседневной религиозности современных японцев, упомянутой выше, Стивен Хайне подверг пересмотру идею о строгом

разделении полномочий между синтоизмом и буддизмом во всем, что касается проводов умерших в последний путь и их последующего почитания. Элизабет Кенни опубликовала статью, посвященную синтоистским похоронным ритуалам в Японии эпохи Хэйсэй (平成, с 08.01.1989 по наст. вр.), т.е. в наши дни²⁴. В статье Р. Дж. Смита, также упоминавшейся выше, проводится подробный анализ похорон императора Сёва (Хирохито, 裕仁, девиз правления Сёва, 昭和, годы правления — с 1926 по 1989), прошедших по смешанному синто-буддийскому обряду. Все эти публикации, как и ряд других, сходятся в стремлении каждый раз фокусироваться на конкретных примерах ритуальных действий японцев, анализировать их истоки, ареал распространения и значимость, но не давать им четких определений: «религиозных» или «светских», «традиционных» или «маргинальных», «синтоистских» или «буддийских».

Ученые видят в современной японской культуре ряд особенностей, многие из которых сами по себе не уникальны. К таковым можно отнести возрастание или, по крайней мере, постоянство роли ритуалов при росте уровня жизни; переход контроля над самим отношением к отправлению культа в ведение общественных структур («деприватизация религии» — термин Хосе Казановы²⁵) и др. Сочетание этих черт, их влияние друг на друга и взаимодействие с внешним миром формируют тот самый уникальный рисунок, который свойственен именно и только японской культуре. Рисунок этот по количеству мелких деталей, многообразию цветов и оттенков больше всего напоминает мозаику. Ученым, желающим его изучить, приходится смотреть с очень близкого расстояния (т.е. как раз так, как предпочитают осваивать мир сами японцы). Не претендуя на то, чтобы воспроизвести все «звуки и краски»²⁶, завершим настоящий обзор кратким перечислением обсужденных выше аспектов — того, что приходится учитывать исследователям, изучающим восприятие традиционных обрядов в современном японском обществе.

В том, что жизнь японцев полна ритуалов, сходятся все. Насколько эти «устоявшиеся действия, имеющие символическое значение» могут считаться традиционными, — вопрос. Важность для японской культуры категории «традиционного» (伝統的, *дэнто:тэки*) обуславливает частоту употребления этого слова, когда нужно объявить что-то правильным, авторитетным, искони присущим японцам, а главное, — отличающим их от других народов («традиционный японский дом», «традиционный японский костюм», «традиционная еда» и проч.). Поэтому исследователи предпочитают давать ответ в виде подробного разбора каждого отдельного случая.

Если в обряде участвуют священнослужители, он проводится с использованием предметов религиозного культа и т.п., к вопросу о его традиционности добавляется проблема его определения как светского или религиозного. Как в самой Японии, так и в мире она решается, исходя из самых разных установок исследователя. Некоторые предпочитают говорить о том, что никакого религиозного содержания у исследуемых обрядов давно нет, и так же рассуждает большинство самих японцев. В этом случае речь идет о «гражданской религии», о полностью секуляризированном обществе и о социальных функциях проводимых ритуалов. Противоположная точка зрения означает отнесение к религиозным практически всех обрядов календарного цикла, перехода людей от одного жизненного этапа к другому (а это 90% всех «религиозных» ритуалов, в которых участвуют современные японцы). Более взвешенная, средняя позиция так же, как и в вопросе о традиционности, предполагает внимательное рассмотрение каждого отдельного случая, что приводит к размыванию границ между «светским» и «религиозным», но дает возможность более аккуратного и всестороннего анализа того или иного обряда.

Свою специфику привносит разница между восприятием ритуалов частными людьми и официальными лицами: бизнесменами, чиновниками, другими представителями государственной власти. Для большинства японцев посещение храмов, покупка амулетов, участие в молениях, празднествах и других обрядах действительно не несут никаких дополнительных смыслов, кроме поддержания существующего порядка вещей, и не влекут за собой никаких обязательств, связанных с мировоззрением. Часть общества, которая является истинно верующей, т.е. сознательно исповедует некое вероучение, участвует в обрядах и подвижничестве, будь то буддисты, христиане (католики, протестанты или православные) или даже мусульмане²⁷, представляет меньшинство и имеет право отправлять культ и распространять свою веру в той степени, в которой это не ущемляет права остального населения²⁸. При этом все обряды, в которых участвуют официальные лица, о которых остальной мир чаще всего узнает из газет и которые освещаются в СМИ в самой Японии, интерпретируются в свете вопроса о том, нет ли здесь вмешательства государства в дела религиозных организаций. Немало судебных разбирательств связано с обвинением государственных чиновников в незаконной финансовой поддержке того или иного храма или святилища. Участие официального лица в ритуалах, имеющих религиозную окраску, как правило, вызывает широкий общественный резонанс и требование доказать, что в данном случае человек

действовал как частное лицо. Наконец, явная близость консерваторов, националистов и ряда организаций, связанных с синто, заставляет постоянно искать за отправлением культа политический подтекст²⁹.

Добавим, что вне рамок рассмотрения остались всевозможные вопросы, связанные с экономическим положением храмов и святилищ. Ведь современные японские буддийские храмы и синтоистские святилища могут выживать лишь за счет продажи входных билетов, амулетов и получения «добровольных пожертвований» в благодарность за проведение ритуалов. Неудивительно, что они стараются как можно шире рекламировать себя и представлять отправление культа как нечто крайне желательное и несущее всевозможные благие последствия для населения.

Наконец, заключительная иллюстрация к восприятию японцами своих традиционных обрядов — недавняя новинка в мире техники. Японская корпорация *SoftBank Group* совместно с компанией *Nissei Eco Co.* создали робота — буддийского монаха, способного совершать похоронный ритуал. Робот *Pepper*, появившийся в 2014 г., совсем недавно, в августе 2017 г., научился бить в барабан, читать вслух сутры и был представлен на выставке похоронной индустрии в Токио³⁰. Будет ли робот востребован (его услуги примерно в 4 раза дешевле, чем приглашение живого монаха) — вопрос, ответ на который даст время. Возможно, когда-нибудь ученые будут исследовать восприятие традиционных обрядов в современном японском обществе с учетом «профессиональной деятельности» *Pepper*'а.

Примечания

¹ Речь идет о ритуале 拝礼, *хайрэй*. Полностью он описывается так. Войдя на территорию святилища, человек совершает омовение рук и рта, подходит к зданию, где «живет» божество (оно называется «зал для поклонения», 拝殿, *хайдэн*); дважды кланяется, дважды хлопает в ладоши, бросает монетку в специальную копилку, накрытую решеткой, дергает за веревку колокола и вновь склоняет голову; ладони во время поклонов сложены вместе на уровне груди. Просьбу можно произнести вслух или про себя, до или после опускания монетки и дерганья за веревку колокола.

² В июне 2015 г. этот обряд был проведен на территории России, когда после длительных переговоров было подписано соглашение российской стороны с японской компанией *JGC* о строительстве нового агрокомплекса в пригороде Хабаровска.

³ См., например, статью Ю. Б. Стоногиной «Ритуал как основа коммуникации в Японии» [Стоногина Ю. Б. Ритуал как основа коммуникации в Японии // Япония 2013. Ежегодник. М.: АИРО—XXI, 2013. С. 373—387].

⁴ Ср. названия их статей: “Secularisation, R.I.P.? Nonsense! The ‘Rush Hour Away from the Gods’ and the Decline of Religion in Contemporary Japan” (Ian Reader); “Japanese Secularities and the Decline of Temple Buddhism” (John K. Nelson); “Secularization, Deprivatization, and the Reappearance of ‘Public Religion’ in Japanese Society” (Mark R. Mullins); “Observations on the Blurring of the Religious and the Secular in a Japanese Urban Setting” (Elisabetta Porcu) [Japanese Journal of Religion. 2012. 1:1].

⁵ Здесь нужно отметить, что существует путаница в названиях дисциплинарных областей и работающих в этой сфере ученых в английском и русском языках. По-русски, люди, проводящие исследования, о которых идет речь, называются религиоведами, социологами религии, антропологами религии, культурологами или просто японистами, по стране изучения. По-английски все они *anthropologists* (антропологи) или, в крайнем случае, *cultural anthropologists* (культурные антропологи). Поскольку эта статья ссылается на англоязычных ученых, то мы следуем их собственному обозначению их дисциплинарной принадлежности. Японские ученые также придерживаются англоязычной традиции.

⁶ *Bremen J. van.* The myth of the secularization of industrialized societies // Ceremony and Ritual in Japan: Religious Practices in an Industrialized Society / Ed. by D. P. Martinez, Jan Van Bremen. Nissan Institute / Routledge Japanese Studies, 1995. P. 1–22.

⁷ *Heine S.* Sacred High City, Sacred Low City: A Tale of Religious Sites in Two Tokyo Neighborhoods. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 244 p.

⁸ Описанная схема работала применительно к культурам всего мира еще у таких отцов-основателей культурологии, как Бронислав Малиновский, и многие, многие другие. Япония не была исключением. В качестве примера из отечественной японистики можно вспомнить фундаментальный труд группы ученых «Буддизм в Японии» (Буддизм в Японии / Под ред. Т. П. Григорьевой. М.: Наука; Восточная литература, 1993), где отчетливо прослеживается вышеописанный подход.

⁹ Эдмунд Лич (1910–1989) был учеником Бронислава Малиновского, однако критиковал его идеи. Примечательно, что и Малиновский прежде «шагал» в том же направлении, т.е. пытался убедить антропологов работать с действительностью, а не с собственными представлениями о ней. Так что в определенном смысле Лич именно продолжил дело своего учителя.

¹⁰ *Smith J. R.* Wedding and Funeral Ritual / Ceremony and Ritual in Japan: Religious Practices in an Industrialized Society / Ed. by D. P. Martinez, Jan Van Bremen. Nissan Institute / Routledge Japanese Studies, 1995. P. 25–37.

¹¹ Ср. определения обряда и ритуала в словаре Ожегова: «обряд — совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-либо религиозные представления, бытовые традиции»; «ритуал (книжн.) — 1. Порядок обрядовых действий. Р. погребения. 2. Установленный порядок действий при совершении церковного таинства. Церковные ритуалы: р. венчания, крещения, соборования. 3. То же, что церемониал». В других словарях определения похожие.

¹² Левада Ю. А. Ритуал // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.

¹³ Ceremony and Ritual in Japan: Religious Practices in an Industrialized Society (Nissan Institute / Routledge Japanese Studies) 1st ed. / Ed. by D. P. Martinez, Jan Van Bremen. Nissan Institute / Routledge Japanese Studies, 1995. 284 p.

¹⁴ Japan Review. Formations of the Secular in Japan / Guest editors Aike P. Rots and Mark Teeuwen. 2017. No 30. Kyoto: Dohosha Printing Co. LTD, 2017.

¹⁵ Здесь нужно отметить, что, даже если не с использованием именно таких формулировок, вопросы, связанные с адаптацией в Японии рубежа XIX–XX вв. категорий «религия», «религиозное» и «светское», безусловно затрагивались и другими исследователями. Так, А. Н. Мещеряков в монографии 2009 г. «Император Мэйдзи и его Япония» [Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. 736 с.] немало внимания уделяет тому, как, знакомясь со странами Запада и стремясь «догнать и обогнать их», японцы осмысливали собственное отношение к буддизму, синто и западным религиям и как итоги этого осмысления влияют на их жизнь до сих пор.

¹⁶ Сам император, как и в былые годы, имел мало отношения к реальному управлению страной. Речь идет об отмене сёгуната.

¹⁷ В некоторых регионах прихожане посещают буддийские храмы.

¹⁸ Самый известный пример здесь — поминовение погибших воинов в святилище Ясукуни в Токио. Там чтят память не только воинов, но и преступников, осужденных по итогам Второй мировой войны, а политики спорят о том, прилично или неприлично официальным лицам принимать участие в обрядах, проводимых в святилище. События, происходившие в этом месте с самых первых лет его существования, подробно освещены как в японской, так и в зарубежной исследовательской литературе. Можно вспомнить, к примеру, как в 1985 г. в день поминовения усопших Ясукуни официально посетил глава правительства Ясухиро Накасонэ (впервые за много лет), что вызвало массовые протестные акции, а также резкое неприятие со стороны Китая. Но Накасонэ заявил, что всего лишь следовал естественному стремлению почтить память погибших. Об этом эпизоде см. например, заметку в *New-York Times* от 10 октября 1985 г.: “Nakasone, giving in, will shun shrine”. URL: <http://www.nytimes.com/1985/10/10/world/nakasone-giving-in-will-shun-shrine.html>.

¹⁹ Закон 1947 г. «Об исполнении церемоний императорского дома» (皇室典範, *Косицу тэмпан*).

²⁰ Среди прочих, об этом пишет Оки Хидэо в статье «Глобализация и теология в Японии» [Ohki Hideo. Globalization and a Theology of Japan / A Theology of Japan. Monograph Series. Vol. 1. A Theology of Japan: Origins and Task in the Age of Globalization. Seigakuin University Press, 2005. P. 75–84].

²¹ Ямаори Тэцуо. Блуждания богов в пространстве японской культуры / Предисловие, перевод с японского и примечания Л. М. Ермаковой // Вопросы философии. М.: Наука, 1999. № 2. С. 147–155; Nakamura Hajime. Some Features

of the Japanese Way of Thinking // *Monumenta Nipponica*. October 1958 — January 1959. Vol. 14. No 3/4. P. 277–318; и др. публикации.

²² *Reader I. Civil Religion in Contemporary Japan* // *The Copenhagen Journal of Asian Studies*. 1994. Vol. 9. URL: <https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/1831>. Ср. также «ответную» статью Дж. М. Лоуренса «Не-гражданская религия: синто и “религия” в послевоенной Японии» (2015) [Lawrence J. M. *Un-Civil Religion: Shinto and Shukyo in Postwar Japan*. URL: http://trace.tennessee.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=utk_relipubs].

²³ В Японии финансовый год начинается 1 апреля и длится по 31 марта, и в церемонии приглашают участвовать молодых людей, которым исполнилось 20 после 1 апреля предыдущего года.

²⁴ *Kenney E. Shintō Mortuary Rites in Contemporary Japan* // *Cahiers d'Extrême-Asie* Année. 1996. Vol. 9. No 1. P. 397–439. URL: http://www.persee.fr/doc/asie_0766-1177_1996_num_9_1_1124.

²⁵ См., *Casanova J. Public Religions in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 320 p.

²⁶ 聲色, яп. *сэйсики*. Буддийское выражение, обозначающее наш здешний мир.

²⁷ Оценки количества христиан в современной Японии колеблются вокруг 1% населения; мусульман насчитывается меньше 200 тыс.

²⁸ Здесь можно вспомнить случай вдовы офицера Накая Такафуми, которая пыталась оспорить захоронение в общей могиле на территории синтоистского святилища останков мужа, погибшего в аварии, когда он находился при исполнении служебных обязанностей. Она была христианкой и, умиловитив отца погибшего супруга буддийским похоронным обрядом, затем забрала часть останков супруга и похоронила их по-христиански. А когда местная ассоциация офицеров организовала коллективное захоронение Накая и 11 его сослуживцев, женщина подала в суд. После судебного разбирательства было вынесено решение о том, что вдова не имеет права препятствовать захоронению, поскольку сам Накая христианином не был и ее протест нарушает права сограждан Накая чтить его память так, как они считают нужным. Подробности этого инцидента см., например, в официальном тексте решения на сайте «Суды Японии» (裁判所): 1982. Дело № 902. URL: http://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=88.

²⁹ Этому, в частности, посвящена статья Т. Гутмана «Националистские круги в Японии сегодня: невозможность секуляризации». *Guthmann T. Nationalist Circles in Japan Today: Impossibility of Secularisation* // *Japan Review. Formations of the Secular in Japan* / Guest editors Aike P. Rots and Mark Teeuwen. 2017. No 30. Kyoto: Dohosha Printing Co. LTD, 2017. P. 207–226.

³⁰ *Life Ending Industry Expo 2017* [URL: <http://www.independent.ie/business/life-ending-industry-expo-2017-36061767.html>].

ОБ ОТНОШЕНИИ ЯПОНЦЕВ К КЛАССИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ

Япония — страна древней высокоразвитой культуры. Подобное утверждение звучало бы унылым трюизмом, сравнимым разве что с «Волгой, впадающей в Каспийское море», если бы не парадоксы исторического развития человечества, которые эту банальную истину ныне в значительной мере опровергают. То есть никаких сомнений в наличии богатейшей культуры на Японских островах, разумеется, ни у кого возникнуть не может. Она повсюду, куда ни глянь.

Туристов в Киото неизменно ведут любоваться дзэнским садом камней в храме Рёандзи, Золотым павильоном, Серебряным павильоном, замком Нидзё (со снесенным донжоном), храмами Ниси Хонгандзи и Хигаси Хонгандзи, монастырем Тофуку-дзи, декоративным районом Гион, а желающих приглашают также посетить еще две-три сотни храмов и пару дюжин знаменитых садов древней столицы. В Нара их поджидает грандиозный деревянный храм Тодайдзи с гигантским Буддой внутри и не менее впечатляющее синтоистское святилище Касуга. Большим Буддой и десятками знаменитых обителей гордится столица сегунов Камакура, поражают воображение богатым убранством храмы и гробницы сёгунов в Никко.

По всей стране проведена регистрация городов с сохранившимися старинными кварталами, которым присвоено почетное звание «малого Киото». Их набралось пятьдесят — в остальных старые постройки были срыты до основания на протяжении минувшего века. Досконально изучены и описаны старинные храмы, великолепные средневековые сады и парки. Любовно обихожены замки, сохранившиеся после кампании «борьбы с проклятым наследием феодализма» в эпоху Мэйдзи. Их тоже насчитывается около пятидесяти в разных концах страны. Некоторые были отстроены заново из бетона после пожаров и разрушений — в Осаке, Нагое, Одаваре, Ёкотэ и многих других го-

родах. Остальные полторы сотни разделили печальную участь величественного «Замка зеленых листьев», родового владения даймё Датэ в Сэндае или крепости владетельного клана Сатакэ в Аките: их когда-то разобрали по камушку, не оставив даже следа от могучих твердынь, служивших оплотом князьям и полководцам японского Средневековья. Кое-где, правда, сохранились части призамковых городов — например, усадьбы самураев в горном Какунодатэ, хотя замка, в котором они служили, давно нет.

Многое исчезает бесследно в потоке времени. Рушатся памятники архитектуры, становятся антикварной редкостью артефакты, гибнут в огне пожаров оригиналы бессмертных полотен. Как печально констатировал Иван Бунин, «из древней тьмы, на мировом погосте звучат лишь письма». Но уж с письменным наследием в Стране восходящего солнца все обстоит прекрасно: богатейшие архивы, превосходные научные центры, книгохранилища с полностью оцифрованными фондами, доступными ныне в режиме онлайн, разветвленная сеть университетских и публичных библиотек. При стопроцентной грамотности населения и невероятно развитой муниципальной инфраструктуре культурного сервиса все сокровища отечественной литературы и сопряженные с ними шедевры каллиграфии ныне в полном распоряжении благодарных читателей.

В Японии на государственные средства был создан колоссальный межуниверситетский научно-исследовательский Центр отечественной литературы (Кокубунгаку кэнкю сирёкан), включающий также грандиозный по масштабам фонд древних и средневековых рукописей, книг каллиграфических надписей и рисунков. Еще в 1989–1990 гг., в период стажировки по линии Японского фонда, мне довелось провести много дней в стенах этого уникального центра, работая над подготовкой перевода антологии «Кокинсю» при участии заведующего отделом рукописей профессора Синдо Кёдзо. Тогда центр располагался в довольно большом и относительно современном здании неподалеку от кольцевой станции Готанда в закоулках района Тогоси. В новом тысячелетии Центр отечественной литературы перенесли в академгородок, выросший в Татикаве, городке-спутнике Токио, вокруг площади Наук и Искусств. Новое здание, оснащенное по последнему слову техники, в несколько раз больше старого, что неудивительно, поскольку книгохранилище стремительно разрастается год от года за счет приобретения новых коллекций. Как члену правления Кокубунгаку кэнкю сирёкан (кстати, единственному иностранцу среди двадцати четырех членов правления) мне приходится регулярно бывать в Татикаве, наблюдая воочию процесс приобретения новых коллекций и их обработ-

ки. Результаты научных исследований печатаются в вестнике центра, который проводит также ежегодные международные конференции.

Другой масштабный научно-исследовательский центр был создан на базе музея Дом современной японской литературы (Нихон киндай бунгакукан) в Токио. Здесь хранятся личные архивы писателей Нового и Новейшего времени. Разумеется, эти материалы также сканируются и оцифровываются, что делает их достоянием широких кругов исследователей. Издается научный вестник. Кроме того, здесь налажено серийное производство репринтных версий первых изданий авторских книг периода Мэйдзи — Тайсё — начала Сёва. В центре читаются циклы лекций по литературе, проводятся выступления поэтов.

В 1980-е годы был воплощен еще один грандиозный правительственный проект — создание Международного центра изучения японской литературы близ Киото (Нитибункэн). Этот центр, располагающий прекрасной библиотекой и хорошо знакомый многим японоведам Европы, Америки, Азии и Австралии, был спроектирован как ответ Японии на вызов эпохи глобализации. Хотя одной из основных задач Нитибункэн является создание оптимальных условий для долгосрочной стажировки ведущих японоведов мира, его научный штат выполняет самые разнообразные функции: от координации международных проектов по изучению японской литературы и культуры до инвентаризации и разработки базы данных всех зарубежных коллекций японского искусства. Публикации Нитибункэна за последние десятилетия сами по себе уже составили внушительную базу данных. В лоне Нитибункэна формировались также разнообразные теории о становлении и развитии японской культуры, выдвинутые известными современными учеными: Умэхара Такэси, Хага Тору, Наканиси Сусуму, Каваи Хаяо, Осима Хитоси и многими другими.

По всей стране открыты мемориальные музеи писателей и поэтов. Только музеев авторов Нового времени, которые курирует Дом современной японской литературы (Нихон киндай бунгакукан), насчитывается порядка полутора сотен, а с учетом авторов Древности и Средневековья общее количество, вероятно, составит более двухсот пятидесяти. Художественные и краеведческие музеи тоже уделяют немалое внимание книжной классике. Так, в крупнейшем музее Эдо-Токио находится большое собрание книг эпохи Эдо, представляющих огромное разнообразие жанров и форм литературы позднего Средневековья и показывающих многосторонние связи между литературой и живописью *укиё*, воплощенной в гравюре.

Особенностью культурного ландшафта Японии со времен Средневековья являются каменные стелы с запечатленными на них строками

классических стихов — *танка* (*кахи*), *хайку* (*кухи*) и *киндайси* (*сихи*). Эта традиция, некогда заимствованная из Китая, живет и в наши дни. Например, только в Аките установлено двадцать *кухи*, посвященных одному, причем не слишком известному, поэту, уроженцу этой префектуры Исии Рогэцу, ученику и другу патриарха новой поэзии *хайку* Масаока Сики. Поэтические стелы издавна возводились на средства местной администрации и спонсоров в местах, связанных с биографией поэтов и их странствиями. Существуют десятки стел со стихами Сайгё, сотни со стихами Басё и в общей сложности, вероятно, тысячи — со стихами других поэтов, что придает всей стране совершенно уникальный поэтический колорит. Память прославленных поэтов, писателей и драматургов увековечивают также многочисленные бронзовые изваяния, бюсты и сложные скульптурные композиции — как, например, мемориал Исигава Такубоку в Хакодате.

На полках библиотек, как университетских, так и публичных (городских и районных), классику, к которой можно отнести произведения не только Средневековья, но и Нового времени, представляют огромные серии прекрасно оформленных томов. Безукоризненно подготовлены полные собрания, причем не только авторов уровня Сайкаку, Тикамацу, Басё, Кавабата Ясунари или Акутагава Рюноске, но и великого множества писателей второго, а также третьего ряда, о которых в университетских курсах литературы нет даже упоминаний.

Радуют глаз любовно подобранные многотомные серии избранных шедевров классики Средневековья и Нового времени, отсортированные компетентными редколлегиями как по хронологическим периодам, так и по жанрам, и по отдельным авторам. В подавляющем большинстве серии, охватывающие литературу Древнего мира и Средневековья, содержат подробнейший комментарий, а порой и параллельный перевод на современный язык. Книги, представляющие литературу на *камбуне* или на чисто китайском языке (например, литература Пяти монастырей), снабжены переводом в различных вариантах. Самая популярная форма — параллельный постраничный перевод текста, но есть и другие варианты. Так, поэзия *канси* «Шальное облако» («Кёун-сю») в собрании сочинений известнейшего дзэнского мыслителя и поэта XV в. Иккю дублируется в переводе на *бунго* целиком, практически как отдельная книга.

В немыслимом разнообразии представлены также вспомогательные пособия: литературные энциклопедии, справочники и словари, в которых можно найти биографические сведения о любом мало-мальски известном деятеле японской литературы и культуры. Сравнительно небольшой биографический справочник, содержащий информацию

только о поэтах Нового времени, содержит около шести с половиной тысяч имен — причем в нем фигурируют только лауреаты литературных премий... Другие издания предлагают системный анализ отдельных технических приемов — например, «постоянных эпитетов» *макуракотоба* в поэзии *танка* или сезонных слов *киго* в поэзии *хайку*. Огромная альбомная серия собрала средневековые шедевры каллиграфии с переводом и подробным комментарием. Специальные серии представляют гравюры *укиё* с расшифровкой подписей и авторских печатей.

Почетом и уважением окружены театры Но, Кабуки и Бунраку, постоянно обновляющие свой классический репертуар и воспитывающие новые актерские кадры. Не забыты и театр Ёсэ, и театр одного актера *ракуго*. Каждый театр имеет своих поклонников, регулярно посещающих спектакли. Столь же любовно пестуются традиции национальной музыки и художественных ремесел.

* * *

Казалось бы, любая страна может только мечтать о таком освоении своего культурного достояния. Однако на фоне бурного развития специализированных исследований в разных областях гуманитарных наук и заботы государства о сохранении культурного наследия не может не вызывать недоумения и беспокойства резкое падение культурного уровня широких масс населения, к которым уже можно отнести и многомиллионную служилую интеллигенцию с университетскими дипломами. Вопреки видимому благополучию в области культуры, уровень того образования, которое когда-то называлось классическим и действительно таковым являлось, в последние десятилетия упал в Японии до критической отметки, катастрофически снижая интерес людей к наследию предков.

Дело здесь прежде всего в системе школьного обучения, которое, как известно, было реконструировано в послевоенный период по американскому образцу. Тогда, в результате реформы 1947 г., из школьной программы выпали китайский язык (вспомним, что на протяжении многих веков японская культура была фактически билингвистична), история страны, традиционная этика и многие другие ключевые гуманитарные дисциплины. Школа была переориентирована на практические ценности.

В сущности, отечественная литература как таковая не входит в список приоритетных школьных предметов и скорее относится к числу комплементарных дисциплин, инкорпорированных в многолетнюю школьную программу «Родной речи» (*кокуго*), давно уже перейдя в категорию обременительной лишней нагрузки. Не входит литера-

тура и в список вступительных экзаменов в университетах. Такое положение литературы в школьной программе отчасти компенсируется популярностью курса отечественной литературы во многих университетах, а также в некоторых краткосрочных женских колледжах — наряду с курсом англо-американской литературы. Однако на факультеты японской литературы все же попадает ничтожный процент выпускников школ, а остальные, в том числе и миллионы студентов вузов, довольствуются школьным «Курсом молодого бойца», который не способен дать даже самое приблизительное представление о японской классике и не предполагает чтения классических шедевров целиком даже в современной обработке.

То, что, может быть, применимо в США и даже в Европе, не оправдывает себя в Японии. Основная причина проста: язык. Если в любой европейской стране к концу первого класса (а иногда и значительно раньше) ребенок уже умеет читать и писать, а значит, получает возможность читать самостоятельно любые книги, то в японской школе он достигает более или менее достаточного уровня грамотности только на девятом году обучения, освоив обязательный иероглифический минимум. Лет до шестнадцати большинству приходится довольствоваться радикально адаптированными и щедро снабженными картинками текстами учебников «Родной речи» (*кокуго*), скорее напоминающими комиксы-*манга*. В учебниках *кокуго* для начальной школы, в которой ученики пребывают до 13 лет, практически никаких литературных произведений, кроме сказок, вообще не упомянуто. В учебниках для средней школы микроскопические фрагменты из одной-двух средневековых классических книг, а также из пары небольших адаптированных отрывков классики Нового времени в произвольном наборе, разбросанные среди прочих занимательных дидактических материалов по японскому языку, уже имеются, хотя обнаружить их нелегко. «Старая классика» представляет собой крохотные отрывки оригинального текста (например, «Повесть о старике Такэтори») с параллельным точным переводом на современный язык и небольшой по объему пересказ *части* всей волшебной повести. В средней школе второй ступени (9–12-й год обучения), в зависимости от конкретного учебника, «старая классика» может быть представлена тем или иным лоскутным набором небольших фрагментов произведений. «Новая классика» (например, «Мальчуган» Нацумэ Сосэки) дается в виде облегченного до неузнаваемости текста одной главки. Никаких специальных пояснений по авторам и по культурному фону эпохи не прилагается. Даже если учитель и говорит о них на уроке, вряд ли ученики способны что-то запомнить на слух.

Учебников *кокуго* для средней школы, соответственно, по одному на год, и в каждом есть небольшая литературная составляющая. Акцент, однако, делается не на художественных достоинствах текста, а на особенностях старописьменного, недоступного для детей языка, который они предположительно должны осваивать по этим текстам и прилагаемым головоломным грамматическим таблицам.

Правда, в средней школе второй ступени с литературой дело обстоит лучше. Существует несколько вариантов учебных пособий по родной речи с упором на классическую литературу. Возьмем для примера учебник, выпущенный в 2014 г. компанией «Пирсон-Кирихара», который предлагает школьникам краткий курс *камбун* и малоформатную хрестоматию объемом около полутора ста страниц с краткими извлечениями из китайских исторических хроник, средневековых романов и поэтических сборников в переложении на *камбун*, а также японских сборников поэзии *канси*. Коллектив авторов состоит из профессоров крупнейших университетов и школьных учителей. К брошюре прилагается также довольно обширная хронологическая таблица китайской литературы. В целом пособие составлено вполне профессионально, но научиться по нему читать на *камбуне*, а тем более собственно на китайском за несколько месяцев едва ли возможно. Тексты коллективно прорабатываются в классе, но предлагаемой брошюры катастрофически мало для того, чтобы отважиться после нее самостоятельно приступить к литературе на *камбуне*. И действительно, студенты на *камбуне* не читают.

Судя по упоминаниям в старинных книгах, некогда дети выучивали необходимый объем иероглифов и принимались за чтение литературы на старояпонском, а нередко также и на китайском уже лет в двенадцать-тринадцать. Ныне в это верится с трудом. Китайский (классический *вэньянь*) был полностью исключен из школьных программ еще в результате реформы 1947 г. Степень овладения старояпонским — *кобуном* у подавляющего большинства школьников настолько низка, что за редкими исключениями чтение старых текстов любой эпохи (во всяком случае прозы), и особенно на *камбуне*, представляет для них сегодня почти непосильную задачу. Почти — потому что в действительности навык чтения классики мог бы быть развит при некоторой настойчивости со стороны министерства просвещения и науки, а также учителей, но в этом направлении давно уже не предпринимается ни малейших усилий. Никто не отсылает школьников и к большим, хорошо прокомментированным сериям классики с параллельным переводом на современный язык. О существовании таких серий они и не знают.

Новейший учебник собственно японской классической литературы для старших классов, выпущенный тем же издательством и использующийся как учебник старого языка *кобуна*, т.е. *бунго*, представляет собой компактную (около двухсот страниц), но хорошо составленную хрестоматию с делением по жанрам и по авторам, но не по эпохам. В него входят небольшие комментированные фрагменты из оригинальных текстов старинных *сэцува* («Кондзяку моногатари» и «Удзисюи моногатари»), *дзуйхицу* («Макура соси», «Цурэдзурэгуса» и «Ходзёки»), повестей («Такэтори моногатари», «Исэ моногатари», «Ямато моногатари», «Цуцуми тюнагон моногатари»), старинных хроник («Кодзики»), исторических повествований («Окагами»), эпических сказов-*гунки* («Хэйкэ моногатари»), лирических дневников («Сарасина никки», «Кагэро никки», «Идзуми сикибу никки», «Мурасаки сикибу никки») и бессмертного романа «Гэндзи моногатари», повестей-*кайдан* («Угэцу моногатари»). К большинству текстов даются переводы на современный язык. К двум или трем произведениям приложены краткие комментаторские толкования.

Поэзия представлена маленькими выборками из авторов «Кокинсю» и других императорских антологий, пятью *хайку* Басё, шестью *хайку* Бусон, пятью *хайку* Исса, одной *танка* Рёкан, а также по одной — Кагава Кагэки, Татибана Акэми и Окума Котомити, с кратчайшими справками о поэтах в одну строчку. Кроме того, в отдельный раздел вынесены фрагменты из трактатов по эстетике и поэтике: «Кадэнсё» Дзэами, «Кёрай-сё» Мукай Кёрай и некоторые другие.

В приложении к учебнику можно найти компендиум грамматики *кобуна*, карту Японии со старым географическим делением по провинциям, хронологические таблицы, старинные названия месяцев и много другой полезной информации.

При всем том, что хрестоматия вполне удовлетворительна по составу, она скорее напоминает распечатанную компьютерную базу данных, чем учебник по литературе, поскольку в ней собрано огромное количество по-деловому сжатой, «архивированной» информации. Можно сказать, что при составлении учебника авторы следуют общим принципам отбора, характерным для многотомных серий японской классики, повторяя их в масштабе 1:1000. Если глава из «Повести о Гэндзи» еще может дать какое-то представление о книге, то одна *танка* никоим образом не способна поведать о ее создателе.

Что касается комментариев и справок, то они в основном представляют собой урезанный до одной-двух строк текст, взятый из «взрослого» справочника с совершенно излишними географическими подробностями. При этом, например, в «справке» о великом дзэнском поэте

Рёкан даже не упомянуто, что он был монахом, сознательно избравшим в качестве схимы нищенство и одинокую жизнь в скиту, а в «справке» о Кагэки — о том, что он был законодателем поэтической моды в первой половине XIX в.

Пособие, которое позиционируется как «Гэндайбун», т.е. «современная речь», выпущенное в 2014 г. столичным издательством «Токио сёсэки», предлагает пользователям пеструю смесь из текстов Мори Огай, Абэ Кобо и Оока Сёхэй, стихов-*гэндайси* Такамура Котаро, Ёсиока Минору и Тамура Рюити, нескольких современных *хайку*, а также довольно длинного ряда разрозненных статей и эссе по различным проблемам современной культуры. Все это создает видимость широкого охвата литературной жизни страны, но в действительности является собой совершенно несъедобное ассорти, от употребления которого у школьника может случиться душевное расстройство. Учебников *кокуго* существует несколько, и набор произведений в них может отчасти варьироваться, но суть от этого не слишком меняется.

Как мы видим, современные школьные программы не чуждаются литературы, но способ подачи материала, судя по всему, просто запрограммирован на его отторжение. Материала много, он труден, плохо скомпонован, спрессован во времени и не рассчитан на последовательное усвоение и запоминание. В итоге те школьники, которые выкраивают время после занятий в школе и на репетиторских курсах, не имеют достаточной мотивации для чтения и, соответственно, никогда не прикасаются к классике вне учебной программы.

Школьные нормативы не предусматривают чтения упомянутых в учебнике произведений целиком не только по причине лингвистической трудности, но и потому, что большинство классических шедевров просто классифицируется как «не детское чтение», недоступное разумению школьника, иногда даже в старших классах (т.е. в возрасте 17–18 лет). Если учесть, что в японской школе вся программа ориентирована на усредненного ученика без поправок на индивидуальные способности и неординарные интересы, то возможности самостоятельного чтения трудных классических текстов если и не полностью исключаются, то во всяком случае никак не поощряются. А если вспомнить, что подавляющее большинство старших школьников вынуждено также по вечерам посещать параллельные репетиторские курсы *дзюку* и участвовать в спортивных секциях, станет ясно, что для чтения у них нет ни времени, ни возможностей.

Стоит отметить, что популярные произведения художественной литературы, как японской, так и зарубежной, существуют, помимо перевода оригинала, в различных детских, до предела адаптированных

вариантах, которыми учащиеся школ в принципе могут пользоваться. Вероятно, к ним еще обращались до появления Интернета, который благополучно избавил новые поколения школьников от необходимости посещать библиотеку. В Интернете же адаптированные варианты, да еще в бесплатном пользовании, найти непросто, и сейчас ими, видимо, пользуются единицы.

Как ни странно, ситуация со школьной программой отечественной литературы несколько не беспокоит министерство просвещения и науки Японии. Особой озабоченности, похоже, не проявляют и учителя, которые следуют по накатанному пути и явно не собираются от себя вносить какие бы то ни было изменения. Мне не удалось найти ни одной статьи, заставляющей задуматься о том, что происходит с классическим литературным наследием в Стране восходящего солнца. А ведь речь идет о трагедии национального масштаба: в суе строительства «экономического чуда», в угаре модернизации, глобализации и информационной революции духовная составляющая японской культуры, основанная на литературной классике, странным образом выпадает из обязательного образовательного комплекса XXI в., перейдя в категорию комплементарных дисциплин.

За 26 лет работы в Японии передо мной прошли сотни студентов в классах японской литературы, которые я вел — сначала в Токийском университете иностранных языков, а затем в Международном университете Акита (МУА). Оба университета не являются профильными вузами со специализацией по японской филологии, но представляют собой достаточно типичные учебные заведения с общим гуманитарным уклоном, каковых в Японии очень много: первый — лингвострановедческий институт, второй — вуз с обучением по системе *Liberal Arts* (что подразумевает ознакомление с широким спектром гуманитарных дисциплин с добавлением естественных наук). Все эти годы я периодически проводил анкетирование студентов, суммируя результаты опросов. Кроме того, на собеседованиях перед вступительными экзаменами мне в составе отборочной комиссии ежегодно приходилось опрашивать десятки абитуриентов, чтобы определить уровень их интеллекта и эрудиции. Такого рода собеседования проводятся по достаточно жесткой схеме, зафиксированной в списке вопросов, куда (по моему настоянию) был внесен и вопрос о прочитанных за последние годы книгах. Попутно можно отметить, что вопрос о круге чтения и литературных интересах молодых людей практически никогда не затрагивается в полученных от директора школы характеристиках-рекомендациях, которые часто прилагаются к документам.

Как показывают результаты собеседований и опросов, несмотря на высокие показатели в аттестатах, блестящие рекомендации и довольно содержательные сочинения-эссе на вольную тему, интерес к классической литературе в целом проявляет лишь незначительное число абитуриентов, менее 10%. Однако и у этого меньшинства при ближайшем рассмотрении «интерес» обычно сосредоточен на одной или двух книгах автора из упомянутых в школьном курсе. Иными словами, если в школе, например, выборочно проходят роман классика Нового времени Нацумэ Сосэки «Сердце» («Кокоро»), то интерес к автору может заставить школьника прочесть еще один его роман — скажем, «Ваш покорный слуга кот». Правда, с трудом, поскольку даже язык начала XX в. таит для современного юноши немалые трудности. Тем и ограничивается знакомство с классикой. На большее, как правило, у школьника уже нет ни времени, ни желания. Правда, и одна попытка на фоне нулевого интереса прочих должна засчитываться в актив.

Никакой аналитической работы над книгами не ведется: ни разбора текстов, ни сочинений на литературные темы, столь популярных в российской школе. Жанр литературной критики может быть представлен в учебнике одной-двумя критическими статьями на произвольную тему, но написание такого рода сочинений в школе не предусмотрено. Для полноты картины можно добавить, что, хотя на вопрос «Читали ли вы книги за последний год?» многие абитуриенты отвечают положительно, в большинстве случаев речь идет о книге в единственном числе, принадлежащей айпаду какого-нибудь современного мастера детективного жанра или «женского романа» — в зависимости от личных вкусов. Здесь, впрочем, нет ничего удивительного, если учесть, что в последние годы японский книжный рынок наводнен примитивными псевдолитературными поделками, премии вручаются нередко за книги сомнительного качества, неизменным лидером продаж остается Мураками Харуки, и даже престижная литературная премия Акутагавы присуждалась девятнадцати-двадцатилетним девицам за соответствующий палп-фикшн.

Объясняется такая денонсация классики тремя факторами: трудностью архаичного текста, дефицитом времени и отсутствием стимула, а также поощрения со стороны учителей, которые и сами отнюдь не отличаются начитанностью. Хотя классическая средневековая проза трудна для понимания, в действительности большинство классических шедевров не являются непреодолимым препятствием для учеников старших классов, уже способных свободно читать на современном языке и имеющих некоторое представление о *кобуне*. Ведь издается древ-

няя классика почти всегда с параллельным переводом на современный японский или по крайней мере с очень подробными комментариями. А уж поэзия, в особенности *хайку*, вообще подается чаще всего в препарированном виде, так что понимание не требует от читателя особых лингвистических усилий — только дополнительного времени. Однако для подобного чтения нужен стимул, нужна заинтересованность, подогреваемая «общественным статусом» данной дисциплины, а такой заинтересованности школа, по-видимому, создать не может и не хочет.

Чтение книг сегодня не дает никакого преимущества в реальной жизни. Наоборот, оно скорее только мешает, предлагая молодому человеку некую альтернативную «идеалистическую» систему ценностей, иногда значительно отличающуюся от общепринятых в данной социальной среде практических моделей. Ведь оценка конкурентоспособности индивидуума ведется почти всегда по сумме полученных им прикладных знаний, а не по сумме его эстетических установок и эмоциональных возможностей. Классическая литература уже давно перешла для подавляющего большинства молодежи в разряд музейных экспонатов, которые заслуживают всяческого уважения, но рассчитаны главным образом на специалистов-филологов, а не на массового читателя.

Курс отечественной литературы в программе любого университета (помимо собственно факультетов японской филологии, где имеется, конечно, весьма значительная диверсификация) может подразумевать все что угодно, кроме базового ознакомительного курса, освещающего основные этапы литературного процесса по хронологическому и жанровому принципу. Хотя в странах Запада и в России освоение зарубежных литератур предполагает именно такой подход, в японском университете любой обобщающий базовый курс, в том числе и по литературе, — редкое исключение из правила. Виной тому, бесспорно, присущий японской науке, а также и образованию утрированный «компарментализм».

Очень часто специалист, формально ведущий якобы базовый курс, сосредоточивается на одном периоде или даже на одном авторе, неторопливое чтение и толкование которого и становится основным наполнением курса. Тот же подход характерен и для многих преподавателей истории, социологии или антропологии, которые, не слишком полагаясь на свою эрудицию, предпочитают не выходить за рамки собственных статей или диссертаций. Неудивительно, что познания студентов в конце такого курса ненамного превышают их уровень в начале семестра. Добавив к этому затухающую потребность новых поколений в чтении книг, мы получим довольно безрадостную общую картину.

К тому же программа университетов, как правило, включает крайне мало комбинированных лекционных курсов с участием нескольких преподавателей (здесь курсы такого рода называются эстафетными — *pipé kōsu*). Такие курсы не засчитываются как полноценные индивидуальные курсы конкретного преподавателя и фактически превращаются в дополнительную «общественную нагрузку». В результате студенты-филологи, специализирующиеся по одной из зарубежных литератур, чаще всего обходятся без ознакомительных курсов по остальным западным, а тем более — восточным литературам, довольствуясь своей «профильной».

Таким образом, чаще всего усредненный специалист, например, по французской литературе второй половины XX в. практически ничего не знает о литературе Англии, Германии, Испании, Скандинавии, Северной и Южной Америки, а также России с древности до наших дней, довольно слабо ориентируется во французской литературе первой половины XX в., еще хуже — XIX в. и уже никак не ориентируется в более ранних периодах. Тем более что, не будучи по специальности историком, он, скорее всего, благополучно избежал курсов по всемирной и региональной истории.

Прискорбнее же всего то, что он также очень слабо разбирается в классической японской литературе. В большинстве случаев он ее просто не знает, потому что оканчивал другое отделение, на котором курса отечественной литературы не было предусмотрено, а читать отечественную классику «для души» слишком сложно и трудоемко. Но даже на отделениях отечественной или зарубежной литературы практически отсутствуют базовые общие курсы по литературоведению и теоретической лингвистике, без которых любой анализ текста неизбежно превращается в любительское эссе. При написании же магистерских и даже докторских работ диссертанты нередко ориентируются на случайно выбранные литературоведческие концепции, далекие от мирового научного мейнстрима. Разумеется, бывают и исключения, которые нельзя сбрасывать со счетов.

Учитывая, что большинство гуманитарных предметов является эклектиками, выбор которых определяется исключительно личными вкусами студента, в основном при отсутствии правильного понимания сверхзадачи, очень часто дополнительные предметы несколько не подкрепляют основной специализации. Например, студент, специализирующийся по литературе эпохи Эдо и конкретно по театру Кабуки, вместо того чтобы прослушать курсы по городской культуре *укиё* и истории зарубежного театра, может выбрать начальный курс португальского языка и практический семинар игры на аккордеоне. Этого будет достаточно для получения необходимой суммы кредитов

для данного семестра. Таким образом, зачастую вместо аккумуляции вспомогательных предметов к концу обучения происходит их энтропия, а основная специализация не подкрепляется достаточным количеством нужных дополнительных курсов.

При написании же магистерских и докторских работ, как правило, происходит дальнейшее сужение горизонта, когда аспирант полностью сосредотачивается на своей работе и в основном уже отнюдь не стремится к наращиванию полноты знаний в широком диапазоне, предпочитая углубляться в избранную узкую тему. Так, если темой диссертации является, например, конфликт чувства и долга (*гири-ниндзё*) в бытовой драме Тикамацу Мондзаэмона «Гонец в преисподнюю» (что само по себе уже довольно широкая тема), то изучения творчества других драматургов эпохи Эдо не предполагается вовсе. Поэзия и проза данной эпохи из поля зрения диссертанта также выпадают. Сравнения с западной драматургией не требуется (хотя расхожие определения типа «Тикамацу — японский Шекспир» в быту вполне возможны). Главным образом следует обобщить работы именно по данной теме японских авторов и сделать некоторые выводы на базе такого обобщения.

Русист, пишущий магистерскую, а то и докторскую диссертацию по поэме Блока «Двенадцать», может не обременять себя знакомством с ранним творчеством поэта, с творчеством его современников, с общим культурным фоном Серебряного века, с поэтическим наследием более раннего периода, а также может не озадачиваться вопросом о трагической безвременной кончине поэта. Достаточно будет анализа самого произведения на основе имеющихся работ российских и японских критиков. В результате диссертант навсегда остается специалистом узкого профиля, и этот же профиль доминирует в его лекционных курсах. Что ведет, соответственно, к дальнейшему самовоспроизводству специалистов такого же узкого профиля — по крайней мере, в области гуманитарных дисциплин. Яркие исключения фактически только подтверждают общую закономерность.

Характерно, что в своей широкомасштабной культурной политике за рубежом, проводимой в жизнь через Японский фонд и другие организации, правительство Японии ныне взяло курс не столько на популяризацию богатейшего культурного наследия страны через «высокую классику», сколько на пропаганду нового имиджа, который условно получил название *Cool Japan* — страны хай-тека, *манга*, *аниме*, *оригами* и продвинутой экстравагантной моды. Такая же экспансия нового имиджа наблюдается и на внутреннем рынке. Классика ушла в тень — возможно, навсегда.

Тем не менее классическая японская литература и культура в целом продолжают до некоторой степени присутствовать в недрах современного общества, хотя и на второстепенных ролях. Ее, разумеется, по-прежнему изучают специалисты-филологи в университетах и научно-исследовательских центрах. Кроме того, у людей не иссякает интерес к классической поэзии — прежде всего *хайку*, поскольку этот жанр давно уже пустил корни в самых широких слоях читателей, а за последние десятилетия свершилось триумфальное шествие *хайку* по всем континентам. Ассоциации, общества и кружки *хайку* существуют в каждом крупном городе и объединяют сотни тысяч авторов-любителей. Некоторые, впрочем, причисляют себя к профессионалам на том основании, что регулярно печатаются в журналах своих же ассоциаций (т.н. *додзин дзасси*) и размещают *хайку* на соответствующих сайтах. В меньших количествах имеются также кружки *танка* и *сэнрю*. Существуют передачи, посвященные *танка* и *хайку*, на телевидении и на радио. Выходят специализированные журналы. Даже в крупных газетах можно встретить колонки *хайку*.

Среди современных поэтов *хайку* можно найти представителей всех слоев общества — от высоколобых интеллектуалов до простых клерков. Все они формально в той или иной степени причастны к классической традиции вне зависимости от уровня начитанности и таланта. То же самое можно сказать о не столь многочисленных поэтах-любителях жанра *сэнрю* (шуточные трехстишия) и *танка*, чье число измеряется не сотнями, а всего лишь несколькими десятками тысяч.

Проблема, однако, в том, что увлечение *хайку*, *сэнрю* или даже *танка* отнюдь не служит неопровержимым свидетельством любви к классике. К ней с должным почтением относится лишь незначительное меньшинство. Остальные пишут в вольном стиле, не оглядываясь на наследие предков. В *танка* апофеозом такого стиля модерн стал напечатанный миллионными тиражами в 1980-х годах «Праздник сала-та» («Сарада кинэнби») Тавара Мати — сборник миленьких женских миниатюр, упакованных в фантики из тридцати одного слога. Авторы новой волны полагают, что эпоха канонических ограничений в традиционных жанрах давно окончена, как и вообще эпоха классической литературы в традиционном понимании этого термина. Фактически для них такое увлечение чаще всего просто заменяет всю остальную литературу, как японскую, так и зарубежную. То же самое можно сказать и о бесчисленных художниках-любителях, работающих в традиционных стилях. Сами по себе такие увлечения в массовом масштабе заслуживают величайшего уважения и свидетельствуют о достаточно высо-

ком уровне культурных запросов широких слоев населения. Вот только к классике они имеют весьма отдаленное отношение.

Членство в кружке призвано удовлетворить как художественные амбиции, так и потребность в социальном общении, которая необычайно сильна среди японцев всех возрастов. Для многих пенсионеров и домашних хозяек культурные центры становятся вторым домом, где их интеллектуальные и духовные потенции реализуются в полной мере в строго заданных рамках определенной секции на протяжении многих лет. То, что хобби еще и структурируется под эгидой традиционного классического жанра, явно повышает его престиж. Но для членов данной секции все радости мира в основном замыкаются именно на ней.

В связи с этим мне вспоминается характерный эпизод из практики преподавания в Токийском университете иностранных языков. После каникул я устроил в группе студентов опрос по теме «Как вы провели лето?». Одна девушка сказала, что в течение месяца регулярно выезжала с друзьями по секции на целый день к морю в Камакуру, где они играли в пляжный волейбол. «Прекрасно. Вы, наверное, много купались?» — предположил я. «Нет, мы вообще ни разу не купались», — был ответ. «Почему же? — не понял я. — Провели столько дней у моря и ни разу не купались?!» — «Но мы же ездили играть в пляжный волейбол, а не купаться!» — пожала плечами девушка, видимо, искренне удивившись моей наивности.

Для современных любителей *хайку*, *сэнрю* и *танка* их литературное хобби вовсе не обязательно связано с чтением и изучением других видов поэзии, отечественной и зарубежной, не говоря уж о прозе и драматургии. По принципу «сочинитель не обязан быть читателем», во всяком случае читателем других видов и родов художественной литературы. Такая же ситуация характерна и для всех прочих ныне существующих в стране традиционных искусств. При больших домах культуры и культурных центрах, особенно спонсируемых, например, медиакорпорациями «Асахи» или «Ёмиури», действует великое множество кружков и секций (иногда более сотни), которые рассчитаны главным образом на людей, располагающих свободным временем. Значительная часть кружков так или иначе связана с освоением классического наследия, что является, бесспорно, способом поддержания и самовоспроизведения оногo. Это кружки традиционного театрального искусства, поэзии, каллиграфии, рисования тушью (*сумиэ*) в различных вариациях, *оригами*, *икебаны* разных школ, *бонсай*, *бонсэки*, гончарного искусства, изготовления воздушных змеев и вееров, чайной церемонии, Но и Кабуки, игры на *кото*, *сямисэне* или *сякухати*. Среди участников кружков

только любители, но к ним относятся также и представители гуманитарных профессий, в основном пенсионного возраста: учителя словесности, журналисты, редакторы, корректоры и т.п. Как правило, участник одного кружка или член одной секции остается верен избранному хобби до такой степени, что никогда не выходит за его границы и уж, во всяком случае, не выходит за них слишком далеко. Правда, иногда чайная церемония может сочетаться с икебаной, а каллиграфия с рисованием тушью.

В большинстве случаев одно «художественное» хобби призвано заменить для данного индивидуума все или почти все остальные сферы художественной культуры. И в этом усматривается знамение современности, когда на смену идеалу универсального мастера искусств и наук, столь популярному со времен европейского Ренессанса и эпохи Гэнроку в Японии, приходит идеал специалиста в своей узкой области знания. Когда-то между профессиональными поэтами, художниками, скульпторами и членами любительских кружков существовала почти непреодолимая грань, но сегодня эта грань становится все менее и менее заметна.

Проблема в том, что в подавляющем большинстве кружков и секций, формально представляющих классическую литературу и искусство, присутствуют лишь технические компоненты обучения и практически полностью отсутствует духовная составляющая, которая исторически была прочно укоренена в буддизме, и особенно в дзэн-буддизме. Дело здесь не в нарочитом пренебрежении к религии, а в особенностях опять-таки школьного образования. За все 12 лет обучения в школе ученик не получает никакой информации о религии (которая, конечно, отделена от государства) в любых ее проявлениях. Шанс познакомиться с религиями в университете есть только у студентов некоторых гуманитарных факультетов.

Это, разумеется, результат инициированной американскими властями реформы образования 1947 г., целью которой было прежде всего раз и навсегда покончить с «государственным Синто», идеологической опорой поверженного милитаристского режима. С водой выплеснули и ребенка, поскольку запрет на преподавание коснулся всех видов религии. Между тем все традиционные виды литературы и искусства в Японии всегда имели под собой прочную религиозную, в основном буддийскую основу. Если взглянуть на основные категории японской эстетики (*югэн*, *ваби*, *саби*, *мусин*, *усин* и пр.), станет ясно, что все они заимствованы из буддийской терминологии и представляют собой проекцию буддийской философии на сферу искусства.

Однако по прошествии более полувека от основы мало что осталось: согласно не раз проводившимся мной опросам, большинство студентов сегодня позиционирует себя как стопроцентных атеистов, не интересующихся религией и не признающих ее ценности. Подобная эмансипация фактически породила в современных поколениях японцев вопиюще индифферентное отношение к любым видам религиозных практик и духовных построений.

Хотя свобода совести предусматривает, согласно конституции Японии, полную свободу вероисповедания, молодежь до 18 лет, а иногда и старше не имеет ни малейшего представления о вере своих предков, как, впрочем, и о христианстве, не говоря уж об исламе или иудаизме. Для многих не вполне ясна разница между синто и буддизмом, а особенности буддийских сект, в том числе, разумеется, и дзэн, остаются практически для всей молодежи тайной за семью печатями. Даже те отрывочные сведения о литературе и искусстве, которые бессистемно получают японские дети за годы обучения в школе, фактически не вполне достоверны, поскольку в них умышленно игнорируется роль буддизма и синто. Так, например, в ходе опросов выяснилось, что студентам знакомы имена Иккю (крупнейший дзэнский философ и поэт, 1394–1481) и Рёкан (дзэнский монах-отшельник и великий поэт, 1758–1831), но не в литературном или философском контексте. Оба пользовались известностью не только как литераторы, но также и как дзэнские эксцентрики, а современные студенты знают их уже отнюдь не как великих поэтов и мыслителей, а лишь как забавных чудаков, героев популярных исторических анекдотов и персонажей *манга*, в полном отрыве от литературных шедевров обоих дзэнских мастеров и от их духовного наследия. Смутно знакомо им также имя Мотоори Норинага, но безотносительно к его трудам по синтоизму, исследованиям антологии «Манъёсю» и авторской поэзии *танка*.

Если такие знаковые понятия, как *ваби* и *саби*, довольно часто упоминаются в быту, оставаясь символами японской эстетической традиции (не имеющими, впрочем, однозначного толкования) и, соответственно, на слуху у каждого, то уже понятия *югэн* или *ёдзё* вызывают недоуменные вопросы.

Во многих университетах на гуманитарных факультетах либо вовсе нет курсов, связанных с изучением доктрин буддизма, синто, конфуцианства и китайского даосизма, либо эти религиозно-философские системы упоминаются вскользь, без должных разъяснений. Таков, например, маловразумительный курс «Религия и биоэтика» в программе Международного университета Акита, предлагаемый неким склонным

к публицистике монахом-расстригой вместо «Введения в религиоведение». Таким образом, подавляющему большинству молодежи ничего не известно об истории синтоизма и его роли в национальной мифологии (как, впрочем, и о роли «государственного Синто» в истории страны), об истории буддизма и его просветительской миссии, о буддийских основах классической литературы и искусства, о роли конфуцианства в становлении национальной этики, а равно и о восприятии христианских ценностей в средневековой Японии и далее — после реставрации Мэйдзи. Хотя научные труды на данные темы, разумеется, существуют, их содержание не доходит до масс и остается в сфере эзотерических познаний узкого круга посвященных. Как это ни парадоксально звучит, в Японии бурными темпами идет процесс «деспиритуализации» общества.

Небрежение министерства просвещения и науки к религии тем более парадоксально, что к охране религиозных верований и поддержанию архитектурных сооружений религиозного назначения государство относится весьма серьезно. Однако количество поступающих в буддийские академии год от года сокращается, и многие деревенские храмы уже перешли на попечение сельской общины, лишившись священников. Выхолащивание традиционных религиозных верований (при формальном соблюдении многих обрядов и сохранении храмовых праздников) приводит к образованию духовного вакуума и снижению общего уровня как эстетического, так и морально-этического воспитания, хотя последнему в школе уделяется много времени и сил. Идеи глобализации западного образца нанесли серьезный удар по целостности японской картины мира, девальвируя многие национальные духовные ценности в глазах молодежи.

Современная японская культура оказалась отсеченной от своих духовных корней — если не законодательно, то во всяком случае де-факто, а колоритные обряды, которые можно наблюдать на Новый год, на праздник Бон, в День девочек, в День мальчиков и во время местных храмовых фестивалей, сегодня являются для подавляющего большинства населения красочной оберткой, лишенной реального смыслового наполнения.

Отсюда, например, и невероятная с точки зрения здравого смысла эклектика свадебных церемоний, получивших название *chappel wedding*. Не секрет, что большинство брачующихся сегодня предпочитают чопорному и дорогостоящему синтоистскому обряду свадьбы по западному образцу — с христианским венчанием, подвенечным платьем, флердоранжем, обручальными кольцами и пышным тортом. При этом венчаются в большинстве случаев жених и невеста, не при-

надлежащие ни к какой христианской конфессии, что делает всю церемонию нелегитимной. Проводят венчание тем не менее настоящие католические или протестантские священники, для которых подобное действие также нелегитимно — но хорошие гонорары творят чудеса. Разумеется, жениха и невесту мало занимает религиозная сторона венчания, поскольку они воспринимают такую свадьбу просто как красочно обставленную торжественную церемонию. Широкое распространение церковные свадьбы могли получить среди преимущественно нехристианского населения только в стране, предавшей забвению собственные религиозные каноны и не слишком разборчиво относящейся к чужим. Как говорили древние, «без постоянного нет основы».

К сожалению, надо признать, что в кружках и секциях *хайку*, *икебаны*, *сумиэ* или чайной церемонии сегодня «теория», т.е. дзэн-буддийская духовная составляющая, отсутствует почти полностью. Даже те секции и кружки, которые ведут происхождение от старых школ, порой насчитывающих не одно столетие, довольствуются освоением лишь технического мастерства. За исключением разве что верховных иерархов школы — *измото* (о которых не так уж много известно) — никто из тысяч и тысяч обучающихся теоретических трактатов не читает и к духовному аспекту учения специально не приобщается. Все ограничивается освоением практических навыков и комплекса технических приемов, которые и подаются как единственно ценное наследие школы. Такое же отношение постепенно проникает в последний оплот японской традиционной духовности — классические воинские искусства.

На протяжении веков стержнем морального воспитания в самурайском сословии служил кодекс чести Бусидо, оформившийся окончательно в эпоху Эдо в трудах Дайдодзи Юдзан и Ямамото Цунэтомо. Кодекс, состоящий на девять десятых из чисто конфуцианских заповедей и на одну десятую из синтоистских верований, сыграл поистине колоссальную роль в создании официальной идеологии самурайства. Уже после реставрации Мэйдзи и роспуска самурайского сословия основные положения Бусидо были использованы для выработки моральных заповедей солдат императорской армии и спроецированы также на все японское общество в предвоенный и военный периоды. Благородные в основе своей идеи и положения Бусидо были в значительной степени извращены и дискредитированы зверствами японской армии в Китае и на островах Южных морей, что заставило противников милитаристской Японии с подозрением отнестись ко всем проявлениям «самурайского духа».

Хотя после поражения Японии во Второй мировой войне пропаганда Бусидо была запрещена оккупационными властями, этические принципы средневекового кодекса чести не ушли из жизни. Некоторые их элементы остались в быту, в национальном самосознании японцев и отчасти также в школьных программах морального воспитания. Тем не менее линия преемственности была на долгое время прервана — вплоть до наших дней, когда о Бусидо снова заговорили вслух.

Поскольку упоминать о Бусидо напрямую долгое время было невозможно, современные выпускники школ уже не знают ни о возникновении Бусидо, ни о героях, воплощавших воинские добродетели, ни о конфуцианских корнях тех правил, которые им и сегодня втолковывают в школе. Имена великих полководцев эпохи «враждующих княжеств» Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин, например, встречаются в учебниках, но едва ли можно в них найти упоминание о том, что оба великих воина были буддийскими послушниками в миру (*нюдо*) и ревностными последователями дзэн-буддизма.

Запрет на преподавание боевых искусств в Японии был снят только в 1950-е годы, по окончании американской оккупации. Эффект от их легализации превзошел самые смелые ожидания, поскольку боевые искусства не только возродились в Японии, превратившись в массовые виды спортивных единоборств, но и стали очень популярны на всех континентах, явившись мощнейшим инструментом японской культурной политики. Однако массовизация традиционных *будо* в конце концов привела к размыванию чистоты учения и забвению изначальных принципов. Что в свою очередь ослабляет позиции Японии на мировой арене боевых искусств, где лидерство давно уже принадлежит другим странам.

Все больше федераций и школ переходит от комплексного психофизического воспитания гармоничной личности к подготовке единоборцев, ориентированных на победы в спортивных соревнованиях. Лишь немногочисленные старые мастера, в основном потомственные наставники *будо*, еще пытаются сохранить наследие самурайских воинских искусств. Исключением пока, возможно, служит Общество воинской добродетели Великой Японии (Дай Ниппон бутокукай) со штаб-квартирой в Киото — содружество мастеров высокой квалификации, поддерживающих старые самурайские традиции. Остальные федерации и школы, включаясь в глобальный процесс приобщения *будо* к спорту (поощряемый Международным олимпийским комитетом), все чаще предаются забвению заветы отцов-основателей, отказываются от обременительной теории и концентрируют усилия в основном на

практических упражнениях. Но классические *будо* никогда не ограничивались практическим обучением. Важнейшей частью процесса считалось также овладение теорией, знакомство с установочными трактатами-*макимоно* и сверх всего — моральное самосовершенствование личности путем усердного психофизического тренинга под непосредственным руководством мудрого наставника.

Мало кто из современных японских мастеров *будо* может претендовать на роль подлинного гуру. Большинство никогда не читали работ средневековых классиков *будзюцу*, старинных «тайных заветов» *хидэн*, разве что за исключением многократно переиздававшейся «Книги пяти колец» («Горин-но сё») Миямото Мусаси. Не будем забывать о том, что старинные трактаты написаны на языке, который современному молодому японцу практически недоступен. Многие почти ничего не знают о связях японских *будзюцу* с китайскими и корейскими школами, считая незыблемым приоритет Японии в этой сфере. Многие редко задумываются о целях и задачах изучения *будо* в современном мире, культивируя лишь спортивно-прикладной аспект комплексного учения и не касаясь буддийской теории, лежащей в основе большинства школ. Иные наставники пытаются создать некие собственные этические принципы, отталкиваясь лишь от смутно осознаваемых общих положений Бусидо, подпитанных манга-мифами и телелегентами, но не опирающихся на массив теории боевых искусств, составлявшей в течение многих веков основу жизненной философии в странах Дальнего Востока.

В отличие, например, от России, где секции боевых искусств открыты для маленьких детей начиная с трех-четырёхлетнего возраста, большинство японских клубов *будо* принимает учеников не младше 10–12 лет. При этом в обучении детей компонент сознательного духовного и морального обучения отсутствует полностью. Хотя в известном смысле любая практика боевых искусств способствует закалке характера, как и любой западный вид спорта, но классическое наследие философии *будо* при этом остается за кадром. По сути дела, то же самое происходит сегодня и в секциях для юношества, и в университетских клубах *дзюдо*, *айкидо*, *каратэ*, *сёриндзи-кэмпо*, *кэндо* и *кюдодо*, не слишком отличающихся от обычных спортивных секций.

В Университете Будо (преф. Тиба) боевые искусства преподаются преимущественно в спортивном аспекте, как и в секциях при токийском Будокане и его аналогах в других городах. В этом смысле ситуация в мире боевых искусств Японии не слишком отличается от ситуации в любой стране Запада или отличается в сторону утилитарности и излишнего упрощения предмета. Возможно, поэтому в современной

Японии не приживаются экстремальные виды тренинга *будо*, сравнимые с китайским *цигуном*, которые требуют полной самоотдачи и неукоснительного следования традиции. В целом же занятия *будо* в стране явно не носят такого массового характера, как, например, в Китае.

В клубах фитнеса за последние 20 лет появились секции индийской (хатха) йоги, но они включают только набор основных асан, никак не подкрепленных теорией и не опирающихся на изучение специальной литературы. То же можно сказать и об оздоровительных секциях гимнастики Тайцзи-цюань. Во многих клубах есть также секции «боевых искусств», но они и вовсе представляют собой детскую адаптацию нескольких приемов самообороны для нужд фитнеса.

Если для бытовых праздников и даже для спортивных единоборств соблюдения чисто внешних правил и отправления обрядов достаточно для поддержания хотя бы видимости традиции, то на отношении новых поколений японцев к искусству и литературе классических жанров размышление и постепенное исчезновение традиционных духовных компонентов, бесспорно, оказывает самое негативное влияние. Классическая литература в чистом виде уходит безвозвратно. По иронии судьбы она одновременно приходит на Запад в многочисленных качественных переводах. Японская классика неизменно пользуется популярностью в Америке и Европе, а ее беспрецедентный успех в России — феномен, еще ждущий логического объяснения.

Впрочем, объяснение напрашивается само собой: в японской классической литературе и искусстве люди Запада находят именно то, чего им не хватает в собственной мультикультурной среде, подавленной засильем хай-тека и не дающей четких ориентиров для развития целостной индивидуальности — мощную единую духовную традицию, подкрепленную всем массивом дальневосточной философии и направленную на психофизическое совершенствование личности. Поскольку основные шедевры японской литературы и классические трактаты китайских мыслителей давно уже переведены на европейские языки, для адептов восточной духовности открыты все пути — в том числе и те, которые для самих японцев ныне почти полностью закрыты.

Какова будет дальнейшая судьба классического наследия Японии в XXI в.? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, но, скорее всего, если общая тенденция не изменится, через 15–20 лет классика здесь окончательно выйдет из обращения и перейдет в разряд музейных экспонатов. Есть, правда, и альтернативные варианты. Так, например, если Китай превратится в ведущую экономическую сверхдержаву, определяющую политическую силу в Азии и во всем мире, то

не исключено, что в Японии вновь будет введено обязательное фундаментальное изучение китайского языка, а это значительно расширит иероглифическую базу школьников. К нему не так уж трудно будет добавить *вэньянь*, что даст возможность вернуть японскому читателю значительную часть утраченной классики.

Другая перспектива — возврат к отечественной классике в англоязычных переводах. Эту опцию мы сейчас в экспериментальном порядке прорабатываем в Международном университете Акита. Ведь Япония взяла курс на глобализацию, которая для самих японцев представляется в первую очередь процессом тотального внедрения английского языка в жизнь пока еще монолингвистического общества. Предположительно, через 10–15 лет английский станет естественным вторым языком и будет играть такую же роль, которую он играет ныне в Индии, Сингапуре, Гонконге или Тайбэе. Если это действительно произойдет, то чтение литературы на английском станет для японцев легким и приятным занятием. Тогда знакомство с японской классикой в хороших английских переводах окажется для школьников и студентов гораздо проще и эффективнее, чем приобщение к ней посредством скверно усвоенного *кобуна* — во всяком случае, на начальном этапе.

Так, в моих группах японской литературы МУА, состоящих из японских студентов и иностранных стажеров, где лекции читаются в основном на английском, мы используем в качестве пособия антологию переводов классики (составленную Дональдом Кином), но дополняем ее оригинальными текстами в меру индивидуальных возможностей каждого. Постепенно доля оригинальных текстов возрастает, и многие японские студенты охотно вовлекаются в процесс билингвистического чтения, а некоторые к концу курса начинают самостоятельно читать подлинники с хорошими комментариями или переводами на современный язык. Преимущество такого метода состоит в том, что студенты с самого начала могут свободно ориентироваться в широком диапазоне средневековой классики на английском и тем самым получают стимул для освоения оригинальных текстов. Но и чтение основных памятников древней литературы на английском тоже может немало дать молодежи, особенно если бы удалось внедрить такое обучение в средней школе.

Впрочем, пока о массовом распространении билингвистического преподавания японской литературы говорить рано, а статус японской классики в обществе на сегодняшний день внушает все больше опасений. Время покажет, как Япония сможет ответить на этот вызов в эпоху глобализма.

Раздел III

ЭКОНОМИКА

О ЯПОНСКОЙ МОДЕЛИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В современном мире Япония занимает особое положение. Она — единственная на Востоке страна, создавшая экономику, которая по своим количественным параметрам является одной из крупнейших в мире, а по качественным характеристикам превосходит не только все восточные, но и большинство высокоразвитых западных государств. По таким составляющим экономического потенциала, как технический уровень промышленности, энергетики, транспорта и связи, степень инновационности экономики, научно-технический потенциал, показатели энерго- и материалоемкости производства, адекватность уровней развития различных отраслей и секторов, качество и номенклатура производимых товаров и услуг, уровень и качество жизни населения и т.д., Япония — одна из самых передовых стран мира.

Конечно, за последние два десятилетия мировой экономический ландшафт претерпел значительные изменения. Еще в 2007 г. Китай оттеснил Японию с позиций второй по мощи промышленной державы, а несколько позже превзошел ее и по размерам ВВП. По-видимому, уже в ближайшее время на позиции третьей экономики мира выйдет Индия, и Япония в результате окажется на четвертом месте. Но, на наш взгляд, не следует переоценивать значение этой «рокировки». *Во-первых*, между Японией и этими двумя странами сохраняется огромный разрыв с точки зрения качественных характеристик экономики, о которых говорилось выше. *А во-вторых*, оценивая количественные масштабы японской экономики, нужно принимать во внимание и потенциал тысяч предприятий, созданных японскими компаниями за пределами национальной территории (в том числе и в Китае). Так, по нашим подсчетам, совокупный производственный потенциал зарубежных предприятий японских промышленных компаний равен примерно 17–18% потенциала национальной японской промышленности. При этом в ведущих отраслях этот показатель намного выше. Так, в автомобилестроении на долю зарубежных предприятий приходится около 50%, а в электромашиностроении — порядка 40% общего объема производства японских компаний¹.

Однако оценка количественных и качественных параметров японской экономики, ее роли и места в мире не является целью данной работы. Речь в ней пойдет о другом — о ряде характерных для экономической жизни страны черт, которые придают японской модели рыночной экономики столь значительное своеобразие, что позволяют говорить о ней как о своего рода экономическом феномене. Эти черты

сложились в результате особенностей исторического развития страны во второй половине XIX — первой половине XX в., а также под сильным влиянием национальной культуры и психологии.

Хотя японская экономическая модель и отличается заметной спецификой, с точки зрения принципов функционирования она является рыночным хозяйством, основу которого составляет частная собственность, открытый рынок и свободная конкуренция. Ее основы были заложены еще в первые послевоенные годы при активном участии американских оккупационных властей. Под их давлением в стране была проведена серия радикальных реформ, разрушивших прежнюю тоталитарную систему и расчистивших путь для развития японской экономики по образцу западных рыночных хозяйств. Были распущены мощные финансово-промышленные семейные холдинги *дзайбацу*, которые занимали монопольные позиции во всех ведущих отраслях и к концу войны контролировали более трети всего капитала японских компаний. Была проведена земельная реформа, покончившая с помещичьим землевладением и приведшая к появлению класса крестьян-фермеров, были легализованы профсоюзы и принято прогрессивное трудовое законодательство и т.д. В результате реформ произошло крупнейшее в истории страны перераспределение прав собственности, во всех отраслях значительно возросло число независимых производителей, был существенно облегчен доступ частных предпринимателей во многие отрасли, прежде монополизированные *дзайбацу* и крупными компаниями.

Благодаря грамотной экономической политике властей и мощной финансовой поддержке США Япония смогла довольно быстро восстановить разрушенное войной хозяйство. К середине 1950-х годов процесс восстановления практически завершился: большинство предприятий были введены в строй и частично переоборудованы, объем промышленного производства превысил довоенный уровень в 2,5 раза, а экспорт почти достиг уровня середины 1930-х годов — максимально для довоенного периода.

Однако уже на этапе восстановления японская экономика начала «отклоняться» от той модели, которая была предначертана американскими властями. Еще в те годы начали складываться (или воспроизводиться) некоторые элементы экономической системы, которые не вполне соответствовали принципам открытого рынка и свободной конкуренции. Так, несмотря на принятие антitrustовского законодательства американского образца и роспуск в 1946–1947 гг. *дзайбацу*, уже в период войны в Корее (1950–1953) началось их постепенное воссоздание, хотя и в несколько другой форме (в форме горизонтальных *кэйрэцу*). Дело в том, что роспуск *дзайбацу* не затронул их головные банки и они смогли сохранить и свою мощь, и свое влияние. Вокруг

них и начали воссоединяться набиравшие силу промышленные фирмы и компании других отраслей экономики. Подробно мы будем говорить об этом в главе 11, здесь же отметим лишь, что во второй половине 1950-х годов группы «Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо» и «Фуё» (довоенная «Ясуда») уже вполне оформились и взяли под свой контроль существенную часть промышленности и финансов страны.

Со вступлением Японии в конце 1950-х годов в период высоких темпов роста эти тенденции получили дальнейшее развитие. Так, в 1960-е годы произошло воссоздание еще двух финансово-промышленных групп — «Санва» и «Дайити кангё». Их называли новыми *дзайбацу*, поскольку в отличие от упомянутых выше старых четырех, сформировавшихся еще в эпоху Мэйдзи (1868–1912), они возникли позже, в период колониальных войн и милитаризации экономики. Им потребовалось больше времени для возрождения, так как в результате потери Японией колоний они лишились значительной части своих прежних «империй».

В период высоких темпов роста (конец 1950-х — начало 1970-х), когда среднегодовые темпы роста экономики составляли более 10% и за Японией прочно закрепился имидж страны «экономического чуда», окончательно оформились и так называемые вертикальные *кэйрэцу*. Они представляют собой устойчивые объединения крупных компаний с формально независимыми мелкими и средними предприятиями в рамках системы субподрядных работ. Подробно об этих объединениях мы будем говорить в главе 12, здесь же отметим лишь следующее. Когда в середине 1950-х годов началось техническое перевооружение промышленности, крупные компании вынуждены были обратить внимание и на технический уровень своих субподрядчиков. С этой целью головные фирмы начали предоставлять им в пользование некоторые виды оборудования, оказывать консультационные услуги, финансовую помощь и т.д. В 1960-е годы такое сотрудничество усилилось, поскольку от качества продукции и уровня издержек производства субподрядных предприятий стала напрямую зависеть международная конкурентоспособность крупных японских компаний, рвавшихся на мировые рынки.

Помимо горизонтальных и вертикальных *кэйрэцу*, функционирование которых было явным отклонением от принципов свободной конкуренции и открытого рынка, в первые послевоенные десятилетия стали просматриваться и другие элементы японской экономической системы, существенно отличавшие ее от западных моделей. Среди них можно назвать высокую степень регламентации хозяйственной жизни и контроля над экономической деятельностью со стороны государства, тесные отношения между бизнесом и бюрократией, широкое использование государством неформальных методов регулирования (так называемого административного руководства), перераспреде-

ние («социализацию») с помощью государства издержек и результатов экономического роста, существование «закрытого» рынка труда, связанного с системой пожизненного найма, особую систему организации и управления производством японских компаний, особенности деловых отношений между компаниями и банками и т.д.

В 1970–1980-е годы, когда экономическая мощь Японии еще больше возросла, а ее позиции в мире значительно упрочились, эти отличительные черты экономической системы не только не стерлись, но стали даже более заметны. В результате стремительный прорыв Японии из нищеты и разрухи к процветанию естественным образом наводил на мысль, что этих успехов она достигла именно благодаря своей экономической модели, позволяющей оптимальным образом сочетать рыночный конкурентный механизм с нерыночными элементами, существующими на всех уровнях экономической структуры. В те годы Японию посетило множество миссий как из развитых, так и из развивающихся стран с целью изучения ее экономической модели. И если первых интересовали прежде всего вопросы организации и управления производством японских компаний, то вторых — экономическая политика государства.

Однако повышенный интерес к японской экономической модели имел и другую сторону. Хотя из-за особой роли, которая была отведена Японии в период холодной войны (роли форпоста западного мира на Востоке), на Западе долгое время старались не замечать «нерыночных» черт ее экономической системы, критика в ее адрес постепенно усиливалась. Дело в том, что, стремительно наращивая масштабы экспорта товаров и капиталов на мировые рынки, Япония оставалась страной весьма труднодоступной для иностранных товаров и капиталов.

Сначала объектом критики стали ограничения, связанные с жесткой системой внешнеторгового и валютного регулирования, которая была введена еще в первые послевоенные годы для защиты японских производителей от внешней конкуренции. Под давлением западных партнеров в 1960–1964 гг. Япония осуществила практически полную либерализацию импорта, а в 1967–1980 гг. — либерализацию движения капитала, тем самым ликвидировав формальные основания для обвинений в «нечестной игре», т.е. в использовании открытых рынков других стран при сохранении высокой степени закрытости внутреннего рынка.

Однако либерализация не привела к сколько-нибудь заметным изменениям в характере экономических связей страны с внешним миром: экспорт Японии продолжал возрастать намного более быстрыми темпами, чем импорт, а объемы вывоза капитала по-прежнему значительно превосходили объемы иностранных инвестиций в японскую экономику. Так, например, за два десятилетия, прошедшие после либерализации внешней торговли — с 1964 по 1985 г., — объем японского

экспорта увеличился в 26 раз (с 6,7 до 174 млрд долл.), а объем импорта — в 19 раз (с 6,3 до 118 млрд долл.). Что же касается движения капитала, то к 1985 г. объем прямых зарубежных инвестиций японских компаний достиг 80 млрд долл., а объем иностранных прямых инвестиций в японскую экономику — лишь 11 млрд долл. Спустя еще десять лет (1996) эти показатели составили соответственно 560 и 45 млрд долл.²

С течением времени становилось все более очевидно, что дело не только и не столько в формальных ограничениях, сколько в особенностях японской экономической системы, которые воздвигают труднопреодолимые барьеры на пути иностранных товаров и капиталов на внутренний рынок страны.

Критика в адрес японской экономической системы, впервые зазвучавшая в начале 1980-х годов, в последующие годы все больше усиливалась — по мере возрастания экономической мощи страны и масштабов ее экспансии на мировые рынки, в том числе и на рынки высокоразвитых государств. Своего апогея она достигла в начале 1990-х годов (ко времени окончания холодной войны и изменения расстановки сил в мире). Западные страны стали напрямую обвинять Японию в том, что ее экономическая система — «это не незначительное отклонение от базовой философии капитализма и рыночной экономики, а нечто, основанное на совершенно других ценностях и философии»³. От Японии все настойчивее требовали проведения реформ, которые привели бы ее экономическую систему в соответствие с принципами, на которых основаны западные рыночные хозяйства.

Иными словами, речь шла о том, что в ходе послевоенного развития в Японии сформировалась экономическая система, которая лишь с большой долей условности может быть названа рыночной, так как из-за целого ряда специфических элементов действие рыночного механизма здесь постоянно нарушается и искажается. При этом критике подвергались прежде всего такие особенности этой системы, как чрезвычайно высокая степень участия государства в экономическом развитии, специфические формы организации бизнеса (практика группирования) и целый ряд «нерыночных» черт системы управления компаний.

Подробно об особенностях японской экономической системы мы будем говорить в соответствующих главах работы, здесь же остановимся на вопросе о том, как события развивались дальше.

С начала 1990-х годов японская экономика вошла в стадию глубокой и продолжительной депрессии, которая и сейчас еще не преодолена окончательно. Чем глубже экономика втягивалась в депрессию, тем сильнее уже в самой Японии звучали голоса, ратовавшие за перестройку ее экономической системы с целью высвобождения рыночных сил и придания экономике страны «второго дыхания». Кроме того, все

большую силу набирали процессы глобализации мировой экономики, сама логика развития которой предполагает снятие всех формальных и неформальных ограничений на пути мировых потоков товаров, капиталов, технологий и рабочей силы, а также требует определенной нивелировки существующих экономических систем.

Под давлением как внутренних, так и внешних факторов в 1990-е годы в Японии начались реформы, захватившие, по существу, все «этажи» ее экономической структуры — систему государственного регулирования, деловые отношения между компаниями, банками и другими субъектами экономической деятельности, систему управления компаний. Одни элементы японской экономической системы реформируются «сверху» в результате принятия соответствующих законов и постановлений, другие перестраиваются сами, под давлением объективных обстоятельств. В каких-то сегментах процессы перестройки зашли уже довольно далеко, в других они носят более умеренный характер.

Общий вектор перемен очевиден — это создание более рыночной, более открытой экономической системы, адекватной требованиям глобализации и высокой степени зрелости самой японской экономики. На данном этапе перестройка идет, главным образом, в направлении приближения к англосаксонской или американской модели рыночной экономики. Причины такого выбора вполне понятны — это и масштабы экономической и научно-технической мощи США, и их лидерство в процессе глобализации, и, наконец, весьма успешное экономическое развитие страны в последние 15–20 лет. Кроме того, именно США были самым жестким критиком японской экономической системы, сформировавшейся в ходе послевоенного развития, и активно участвовали в выработке рекомендаций по ее перестройке.

И все же, на наш взгляд, вряд ли можно ожидать, что в результате всех происходящих в Японии изменений здесь будет создана система, в полной мере соответствующая западным представлениям о принципах функционирования рыночного хозяйства. Представляется, что в обозримом будущем исторические традиции и национальные культурные особенности продолжают оказывать влияние на все стороны жизни японского общества, включая и экономические отношения. Ведь это — отношения между людьми, а люди, прежде всего, выразители национальной культуры и национальной психологии.

Примечания

¹ Кайгай дзигё кацудо (Деятельность зарубежных предприятий). МЭТП, 2015. С. 16. URL: [http:// www.meti.go.jp](http://www.meti.go.jp).

² Japan Almanac. 1998. P. 290; Nippon: Business Facts and Figures. 1998. P. 82–84.

³ Japanese Firms, Finance and Markets / Ed. by Paul Sheard. Sydney. 1996. P. 213.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И БЮРОКРАТИЕЙ

Хорошо известно, что ни в одной стране с рыночной экономикой не существует «чистого» рынка и что везде наряду с «невидимой» рукой рынка экономическое развитие направляет «видимая» рука государства. Почему же в таком случае сложившаяся в Японии модель государственного регулирования экономики стала объектом жесткой критики со стороны западных стран и рассматривалась как одно из наиболее очевидных свидетельств нерыночного характера экономической системы страны?

Чтобы понять, в чем состоят различия между японской и западными моделями государственного регулирования, необходимо прежде всего обратиться к вопросу о соотношении между различными формами этого регулирования. Во всех развитых странах государственное регулирование экономики осуществляется в следующих основных формах:

- 1) государственная собственность и предпринимательство;
- 2) перераспределение национального дохода через бюджет;
- 3) макроэкономическая (кредитно-денежная) политика;
- 4) административно-юридическое регулирование развития отдельных секторов и отраслей.

Что касается первых двух форм — государственной собственности и предпринимательства и перераспределения национального дохода через бюджет, — то в Японии позиции государства всегда выглядели несколько слабее, чем в других развитых странах. Так, например, в на-

чале 2000-х годов (2001) через налоговые сборы и взносы в систему социального страхования в Японии государство аккумулировало 36,1% национального дохода, в то время как, например, в Великобритании — 50,2%, в Германии — 55,2, во Франции — 63,9, в Швеции — 74,3%. Такая же картина сохраняется и сейчас: в 2014 г. в Японии этот показатель составил 39,8%, в Великобритании — 45,8, в Германии — 53,2, во Франции — 60,1, в Швеции — 62,6%¹.

Позиции японского государства в сфере предпринимательства также весьма скромны. В отличие от многих европейских стран в послевоенный период японское государство никогда не имело собственности в ключевых отраслях промышленности. По доле государства в основном капитале таких отраслей, как электроэнергетика, авиатранспорт и газоснабжение, Япония также сильно уступает ряду ведущих европейских стран (например, Франции, Италии и Великобритании). До начала 1990-х годов по показателям, характеризующим позиции государства в почтовой службе, телефонно-телеграфной связи, на железнодорожном транспорте, системе водоснабжения и канализации, Япония находилась примерно на одном уровне с другими развитыми странами. Но еще в 1980-е годы началась, а позже продолжилась приватизация двух крупнейших государственных компаний — «Кокутэцу» (железные дороги) и «Дэндэн» (телефонно-телеграфная связь), что привело к существенному ослаблению позиций государства и в этих сферах.

Что касается макроэкономической политики, то в этой области существенных различий между Японией и другими развитыми странами не наблюдается, поскольку ее цели, средства и методы основываются на общих для всех рыночных хозяйств методологических принципах. Различия же между государствами в практике макроэкономического регулирования связаны с особенностями решаемых ими задач. Например, в 1990–2000-е годы, отмеченные затяжной депрессией, Япония выделялась среди развитых стран наибольшей долей расходов на общественные работы в ВВП, а также самым высоким отношением размеров государственного долга к ВВП. И то и другое было связано со стремлением правительства стимулировать восстановление конъюнктуры и помочь экономике преодолеть депрессию.

Чем же в таком случае вызваны нападки на японскую систему государственного регулирования? Основанием для них стали значительные различия между Японией и западными странами в масштабах административно-юридического регулирования, а также широкое использование неформальных методов регулирования.

Если вернуться в начало 1990-х годов, то можно с уверенностью сказать, что тогда среди развитых государств вряд ли нашлась бы еще одна страна, где деловая жизнь частных компаний и банков была бы опутана таким огромным числом регламентаций и ограничений, как в Японии. Тысячи инструкций и правил, введенных в действие на основании соответствующих законов, подзаконных актов, постановлений правительства и отдельных министерств, регламентировали самые разные стороны хозяйственной деятельности частных компаний.

О том, насколько тщательно разработана эта система, можно судить хотя бы по числу терминов, описывающих различные виды регламентаций. Таких терминов насчитывается более 20 — лицензия, разрешение, одобрение, установление, подтверждение, проверка, экзаменация, указание, уведомление и т.д.²

Понятно, что среди регламентаций было немало весьма полезных с точки зрения защиты интересов общества или отдельных его слоев. К ним можно отнести, например, нормы расхода тепла и энергии на производстве, введенные принятым в 1978 г. Законом об экономии энергии, или предельные нормы загрязнения воздушного и водного бассейнов, установленные в 1970-е годы для предприятий промышленности и транспорта рядом законов о защите окружающей среды.

Примером менее масштабных, но социально значимых регламентаций может служить ресторанный бизнес. Путем ограничения часов работы крупных ресторанов в вечернее время (до 22 или 23 часов) клиентов, желающих продолжить свой отдых, «перенаправляли» в другие заведения общественного питания (кафе, бары, караоке-клубы и т.д.). Это делалось для того, чтобы и их владельцы могли получить свою «долю пирога», т.е. часть денег, которые богатеющее население готово было тратить на проведение досуга вне дома. Другим примером подобного рода может служить Закон о крупных универмагах, который был принят с целью защиты владельцев мелких и средних магазинов. Он возводил столь значительные преграды на пути желавших открыть крупный магазин (в виде необходимости получения огромного числа разного рода разрешений и согласований), что мало кто мог пройти этот путь до конца. В сфере финансов — опять же с целью защиты интересов небольших брокерских фирм — осуществлялось регулирование размеров комиссионных. Оно было направлено на недопущение их снижения, что было бы неизбежным при свободной конкуренции, но привело бы к разорению множества мелких и средних фирм, в доходах которых на комиссионные приходилось до 50–60%³.

Конечно, чем более зрелым становилось японское предпринимательство, тем сильнее оно стремилось избавиться от мелочной опеки государства. Поэтому в конце 1970-х и в 1980-е годы под давлением деловых кругов некоторая часть регламентаций была снята, но общее их число продолжало возрастать вплоть до 1993 г., достигнув почти 11,5 тыс. Всего же под разного рода ограничения и регламентации в начале 1990-х годов подпадало более трети японской экономики, тогда как в США, например, только 7%⁴.

Таким образом, долгое время относительно слабые позиции государства в сфере перераспределения национального дохода, а также незначительные размеры государственной собственности с лихвой компенсировались в Японии масштабной регламентацией хозяйственной жизни частных компаний. Однако главная особенность японской системы государственного регулирования заключалась в другом, а именно в интенсивном использовании неформальных, т.е. не санкционированных законодательством, методов воздействия на частные предприятия. В сочетании с масштабными регламентациями такая практика и порождала на Западе представления о необыкновенном могуществе японского государства, о его способности подчинить своей воле действия любого из участников рынка, т.е., другими словами, представления о его чрезмерном вмешательстве в экономику.

Главный метод неформального регулирования — это так называемое административное руководство, которое по своей сути очень близко к хорошо известному в нашей стране понятию «телефонное право». Административное руководство можно определить как не предусмотренные законодательством действия ведомств или государственных чиновников, направленные на то, чтобы побудить частные лица или фирмы предпринять или, наоборот, воздержаться от каких-то шагов. Конечно, административное руководство — не японское изобретение, время от времени подобная практика используется и в других развитых странах. Но Японию отличали масштабы и частота ее применения.

Можно привести множество примеров использования японской бюрократией административного руководства. Один из наиболее известных — регулирование объемов и отраслевой структуры инвестиций в промышленности через механизм «*мадогутти сидо*» (указания через окошко), применявшийся в период высоких темпов роста. В то время быстро развивавшаяся промышленность остро нуждалась в кредитах частных банков, а те, в свою очередь, — в кредитах Банка Японии. Смысл механизма «*мадогутти сидо*» заключался в том, что частные банки получали необходимые им кредиты Банка Японии при условии

(фактически — под обещание), что они в первую очередь будут кредитовать конкурентоспособные фирмы тех отраслей и производств, которые были определены правительством как приоритетные. Благодаря этому в приоритетные отрасли в первоочередном порядке направлялись кредитные ресурсы не только государственных финансовых учреждений, но и частных банков, что и позволяло им поддерживать беспрецедентно высокие темпы развития и реализовывать амбициозные проекты.

Другим примером административного руководства может служить посредничество чиновников при создании в начале 1970-х годов трех проектов по разработке компьютеров, способных достойно ответить на вызов американской *IBM*. Тогда, опираясь на свой авторитет и умение «убеждать», им удалось объединить усилия компаний, принадлежавших к разным горизонтальным *кэйрэцу* и жестко конкурировавших между собой.

Можно вспомнить и так называемые добровольные экспортные ограничения, которые в 1960—1970-х годах вынуждены были принять на себя компании текстильной, сталелитейной, автомобильной и электронной промышленности в ответ на жесткую критику западных стран, недовольных наплывом японских товаров на их внутренние рынки. Именно благодаря административному руководству со стороны чиновников министерства внешней торговли и промышленности (МВТП) удалось распределить экспортные квоты между японскими экспортерами и снять остроту проблемы.

Но, пожалуй, самым впечатляющим примером использования японской бюрократией методов административного руководства являются ее действия по урегулированию проблемы избыточных мощностей в японской промышленности, возникшей после энергетического кризиса 1973—1974 гг. Тогда из-за резкого роста цен на нефть на мировых рынках и на энергию — внутри страны целый ряд ведущих отраслей японской промышленности (в том числе черная металлургия, алюминиевая промышленность, нефтехимия, судостроение и т.д.) оказались в глубоком кризисе. Их продукция утратила международную конкурентоспособность, спрос на нее упал и на внутреннем, и на мировом рынках, значительная часть мощностей простаивала, компании несли значительные убытки.

Для того чтобы помочь этим отраслям (они получили название структурно-больных) выйти из этой сложной ситуации, под руководством МВТП были разработаны три программы широкомасштабного скрапирования (т.е. демонтажа с последующей переплавкой) мощ-

ностей, которые и были осуществлены во второй половине 1970-х — 1980-х годах. В частности, были скрапированы более $\frac{1}{3}$ мощностей судостроительной промышленности (пострадавшей из-за снижения мирового спроса на крупнотоннажные танкеры), около 30% — сталелитейного производства, около 60% мощностей по выплавке алюминия, 36% — по выпуску этилена и т.д.⁵

В ходе многочисленных консультаций между представителями бизнеса и чиновниками МВТП были не только определены объемы и сроки скрапирования оборудования по каждой компании, но и выработан механизм компенсации их потерь. Для этого в каждой отрасли была создана Ассоциация по структурной перестройке, которая занималась скупкой избыточного оборудования, а также гарантированием частных кредитов, предоставлявшихся предприятиям для перестройки бизнеса. А фонды этих ассоциаций формировались как за счет государственных средств, так и за счет взносов частных банков и компаний — деловых партнеров фирм структурно-больных отраслей.

Довольно часто бюрократия прибегала к административному руководству, невзирая на то что ее действия шли вразрез с японскими законами. Так, хотя антитрестовое законодательство Японии содержит ряд серьезных ограничений в отношении создания картелей, на протяжении всей второй половины XX в. при посредничестве государственных чиновников создавалось множество полулегальных «антидепресссионных» картелей. Их основным назначением было достижение согласия между конкурирующими фирмами о непревышении определенного уровня инвестиций с тем, чтобы не допустить «чрезмерной конкуренции». Кроме того, чиновники МВТП неоднократно содействовали созданию так называемых «картелей по рационализации» с целью усиления международной конкурентоспособности японских производителей на основе согласованных шагов. Например, это могли быть их действия по приобретению за рубежом и установке передового оборудования, по стандартизации продукции, укрупнению размеров производства и т.д. Очевидно, что масштабы и частота применения японской бюрократией методов административного руководства не могли не вызывать жесткой критики со стороны западных стран, считавших, что такое положение дел подрывает механизм свободной конкуренции и ограничивает доступ на рынок.

Таким образом, сложившаяся к началу 1990-х годов японская модель государственного регулирования экономики отличалась сильным креном в сторону регламентации хозяйственной деятельности частных компаний и интенсивным использованием неформальных методов ре-

гулирования. Этот «перекос» стал следствием специфического подхода японских бюрократов к регулированию рынка, а его практической реализации способствовал особый характер отношений между бизнесом и государством.

Что касается подхода японских бюрократов к рынку как таковому, то, признавая, что он способен к саморегулированию, они усматривают в его свободном функционировании целый ряд недостатков — это и преобладание у участников рынка узких, краткосрочных интересов, и чрезмерная конкуренция, и невнимание к общенациональным задачам и т.д. Конечно, эти недостатки существуют и в других развитых странах, и на их смягчение и направлена «видимая» рука государства. Но в Японии, пользуясь своими особыми отношениями с бизнесом, государство раздвигает рамки своего вмешательства в рыночный механизм за счет более широкого толкования такого хорошо известного понятия, как «провалы» рынка.

По мнению японских бюрократов, «провалы» рынка — это не только уже наступившие негативные последствия экономического развития (например, загрязнение окружающей среды или перекосы в размещении производства), но и возможные в будущем неудачи, а также результаты, неприемлемые с точки зрения общенациональных интересов. Известный американский экономист Дэниэл Окимото называет такой подход «превентивным» — в отличие от принятого в других развитых странах преимущественно «реактивного» подхода — и проводит интересную аналогию между характером вмешательства японской бюрократии в экономику и японским искусством *икебана* и *бонсай*.

«Японцы предпочитают исключить как можно больше элементов неопределенности из рыночного процесса, что напоминает их практику использования веревок, проволоки и шнуров для связывания и изгибания стволов и веток растений с целью придания им форм, отвечающих их эстетическим ценностям»⁶.

Конечно, сказанное не означает, что не было «провалов» в деятельности самих японских бюрократов. Действительно, на счету экономической бюрократии немало промахов и неудач. Например, увлекшись в 1960-е годы высокими темпами экономического роста, они упустили из виду такие его отрицательные последствия, как крайне неравномерное размещение производства по территории страны, огромные масштабы загрязнения окружающей среды, высокая степень энерго- и материалоемкости производства и т.д. К этому можно добавить и депрессию 1990-х годов. Она стала прямым следствием краха экономики

«мыльного пузыря» (специфического механизма роста второй половины 1980-х годов), разрастанию которого вольно или невольно способствовали действия двух министерств — финансов и внешней торговли и промышленности⁷.

Однако, отмечая эти промахи, в определенной степени неизбежные и вполне объяснимые, необходимо подчеркнуть следующее. Очевидно, что «расширительный» подход японских бюрократов к рынку, их неустанные попытки «структурировать» экономический рост в соответствии с определенными социально-экономическими целями и направить действия частных предприятий в русло намеченных направлений в целом придавали развитию японской экономики более устойчивый и более целенаправленный, чем в других развитых странах, характер.

Возникает естественный вопрос — почему же японский бизнес готов был принимать руководство со стороны бюрократии, в том числе неформальное, и следовать ее рекомендациям? В самом общем виде ответ на этот вопрос состоит в том, что в силу исторических особенностей развития страны, с одной стороны, и формировавшихся на протяжении многих веков социокультурных ориентиров японской нации — с другой, здесь всегда существовала и поддерживалась высокая степень взаимопонимания и сотрудничества между бизнесом и государством.

Что касается исторических факторов, то мы имеем в виду прежде всего особенности развития японского капитализма. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь следующее. Как известно, развитие японского капитализма началось после реставрации Мэйдзи (1868). В то время частный национальный капитал был еще очень слаб, в стране сохранялись многочисленные феодальные пережитки, социально-политическая обстановка была сложной и нестабильной. В этих условиях практически все основные функции по модернизации экономики с целью скорейшего преодоления огромного отставания от западных стран вынуждено было взять на себя государство. Оно занималось не только переоборудованием и строительством предприятий в отраслях, имевших военно-политическое значение (таких, как военное производство, судостроение, горнодобывающая промышленность, железные дороги, телеграф), но и созданием «образцовых» предприятий в ряде гражданских отраслей, прежде всего в текстильной промышленности. Одновременно государство стремилось поддержать и развитие частного предпринимательства, главным образом путем предоставления фирмам субсидий и льготных кредитов на приобретение иностранного оборудования.

Поскольку к началу 1880-х годов основы современной промышленности в целом были уже заложены, да и класс промышленной

буржуазии достаточно окреп, государство решило уйти из большей части базовых отраслей и передать свои предприятия частному бизнесу. В 1880 г. был принят закон о продаже государственных предприятий, под который подпали практически все предприятия невоенного профиля. Для предпринимателей эта сделка была чрезвычайно выгодна. Они получили, *во-первых*, подготовленную рабочую силу, а, *во-вторых* — современное оборудование, которое к тому же было продано по крайне низким ценам и на весьма льготных условиях⁸.

Основными бенефициарами этой «сделки века» стали знатные семьи, поддержавшие правительство в первые годы после реставрации Мэйдзи. Эта сделка породила тесные личные связи между правительственными чиновниками и представителями крупного бизнеса и заложила основы особого рода отношений между ними — отношений взаимопонимания и сотрудничества. Действительно, в течение всех последующих предвоенных десятилетий правительство оказывало крупнейшим компаниям преимущественную поддержку, а они, в свою очередь, всегда демонстрировали готовность принять руководство со стороны бюрократии. Своего апогея такое сотрудничество достигло в военные годы, когда произошло невиданное усиление государственного регулирования экономики и под прямой контроль бюрократии были поставлены такие стороны деятельности частных компаний, как экспорт и импорт, кредиты и инвестиции, номенклатура производства, использование рабочей силы и т.д.⁹ Более того, многие частные предприятия, включая и те, что принадлежали *дзайбацу*, были национализированы.

Иными словами, в силу особенностей становления и развития японского капитализма на протяжении многих десятилетий государство не только занимало ключевые позиции в экономике, но и жестко контролировало частное предпринимательство. И хотя в ходе послевоенных реформ оно лишилось значительной части собственности и утратило прежние возможности прямого контроля над деятельностью частных предприятий, характер его взаимоотношений с бизнесом практически не изменился — это были все те же сотрудничество и взаимопонимание, с высокой степенью готовности бизнеса прислушаться к мнению бюрократии.

На такой характер отношений бизнес и бюрократию «обрекают» и социокультурные факторы. В этой связи прежде всего следует отметить, что, как и во многих других азиатских государствах, испытывавших влияние конфуцианства, в Японии общественное сознание возводит бюрократию на высшую ступень социальной иерархии и воспринимает

ее как выразителя и гаранта высших интересов — общенациональных. Кроме того, в Японии закреплению за бюрократией особого статуса способствует присущая нации модель социального поведения, ориентированная на «гармонию» (*ва*) и достижение консенсуса. Очевидно, что для достижения и того и другого в обществе, состоящем из разнообразных и часто конкурирующих между собой групп и организаций, необходим посредник. Он должен, с одной стороны, занимать нейтральное по отношению ко всем участникам положение, а с другой — обладать необходимым для такой функции авторитетом. Понятно, что наиболее подходящим претендентом на эту роль является бюрократия, и все общество, включая и бизнес, воспринимает особое ее положение и руководящую роль как совершенно естественные¹⁰.

Но при этом следует иметь в виду, что особенности национальной культуры и психологии накладывают довольно сильный отпечаток и на сам характер руководства бизнесом со стороны бюрократии. В силу свойственного японцам стремления к консенсусу и *ва* в качестве основных средств воздействия на поведение частных лиц и компаний японское государство использует не принуждение¹¹, а убеждение и побуждение (к последнему относятся различные инструменты налоговой и кредитно-финансовой политики). И сила японской бюрократии состоит не в том, что она принуждает бизнес к определенным действиям, а в том, что умеет с ним договариваться¹².

Очевидно, что такой характер государственного регулирования предполагает организацию непрерывного интенсивного обмена мнениями между бизнесом и бюрократией. Взаимодействие между ними отличается высокой степенью «обустроенности» и осуществляется в двух основных формах. Прежде всего, оно происходит через сеть организаций, которые выступают в роли посредников между государством и частными компаниями. Главными среди них являются отраслевые, региональные и всеяпонские предпринимательские ассоциации, а также многочисленные консультационные советы и комитеты, функционирующие при каждом государственном ведомстве. Эта сеть связывает бюрократию с бизнес-элитой всех сфер японской экономики, а также с представителями академической науки, профсоюзов, средств массовой информации, участвующих в работе консультационных советов и комитетов. Ведущей среди этих организаций является Ниппон Кэйданрэн (Японская федерация экономических организаций), объединяющая крупные банки и корпорации страны (более 1200), а также отраслевые и территориальные предпринимательские ассоциации.

Однако во взаимодействии бизнеса и бюрократии не меньшую, а возможно, даже и более важную роль играют неформальные связи. Как известно, в японском обществе личным связям и отношениям придается первостепенное значение. Функционально значимые связи возникают здесь обычно между людьми, связанными «малой родиной», имеющими общих знакомых, вместе когда-то учившимися или работавшими и т.д. Взаимоотношения между бизнесом и бюрократией в Японии буквально «испещрены» такого рода связями, многие из которых делятся не один десяток лет.

Переплетаясь друг с другом, формализованные (т.е. осуществляемые через посреднические организации) и неформальные связи между бизнесом и бюрократией образуют комплекс взаимосвязей или так называемые сети, в рамках которых и происходят переговоры и достигается консенсус по тем или иным вопросам экономической политики. При этом каждая сеть функционирует на принципах взаимных обязательств и вознаграждений между бизнесом и бюрократией: бюрократия обеспечивает определенные выгоды для частных предприятий, а они в ответ оказывают поддержку ее экономической политике. Однако сказанное не означает, что на практике не возникает конфликта интересов и что отношения между бизнесом и бюрократией носят исключительно гармоничный характер. Даже могущественное МВТП далеко не всегда могло заставить частные фирмы следовать своим рекомендациям. Как замечает по этому поводу известный японский ученый К. Судзумура, «даже МВТП не могло заставить не желающую пить лошадь напиться»¹³.

Как отмечалось во введении, в 1990-е годы под давлением объективных и субъективных факторов началась перестройка экономической модели Японии, в том числе и системы государственного регулирования экономики. Главным лозунгом реформ, которые были проведены в этой сфере, стало дерегулирование, а основными направлениями — реформа финансовой системы, сокращение масштабов регламентации хозяйственной жизни частных компаний и практики административного руководства, а также перестройка госаппарата.

Реформа финансовой системы 1998 г., получившая название «Большой взрыв», носила поистине революционный характер, поскольку в течение всего послевоенного периода сфера финансов была одним из наиболее жестко регулируемых и строго контролируемых секторов японской экономики. По замыслу разработчиков реформы, снятие разного рода запретов и ограничений в этой сфере должно было способствовать не только преодолению тяжелого кризиса, в который

была ввергнута банковская система после краха в конце 1980-х годов экономики «мыльного пузыря», но и укреплению позиций Токио как мирового финансового центра. В рамках «Большого взрыва» были осуществлены следующие основные меры:

1. Снятие ограничений на сферы деятельности финансовых организаций (банков, страховых компаний, брокерских фирм) и предоставление им права заниматься всеми видами финансовых операций и создавать многопрофильные холдинги.
2. Либерализация рынка ценных бумаг, введение регистрационного принципа доступа на рынок (вместо прежнего разрешительного), отмена регулирования размеров комиссионных, разрешение оказывать новые виды услуг (торговля вне фондовых бирж и через электронные системы).
3. Снятие «перегородок» между компаниями страхования жизни и компаниями страхования имущества и либерализация ставок страхования.
4. Либерализация операций с иностранной валютой как для юридических, так и для физических лиц: отмена лицензирования и предварительных заявок, разрешение обращения иностранной валюты внутри страны, предоставление японским резидентам права неограниченного перевода средств за границу и использования их для любого вида операций¹⁴.

Результаты мер, осуществленных в рамках «Большого взрыва», не заставили себя долго ждать. Хотя они и не привели к оздоровлению банковской системы страны в плане решения проблемы «плохих долгов» (на это ушло еще несколько лет и потребовался ряд дополнительных шагов), в целом ситуация в финансовой сфере заметно изменилась. Значительно увеличился приток в страну иностранного капитала, активизировалась деятельность иностранных банков, страховых фирм и компаний по операциям с ценными бумагами, стали быстро нарастать объемы приобретения иностранными юридическими и физическими лицами ценных бумаг японских компаний и банков и т.д. Кроме того, в финансовую сферу пришло много новых национальных компаний, дополнительный импульс к развитию получил рынок венчурных капиталов, до этого находившийся в зачаточном состоянии. Иными словами, «Большой взрыв» привел к созданию более открытой и конкурентной финансовой системы, соответствующей как требованиям эпохи глобализации, так и высокой степени зрелости самой японской экономики.

Значительные изменения произошли и в сфере регламентации хозяйственной практики частных компаний. Как отмечалось выше, число регламентаций достигло максимума — почти 11,5 тыс. — к 1993 г. Но с середины 1990-х годов под нажимом, с одной стороны, западных партнеров Японии, а с другой — делового сообщества страны началась работа по сокращению масштабов этой практики. Так, в феврале 1994 г. в соответствии с постановлением правительства были отменены более 780 правил и регламентаций общего характера, а в июле того же года — порядка 280 регламентаций, касающихся сферы связи и информации, системы обращения, финансовых операций. В марте 1995 г. была принята пятилетняя программа, предусматривавшая упразднение еще порядка 1100 регламентаций, а спустя два года их число было доведено до 2800. Следующим шагом правительства стало принятие в 2001 г. трехлетнего «Плана реформы регулирования», в результате выполнения которого число отмененных регламентаций превысило 5 тыс. К этому следует добавить и значительное количество ограничений, снятых в результате либерализации финансовой системы. Итогом этой огромной работы стало то, что к середине 2000-х годов по уровню регламентации хозяйственной практики Япония вплотную приблизилась к западноевропейским странам, хотя все еще уступала США и Великобритании¹⁵.

Сокращение числа регламентаций продолжается и сейчас. При этом происходит и ослабление их строгости — за счет перехода от «сильных» (например, разрешений) к «слабым» (типа уведомлений).

Не обошли изменения и такую наиболее одиозную составляющую японской системы государственного регулирования, как административное руководство. Хотя, как отмечалось выше, административное руководство представляет собой действия ведомств или государственных чиновников, не предусмотренные законом, нельзя сказать, что эта практика находилась целиком вне правового поля. Как замечает Д. В. Стрельцов, при его использовании бюрократия обычно опиралась на предоставленные ей законом лицензионно-разрешительные, контрольно-ревизионные, налогово-финансовые и прочие полномочия. А иногда просто ссылалась на Закон об организации, который в общих чертах вменял в обязанность государственным органам контролировать деятельность всех организационных структур страны¹⁶. Такое положение сохранялось вплоть до 1994 г., когда был принят Закон об административной процедуре.

Как подчеркивает Д. В. Стрельцов, сам факт принятия этого закона имел огромное значение, поскольку впервые за весь послевоенный период была подведена законодательная база под такой масштабный

и мощный метод регулирования, каким являлось административное руководство. В законе были четко определены принципы его применения. В частности, указывалось, что административное руководство не должно выходить за рамки сферы деятельности и круга полномочий того или иного государственного ведомства, что не допускается какое-либо ущемление интересов частных предприятий по причине их неподчинения требованиям бюрократии. Кроме того, государственным ведомствам предписывалось давать свои указания в письменном виде, а также обеспечивать доступ к содержанию административного руководства для всех желающих¹⁷. По сути, из неформального инструмента регулирования административное руководство превращалось в один из формальных (т.е. законодательно установленных) методов регулирования экономики.

Наконец, на сложившуюся к началу 1990-х годов систему государственного регулирования заметное влияние оказала и реформа государственного аппарата, проведенная в 2000–2003 гг. Ее лозунгом стало создание «маленького, но эффективного правительства». В результате реформы общее число центральных государственных ведомств было сокращено с 22 до 12, число входящих в них департаментов — со 126 до 86, а отделов и секторов — с 1200 до 900. Одновременно началось и сокращение численности сотрудников центрального аппарата, которая к 2010 г. должна была быть уменьшена на 10%. Но главной целью реформы было повышение качества работы государственного аппарата — за счет ликвидации малоэффективных подразделений, сведения к минимуму дублирования функций, повышения уровня межведомственной координации и т.д.¹⁸ Конечно, трудно сказать, насколько повысилось качество работы государственного аппарата в результате его перестройки, но количественные ориентиры реформы не могут не впечатлять.

Итак, каковы же итоги мер по перестройке системы государственного регулирования экономики Японии, предпринимавшихся на протяжении двух последних десятилетий? Приблизилась ли она к стандартам, характерным для других стран с рыночной экономикой, и утратила ли свою специфичность? Представляется, что нельзя дать однозначный ответ на этот вопрос.

Если обратиться к формальным показателям, то можно с уверенностью сказать, что масштабы вмешательства государства в экономическое развитие страны действительно существенно сократились. За исключением некоторого роста доли национального дохода, аккумулируемой в бюджете в виде налогов и взносов в систему социального

страхования (что связано с непростой экономической ситуацией и неблагоприятными демографическими сдвигами), по всем остальным показателям государство «сдало» свои позиции. Так, значительно сократились размеры государственной собственности и масштабы предпринимательской деятельности. В добавление к приватизированным в 1990-е годы трем крупнейшим государственным корпорациям — «Кокутэцу» (железные дороги), «Дэндэн кося» (телефонно-телеграфная связь) и табачно-соляной монополии «Сэмбай» — в 2001 г. началась реорганизация с последующей приватизацией государственной энергетической компании «Дэнгэн кайхацу», а в 2005 г. — приватизация четырех государственных корпораций, занимавшихся строительством и содержанием скоростных автомобильных дорог. И самое главное — в 2007 г. стартовала рассчитанная на 10 лет программа приватизации крупнейшего объекта государственной собственности — почтово-сберегательной системы.

Как было показано выше, значительно сократились и масштабы применения регламентаций и практики административного руководства, вызывавших наибольшее раздражение у западных партнеров Японии. Однако, на наш взгляд, несмотря на значительное сокращение масштабов государственного регулирования и приближение японской модели к западным образцам, она продолжает сохранять ярко выраженную национальную специфичность. Ее главная черта — высокая степень взаимодействия и взаимопонимания между бизнесом и бюрократией. Несмотря на то что проведенная в 2001 г. реорганизация центрального аппарата правительства, сопровождавшаяся перекраиванием границ сфер ответственности министерств и ведомств, привела к «повреждению» определенной части сетей, в рамках которых происходило взаимодействие государства и бизнеса, тесное сотрудничество между ними продолжается. На это стороны «обрекают» сила традиций, национальная культура и психология. Уже при обновленных министерствах возникло множество новых консультативных советов и комитетов, групп по изучению различных направлений экономической политики и т.д., в рамках которых, как и прежде, идет согласование интересов сторон с целью достижения консенсуса.

Постоянные контакты между бизнесом и бюрократией, готовность бизнеса учитывать мнение последней, на наш взгляд, дают основание предположить, что в Японии удельный вес бизнес-решений, основанных на чисто рыночных сигналах, оказывается ниже, чем в других развитых странах. Весьма часто в своих действиях бизнес исходит не только и не столько из соображений получения узкой «рыночной» вы-

годы, сколько из необходимости учитывать факторы более высокого порядка (интересы экономической безопасности страны, сохранения социально-политической стабильности, защиты окружающей среды, поддержания позитивного имиджа страны в мире и т.д.). А это означает, что было бы ошибочно судить о масштабах регулирования государством экономического развития в Японии, основываясь лишь на формальных показателях, так как реальные возможности влияния государства на этот процесс выходят за рамки формальных полномочий, предоставляемых ему законом. Представляется, что эту специфическую черту японская система государственного регулирования сохранит и в обозримом будущем.

Примечания

- ¹ Japan Almanac. 2005. P. 71; Japanese Working Life Profile. 2015/2016. P. 81.
- ² Кисэй канва хакусё (Белая книга по смягчению регламентаций). Токио, 2000.
- ³ Брагинский С. В. Кризисное развитие и перспективы финансовой сферы Японии // Япония: кризис системы или временные сбои? М., 1998. С. 53–54; Леонтьева Е. Л. Япония: переворачивая страницу. М., 1998. С. 74–75.
- ⁴ Кисэй канва хакусё. Токио, 2000. С. 127; Леонтьев Е. Л. Указ. соч. 1998. С. 62.
- ⁵ Uekusa Masu. Industrial Organization: from the 70s to the Present. Tokyo, 1985. Table 6.
- ⁶ Okimoto D. Between MITI and the Market. Stanford, 1989. P. 11–12.
- ⁷ Подробно см.: Брагинский С. В. Указ. соч.
- ⁸ Кравцевич А. И. Общественное предпринимательство в Японии. М., 1988. С. 55–56.
- ⁹ Певзнер Я. А. Государство в экономике Японии. М., 1976. С. 12.
- ¹⁰ The Political Economy of Japan. Stanford, 1989. Vol. 2. P. 313.
- ¹¹ Исключение составляет лишь военное время, когда действовал Закон об административном принуждении.
- ¹² Ibid. P. 314.
- ¹³ Trade Friction and Economic Policy. Cambridge, 1987. P. 60.
- ¹⁴ Брагинский С. В. Указ. соч. С. 52–55.
- ¹⁵ Кисэй канва хакусё. Токио, 2000. С. 127; Экономика Японии: Учеб. пособие. М., 2008. С. 196–198.
- ¹⁶ Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002. С. 185.
- ¹⁷ Там же. С. 185–197.
- ¹⁸ Подробно см.: Там же. Гл. 3.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КРУПНЫМИ КОМПАНИЯМИ: ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ *КЭЙРЭЦУ*

В Японии насчитывается около 5,5 млн частных предприятий, занимающихся предпринимательской деятельностью. Состав предпринимательства отличается огромным разнообразием форм и размеров. На одном его полюсе располагаются мелкие и мельчайшие индивидуальные или семейные фирмы, на другом — гиганты современной индустрии, входящие в списки крупнейших компаний не только Японии, но и мира. К категории крупных и крупнейших (с числом занятых более 100 человек) японская статистика относит порядка 60 тыс. компаний, остальные 5,4 млн — это мелкие и средние фирмы. При этом почти на 60% из них (3 млн 200 тыс.) число занятых составляет от 1 до 4 человек, а примерно на 20% (1 млн 100 тыс.) — от 5 до 9 человек. Крупный бизнес дает работу около 30% всех занятых в японской экономике, а мелкий и средний — порядка 70%.

Таковы общие контуры предпринимательской структуры Японии, отражающие юридически оформленный статус предприятий. Однако одной из отличительных черт японской экономической системы является так называемая практика группирования. Это создание юридически независимыми предприятиями неформальных устойчивых объединений или групп, базирующихся на разного рода взаимосвязях и взаимоотношениях. В этом проявляется такая особенность национальной психологии японцев, как склонность к долговременным связям и отношениям, которая распространяется, в том числе, и на деловые отношения.

В послевоенной Японии практика группирования пустила столь глубокие корни, что среди специалистов даже получил хождение термин «трехслойная структура японской экономики». Под ним имелось

в виду, что в отличие от «двухслойных структур» западных стран, состоящих из рынка и предприятий, в Японии существуют три «слоя» — рынок, группы предприятий и собственно предприятия¹. Накладываясь на юридически оформленную предпринимательскую структуру, группы предприятий не только видоизменяют ее контуры, но и вносят заметное своеобразие в функционирование механизма конкуренции в японской экономике и рыночного механизма в целом. Неудивительно, что эти группы рассматривались западными критиками японской экономической модели как один из признаков ее «нерыночного» характера.

Свое наиболее полное выражение практика группирования нашла в функционировании горизонтальных и вертикальных *кэйрэцу* (букв. «ряд, система»). В настоящей главе будут рассмотрены горизонтальные группы, а в следующей — вертикальные.

Японские горизонтальные *кэйрэцу*² по форме напоминают один из видов монополистических союзов — многоотраслевые концерны, довольно широко распространенные на Западе. Однако это лишь внешнее сходство. Целый ряд аспектов в деятельности японских групп позволяет говорить о том, что в мировой практике организации крупного предпринимательства они представляют весьма специфическое явление. Забегая вперед, отметим, что, *во-первых*, ни в одной другой стране не существует объединений предприятий, которые обладали бы одновременно всеми видами взаимозависимости, имеющимися в японских группах. *Во-вторых*, ни в каких других видах объединений не существует матричной формы взаимозависимости между компаниями — основы их единства и сплоченности.

Как отмечалось во введении, в ходе послевоенного развития в Японии сформировались шесть финансово-промышленных групп — «Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо», «Фуё» («Ясуда»), «Дайити кангё» и «Санва». Первые три возродились на руинах довоенных *дзайбацу* (семейных торгово-промышленных домов, возникших еще в эпоху Мэйдзи), а три последние окончательно сформировались уже в послевоенный период вокруг банков, давших название и самим группам.

Раньше других были воссозданы группы «Сумитомо» (апрель 1951 г.) и «Мицубиси» (конец 1954 г.). «Мицуи» возродилась в октябре 1961 г., «Фуё» — в январе 1966 г. «Санва» сформировалась к февралю 1967 г., а «Дайити кангё» — лишь к январю 1978 г.³

Вошедшие в группы компании были хорошо знакомы между собой, на протяжении многих лет их связывали тесные и разносторонние деловые отношения, и создание групп означало лишь завершение процесса согласования интересов и выработки принципов взаимодействия в рамках новых предпринимательских организаций — горизонтальных *кэйрэцу*.

Прежде чем говорить о принципах взаимодействия входящих в группы компаний, остановимся на вопросе о составе горизонтальных *кэйрэцу* и масштабах их экономической мощи. При некоторых различиях состав и принципы построения шести групп весьма схожи. Каждая из них сформировалась как союз или федерация могущественных независимых компаний, представлявших все важнейшие сферы японской экономики. Помимо «главного» банка и *сого сёся* (универсальной торговой компании), в каждую из групп вошли траст-банк, от одной до четырех страховых компаний, от 10 до 30 крупнейших промышленных фирм, а также от одной до четырех строительных компаний и от одной до трех транспортных фирм. В новые группы вошли также компании по операциям с ценными бумагами, а три группы включили в свой состав и собственные универмаги («Мицубиси» — «Мицукоси», «Санва» — «Такасимая», «Дайити кангё» — «Сэйбу»).

Однако основу могущества каждой группы составляли прежде всего промышленные компании. Так, в группе «Мицуи» 13 из 25 компаний — членов «президентского клуба» оперировали в промышленности, в «Мицубиси» — соответственно 18 из 28, в «Сумитомо» — 10 из 20, «Фуё» — 19 из 28, «Санва» — 28 из 45, «Дайити кангё» — 30 из 52⁴.

Совокупная мощь шести горизонтальных *кэйрэцу* довольно быстро возрастала, и к концу 1980-х годов они заняли весьма значимые позиции в японской экономике. Так, в 1988 г. на них приходилось 17,2% акционерного капитала, 13,5% активов и 16,2% объема продаж всех японских компаний (без учета финансовых учреждений). Позиции групп в промышленности выглядели еще весомее. На компании, занятые в производстве, приходилось 29,5% акционерного капитала, 22,7% активов и 18,4% объема продаж всех промышленных компаний страны⁵.

В последующие годы под влиянием целого ряда причин (депрессии, особенно сильно затронувшей банковскую сферу и промышленность, резкого возрастания масштабов зарубежного производства крупнейших промышленных компаний, опережающего развития сферы услуг и т.д.) горизонтальные *кэйрэцу* несколько сдали свои позиции в японской экономике. В 1999 г. их доля в совокупном акционерном капитале японских компаний составила 13,1%, в совокупных активах — 11,21%, в общем объеме продаж — 10,82%⁶. Однако если вспомнить, насколько возросли к этому времени масштабы японской экономики и насколько усилилась ее промышленная и финансовая мощь, то можно сделать вывод, что, несмотря на некоторое ослабление, горизонтальные *кэйрэцу* по-прежнему представляли собой весьма мощные и влиятельные предпринимательские структуры.

Формально точками отсчета воссоздания старых групп и рождения новых стали первые заседания их «президентских клубов», объ-

единявших глав крупнейших из входивших в группы компаний. Помимо регулярных встреч участников «президентских клубов» единство и целостность горизонтальных *кэйрэцу* обеспечивали следующие виды взаимосвязей между их членами:

- участие компаний в капитале друг друга в форме перекрестного акционерства;
- внутригрупповые поставки товаров и услуг;
- внутригрупповое финансирование;
- связи по линии обмена персоналом.

Однако, прежде чем рассматривать вопрос о характере этих взаимосвязей, обратимся к обстоятельствам, которые подтолкнули компании к объединению. Как отмечалось выше, в основе практики группирования лежит такая присущая психологии японцев черта, как склонность к долговременным, налаженным отношениям и связям. Но очевидно также, что помимо этого к объединению в горизонтальные *кэйрэцу* компании подталкивало и стремление снизить риск, связанный с ведением бизнеса в такой жесткой среде, какой является рынок, разделив его с другими участниками группы. А стимулировали стремление компаний к объединению следующие обстоятельства.

На этапе, когда началось формирование групп, т.е. в 1950–1960-е годы, одной из острейших проблем для японских компаний (прежде всего промышленных) была крайняя нехватка средств для развития. Для того чтобы снизить остроту этой проблемы, компании стремились наладить с банками долговременные, прочные отношения, которые позволили бы им рассчитывать на получение кредитов в первоочередном порядке. Это привело к появлению «системы главных банков» (*main bank system*), которая в наиболее полном виде была реализована именно в горизонтальных *кэйрэцу*.

Далее, ввиду относительно невысокой конкурентоспособности японской продукции в те годы компании старались подстраховать свой бизнес путем установления долговременных доверительных отношений со своими поставщиками и покупателями. При этом часто в роли посредников между ними выступали универсальные торговые компании (*сого сёся*), обладавшие обширной информацией как о ситуации на рынке, так и о положении дел своих клиентов.

Наконец, сильный толчок группированию дала начавшаяся с 1967 г. либерализация движения капитала, а особенно то обстоятельство, что она началась вскоре после резкого падения курсов акций японских компаний, случившегося в 1965 г. вследствие кризиса рынка ценных бумаг. Опасаясь, что их подешевевшие акции будут скуплены иностранными инвесторами, многие крупные компании начали тогда

выстраивать системы перекрестного акционерства. При этом значительная часть акций была распределена между «главными банками», *сого сёя* и другими партнерами по *кэйрэцу*⁷.

Возвращаясь к вопросу о связях, обеспечивавших единство и целостность горизонтальных групп, следует отметить, что главной среди них являлась, безусловно, **система перекрестного акционерства**. Хотя антимонопольное законодательство Японии вплоть до декабря 1997 г. запрещало создание холдингов (т.е. компаний, чей основной бизнес состоит в контроле за предпринимательской деятельностью другой фирмы), в то же время оно разрешало нефинансовым корпорациям владеть акциями других компаний, если «это не ограничивает конкуренцию». Что же касается банков, то их доля в акционерном капитале других компаний не должна была превышать 5%⁸.

Ввиду отсутствия явных ограничений со стороны законодательства система перекрестного владения акциями развивалась довольно быстро. При этом в старых группах («Мицубиси», «Мицуи», «Сумитомо») она выстраивалась по линиям связей, существовавших в рамках довоенных *дзайбацу*, а в новых («Фуё», «Санва» и «Дайити кангё») создавалась, по существу, заново при активном участии банков, выступавших посредниками между своими клиентами.

В схематичном виде перекрестное акционерство можно представить в форме матрицы, когда каждая компания связана отношениями по линии участия в капитале одновременно с несколькими членами группы. Причем если одна компания владеет крайне незначительным пакетом акций другой (в среднем не более 1,5–2%), то группе в целом может принадлежать весьма солидный пакет. Это означает, что в случае необходимости группа может оказывать определенное влияние на поведение каждой из входящих в нее компаний и даже контролировать ее действия. Однако, поскольку при перекрестном акционерстве на месте контролируемой фирмы может оказаться любой из членов группы, создаются условия для углубления взаимозависимости и взаимопонимания между компаниями группы, усиливается их заинтересованность в благополучии друг друга. Иными словами, перекрестное акционерство создает основу для формирования между членами группы особых отношений — «взаимного фаворитизма» (по выражению известного японского экономиста Окумура Хироси).

«Взаимный фаворитизм» проявлялся, в частности, в достижении полного взаимопонимания между группированными компаниями группы как в отношении политики дивидендов, так и в отношении поддержания курсов акций партнеров. В отношении политики дивидендов суть «взаимопонимания» состояла в том, что по взаимному

соглашению участники группы отказывались от какого-либо нажима друг на друга с целью их повышения. Такая практика стала возможной по двум причинам. *Во-первых*, из-за того, что в структуре источников финансирования японских компаний рынок ценных бумаг долгое время занимал весьма скромное место. А, *во-вторых*, из-за того, что до последнего времени позиции акционеров в японских компаниях были чрезвычайно слабы, и их мнение и интересы практически не учитывались при принятии управленческих решений.

Что же касается практики поддержания курсов акций партнеров по *кэйрэцу*, то Х. Окумура описывает ее следующим образом. В обычных условиях для компании существует лишь один способ повысить курс своих акций, а именно улучшить результаты хозяйственной деятельности и тем самым сделать акции более привлекательными. Однако спрос на них можно организовать и искусственно, если только на это согласятся ее партнеры. Очевидно, что отношения «взаимного фаворитизма» создавали для таких действий все необходимые предпосылки. Особенно широкое распространение такая практика получила с середины 1970-х годов, когда японские компании перешли от выпуска акций по номиналу к выпуску по рыночным ценам. Причем в данном случае назвать эти цены «рыночными» можно лишь условно, поскольку фактически их уровень определяла выпускающая компания, а поддерживать его позволял искусственно организованный спрос со стороны партнеров по *кэйрэцу*⁹.

В целом по шести горизонтальным *кэйрэцу* средняя доля акций, находящихся во владении группы, изменялась следующим образом (%)¹⁰:

1970	1975	1981	1985	1988	1992	1996	1999
21,68	23,89	25,48	23,40	21,64	22,21	21,37	20,05

Надо отметить, что в *кэйрэцу*, воссозданных из старых *дзайбацу*, доля акций, находящихся во владении группы, всегда была выше, чем в новых, сформировавшихся уже после войны. Например, в 1999 г. в старых группах она составляла 24,95%, а в новых — 15,16%. При этом на общем фоне заметно выделялась группа «Мицубиси», где эта доля достигала 37–38%¹¹.

Как показывают приведенные данные, в 1990-е годы доля перекрестных акций начала снижаться, но степень этого снижения оказалась весьма незначительной. И это тем более удивительно, что к концу 1990-х годов многие факторы, которые способствовали формированию системы перекрестного акциддержания, практически утратили свое значение.

Во-первых, компании-члены горизонтальных *кэйрэцу* стали настолько мощными, а их международная конкурентоспособность и позиции

как на внутреннем, так и на мировых рынках настолько усилились, что отпала необходимость в подстраховке бизнеса за счет долговременных отношений с партнерами на основе перекрестного акционерства. Во-вторых, вследствие реформы финансовой системы страны (см. предыдущую главу) произошла диверсификация источников финансирования японских компаний и, в частности, существенно снизилась их зависимость от банковских кредитов. А это значит, что утратило смысл и перекрестное акционерство между банками и компаниями, которое имело целью обеспечение приоритетного кредитования членов группы. И, наконец, в-третьих, в период депрессии 1990-х годов, сопровождавшейся значительным понижением курсов акций практически всех японских компаний, владение акциями партнеров по *кэйрэцу* становилось все менее привлекательным способом размещения капитала и лишь усугубляло и без того непростое положение членов группы.

Почему же, несмотря на все эти изменения, система перекрестного акционерства устояла? Ответ, на наш взгляд, довольно очевиден. Экономические мотивы и прежде не были определяющими в поведении членов групп как держателей перекрестных акций, а в тяжелых условиях депрессии 1990-х годов их существенно перевесили другие соображения, а именно стремление компаний использовать такую функцию групп, как оказание взаимопомощи и поддержки в кризисных ситуациях. А поскольку в основе горизонтального группирования лежит именно система перекрестного акционерства, она и сохранилась в почти неизменном виде.

Следующий вид взаимосвязей между членами горизонтальных *кэйрэцу* — **внутригрупповые поставки товаров и услуг** — возник, как отмечалось, из желания компаний придать большую устойчивость своему бизнесу за счет сделок с надежными, предсказуемыми партнерами. При этом, как правило, внутригрупповые сделки помимо заключения долгосрочных соглашений предполагали применение и не вполне рыночных, «внутригрупповых» цен.

Так же как и перекрестное акционерство, эти отношения имеют форму матрицы, но, поскольку далеко не все члены групп являются друг для друга поставщиками или покупателями продукции, степень участия в них компаний заметно ниже. Так, в 1980-е годы в «старых» группах доля внутренних поставок товаров и услуг в общем объеме закупок членов группы составляла в среднем 12–15%, а в «молодых» — 6–9%. Правда, для промышленных компаний «старых» групп внутригрупповые сделки имели весьма существенное значение. Например, в 1980-е годы в «Мицубиси» и «Сумитомо» на сделки с членами группы приходилось более 30% объема продаж и более 20% объема закупок¹².

Естественно, что в последующие годы в результате значительного усиления экономической мощи и глобализации деятельности крупнейших японских компаний их заинтересованность в подстраховке бизнеса за счет внутригрупповых сделок заметно снизилась. В конце 1990-х годов в «старых» группах их доля упала в среднем до 8%, а в «молодых» — до 5%. Но при этом, как и прежде, значительная часть внутригрупповых торговых операций осуществлялась при посредничестве *сого сёся* (универсальных торговых компаний). Так, в 1990-е годы в среднем по шести группам через них проходило около 40–50% объема внутригрупповых продаж и 50–60% внутригрупповых закупок¹³.

Изменились и функции *сого сёся*. Если на этапе формирования горизонтальных *кэйрэцу* они были посредниками в торговых операциях членов группы не только между собой, но и с внешним миром, то позже их основной функцией стало аккумулирование и обработка потоков самой разнообразной информации, касающейся экономической ситуации как в Японии, так и в разных странах мира. Кроме того, весьма часто они выступали координаторами крупномасштабных групповых проектов.

Интересно отметить, что внутригрупповая солидарность, приоритет групповых интересов проявлялись и в потребительском поведении работников компаний, входивших в *кэйрэцу*. И сами они, и члены их семей побуждались приобретать в первую очередь товары, производимые компаниями группы (в том числе на специально организованных распродажах). Особенно распространена была такая практика в 1960–1970-е годы. Конечно, в последующие годы японцы стали гораздо свободнее в своих потребительских предпочтениях, но еще долгое время работники компаний группы «Фуё» покупали преимущественно пиво «Саппоро» и автомобили «Ниссан», группы «Мицубиси» — пиво «Кирин» и автомобили «Мицубиси», группы «Мицуи» — автомобили «Тоёта» и электронную аппаратуру «Госиба» и т.д.¹⁴

Еще один вид связей в горизонтальных *кэйрэцу* — **внутригрупповое финансирование** — был порожден стремлением компаний упрочить отношения с банками в условиях острого дефицита финансовых средств, характерного для периода высоких темпов роста (вторая половина 1950-х — начало 1970-х годов). Как ни парадоксально, но в последующие годы, когда вследствие значительных изменений в среде развития японских предприятий острота этой проблемы значительно снизилась, роль этого инструмента обеспечения единства и сплоченности групп не только не уменьшилась, но даже несколько усилилась. Об этом можно судить по возрастанию доли родственных финансовых институтов в общем объеме краткосрочных и долгосрочных заимствований компаний в группах (нефинансовых корпораций). Так, за период 1981–1999 гг. в «старых» группах она возросла с 22,3 до 26,3%, а в «молодых» — с 15,3

до 18,9%¹⁵. Правда, этот рост происходил в основном за счет расширения финансирования компаний групп траст-банками и страховыми компаниями, в то время как роль «главных банков» все больше ослабевала.

Вообще в 1980-е и особенно в 1990-е годы, на волне финансовой либерализации, значимость банков и компаний друг для друга в качестве деловых партнеров постепенно снижалась, что вело и к изменению отношений между ними. Прежде эти отношения основывались на все том же принципе «взаимного фаворитизма»: стороны оказывали друг другу различные услуги, в том числе и такие, которые возможны только при полном доверии и долговременных связях между партнерами.

Так, банки не только предоставляли компаниям группы кредиты в первоочередном порядке, но и никогда не предпринимали действий, которые могли бы нанести ущерб их финансовому положению. Например, ни один банк никогда не брал с компаний группы штрафных процентов (хотя соглашение о намерениях обычно предусматривает такую возможность). Кроме того, обычной практикой было продление банками сроков погашения краткосрочных кредитов, т.е. превращение их, по сути, в долгосрочные (наиболее дефицитные).

В ответ на такое «понимание» компании также оказывали банкам весьма необычные услуги. В 1970–1980-е годы в Японии довольно широко была распространена практика так называемых компенсационных балансов. Суть ее состояла в том, что при предоставлении кредита банк и компания-заемщик договаривались, что определенную его часть компания поместит в банк в форме депозита (с тем чтобы дать банку заработать на разнице в процентах). По некоторым оценкам, таким путем на депозиты в банки возвращалось от 20 до 30% суммы выданных кредитов¹⁶. Кроме того, в 1980-х годах, когда потребность промышленных компаний в кредитах относительно уменьшилась, по просьбе банков они продолжали прибегать к заимствованиям, чтобы поддержать активные операции «своих» банков на необходимом уровне.

Об изменении отношений между банками и группированными компаниями свидетельствует и снижение доли акций банков, находившихся во владении групп, причем особенно заметным оно было в «старых» группах, где традиционно эти отношения были особенно близкими. Так, за 10 лет (1987–1996) в группе «Мицуи» эта доля снизилась с 24,47 до 15,28%, в «Мицубиси» — с 25,81 до 19,52%, в «Сумитомо» — с 23,46 до 17,23%¹⁷.

Но окончательно «спутали карты» происшедшие в конце 1990-х — начале 2000-х годов слияния банков, принадлежавших к разным горизонтальным *кэйрэцу*. Они не только привели к «перетряске» всей прежней системы взаимоотношений между банками и компаниями соответствующих групп, но и сыграли решающую роль в судьбах *кэйрэцу* в целом.

К этому вопросу мы вернемся позже, а сейчас рассмотрим последний вид взаимосвязей в горизонтальных группах — **связи по линии обмена персоналом**. Сразу же оговоримся, что речь идет только о высших управленцах — *торисимарияку* (членах советов директоров) и *кансаяку* (ревизорах).

Интенсивность связей по этой линии измеряется долей среди высших менеджеров группы тех, кто перешел из других компаний той же группы. С начала 1980-х годов во всех группах наблюдалось ее снижение: так, в «старых» группах эта доля снизилась с 11,1 в 1981 г. до 4,7% в 1999 г., а в «молодых» — с 6 до 3,7%. Во всех группах основной вклад в снижение этого показателя внесло сворачивание практики приема в компании высших менеджеров банков, вышедших на пенсию. Раньше в горизонтальных *кэйрэцу* помимо перемещения действующих управленцев весьма широко применялась практика устройства на высшие управленческие посты в нефинансовые компании банковских служащих высокого ранга, уволенных по достижении пенсионного возраста (сроком на два года). Однако из-за изменения характера отношений между компаниями и банками, о котором говорилось выше, к концу 1990-х годов масштабы этой практики резко сократились, что и подтверждают приведенные цифры.

В завершение рассмотрения вопроса о связях, обеспечивавших единство и целостность горизонтальных *кэйрэцу*, нельзя не затронуть еще один аспект — роль личных связей в упрочении отношений между компаниями группы.

Высший уровень этих связей представлен «президентскими клубами», объединяющими глав крупнейших компаний группы. Согласно устоявшейся традиции раз в месяц проходили встречи членов этих клубов — для обсуждения текущих дел, обмена информацией, прослушивания лекций и т.д. Прежде во время этих встреч часто принимались конкретные решения, касающиеся деятельности той или иной компании, улаживались разногласия между членами группы, одобрялись или отклонялись кандидатуры на высшие управленческие должности и т.д. В последующие годы такие случаи становились все более редкими, а основной функцией «президентских клубов» стала выработка стратегических решений (например, о целесообразности внедрения группы в новую сферу бизнеса) и взаимодействие с деловым сообществом и правительством. В то же время, как и прежде, «президентские клубы» продолжали разрабатывать схемы оказания помощи предприятиям, попавшим в тяжелое положение. В частности, несколько таких случаев имели место в 1990-е годы¹⁸.

Однако личные связи в горизонтальных *кэйрэцу* не ограничиваются только уровнем президентов компаний, они охватывают и все другие ступени их управленческих структур. В каждой группе проходит мно-

жество формальных и неформальных совещаний и встреч управленцев и специалистов разного профиля. На них обсуждаются такие вопросы, как, например, подготовка и внесение поправок в действующее законодательство, перспективы той или иной сферы бизнеса, достоинства и недостатки того или иного нового продукта и т.д. Нередко такие совещания становились стартом в реализации совместных проектов компаний группы. Поскольку в Японии личные связи играют особую роль в деловых отношениях, очевидно, что такого рода контакты также способствовали укреплению единства и целостности групп.

Итак, из изложенного выше можно сделать вывод, что японские горизонтальные *кэйрэцу* представляют собой структуру, «расположенную» между рынком и предприятиями, а ее основной целью является защита членов группы от рисков, связанных с действием стихийных рыночных сил, и оказание помощи терпящим бедствие предприятиям. Но очевидно, что за снижение риска члены группы должны платить какую-то цену, ведь в основе рыночного механизма лежит принцип «высокий риск — высокий доход». И действительно, как показывает статистика, у компаний — членов групп норма текущей прибыли была обычно ниже, чем у независимых компаний, действующих в тех же областях¹⁹. Это, по-видимому, и есть плата за снижение рисков, которое дает членство в группе.

Разумеется, как и всякая другая форма организации бизнеса, горизонтальные *кэйрэцу* менялись с течением времени под воздействием различных факторов. Но решающее влияние на их судьбы оказали события конца 1990-х — начала 2000-х годов. Они не только подвели черту под существованием прежних *кэйрэцу*, но и поставили под вопрос само их будущее.

После проведения в 1998 г. радикальной реформы финансовой системы Японии, сделавшей ее гораздо более открытой для внешнего мира, в стране началась волна поглощений и слияний, охватившая крупнейшие банки и страховые компании, в том числе и принадлежавшие к разным горизонтальным *кэйрэцу*. Первой ласточкой стало слияние в 1999 г. «Фудзи гинко» (группа «Фуё»), «Дайити кангё гинко» (группа «Дайити кангё») и «Нихон когё гинко» (независимого) и образование крупнейшего в мире на тот момент финансового холдинга «Мидзухо» с капиталом 140 трлн иен. В 2001 г. произошло слияние «Сакура гинко» (группа «Мицуи») и «Сумитомо гинко» (группа «Сумитомо») и образование еще одного гиганта — «Мицуи — Сумитомо гинко»²⁰.

Однако на этом межгрупповые слияния не закончились. В конце 2004 г. было подписано базовое соглашение о полномасштабном слиянии банка «Мицубиси—Токио» (группа «Мицубиси») и *UFJ Holdings* (в состав которого ранее вошел банк «Санва» из одноименной группы),

и в 2006 г. на свет появился крупнейший в мире банк «Мицубиси—UFJ» с совокупными активами порядка 2 трлн долл.²¹ В страховом бизнесе наиболее значимыми событиями стали слияние в конце 2000 г. двух страховых компаний из групп «Мицуи» и «Сумитомо» и объединение (в форме объединения ресурсов управления) двух страховых фирм из групп «Мицубиси» и «Дайити кангё».

Затем последовало несколько слияний промышленных компаний, а также брокерских фирм, принадлежавших к разным горизонтальным *кэйрэцу*. В промышленности крупнейшим стало объединение в 2001 г. двух химических гигантов — «Мицуи кагаку» и «Сумитомо кагаку».

Очевидно, что межгрупповые слияния банков и компаний подвели черту под существованием прежних горизонтальных групп, представлявших собой структуры с четко очерченными границами. Подтверждением этого может служить и тот факт, что Комиссия по справедливым и честным сделкам (главный орган страны, следящий за соблюдением антимонопольного законодательства), которая каждые три года проводила исследования положения дел в группах и публиковала подробные отчеты, последнее из них провела в 1999 г., т.е. до волны слияний.

Однако можно ли говорить, как это делают некоторые исследователи²², что горизонтальные *кэйрэцу* как особая форма организации крупного бизнеса в Японии прекратили свое существование? На наш взгляд, делать такое заключение слишком преждевременно.

Действительно, с конца 1990-х годов горизонтальные группы вступили в период глубоких изменений. После межгрупповых слияний границы групп «расплылись» и утратили прежние четкие контуры, произошло дальнейшее ослабление «сил сцепления» в группах (в том числе по линии перекрестного акционерства), усложнившиеся условия развития привели к снижению значимости для компаний партнерских отношений с членами группы и к расширению их деловых связей за ее пределами и т.д.

Такова формальная сторона вопроса. Однако никуда не исчез такой феномен, как «культура *кэйрэцу*», которая проявляется в приверженности сложившимся отношениям доверия и взаимопонимания, в чувстве принадлежности к определенной группе, в верности традициям «взаимного фаворитизма» и т.д. Об этом можно судить по результатам опроса 125 нефинансовых корпораций — членов горизонтальных *кэйрэцу*, который был проведен Комиссией по справедливым и честным сделкам в конце 1999 г., т.е. в преддверии межгрупповых слияний банков и компаний.

Так, лишь 18% от общего числа компаний считали, что в будущем роль и позиции горизонтальных групп ослабеют, а то, что они вообще

могут быть расформированы, полагали менее 1%. Почти 45% компаний верили, что группы будут продолжать функционировать, при этом 18,4% рассчитывали, что в будущем единство и сплоченность групп даже возрастут, а еще 18,4% — что отношения между компаниями станут более тесными. Конечно, «оптимистов» было больше среди членов «старых» групп. Так, например, уверенность, что *кэйрэцу* будут существовать и дальше, в группе «Мицубиси» выразили более 90% компаний, а в группах «Дайити кангё» и «Фуё» — только по 11%.

Характерно также, что слияние банков не рассматривалось членами соответствующих групп как сигнал к объединению бизнеса. В то же время многие компании полагали, что эти слияния благотворно повлияют на их бизнес, так как приведут к расширению числа надежных потенциальных партнеров.

Но самое главное — абсолютное большинство компаний по-прежнему считали, что членство в *кэйрэцу* дает им ряд неоспоримых преимуществ и поэтому должно быть сохранено и в будущем. В качестве главных преимуществ были отмечены следующие:

- возможность обмена информацией с другими членами группы (на это указали более 80% компаний «старых» групп и около 90% «молодых»);
- доступ к ноу-хау партнеров (соответственно 39 и 38%);
- обеспечение стабильных долговременных сделок (29 и 30%);
- приобретение стабильных акционеров (26 и 24%);
- возможность участвовать в совместных научно-исследовательских проектах (26 и 10%).

Кроме того, примерно $\frac{2}{3}$ компаний «старых» групп и 10% «молодых» указали на такое преимущество членства в группе, как возможность улучшить имидж компании за счет использования бренда группы²³.

Таким образом, не только под влиянием «культуры *кэйрэцу*», но и исходя из чисто рационалистических соображений, японские компании предполагали сохранить свою приверженность практике группирования. И хотя в нашем распоряжении нет формализованных данных, которые позволили бы судить о том, насколько глубоко изменения, происшедшие в последующие годы в японских горизонтальных группах, на наш взгляд, нет никаких оснований говорить о том, что они прекратили свое существование. Более того, даже если это и случится когда-нибудь под влиянием изменений в среде развития предприятий, вряд ли можно ожидать, что деловые отношения в Японии утратят свою специфику. Ведь не только организованные в группы компании, но и значительная часть «неорганизованных» японских фирм ведет

свои дела по правилам, несколько отличающимся от чисто рыночных принципов. По существу, каждая японская компания или банк строит свои деловые отношения, строго дифференцируя партнеров по степени близости и продолжительности деловых связей. При этом между компаниями, связанными наиболее долговременным партнерством, возникают отношения взаимного доверия, что делает возможным отход от чисто рыночных сделок и использование неформальных или не совсем рыночных принципов. Представляется, что эти традиции деловых отношений в той или иной степени сохраняются и в будущем, поскольку уходят корнями в особенности национальной культуры и психологии.

Примечания

¹ *Сакамото Кэнъити*. Гидзюцу какусин то кигё кодзо (Техническая революция и структура предприятий). Токио, 1986. С. 215.

² Их также называют *кигё сюдан* (букв. «объединение предприятий»), но для облегчения восприятия материала мы будем использовать термин «горизонтальные *кэйрэцу*».

³ Кабусики мотиай кайсё-но рирон то дзимму (Теория и практика распада системы перекрестного акционерства). Токио, 2001. С. 347.

⁴ Там же. С. 346–347. Данные на конец 1990-х годов.

⁵ Кигё сюдан-но дзиттай ни цуйтэ (О положении в *кигё сюдан*). Токио, 1998. С. 143, 146.

⁶ Там же. 2001. С. 2.

⁷ Там же. С. 27–29.

⁸ Кигё сюдан то кигё сюдан айда-но кокусай хико (*Кигё сюдан* и международные сравнения объединений предприятий). Токио, 2000. С. 83.

⁹ *Окумура Хироси*. Корпоративный капитализм в Японии. М., 1986. Гл. 2.

¹⁰ Кабусики мотиай кайсё-но рирон то дзимму. С. 346.

¹¹ Кигё сюдан-но дзиттай ни цуйтэ. 2001. С. 4.

¹² Там же. 1998. С. 172.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Кабусики мотиай кайсё-но рирон то дзимму. С. 347.

¹⁵ Кигё сюдан-но дзиттай ни цуйтэ. 1998. С. 161; 2001. С. 11.

¹⁶ *Ballon R., Tomita I.* The Financial Behavior of Japanese Corporations. Токио, 1988. Р. 93.

¹⁷ Кигё сюдан-но дзиттай ни цуйтэ. 1998. С. 152–153.

¹⁸ Кигё сюдан то кигё сюдан айда-но кокусай хико. С. 130.

¹⁹ *The Anatomy of Japanese Business*. L., 1984. Р. 24–25; Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу). М., 2000. С. 89.

²⁰ Кигё сюдан то кигё сюдан айда-но кокусай хико. С. 63.

²¹ *Japan Almanac*. Токио, 2005. Р. 110.

²² См., например: *Lincoln J. R., Masahiro Shimotani*. Wither the Keiretsu, Japan's Business Networks? // IRLE Working Paper. 188-09. September 2009. Р. 23.

²³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.jftc.go.jp/18/05/2001.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КРУПНЫМ И МАЛЫМ БИЗНЕСОМ: ВЕРТИКАЛЬНЫЕ *КЭЙРЭЦУ*

Особенности национальной культуры и психологии и, в частности, такие социокультурные характеристики японцев, как предпочтение долговременных отношений, желание избегать риска, ориентация на групповые ценности, стремление к консенсусу и *ва* (гармонии), создали основу для еще одной специфической формы деловых отношений — вертикальных *кэйрэцу*. Этим термином обозначают устойчивые неформальные объединения крупных компаний со средними и мелкими фирмами в рамках организации субподрядных работ — как в сфере производства, так и в системе сбыта продукции.

В послевоенной Японии вертикальные *кэйрэцу* получили весьма широкое распространение. Достаточно сказать, что к началу 1980-х годов практически все крупные компании в сборочных машиностроительных производствах, а также в текстильной промышленности, металлообработке, ряде химических производств и т.д. создали свои *кэйрэцу*, а среди мелких и средних предприятий обрабатывающей промышленности почти $\frac{2}{3}$ являлись субподрядчиками крупных фирм¹.

Классической формой вертикальных *кэйрэцу* принято считать объединения головных фирм и субподрядных предприятий в сборочных машиностроительных производствах, контуры которых напоминают пирамиду. Головная фирма является при этом вершиной пирамиды, а субподрядные предприятия располагаются на различных ее «этажах». Причем пирамида устроена таким образом, что по мере приближения к ее основанию размеры предприятий уменьшаются, а их количество возрастает.

Еще одной особенностью вертикальных *кэйрэцу* является то, что среди предприятий, располагающихся на более высоких уровнях пирамиды (первом или втором), есть немало тех, кто работает не только на свою головную фирму, но и на других заказчиков. (Головная фирма не препятствует этому, рассчитывая на снижение цен на продукцию субподрядчиков на основе эффекта экономии на масштабе.) И наоборот, по мере приближения к основанию пирамид, где располагаются в основном мелкие и мельчайшие предприятия, возрастает доля тех, кто работает только по заказам предприятий своих *кэйрэцу*.

Стержнем, объединяющим компании в *кэйрэцу*, служат производственные связи, ориентированные на нужды головной фирмы. Они обычно дополняются и другими видами отношений, главным из которых является участие головной фирмы в капитале субподрядчиков. Предприятия, связанные с головной (материнской) фирмой по линии участия в капитале и являющиеся ее дочерними или зависимыми компаниями, получают статус *группированных*.

Группированные предприятия, как правило, являются субподрядчиками первого уровня, т.е. располагаются на ближайших к сборочному производству «этажах» пирамиды. Вместе с головной фирмой они функционируют как целостный, органически взаимосвязанный производственный комплекс или единая предпринимательская структура. Предприятия, не связанные с головной фирмой участием в капитале, но выполняющие для нее или ее *группированных* компаний определенные виды работ по контрактам (производство тех или иных деталей и узлов, различные виды обработки изделий, ремонт и т.д.), относятся к категории обычных субподрядных предприятий. Однако они также являются неотъемлемой частью *кэйрэцу*, а отношения между ними и головной фирмой или группой отличаются высокой устойчивостью и долговременным характером.

Отсутствие связей по линии участия головной компании в капитале обычных субподрядных предприятий компенсируется другими видами отношений (предоставлением заказчиком финансовой и технической помощи субподрядчикам, передачей им технологии, оказанием различного рода консультационных услуг, направлением специалистов и управленцев и т.д.). При этом нередки случаи, когда в силу различных обстоятельств (особой заинтересованности головной фирмы, сложного финансового положения субподрядчика и т.д.) некоторые обычные субподрядные предприятия переходят в категорию *группированных* в результате вливания капитала головной фирмой.

Основная отличительная черта отношений между головными компаниями и их субподрядчиками в рамках вертикальных *кэйрэцу* — их

стабильный, долговременный характер. Действительно, продолжительность этих отношений не может не впечатлять. Так, согласно данным одного из обследований, половина субподрядчиков работали на свою головную фирму свыше 20 лет, 14% — от 15 до 20 лет, еще 16% — от 10 до 15 лет².

Таким образом, вертикальные *кэйрэцу* представляют собой устойчивые многослойные объединения крупных компаний и субподрядных предприятий, ориентированные на обслуживание производственных нужд головной фирмы и скрепляемые связями различного вида (производственными, технологическими, по линии акционерства, командирования персонала и т.д.) и различной степени интенсивности (от крайне жестких до весьма слабых).

Так же как и горизонтальные группы, японские вертикальные *кэйрэцу* весьма необычное явление в мировой практике организации предпринимательства. Их подобия не существует даже в тех странах, где довольно широко распространены субподрядные отношения (например, в автомобильной промышленности Германии или Италии), не говоря уже о США, где компании предпочитают производить большую часть необходимых деталей и материалов на собственных заводах, а не на субподрядных предприятиях.

Как отмечалось, японские вертикальные *кэйрэцу* сформировались под сильным влиянием национальной культуры и психологии. Но совершенно очевидно, что они не смогли бы столь прочно укорениться в экономической структуре страны, если бы не несли в себе целый ряд чисто рациональных элементов или, другими словами, если бы не были экономически выгодны обеим сторонам.

Прежде чем перейти к вопросу о том, какие преимущества извлекают от участия в *кэйрэцу* головные фирмы, с одной стороны, и субподрядные предприятия — с другой, кратко остановимся на вопросе о характере *кэйрэцу* как предпринимательской структуры. Согласно распространенным на Западе взглядам на рыночную экономику, последняя может быть эффективна, только если экономические агенты действуют, исходя из принципов свободной конкуренции и открытого рынка. Под этим имеется в виду прежде всего то, что все сделки должны быть подобны аукционным, при которых число продавцов и покупателей не ограничено, цены устанавливаются в точке пересечения спроса и предложения, а партнеры определяются после установления цен.

Очевидно, что вертикальные *кэйрэцу* нарушают все эти принципы. Во-первых, сделки в рамках *кэйрэцу* носят закрытый характер, т.е. осуществляются между определенными продавцами и покупателя-

ми. *Во-вторых*, цены здесь устанавливаются в результате переговоров между партнерами. И *в-третьих*, при сделках в рамках *кэйрэцу* сначала определяются партнеры, а затем устанавливаются цены.

Если следовать логике сторонников свободной конкуренции и открытого рынка, то японская экономика, где вертикальные *кэйрэцу* получили столь широкое распространение, с точки зрения экономической эффективности должна была бы сильно уступать хозяйствам других западных стран. Между тем на практике долгое время дело обстояло прямо противоположным образом. Именно Япония на протяжении нескольких послевоенных десятилетий была локомотивом мировой экономики, демонстрируя самые высокие среди развитых стран темпы роста ВВП. И именно японские корпорации, опираясь на свои *кэйрэцу*, смогли резко расширить долю на мировых рынках и существенно потеснить конкурентов из других развитых стран.

Обратимся теперь к вопросу о том, какие преимущества от участия в *кэйрэцу* извлекают головные компании. *Во-первых*, это существенная экономия на издержках на рабочую силу за счет передачи значительной части производства деталей и узлов на мелкие и средние предприятия, где уровень заработной платы существенно ниже. В 1950–1960-е годы, на которые пришелся период формирования *кэйрэцу*, разрыв в уровнях оплаты труда работников крупных предприятий, с одной стороны, и мелких и средних — с другой, был более чем двукратным. И хотя в последующие годы общей тенденцией стало сокращение этого разрыва, даже сейчас он составляет порядка 20–30%³.

Во-вторых, благодаря *кэйрэцу* головные компании получают возможность использовать субподрядные предприятия в качестве «абсорбентов потрясений». А именно, используя известную гибкость малых предприятий и их готовность к определенным жертвам, в периоды благоприятной конъюнктуры крупные компании могут довольно быстро расширить масштабы производства, увеличив объем субподрядных заказов. И наоборот, в период неблагоприятной конъюнктуры они могут уменьшить объемы производства, сократив соответственно и объем заказов своим субподрядчикам.

В-третьих, стабильные и долговременные отношения с субподрядчиками позволяют головным компаниям экономить на так называемых транзакционных издержках, т.е. на затратах на поиск подходящих поставщиков, на сбор информации о финансовом положении и технических возможностях партнеров, на проведение личных встреч и переговоров и т.д.

В-четвертых, благодаря особым отношениям между партнерами в рамках *кэйрэцу* головные фирмы получают доступ к подчас уникаль-

ной технологии, разработанной на передовых субподрядных предприятиях. Это позволяет им, не распыляя средств, концентрировать усилия на наиболее сложных и важных направлениях НИОКР.

И наконец, *в-пятых, кэйрэцу* обеспечивают крупным компаниям значительные экономические выгоды благодаря нерыночным по существу сделкам с субподрядчиками. Хотя отношения между головной фирмой и субподрядными предприятиями и не носят характера одностороннего господства и подчинения, их нельзя назвать полностью равноправными или симметричными. Эта асимметричность нагляднее всего проявляется при установлении цен на продукцию субподрядчиков, которые в большинстве случаев определяются с учетом пожеланий головной фирмы⁴. Что же касается пожеланий субподрядчиков, то головные фирмы соглашались с повышением цен на их продукцию лишь в том случае, если оно связано с адекватным улучшением ее качества. Если же оно продиктовано, например, ростом издержек на труд или увеличением расходов на сырье и энергию, то субподрядчикам предлагается компенсировать рост издержек повышением производительности труда (причем часто головная фирма оказывает им в этом активное содействие).

Перейдем теперь к вопросу о том, какие преимущества от участия в *кэйрэцу* получают субподрядные предприятия.

Во-первых, решающее значение для мелких и средних фирм имеет то обстоятельство, что они получают возможность работать на известный рынок и рассчитывать на заключение контрактов не только в краткосрочном плане, но и в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, благодаря финансовой помощи и консультационным услугам со стороны головной фирмы положение членов *кэйрэцу* оказывается в целом более прочным, чем независимых мелких и средних предприятий.

В-третьих, поскольку головные фирмы заинтересованы в получении от субподрядчиков продукции высокого качества и снижении издержек производства, они активно содействуют повышению их технического уровня (путем передачи им технологии, оказания помощи в проведении НИОКР и т.д.). В результате многие субподрядчики со временем настолько упрочивают свои позиции, что вырастают до фирм среднего масштаба и становятся независимыми от головной компании.

Итак, как видно из изложенного выше, несмотря на определенную асимметричность позиций головных фирм и субподрядных предприятий, выгоды из участия в *кэйрэцу* извлекают обе стороны. При этом каждая из них идет на некоторое ущемление своих интересов в одних областях в обмен на получение определенных преимуществ в других.

Иными словами, участие в *кэйрэцу* оказывается экономически целесообразным как для крупных, так и для малых предприятий, и именно с этим связано столь широкое распространение этой формы группирования в Японии.

Долговременные и стабильные отношения между партнерами в рамках вертикальных *кэйрэцу* приводят к выработке определенных правил или норм поведения, которые ложатся в основу деловой этики их членов. Ее главной чертой является готовность каждой из сторон в случае необходимости принять во внимание затруднительное положение партнера и даже пойти на определенное ущемление своих интересов, чтобы дать ему время и возможность выстоять в сложной ситуации. Поэтому, например, головные фирмы не спешат передавать заказы аутсайдерам, предлагающим продукцию по более низким ценам, чем их субподрядчики, а стремятся помочь последним снизить издержки и довести цены до уровня цен конкурентов. С другой стороны, субподрядчики готовы пожертвовать определенной частью прибыли и удовлетворить просьбу головной фирмы о снижении цен, когда это важно для расширения ее доли на рынке или завоевания новых рынков.

Понятно, что только при таких отношениях могла возникнуть широко известная во всем мире система организации субподрядных работ *кэйрэцу* «Тоёта дзидося», получившая название *камбан* или *just in time* (точно вовремя). Эта система позволяет «Тоёта» достигать практически полной синхронизации работы своего сборочного конвейера и поставщиков деталей различных уровней, избегать сбоев в процессе производства и сокращать до минимума запасы деталей и комплектующих.

Система основана на постоянном обмене информацией между всеми «этажами» *кэйрэцу*. В 1980-е годы, когда она зарождалась, информация о количестве, времени и месте доставки деталей передавалась по цепочке на деревянных дощечках (по-японски — *камбан*). В настоящее время это делается с помощью информационной техники. Сначала была достигнута подневная синхронизация работы головной компании и субподрядчиков, при которой уровень запасов рассчитывался на один день. Затем последовал переход к почасовой синхронизации, позволявшей рассчитывать запасы на один-два часа. В дальнейшем «Тоёта» удалось вплотную приблизиться к синхронизации работы всех звеньев производственной цепочки в режиме реального времени, когда основной конвейер и все уровни поставщиков деталей работают в одном ритме, как единый механизм.

Систему *камбан* часто называют «издевательством над субподрядчиками», имея в виду жесткие рамки, в которые она ставит поставщиков деталей. Но эффективность этой системы очевидна. Так, если

у европейских компаний время от разработки дизайна до запуска автомобиля в серийное производство составляет в среднем три года, то у «Тоёта» (на японских заводах) — один год⁵.

Говоря об особом характере отношений между членами вертикальных *кэйрэцу*, следует в то же время подчеркнуть, что нормы и правила их деловой этики носят неформальный характер, никогда не фиксируются в контрактах и не являются строго обязательными. Это означает, что каждая из сторон сохраняет известную степень свободы и может действовать, сообразуясь не с нормами деловой этики, а со своими собственными интересами. Поэтому в периоды глубоких изменений во внешней среде, когда условия развития предприятий значительно усложняются и вопросы экономической эффективности приобретают особую остроту, весьма часто наблюдается отход членов *кэйрэцу* от традиционных норм поведения, а сами группы подвергаются существенной перестройке.

Именно это и происходит с японскими вертикальными *кэйрэцу* в последние два десятилетия, а главной причиной, вызвавшей эти перемены, стала глобализация производства крупнейших промышленных компаний страны. Япония активно включилась в процессы глобализации промышленного производства позже, чем другие развитые страны, — лишь в начале 1980-х годов. Это было связано со следующими причинами. *Во-первых*, успешное экономическое развитие страны, продолжавшееся вплоть до конца 1980-х годов, создавало весьма благоприятные условия для деятельности японского бизнеса в пределах национальной территории. *Во-вторых*, долгое время японские компании просто не имели финансовых ресурсов для масштабного зарубежного инвестирования.

Толчком к быстрому увеличению объемов прямых зарубежных инвестиций японских компаний и расширению их зарубежного производства послужило почти двукратное повышение курса иены по отношению к доллару в середине 1980-х годов (в связи с решением об изменении валютно-финансовой политики ведущих стран, принятым в сентябре 1985 г.). Это привело не только к падению доходов от экспорта (при их переводе в иены), но и к повышению (в долларовом выражении) всех видов издержек внутри страны. В результате, если за первую половину 1980-х годов в качестве прямых инвестиций японские компании вывели за рубеж 13,6 млрд долл., то за вторую половину десятилетия — 57,2 млрд долл., т.е. в 4 раза больше⁶.

В последующие годы объемы вывоза капитала и масштабы зарубежного производства японских компаний продолжали стремительно нарастать, чему способствовало само состояние японской экономики, с начала 1990-х годов вступившей в полосу тяжелой, затяжной депрес-

сии. В результате, по данным на конец 2015 г., накопленный объем прямых зарубежных инвестиций Японии достиг 147 трлн 800 млрд иен (около 1,4 трлн долл.), причем немногим менее половины этой суммы (порядка 600 млрд долл.) было вложено в создание промышленных предприятий⁷.

Для судеб *кэйрэцу* решающее значение имело то обстоятельство, что в центре процессов глобализации японской промышленности оказались автомобилестроение и электромашиностроение — отрасли, где организация субподрядных работ в форме *кэйрэцу* получила особенно широкое распространение. Первые автомобильные заводы японские компании стали создавать за рубежом еще в 1980-е годы — главным образом в развитых странах с целью преодоления торговых барьеров на пути японского экспорта. Однако в те годы параллельно с расширением зарубежного производства происходило и наращивание выпуска автомобилей на национальных предприятиях. Иными словами, зарубежное производство лишь дополняло возможности внутреннего и практически не влияло на функционирование *кэйрэцу*.

Однако на рубеже 1980—1990-х годов произошел слом этой модели, а именно на фоне быстрого расширения зарубежного производства началось сокращение выпуска автомобилей на национальных предприятиях. Так, если выпуск автомобилей на зарубежных предприятиях японских компаний за 1990—2015 гг. вырос в 5,5 раза (с 3 млн 265 тыс. до 18 млн 95 тыс.), то на национальных заводах он сократился более чем на 30% (с 13 млн 500 тыс. до 9 млн 280 тыс.). Изменилось и соотношение между долями национальных и зарубежных предприятий в общем выпуске автомобилей японскими компаниями: если в 1990 г. оно составляло соответственно 81,8% : 18,2%, то в 2015 г. — 33,9% : 66,1%. По данным на конец 2015 г., общее число зарубежных предприятий японских автомобильных компаний составило 317, из них 185 занимаются производством автомобилей, 64 — мотоциклов, а еще 68 специализируются на производстве деталей⁸. А накопленный объем прямых инвестиций японских автомобильных компаний в зарубежные предприятия к концу 2015 г. достиг 12 трлн 942 млрд иен (порядка 120 млрд долл.)⁹.

Понятно, что глобализация производства крупных компаний не могла не сказаться на положении их субподрядчиков и на функционировании *кэйрэцу* в целом. И если прежде траектории развития крупного бизнеса и мелкого и среднего предпринимательства отрасли совпадали, то с начала 1990-х годов их пути стали все больше расходиться.

Глобализация производства крупных автомобильных компаний сопровождалась не только закрытием нескольких сборочных заводов в самой Японии, но и непрерывным нарастанием масштабов произ-

водства за рубежом деталей и компонентов. *Во-первых*, наряду со сборочными заводами головные фирмы создали за рубежом сеть крупных предприятий, специализирующихся на выпуске деталей (по данным за 2015 г., их насчитывалось 68). *Во-вторых*, вслед за головными компаниями во многие страны пришли и их субподрядчики, главным образом — из наиболее приближенного к головной фирме слоя. И наконец, практически во всех странах, где расположены сборочные заводы, японским компаниям удалось наладить кооперацию с местными предприятиями. Наибольших успехов они достигли в США и европейских странах, чему способствовал высокий технический уровень местных предприятий и наличие квалифицированной рабочей силы. Так, по данным за 2015 г., в США и Европе доля местных предприятий в поставках деталей на японские сборочные заводы достигла почти 80%, а объем закупок у них деталей составил соответственно 68 млрд долл. и более 14 млрд евро¹⁰.

В азиатских странах наладить кооперацию с местными производителями деталей в силу хорошо понятных причин оказалось гораздо сложнее. Но и здесь к настоящему времени их доля в обеспечении деталями японских сборочных заводов достигает 40–50%. При этом происходит не только постепенное повышение удельного веса местных компонентов в общем объеме их поставок на сборочные предприятия, но и меняется характер поставок деталей из самой Японии. Если прежде детали, импортировавшиеся из Японии, поступали в полуразобранном виде, скрепленные болтами и гайками (по методу *SKD — semi-knockdown*), а на местах их лишь собирали, то теперь все большая часть деталей приходит в полностью разобранном виде (по методу *CKD — complete knock-down*), а их сварка, покраска, оснастка и сборка осуществляются на местных предприятиях. Иными словами, все большая часть добавленной стоимости, воплощенной в азиатских автомобилях японских компаний, приходится на долю местных предприятий.

К сказанному выше следует добавить еще один момент, а именно расширение поставок произведенных за рубежом деталей на сборочные заводы в самой Японии. Первым шагом в этом направлении стало объявление ведущими автомобилестроительными компаниями Японии в 1994 г. о плане закупок у американских производителей деталей для японских сборочных заводов в США и о поставках некоторых деталей в Японию. Вслед за этим начались поставки деталей из Южной Кореи и некоторых других азиатских стран. Этот процесс набирал все большую силу, и дело дошло до того, что в 1996 г. впервые в истории японского автомобилестроения на машины, предназначенные для внутреннего рынка, были поставлены двигатели, произведенные

в Индонезии. За период 2007–2015 гг. объем импорта автомобильных деталей для японских сборочных заводов увеличился на 40% и достиг 877 млрд иен (порядка 8 млрд долл.)¹¹.

Общим итогом всех этих перемен стало сужение базы субподрядных работ в японской автомобильной промышленности, а в их организации начали происходить изменения, которые раньше казались бы просто невыносимыми.

Во-первых, многие головные компании перешагнули границы своих *кэйрэцу* и начали размещать заказы у субподрядчиков других головных компаний, если это оказывалось экономически более выгодным, чем закупки внутри *кэйрэцу*.

Во-вторых, обозначилась тенденция к объединению усилий головных компаний по сокращению количества деталей, их унификации и стандартизации. Целью этого сотрудничества является снижение издержек производства на основе экономии на масштабе за счет концентрации заказов у наиболее эффективных субподрядчиков.

В-третьих, головные компании, решительно избавляясь от наименее эффективных субподрядчиков, расширяют сделки с независимыми мелкими и средними фирмами, обладающими высоким техническим уровнем и способными обеспечить снижение издержек производства.

Эти действия головных компаний привели к довольно быстрому сокращению числа субподрядных предприятий, входивших в *кэйрэцу*. С одной стороны, от *кэйрэцу* «отпали» наименее эффективные субподрядчики (многие из которых вообще прекратили свое существование). С другой — немало сильных предприятий, которые еще в прежние годы стремились снизить зависимость от головной фирмы путем расширения круга заказчиков, постарались приобрести реальную автономность. Что же касается остальных предприятий, то и они в полной мере ощутили последствия происшедших перемен. *Во-первых*, ужесточение критериев отбора субподрядчиков со стороны головных компаний привело к резкому усилению конкурентной борьбы между ними. *Во-вторых*, заметно изменился характер отношений между ними и головными фирмами. На поведение последних решающее воздействие стали оказывать соображения экономической целесообразности (т.е. учет качества, уровня издержек, сроков выполнения заказов), в то время как влияние традиционных норм и правил деловых отношений (в частности, учет продолжительности отношений с данным предприятием, степени его готовности к сотрудничеству и т.д.) заметно снизилось.

В результате границы автомобильных *кэйрэцу* заметно сжались, контуры расплылись, а особый характер отношений и особая деловая этика связывают теперь головные компании лишь с небольшим чис-

лом наиболее значимых субподрядчиков. И если прежде только в *кэй-рэцу* «Тоёта дзидося» насчитывалось более 40 тыс. субподрядчиков различных уровней, то в последние годы, по оценкам японских специалистов, крупные компании, вместе взятые, распространяют особые отношения и принципы *кэйрэцу* примерно на 25 тыс. субподрядчиков. В целом же к началу текущего десятилетия японский автопром приобрел следующую структуру: 14 головных компаний, примерно 800 субподрядчиков первого уровня, порядка 4 тыс. субподрядчиков второго уровня и 20 тыс. субподрядчиков третьего и более низких уровней¹².

Еще больший размах глобализация производства приобрела в электромашиностроении. По данным на конец 2015 г., общий объем прямых инвестиций японских компаний в создание предприятий за рубежом составил 11 трлн 185 млрд иен (более 100 млрд долл.)¹³. Так же как и в автомобилестроении, до конца 1980-х годов зарубежное производство рассматривалось компаниями отрасли лишь как один из способов расширения доли на мировых рынках (прежде всего за счет получения ценовых конкурентных преимуществ в результате налаживания производства в странах с дешевой рабочей силой). Но основной упор тогда делался на развитие внутреннего производства и расширение экспорта. Однако с середины 1990-х годов вынос производства за рубеж принял такие масштабы, что роль зарубежного производства кардинально изменилась. Оно стало не столько дополнять, сколько все больше замещать внутреннее производство.

Так, например, в результате глобализации к настоящему времени в Японии оказалось практически свернуто производство многих видов бытовой электротехники. Основные виды этой продукции выпускаются сейчас лишь в ограниченном количестве, а внутренний спрос удовлетворяется преимущественно за счет поставок с зарубежных предприятий. Главной базой производства бытовой электротехники стали страны Восточной Азии (прежде всего Китай), на долю которых приходится более 90% общей стоимости японского импорта этой продукции¹⁴.

Значительных масштабов достигла глобализация производства и в электронной промышленности. В целом в стратегии глобализации компаний этой отрасли национальные предприятия занимают более высокую нишу, чем зарубежные. Они специализируются на производстве новейшей высокотехнологичной продукции, с высокой долей добавленной стоимости, в то время как на зарубежные филиалы, основным регионом базирования которых также стала Восточная Азия, передаются уже «отработанные» технологии. Однако, поскольку темпы научно-технического прогресса в электронной промышленности очень высоки, «отработанными» быстро становятся технологии, кото-

рые еще недавно относились к передовым высокотехнологичным производствам. В результате технический уровень азиатских предприятий японских компаний довольно быстро повышается, и они осваивают выпуск все более сложной продукции.

О масштабах глобализации производства в японской электронной промышленности можно судить по следующим цифрам. По данным за 2016 г., общая стоимость продукции, выпущенной национальными и зарубежными предприятиями японских компаний, составила 6 трлн 123 млрд иен (около 330 млрд долл.), при этом на долю зарубежных филиалов пришлось 68%, а на долю национальных предприятий — 32% этой суммы. Более того, если японский экспорт электронной продукции из года в год сокращается, то импорт, напротив, возрастает. Так, за период 2000—2015 гг. экспорт электроники из Японии сократился с 14 трлн 259 млрд иен до 9 трлн 948 млрд иен, или на 30%, а импорт увеличился с 7 трлн 302 млрд иен до 11 трлн 31 млрд иен, или более чем на 50%¹⁵.

Так же как и в автомобилестроении, глобализация производства в электромашиностроении сильно сказалась на положении субподрядчиков крупных компаний и на судьбах *кэйрэцу* в целом. При этом влияние глобализации в этой отрасли оказалось даже более сильным, чем в автомобилестроении. Это связано со следующими обстоятельствами.

Как известно, автомобилестроение относится к так называемому интегральному типу производства, где используется большое число специфических деталей, что затрудняет стандартизацию процесса сборки (интерфейс) и требует тщательной увязки всех стадий производства, начиная с этапа проектирования¹⁶. Понятно, что автомобильные компании вынуждены прилагать особые усилия при организации производства за рубежом — как в плане определения места базирования сборочного завода, так и при отборе местных поставщиков деталей. Этим объясняется и тот факт, что при росте объемов поставок на зарубежные сборочные заводы деталей, произведенных местными предприятиями, на достаточно высоком уровне сохраняются и поставки деталей из Японии (в 2015 г. их объем составил порядка 32 млрд долл.)¹⁷.

Что же касается электромашиностроения, то оно относится к так называемому модульному типу производства, при котором используются в основном стандартные, относительно простые детали. Процесс их сборки также стандартизирован (и в значительной степени автоматизирован) и не требует тщательной увязки всех этапов производства. Очевидно, что это сильно упрощает задачу создания сборочных предприятий за рубежом, поскольку позволяет крупным компаниям использовать детали любых производителей (в том числе местных и иностранных) и не требует высококвалифицированной рабочей силы.

Более того, благодаря этому оказалось возможным быстро наладить выпуск деталей за рубежом, прежде всего в азиатских странах, и начать их массовые поставки в саму Японию. По данным за 2016 г., доля Японии в мировом выпуске электронных компонентов составила 38% (порядка 82 млрд долл.), при этом на национальные японские предприятия пришлось 28% от этой суммы (около 23 млрд долл.), а на зарубежные филиалы — 72% (59 млрд долл.). При этом экспорт электронных деталей из Японии за период 2000–2015 гг. сократился на 17% (с 9,5 до 7,9 трлн иен), а их поставки в Японию возросли на 18% (с 4,2 до 5 трлн иен)¹⁸.

Конечно, говоря о глобализации производства электронных деталей и росте их поставок в Японию, нужно иметь в виду, что национальные предприятия все еще значительно превосходят зарубежные филиалы по уровню техники и технологии производства и концентрируют усилия на разработке и выпуске наиболее сложных, высокотехнологичных деталей, воплощающих последние достижения мирового научно-технического прогресса. На наш взгляд, этот разрыв сохранится и в обозримом будущем.

Но это не отменяет того очевидного факта, что по мере углубления процесса глобализации происходит все большее сжатие базы субподрядных работ для национальных производителей и их положение становится все более сложным. В условиях обострения глобальной конкуренции крупные компании ищут теперь поставщиков по всему миру и, не задумываясь, разывают отношения с отечественными субподрядчиками, если они по каким-либо составляющим конкурентоспособности уступают зарубежным производителям. Снижение объема заказов ощутили субподрядчики всех «этажей» *кэйрэцу*, но особенно заметно — те, кто располагался ближе к основанию пирамид и специализировался на производстве относительно простых деталей. Тысячи предприятий вообще прекратили свое существование, а отношения между оставшимися субподрядчиками и головными компаниями стали все больше напоминать обычные отношения рыночного типа. Среди головных компаний резко возросла доля тех, кто учитывает в первую очередь возможности снижения субподрядчиками издержек производства, их технический уровень и квалификацию персонала, и, наоборот, снизилась доля тех, кто принимает во внимание продолжительность связей и доверительный характер отношений¹⁹.

Как отмечалось, автомобилестроение и электромашиностроение являются лидерами процесса глобализации. Тем не менее и в других отраслях японской промышленности перенос производства за рубеж принял весьма значительные масштабы. Так, на конец 2014 г. в целом

по обрабатывающей промышленности доля зарубежных предприятий в общем объеме производства японских компаний достигла 24,3%, в том числе в общем машиностроении она составила 34,2%, химической промышленности — 22,4%, цветной металлургии — 19,1%, черной металлургии — 14,5% и т.д.²⁰ И везде этот процесс сопровождался закрытием заводов, разорением мелких и средних предприятий, разрушением традиционных связей в рамках *кэйрэцу*.

Подтверждением того, насколько сильно повлияла глобализация на положение мелких и средних промышленных предприятий, может служить резкое сокращение их количества. Так, по данным японской статистики, за период 1995–2013 гг. общее число мелких и средних промышленных предприятий (с числом занятых от 4 до 299 человек) сократилось почти в 2 раза — с 384 до 205 тыс., в том числе в группе мельчайших предприятий (с числом занятых от 4 до 9 человек) — почти в 2,5 раза (с 213 до 87,5 тыс.)²¹. Поскольку в середине 1990-х годов более половины мелких и средних промышленных предприятий являлись субподрядчиками крупных компаний, можно предположить, что и среди прекративших существование предприятий их насчитывается не менее половины.

Помимо глобализации деятельности крупных компаний на судьбы вертикальных *кэйрэцу* большое влияние оказали и изменения, происшедшие за последние два-три десятилетия в технологии производства и системе обращения. Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что благодаря автоматизации производства во многих отраслях (отчасти — и в автомобилестроении) стал возможен переход к модульному типу производства, основанному на использовании стандартизированных деталей, узлов и процессов. А это значит, что относительно снизилась заинтересованность головных компаний в надежных отечественных поставщиках, поскольку производителей деталей, способных удовлетворить их требования в плане качества, цены и сроков поставки продукции, они могут найти в самых разных странах. Кроме того, быстрое распространение электронных средств связи и информации заметно изменило характер общения между головной фирмой и ее субподрядчиками. Многие виды взаимодействия между ними, требовавшие прежде личных встреч и личного общения, теперь могут осуществляться автоматически, без участия людей²².

Как было показано выше, за последние 20–25 лет тысячи субподрядчиков крупных компаний прекратили свое существование. Что же касается тех, кто остался в бизнесе, то в их судьбах обозначились два полярных направления. Одни фирмы стали искать выход из сло-

жившейся ситуации на пути обретения реальной независимости, а другие — в укреплении субподрядных отношений.

Что касается первой группы, то она представлена в основном небольшими специализированными фирмами, которые смогли разработать собственную технологию и предложить партнерам новую, оригинальную продукцию, в том числе и такую, которая может быть использована не в одной, а в нескольких отраслях.

Что же касается предприятий, решивших пойти по пути укрепления субподрядных отношений, то, *во-первых*, они постарались снизить степень риска для своего бизнеса за счет расширения круга заказчиков. *Во-вторых*, они приложили огромные усилия для роста своей конкурентоспособности в плане качества, цены и сроков поставки продукции. *В-третьих*, некоторые предприятия провели реорганизацию бизнеса на основе слияний и поглощений, в том числе с членами других *кэйрэцу*. И, наконец, *в-четвертых*, часть субподрядчиков (8–10%) наладили бизнес за рубежом (главным образом в Азии) — с целью расширения каналов сбыта, улучшения имиджа в глазах партнеров, снижения издержек (за счет дешевой рабочей силы)²³.

Таким образом, не только крупные компании, но и субподрядные предприятия осуществили действия, приведшие к сжатию и «размыванию» границ *кэйрэцу* и изменению характера внутригрупповых отношений. Однако, несмотря на все перемены, вертикальные *кэйрэцу* продолжают существовать как особая форма деловых отношений между крупным и малым бизнесом Японии. Более того, они, на наш взгляд, оказались более жизнеспособны, чем горизонтальные *кэйрэцу*, о которых шла речь в предыдущей главе. Это связано, *во-первых*, с тем, что как форма организации субподрядных отношений они по-прежнему обладают рядом преимуществ, а, *во-вторых*, с тем, что благодаря гибкости и подвижности своих организационных структур они способны быстро адаптироваться к изменениям в среде развития.

Конечно, в реальной действительности судьбы *кэйрэцу* сложились по-разному — в зависимости от характера производства головной компании, масштабов глобализации ее деятельности, степени влияния депрессии на ее финансово-экономическое положение и т.д. Какие-то из них полностью распались, другие — сильно сжались в размерах, но в целом остаются приверженными прежнему характеру внутригрупповых отношений, третьи, сохранив в своей орбите определенную часть субподрядчиков, все больше напоминают сетевую организацию, поскольку отношения между предприятиями строятся преимущественно на рыночных принципах. При этом даже в пределах одной и той же отрасли можно обнаружить прямо противоположные стратегии адапта-

ции *кэйрэцу* к изменениям в среде развития. В качестве примера можно привести *кэйрэцу* двух крупнейших автомобилестроительных компаний Японии — «Тоёта» и «Ниссан».

«Тоёта» избрала курс на укрепление единства и сплоченности своей группы и сохранение независимости от иностранного капитала. Реализация этой стратегии идет по следующим направлениям. *Во-первых*, для того чтобы исключить риск захвата иностранными компаниями наиболее значимых поставщиков, «Тоёта» увеличила свою долю в капитале нескольких компаний. Так, в начале 2000-х годов она превратила в свои дочерние компании (с долей материнской фирмы в капитале более 50%) трех крупнейших субподрядчиков — «Дайхацу», «Хино» и «Канто ото уоркс». А в 2004 г. с той же целью организовала слияние трех других поставщиков («Тоёда босоку», «Арако» и «Таканиси»), в результате которого появилась компания «Тоёта босоку», ставшая крупнейшим поставщиком полного комплекта деталей для внутренней оснастки автомобилей «Тоёта». Всего же «Тоёта» имеет долю в акциях примерно 200 поставщиков деталей первого уровня и 70 производителей оборудования²⁴.

Во-вторых, с целью повышения эффективности финансовых операций предприятий группы в июле 2000 г. «Тоёта» создала специализированную финансовую компанию «Кинью сокацу гайся» (100% ее капитала принадлежат материнской фирме), задачей которой является содействие группированным фирмам в получении финансовых ресурсов и управлении ими.

В-третьих, «Тоёта» остается верна принципу тесного сотрудничества с субподрядчиками, начиная со стадии разработки проекта. Компания по-прежнему проводит регулярные совещания представителей своих подразделений и субподрядных предприятий, на которых досконально прорабатываются вопросы, связанные с разработкой новой модели, что позволяет избегать сбоев в работе на стадии реализации проекта. С тем чтобы ускорить разработку новой модели, она продолжает принимать на стажировку специалистов из субподрядных фирм (на срок от 6 месяцев до 3 лет), которые работают бок о бок с дизайнерами и инженерами «Тоёта». Кроме того, она, как и прежде, направляет своих специалистов на субподрядные предприятия, чтобы помочь им улучшить качество и снизить издержки.

Конечно, глобализация производства не могла не повлиять на подход компании к отбору поставщиков деталей. Она теперь покупает детали не только у своих традиционных поставщиков, но и по всему миру, в том числе у крупнейших специализированных фирм. При определении цен на продукцию своих субподрядчиков «Тоёта» стала

ориентироваться на цены мирового рынка, что заставляет ее поставщиков постоянно прилагать усилия для снижения издержек. И наконец, с целью снижения издержек и получения продукции высокого качества все большее предпочтение она отдает производителям не отдельных деталей, а узлов или систем компонентов²⁵.

Очевидно, что далеко не все традиционные субподрядчики смогли соответствовать новым требованиям головной компании. За счет «отпадения» этих предприятий, а также тех, кто прекратил свою работу на головную фирму или группу в силу изменений в технологии производства, границы *кэйрэцу* «Тоёта дзидося» заметно сжались. Однако ядро группы и значительная часть примыкающих к нему субподрядчиков сохранились. А что касается отношений между головной компанией и ее поставщиками, то, по мнению японских специалистов К. Аоки и Т. Таро, в плане взаимной поддержки и преданности они стали даже крепче, чем прежде²⁶.

Совершенно другую стратегию избирает «Ниссан». Она стала примером компании, идущей по пути развала *кэйрэцу*. В немалой степени этому способствовало приобретение в 1998 г. контрольного пакета ее акций французской «Рено». Вскоре после этого на высшие управленческие должности пришли западные менеджеры во главе с К. Гоном. Разработанный новой командой «План оживления» компании, представленный в 1999 г., наряду с закрытием в Японии трех сборочных заводов и увольнением более 20 тыс. рабочих предусматривал сокращение наполовину (с 1145 до примерно 600) числа ее поставщиков. Если в 1999 г. «Ниссан» имела долю в капитале почти 1400 компаний, то к 2004 г. она избавилась от акций практически всех этих предприятий (за исключением четырех).

План К. Гона предусматривал также снижение на 20% издержек производства в течение трех лет, а основное бремя по решению этой задачи возлагал на оставшихся субподрядчиков. В этих условиях целый ряд сильных специализированных фирм сами покинули *кэйрэцу* «Ниссан». К началу текущего десятилетия постоянные тесные отношения головная компания сохранила лишь с небольшим числом наиболее важных поставщиков (порядка 190). Что же касается остальных, то с ними отношения строятся на рыночной основе, а всеми сделками занимается специально созданная «Рено» и «Ниссан» совместная компания²⁷.

Довольно сильно пострадали и *кэйрэцу* других автомобилестроительных компаний. Так же как и в случае с «Ниссан», этому в немалой степени способствовало приобретение западными компаниями крупных пакетов их акций и приход на руководящие посты западных управленцев. Так, на начало 2000-х годов «Дженерал моторз» принадлежало

49% акций «Исудзу», 20% акций «Судзуки» и 21% акций «Фудзи дзюкогё»; «Форд» владел 33,4% акций «Мазда», а «Даймлер Крайслер» — 37,3% акций «Мицубиси дзюкогё»²⁸. Под давлением своих западных акционеров практически все эти компании взяли курс на отбор поставщиков по критерию ценовой конкурентоспособности и снижение издержек за счет концентрации заказов на определенных предприятиях.

Однако, хотя эти меры действительно позволили существенно снизить издержки по поставкам деталей, по прошествии некоторого времени японские автомобильные компании вновь стали разворачиваться лицом к своим *кэйрэцу*. Оказалось, что западный путь снижения издержек имеет свои пределы и для обеспечения ценовой и неценовой конкурентоспособности в долгосрочном плане гораздо более надежен японский вариант — работа в рамках долговременных отношений с субподрядчиками над улучшением качества продукции и совершенствованием процесса производства, начиная со стадии исследований и разработок.

О возвращении японских компаний к этой практике свидетельствует, в частности, оживление работы (после многолетнего перерыва) бизнес-клубов нескольких *кэйрэцу*, объединяющих ведущих поставщиков деталей. Так, в 2005 г. вновь заработали бизнес-клубы компаний «Мазда» (180 членов), «Мицубиси» (160 членов) и даже «Ниссан» (190 членов)²⁹. Кроме того, некоторые компании («Ниссан» и «Хонда») в целях защиты наиболее важных субподрядчиков от захвата иностранцами, так же как и «Тоёта», увеличили свою долю в их капитале³⁰.

Помимо автомобилестроения *кэйрэцу* продолжают существовать и в электромашиностроении, поскольку, покупая простые стандартные детали по всему миру, в обеспечении высокотехнологичными наукоемкими деталями японские компании предпочитают иметь дело с надежными, проверенными временем отечественными поставщиками. Компания «Мацусита», например, в начале 2000-х годов приобрела полный пакет акций пяти своих наиболее важных субподрядчиков, бывших прежде независимыми членами ее *кэйрэцу*. Тогдашний президент компании К. Накамура объяснил этот шаг необходимостью снизить накал конкурентной борьбы между ними в условиях непростой экономической ситуации³¹.

Продолжают функционировать *кэйрэцу* и в других отраслях японской промышленности, прежде всего в сборочных машиностроительных производствах. Но, так же как и в автомобиле- и электромашиностроении, из-за «перешагивания» границ групп как головными компаниями, так и их субподрядчиками *кэйрэцу* «сжались» в размерах

и в значительной степени утратили свой закрытый характер. Долговременные отношения связывают теперь головные фирмы с заметно сократившимся числом субподрядчиков — прежде всего с теми, в которые они вложили значительные средства (в проведение НИОКР, повышение технического уровня, подготовку кадров) и разрыв связей с которыми обошелся бы слишком дорого.

Таким образом, претерпев существенные изменения, *кэйрэцу* как особая форма деловых отношений между крупным и малым бизнесом продолжают существовать. На наш взгляд, в той или иной форме *кэйрэцу* сохранятся и в будущем, поскольку, с одной стороны, они обладают рядом несомненных достоинств с точки зрения обеспечения конкурентных преимуществ в долгосрочной перспективе, а с другой — способны к быстрой адаптации к меняющимся условиям благодаря гибкости и подвижности своих организационных структур. Кроме того, сами отношения между сторонами в рамках *кэйрэцу*, основанные на взаимном доверии, взаимопомощи, готовности к сотрудничеству и компромиссам, — слишком японское, слишком укорененное в национальной культуре явление, чтобы быть вытесненными обычными отношениями рыночного типа.

Примечания

¹ Тюсё кигё хакусё (Белая книга по мелким и средним предприятиям). Токио, 1997. С. 147.

² Там же. С. 142.

³ Тюсё кигё хакусё. 2004. С. 18; Japanese Working Life Profile 2015/2016. Токио, Р. 48.

⁴ Кэйдзай систему-но тэнкан то тюсё кигё (Изменение экономической системы и мелкие и средние предприятия). Токио, 1995. С. 129.

⁵ Доклад профессора университета Хосэй С. Мацусима «Средний и малый бизнес Японии» на симпозиуме «Промышленные кластеры». Москва, сентябрь 2007. С. 6.

⁶ Japan's Outward FDI by Industry. URL: <http://www.jetro.go.jp/>.

⁷ Тайгай тёкусэцу тоси дзандака (тиикибэцу, гёсюбэцу) (Накопленный объем прямых зарубежных инвестиций (по регионам и отраслям). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.boj.go.jp/>.

⁸ The Motor Industry of Japan. 2016. Р. 3–5, 50–51. URL: <http://www.jama.or.jp/>.

⁹ Тайгай тёкусэцу тоси дзандака (тиикибэцу, гёсюбэцу) (Накопленный объем прямых зарубежных инвестиций (по регионам и отраслям). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.boj.go.jp/>.

¹⁰ Common Challenges, Common Future. 2016. Р. 8; Driving America's Automotive Future 2016/2017. Р. 5. URL: <http://www.jama.or.jp/>.

¹¹ The Motor Industry of Japan. 2016. P. 4.

¹² News from JAMA Asia. February 2010. Vol. 38. P. 1.

¹³ Тайгай тэкусэцу тоси дзандака (тиикибэцу, тёсюбэцу) (Накопленный объем прямых зарубежных инвестиций (по регионам и отраслям). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.boj.go.jp/>.

¹⁴ JEMA 2015 Electrical Machinery Industry in Japan. P. 59. URL: <http://www.jema-net.or.jp/eng>.

¹⁵ JEITA 2015 Exports and Imports of Electronics from Japan; 2017 Production Forecasts for the Global Electronics and Information Technology Industries. JEITA 2016. P. 3–6. URL: <http://www.jeita.or.jp/japanese>.

¹⁶ Кавамура Тэцудзи. Гуробару кэйдзай сита-но Амэрика никкэй кодзё (Японские предприятия в Америке в условиях глобальной экономики). Токио, 2005. С. 64.

¹⁷ The Motor Industry of Japan. 2016. P. 4.

¹⁸ JEITA 2015 Exports and Imports of Electronics from Japan; 2017 Production Forecasts for the Global Electronics and Information Technology Industries. JEITA 2016. P. 3–6. URL: <http://www.jeita.or.jp/japanese>.

¹⁹ Лебедева И. П. Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX — начало XXI в.). М., 2007. С. 137–138.

²⁰ Кайгай дзигё кацудо (Деятельность зарубежных предприятий). МЭТП, 2015. С. 16. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.meti.go.jp/>.

²¹ Тюсё кигё хакусё (Белая книга по мелким и средним предприятиям). Токио, 2016. С. 593.

²² Lincoln J. R., Masahiro Shimotani. Wither the Keiretsu, Japan's Business Networks? // IRLE Working Paper. 188-09. September 2009. P. 25.

²³ Лебедева И. П. Указ. соч. С. 139–141.

²⁴ Aoki K., Taro T. The New Improved Keiretsu // Harvard Business Review. September 2013; Lebo R. Keiretsu for a new age. World Finance. 2012. June 26.

²⁵ Aoki K., Taro T. The New Improved Keiretsu // Harvard Business Review, September 2013.

²⁶ Ibid. К этому выводу они пришли по результатам полевого исследования, в ходе которого были организованы 39 визитов на заводы «Тоёта» и 192 визита на предприятия ее субподрядчиков.

²⁷ Тоё кэйдзай. 23.03.2002. С. 22; Уэхара Осаму. Гуробару сэнряку тэтацу кэйэй (Управление поставками в рамках стратегии глобализации). Токио, 2010. С. 90–91.

²⁸ Кэйдзай. 2002. № 11. С. 72.

²⁹ Асахи симбун. 26.06.2005.

³⁰ Lincoln J. R., Masahiro Shimotani. Op. cit. P. 27.

³¹ Ibid. P. 28.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЯПОНСКИХ КОМПАНИЙ

Обычно, говоря о системе управления японских компаний, имеют в виду прежде всего систему управления трудом, получившую название пожизненного найма. Пожизненный найм действительно является главным и наиболее экзотическим элементом японской системы управления, сформировавшимся под сильным влиянием национальной культуры. Однако, на наш взгляд, влияние культуры на систему управления не ограничивается лишь пожизненным наймом, а проявляется и в других фундаментальных характеристиках японских компаний. И прежде чем говорить о системе пожизненного найма, остановимся на некоторых, наиболее важных из них.

В первую очередь следует отметить, что вследствие различий в культуре и менталитете на Западе и в Японии сложились довольно разные взгляды на то, что представляет собой компания и как она должна управляться. Согласно неоклассическому подходу, распространенному в западных странах, компания — это некая организационная единица с определенным набором функций, которая, используя различные факторы производства (сырье, материалы, оборудование, рабочую силу и т.д.), производит конкурентоспособную продукцию. В краткосрочном плане она стремится к получению максимальной прибыли, а в долгосрочной перспективе — к повышению рыночной стоимости, т.е. к росту курса акций. Владельцами компании де-юре и де-факто являются акционеры, которые, вкладывая в нее свои деньги, с одной стороны, принимают на себя ответственность за результаты ее деятельности, а с другой — получают право направлять и контролировать ее. Менеджеры и другие работники нанимаются по контрактам, которые могут быть расторгнуты по желанию (или по требованию) одной из сторон. Вся система управления компанией должна быть подчинена достижению главной цели — обеспечению интересов акционеров, т.е. выплате им высоких дивидендов. На этих исходных положениях покоится теория и практика менеджмента в Западной Европе и США¹.

Принципиально иные взгляды сложились в Японии. Причем, как замечает известный японский экономист Аоки Масахико, различия между западными странами и Японией столь существенны, что японские студенты, изучающие теорию фирмы в ее неоклассическом варианте, разработанном в основном американскими учеными, испытывают весьма противоречивые чувства в отношении многих ее положений².

Ключевым пунктом расхождений во взглядах является вопрос о том, кто является собственником компании или кому она принадлежит. Если в западных странах собственниками компании считаются ее акционеры, то в Японии полагают, что, хотя де-юре владельцами компании являются ее акционеры, фактически она принадлежит также ее менеджерам и работникам. Вместе с акционерами они рассматриваются как три составные части компании или три субъекта ее деятельности. Более того, долгое время среди обычных граждан бытовали представления, что работники компании (не говоря уже о менеджерах) — это не только составная часть компании, но и часть более важная, чем акционеры³.

Подобные представления уходят корнями в Средневековье, во времена Эдо, когда в стране начали возникать первые предприятия капиталистического типа и стали закладываться основы нынешней системы управления компаний. С самого начала своего возникновения японские компании стали функционировать не просто как производственные единицы, а как некие социальные группы, члены которых разделяют общие взгляды и ценности. Эти взгляды и ценности покоились на представлениях, что компания подобна традиционной японской семье — *из*, все члены которой трудятся сообща на благо всей семьи, соблюдая при этом характерные для *из* нормы и правила взаимоотношений. Так, отношения между хозяином и работниками воспроизводили отношения *оябун—кобун* (между отцом и детьми), отношения между работниками разных возрастов — линию *сэмпай—кохай* (старший—младший). При этом, как и в *из*, в компании-семье следовало избегать конфликтных ситуаций, стремиться к *ва* (гармонии), быть готовым поступиться собственными интересами ради общего дела и руководствоваться принципом *гири* (долг), т.е. платить вниманием и добротой в ответ на проявленные заботу и внимание⁴.

В послевоенный период представления о компании-семье получили практически повсеместное распространение. В стране шла быстрая индустриализация, миллионы людей покидали деревни и перебирались в города. Этот процесс сопровождался постепенным ослаблением в системе социальных связей японцев роли родственников и земляческих уз и, напротив, возрастанием значения связей и отношений, складывавшихся между людьми в процессе их трудовой деятельности.

Для облегчения адаптации огромных масс людей к новым условиям работы и жизни компании стремились в трудовых отношениях воспроизводить те черты и принципы взаимодействия, которые для вчерашних деревенских жителей были наиболее естественны и привычны, т.е. принципы *изэ*. Воплощение этих принципов в системе управления, безусловно, вело к повышению социального статуса наемных работников и способствовало закреплению представлений об их равноправном, если не более важном, чем акционеров, положении в компании.

Кроме того, упрочению позиций менеджеров и работников в японских компаниях и снижению роли акционеров способствовали коренные изменения, которые произошли в послевоенный период в структуре акционерной собственности страны. В 1949 г., когда после реформ, направленных на демополизацию экономики и разукрупнение собственности, вновь заработала японская биржа, 68% акций, допущенных к обращению, были приобретены индивидуальными инвесторами. Однако в дальнейшем все большая доля акций стала оседать в портфелях институциональных инвесторов, прежде всего банков и нефинансовых корпораций, в том числе связанных между собой системой перекрестного владения акциями. В результате к середине 1980-х годов уже $\frac{3}{4}$ всего акционерного капитала страны находились на руках институциональных инвесторов, в то время как физическим лицам принадлежала лишь $\frac{1}{4}$ ⁵. Эти сдвиги означали, что функция владения капиталом все больше отделялась от функции управления им, что объективно способствовало ослаблению позиций акционеров.

Из расхождений в вопросе о собственниках компании проистекает и ряд других принципиальных различий между японской и западной моделью управления, начиная со статуса и задач высшего менеджмента и кончая особыми отношениями между менеджерами и рядовыми работниками. Поскольку основной задачей высших менеджеров в западных компаниях является обеспечение интересов акционеров, все их усилия направлены на получение максимальной прибыли на капитал, чтобы, с одной стороны, иметь возможность выплатить высокие дивиденды, а с другой — создать основу для повышения рыночного курса акций в перспективе. А поскольку дивиденды выплачиваются поквартально или дважды в год, они вынуждены делать все возможное, чтобы обеспечить высокий уровень прибыльности даже на квартальном уровне. Очевидно, что это значительно ограничивает их возможности и в оперативном управлении, и в стратегическом планировании.

В японских же компаниях центр тяжести усилий высшего менеджмента перенесен с обслуживания интересов акционеров на обеспечение условий для стабильного развития компании. Будучи избавлены от повседневных забот о получении максимальной прибыли, менед-

жеры здесь обладают намного большей свободой действий, чем их западные коллеги. Это позволяет им сосредоточиться на решении задачи более широкого плана — сохранения, а по возможности и увеличения доли компании на рынке.

При этом, если в западных компаниях (прежде всего американских) высшие менеджеры — это нанимаемые «со стороны» профессионалы, которые в любой момент могут быть уволены по решению собрания акционеров или представляющего их органа, то в японских компаниях до последнего времени они были представлены в основном «людьми компании», т.е. теми, кто прошел в ней весь путь от рядового служащего до высшего управленца и пользуется безусловным доверием и авторитетом. В японских компаниях именно президент и совет директоров принимают все ключевые решения, в то время как собрание акционеров играет в основном формальную роль.

Тот факт, что высший менеджмент японских компаний более свободен не только в оперативном управлении, но и в выработке стратегии развития, благоприятно сказывается на их адаптационных возможностях. Так, большинство японских компаний не колеблясь отходит от поставленных прежде целей, если того требуют обстоятельства, причем даже радикальное изменение курса не приводит к смене руководства. В западных же компаниях, прежде всего американских, смена стратегии развития, как правило, сопровождается отставкой высшего менеджмента⁶.

Другая отличительная черта японских компаний — «ушербные» позиции их акционеров. Это проявляется не только в их слабом влиянии на принятие решений, но и в особом подходе компаний к выплате дивидендов. Если на Западе размер дивидендов тесно увязан с прибылью и одна из основных целей менеджмента состоит в их увеличении, то японские менеджеры, озабоченные прежде всего финансовым обеспечением развития компании, осуществляют их выплату по «остаточному принципу». Конечно, чтобы показать рынку, что все обстоит благополучно, японские компании также регулярно выплачивают дивиденды, но обычно их размер составляет фиксированный процент от номинальной стоимости акций и не зависит от уровня прибыли.

Помимо отмеченных выше особых представлений японцев о собственниках и субъектах деятельности компании, проведению такой политики способствовали и происшедшие в послевоенный период изменения в структуре акционерства, о которых говорилось выше. Ведь институциональные инвесторы, в руки которых к середине 1980-х годов перешло $\frac{3}{4}$ акционерного капитала страны, приобретали акции не для получения дивидендов, а с целью упрочения деловых отношений с парт-

нерами. Напомним, что значительная часть акционерного капитала страны была представлена перекрестными акциями, что предполагало взаимный отказ компаний от какого-либо давления на партнера с целью увеличения дивидендов. Что же касается индивидуальных акционеров, то они вынуждены были мириться с такой практикой, поскольку в любой крупной компании значительно уступали по мощи юридическим лицам и не могли оказывать какого-либо влияния на ее политику.

В этой связи интересно отметить, что если выплата дивидендов в японских компаниях осуществляется по «остаточному принципу», то выплата бонусов работникам, напротив, придается первостепенное значение. Бонусы выплачиваются дважды в год, и их размеры напрямую увязываются с размерами прибыли.

Японская культура оказала влияние и на такую сторону системы управления, как функции и положение в компаниях менеджеров среднего уровня. Этот уровень представлен главным образом начальниками или управляющими отделениями, на которых возложено оперативное руководство. Во многих японских компаниях отделения функционируют как «центры прибыли». Это означает, что их менеджеры пользуются свободой при принятии оперативных решений, но одновременно несут ответственность за обеспечение должного уровня рентабельности. В этом плане функции японских управленцев среднего звена мало чем отличаются от тех, что возлагаются на их западных коллег.

Однако одновременно японские менеджеры решают еще одну чрезвычайно важную задачу — обеспечение благоприятного психологического климата, достижение гармонии и согласия в коллективе. И для того чтобы стать менеджером среднего звена в японской компании, нужно обладать не только соответствующим образованием и профессиональными знаниями, но и чертами характера, вызывающими доверие и уважение коллег и подчиненных.

Так же как и высшие менеджеры, управленцы среднего уровня — это в основном «люди компании». Это значительно облегчает их задачу по гармонизации отношений в коллективе, так как, продвигаясь по служебной лестнице, они усваивают те самые неформальные или негласные нормы и правила, в соответствии с которыми и строятся взаимоотношения между людьми в японских фирмах. Разумеется, для обеспечения гармонии в компании с этими нормами и правилами должны быть знакомы не только менеджеры, но и рядовые работники. Это достигается путем организации различных форм обучения персонала, а также использованием ротации, о чем подробнее мы будем говорить ниже.

Поскольку в японском обществе с его эгалитарным сознанием не поощряются слишком явные различия в положении отдельных лиц

в группе, для достижения взаимопонимания с подчиненными менеджеры всячески избегают демонстрации своего более высокого статуса и, напротив, стараются подчеркнуть свою близость к рядовым работникам. Поэтому в японских компаниях нет отдельных столовых для менеджеров, их кабинеты ничем не отличаются от других служебных помещений, фирменная одежда проста и скромна. Здесь не существует также выделенных стоянок для автомобилей начальства, все работники паркуются на равных условиях. Конечно, во всех компаниях есть отличающиеся богатым интерьером комнаты для переговоров с деловыми партнерами, президент и председатель совета директоров имеют в своем распоряжении престижные служебные машины с водителем, высшие менеджеры носят дорогие костюмы, пользуются аксессуарами престижных марок и т.д. Но все эти «атрибуты власти» служат не символом особого положения, а средством убеждения партнеров в благополучии и надежности компании.

Далее, в отличие от западных компаний, где производственные проблемы обычно решаются путем вызова работников в кабинеты начальства, японский менеджмент исповедует так называемый принцип *гэмбасюги* (решения проблем на месте). При возникновении каких-либо проблем не работники вызываются в начальственные кабинеты, а, наоборот, менеджеры и специалисты идут в цеха к рабочим, подчеркивая тем самым свое уважение к ним и их мнению.

Важно также отметить, что по сравнению с западными фирмами в японских компаниях разрыв между оплатой труда управленцев и рядовых работников выглядит весьма скромно. И если средняя заработная плата японских рабочих вполне сопоставима с доходами их американских коллег, то жалование японских менеджеров существенно ниже, чем у американских.

Наглядной иллюстрацией особенностей японской идеологии управления может служить пример, который приводят в своей знаменитой книге «Кайся. Японские корпорации» американские исследователи Дж. Абегглен и Дж. Сток. Когда японская компания вследствие каких-либо финансовых затруднений вынуждена прибегнуть к сокращению заработной платы, то высший менеджмент начинает с урезания жалования себе и среднему управленческому звену и только после этого приступает к переговорам с профсоюзом о снижении заработной платы рядовым работникам. В американских же компаниях в таких случаях прежде всего выделяется кто-либо из высших управленцев для переговоров с профсоюзными лидерами о сокращении зарплаты рядовых работников, и, если ему удастся добиться успеха, он награждается солидной премией⁷.

Неудивительно, что подобная политика японского менеджмента рождает в ответ готовность рядовых работников разделить с ним бремя риска и ответственности, вместе пройти через трудности. Это проявляется, в частности, в том, что ни один профсоюз не выдвигает требований о повышении зарплаты работников в трудные для компании времена. В ответ на это «понимание» менеджмент обычно идет на существенное повышение зарплаты работникам после выхода из сложной ситуации.

Еще одной отличительной чертой японской системы управления, также сформировавшейся под влиянием национальной культуры, является подход к разделению сфер ответственности и принятию решений.

Общеизвестно, что в отличие от западных компаний, где сферы личной ответственности, вменяемой работникам (или их служебные обязанности), четко обозначены, в японских фирмах виды работ разделены нестрого, границы личной ответственности расплывчаты, и обычно она возлагается не на конкретного работника, а на группу. В этом плане японская компания унаследовала черты традиционной семьи *из*, где все работали сообща, помогая друг другу и заменяя друг друга.

Однако, как отмечают японские специалисты, разграничение сфер прав и ответственности кажется иллюзорным или нечетким только сторонним наблюдателям. Сами же работники прекрасно понимают место каждого в организации благодаря негласным правилам, существующим в каждой компании. Эти правила они усваивают в ходе обучения, перемещения на другие рабочие места, продвижения по службе. По мнению японских специалистов, нечеткость формального разграничения сфер прав и ответственности облегчает японским компаниям приспособление к изменениям во внешней среде, делает их более гибкими и подвижными по сравнению с западными фирмами, обремененными четко фиксированными правами и обязанностями работников⁸.

С «иллюзорностью» организационного устройства японских компаний тесно связаны и особенности процесса принятия решений. Следует отметить, что японскую модель принятия решений отличают три главные характеристики: их выработка идет по линии снизу вверх; она основана на принципе разделения риска и ставит своей целью достижение консенсуса между всеми заинтересованными сторонами путем многочисленных переговоров и консультаций.

Свое наиболее полное воплощение японская модель принятия решений нашла в системе *ринги*. Так называется письменный документ с предложениями по тому или иному вопросу, подготовленный менеджером в одном из низовых звеньев и направляемый по цепочке снизу вверх. *Ринги* должен получить одобрение ответственного лица на каждом уровне управленческой иерархии, что подтверждается подписями или печатями соответствующих менеджеров. Если ответственные лица на каком-либо

уровне обнаруживают в *ринги* недостатки, то возвращают его исполнителю с соответствующими замечаниями. Последний должен либо убедительно отклонить эти возражения, либо переписать *ринги* заново.

Исполнители готовят *ринги* очень тщательно. Обычно, прежде чем он составляется, проводятся многочисленные неофициальные обсуждения рассматриваемого вопроса со всеми заинтересованными лицами, получившие название *нэмаваси* (буквально «пересаживание корней»). Например, если отделение НИОКР вносит предложение о выходе на рынок с новым продуктом, то вначале его управляющий должен согласовать это предложение с главами смежных отделений. Отделение продаж при этом должно представить информацию о деятельности других компаний на этом рынке и определить тенденции потребительского спроса, производственное — возможные объемы производства и поставщиков деталей, обеспечить расчет издержек и т.д. После согласования все эти вопросы излагаются в *ринги* по определенной схеме и упорядочиваются для удобства чтения и восприятия.

Если *ринги* получает одобрение в штаб-квартире, то заложенные в нем идеи уже в форме решений высшего менеджмента по обратной цепочке сверху вниз доводятся до низовых звеньев. Процедура прохождения *ринги* занимает довольно много времени, но принятые по нему решения выполняются очень быстро, так как каждый исполнитель заранее определяет для себя круг своих задач.

Очевидно, что выработка решений на основе консенсуса имеет своим неизбежным следствием распыление ответственности за их результаты. Понятно, что при положительных результатах это не имеет столь важного значения, как в случае негативных последствий. Теоретически ответственность за неудачу должен нести инициатор предложения (хотя бы за то, что недостаточно тщательно провел процедуру *нэмаваси*). Но поскольку окончательный вариант — это результат консенсуса, она распределяется между всеми участниками (причем мера ответственности каждого отдельного лица никогда не устанавливается).

С точки зрения западных управленцев, японская система принятия решений и установления ответственности за их исполнение представляется неэффективной и нерациональной. Однако, с точки зрения самих японцев, она, хотя и имеет некоторые недостатки (такие, например, как ориентация на инициативу низшего слоя управленцев или рядовых работников при относительной пассивности служащих более высоких рангов), обладает и несомненными достоинствами. Она обеспечивает достижение гармонии в коллективе, так как при положительных результатах позволяет всем приобщиться к плодам сотрудничества, а при отрицательных — никому не дает «потерять лицо», что для японцев смерти подобно⁹.

Перейдем теперь к особенностям управления трудом в японских компаниях, т.е. к системе пожизненного найма. Ее главная цель — привить работникам чувство принадлежности к компании, сопричастности к ее делам, заинтересованности в ее успехах. О том, какое важное значение менеджмент японских компаний придает управлению трудом, можно судить по высказыванию одного из патриархов японской системы управления, основателя всемирно известной фирмы «Мацусита дэнки» Мацусита Коносукэ. В одном из своих многочисленных интервью он сказал: “Мацусита дэнки” — это компания, которая создает людей. Кроме того, она выпускает электротовары»¹⁰.

Хотя система пожизненного найма произросла из японской культуры, из всех тех норм и правил социального поведения, которые японцы усваивают сначала в семье, а затем в школе, как система управления трудом она складывалась постепенно, путем проб и ошибок, исходя из практического опыта взаимодействия менеджмента и работников, иногда принимавшего и конфронтационный характер. Японская культура лишь создала предпосылки для возникновения системы пожизненного найма, а сам процесс ее формирования шел под влиянием разного рода факторов — экономических, социальных, политических. Одни ее элементы появились раньше, другие — позже, но как целостная система она сформировалась лишь к концу 1960-х годов, т.е. к завершению периода высоких темпов роста.

Система пожизненного найма состоит из семи элементов, неразрывно связанных между собой:

- одновременный наем новой рабочей силы из числа выпускников школ и университетов;
- интенсивное внутрифирменное обучение;
- регулярное повышение оплаты труда и передвижение на другие виды работ и должности;
- рационализаторское движение (малые группы, кружки контроля качества и т.д.);
- гарантии занятости до достижения работником предельного возраста пребывания в фирме;
- пофирменные профсоюзы и система консультаций между работниками и менеджментом;
- единый подход к управлению персоналом (в отношении и синих, и белых воротничков)¹¹.

Рассмотрим более подробно, как работает эта система.

Прежде всего, следует отметить, что «пожизненный наем» — название условное, поскольку в действительности речь идет не о всей жизни человека, а только о трудовой. Термин «пожизненный» призван

подчеркнуть долговременный характер найма: поступив в компанию в молодом возрасте, работники остаются в ней вплоть до увольнения по возрасту (в 60–65 лет), т.е. в среднем около 40 лет. В обмен на гарантии долговременной занятости со стороны компании работник принимает на себя обязательство добросовестно трудиться, быть преданным компании, посвятить ей всю свою трудовую жизнь. Важно отметить, что эти взаимные обязательства никогда не фиксируются в контрактах, а представляют собой негласные соглашения между сторонами, заключаемые в момент поступления работника в компанию. При этом гарантии долговременной занятости даются только тем работникам, которые приняты на места постоянного персонала¹².

Специфика такой системы управления трудом закладывается еще на стадии найма, поскольку подходы японских компаний к найму рабочей силы значительно отличаются от тех, что существуют на Западе. Западные компании, как известно, нанимают новых работников с тем, чтобы заполнить конкретные вакансии. Японские же компании заполняют конкретные вакансии за счет работников, которые уже трудятся в компании, в соответствии со схемами их служебного продвижения. А наем новых работников преследует другие цели — обеспечить потребности компании в рабочей силе на перспективу¹³.

С этим подходом связана еще одна особенность — на условиях пожизненного найма японские фирмы нанимают только нигде прежде не работавшую молодежь: выпускников школ — на рабочие специальности, а выпускников вузов — на места специалистов и управленцев. При этом в отличие от западных компаний, для которых главным критерием отбора является квалификация работника, японские фирмы интересуют весь комплекс его личных качеств (социальная адаптированность, восприятие традиционных японских ценностей, коммуникабельность, готовность служить компании и т.д.).

Отбором будущих работников занимается отдел кадров — важнейшее подразделение в японских компаниях. Здесь работают в высшей степени квалифицированные и опытные специалисты, поскольку цена ошибки слишком высока — ведь речь идет о найме человека на всю его трудовую жизнь. Сам отбор осуществляется в форме экзаменов и собеседований и проходит в несколько этапов, первый из которых начинается задолго до окончания будущими претендентами учебных заведений. Еще в 1960-х годах крупные компании заключили соглашение о том, что отбор кандидатов они будут начинать в одни и те же сроки с тем, чтобы никто не имел преимуществ в борьбе за лучших выпускников. При этом и сам наем новых работников происходит во всех компаниях одновременно — все новички приступают к работе 1 апреля, на которое приходится начало финансового года в Японии.

С практикой найма тесно увязана система увольнений. В Японии существует институт так называемого предельного возраста пребывания работника в компании. Ежегодно одновременно с наймом новичков происходит принудительное увольнение сотрудников, которые достигли предельного возраста пребывания в фирме. Характерно, что институт предельного возраста подкреплён и японскими законами о труде. Так, в 1998 г. на основании специального закона он был повышен с прежних 55 до 60 лет¹⁴. Увольнение работников по достижении предельного возраста является для японских компаний, по сути, единственным способом сократить рост издержек на труд (в условиях повозрастной заработной платы), а также избавиться от неэффективных работников, которых в силу особенностей японского законодательства практически невозможно уволить по другим причинам.

Что же касается новичков, то с приходом в компанию они сразу включаются в систему внутрифирменного обучения. Японские менеджеры убеждены, что подготовить нужного работника может только сама компания. Этим и объясняется тот факт, что при найме на работу квалификация работника не имеет первостепенного значения. В каждой крупной японской компании существует система внутрифирменного обучения — в форме ученичества, с отрывом и без отрыва от производства, в форме академических курсов и т.д., которая и готовит работников нужного профиля и нужной квалификации. Поскольку эта система требует огромных затрат, очевидно, что она оправдывает себя только при условии длительного пребывания работника в компании. Лишь в этом случае он может полностью реализовать приобретенные знания и опыт и компенсировать тем самым расходы компании на его обучение.

Для расширения навыков и повышения квалификации работников используется система ротации, т.е. периодической смены рабочих мест. Этот процесс далеко не механический. За каждым работником постоянно наблюдает его начальник, оценивая и анализируя его возможности и достижения. В форме отчетов эти оценки поступают в отдел кадров, где после тщательного анализа и принимается решение о переводе работника на новое рабочее место. Все эти перемещения также происходят одновременно — 1 апреля.

Для разных категорий работников установлена различная периодичность ротации, но она может сильно различаться и в пределах одной и той же категории (год, три года, пять лет). В отношении рабочих перевод на новое место рассматривается как способ преодоления рутинности и монотонности труда, как путь к расширению профессиональных знаний, к формированию так называемого универсального рабочего. Помимо перемещения по горизонтали ротация для рабочих

предусматривает и передвижение по вертикали — от рабочего до бригадира, мастера, начальника участка.

Что же касается сотрудников с высшим образованием, то уже в первые годы пребывания в компании, по результатам наблюдений начальников, их делят на две группы — управленцев и специалистов. Дальнейшее их продвижение происходит уже в разных областях: инженеры и разработчики занимаются исследованиями и опытно-конструкторскими работами, а управленцы — администрированием. При этом и те и другие перемещаются и по горизонтали, и по вертикали служебной лестницы. Наиболее способные и трудолюбивые быстрее поднимаются вверх, менее ретивые дольше задерживаются на нижних ступенях. Но с той или иной скоростью вверх поднимаются все, и это — важный рычаг повышения трудовой мотивации персонала.

Ротация выполняет и еще одну важную функцию — она предоставляет менеджменту возможность исправить просчеты, которые могли быть допущены при найме работника. Поскольку в соответствии с гарантиями долговременной занятости (святая святых системы пожизненного найма) работник не может быть уволен до достижения предельного возраста пребывания в фирме, необходимо найти ему место, наиболее соответствующее его возможностям и способностям. С целью минимизации ущерба от ошибок при найме японские компании иногда даже создают для совсем никчемных работников чисто декоративные должности (например, поливальщика цветов). Однако такие случаи носят исключительный характер, а в целом система найма, внутрифирменного обучения и продвижения работников работает как хорошо отлаженный механизм.

Система пожизненного найма связана с целым комплексом мер материального стимулирования работников. Как отмечалось выше, одним из элементов системы является регулярное повышение оплаты труда. Японская система заработной платы получила название «повозрастной» (*нэнко дзёрэцу*), поскольку оклад увеличивается по мере повышения возраста работника. Величина заработной платы зависит при этом от двух основных показателей — количества отработанных лет (трудового стажа) и результатов труда. Понятно, что при гарантиях долговременной занятости количество отработанных работником лет напрямую связано с его возрастом. Но характерно, что возраст работника оказывает определяющее влияние и на оценку результатов его труда.

Дело в том, что в отличие от западных компаний, где принято увязывать оценку результатов труда работника со степенью выполнения им производственных заданий, японские компании оценивают не конкретные результаты, а процесс труда в целом. Во внимание принимаются профессиональная квалификация работника, его дисциплинированность, участие в рационализаторском движении, заинтересован-

ность в делах компании, ответственность, готовность к сотрудничеству с другими членами коллектива и т.д. Поскольку все эти составляющие приобретаются и накапливаются в процессе внутрифирменного обучения и ротации, японский менеджмент полагает, что чем старше работник, тем большую ценность он представляет для компании, что и сказывается на оценке его труда. Такой подход к оплате труда вполне соответствует и национальному менталитету, поскольку, согласно конфуцианской этике, старший по возрасту умнее и опытнее, чем молодой, хотя бы потому, что дольше живет на свете.

«Повозрастная» заработная плата стала эффективным инструментом стимулирования работников, повышения их лояльности и преданности компании, поскольку она оказалась тесно увязана с их жизненными потребностями, т.е. со стоимостью благ и услуг, которые необходимы в разные периоды жизни. Так, очевидно, что разумные потребности неженатого молодого человека меньше, чем потребности женатого человека в зрелом возрасте. Поэтому наименьшую заработную плату японцы получают при поступлении на работу, а наиболее высокую — в возрасте 50–55 лет, когда они обычно приобретают собственный дом и дают высшее образование детям.

Помимо заработной платы (на которую приходится порядка 80–85% расходов компаний на оплату труда) работники получают и другие виды материального вознаграждения. Дважды в год в японских компаниях выплачиваются бонусы (премиальные). Их размеры напрямую зависят от прибыли компании и в периоды хорошей конъюнктуры могут достигать четырех-пяти месячных заработков. Практика выплаты бонусов связана со старым обычаем, существовавшим еще в феодальной Японии. Феодалы, а также хозяева лавок и ремесленных мастерских обязаны были дарить своим слугам и работникам подарки к Новому году и Обон (Дню поминовения усопших, отмечаемому 15 августа). В первые десятилетия Мэйдзи этот обычай был воспроизведен сначала на текстильных фабриках, где работали в основном крестьянские девушки, а затем в ходе бурного развития японского капитализма получил практически повсеместное распространение. (Наряду с обещанием дважды в год делать подарки работницам хозяева фабрик, как и в старой Японии, брали обязательство обеспечивать их жильем и питанием, а иногда даже устраивать для них развлечения.)

Кроме того, когда работник достигает предельного возраста пребывания в компании (60–65 лет) и подлежит принудительному увольнению, ему выплачивается выходное пособие, которое исчисляется путем умножения его месячного заработка на число лет, проработанных в компании. Нетрудно подсчитать, что если к моменту наступления предельного возраста месячный заработок работника составляет

в среднем порядка 5 тыс. долл., то размеры выходного пособия могут достигать 200–220 тыс. долл.

Таким образом, ежемесячная заработная плата обеспечивает текущие потребности работника и его семьи, бонусы используются для приобретения дорогостоящих товаров (например, автомобилей), а выходные пособия помогают решить оставшиеся проблемы (прежде всего жилищные), а также служат важным подспорьем в старости. Поскольку выходные пособия составляют весьма крупные суммы, в японских банках предусмотрены должности консультантов, помогающих пожилым японцам выбрать способы их наиболее эффективного использования.

Наконец, в течение всей своей трудовой жизни работники японских компаний получают разного рода надбавки к заработной плате, которые имеют целью частично компенсировать их затраты на те или иные нужды (на семью, оплату жилья, приобретение керосина для обогрева дома и т.д.). Конечно, размеры этих добавок невелики, но у работника создается впечатление, что ни одна из его насущных жизненных потребностей не ускользает от внимания компании. Кроме того, некоторые крупные компании имеют собственные дома и предоставляют сотрудникам дешевое жилье, помогая им быстрее накопить средства на покупку дома или квартиры, организуют поездки по стране, проводят разного рода спортивно-оздоровительные мероприятия и т.д.¹⁵

Все это рождает в работнике чувство благодарности к компании, делает его глубоко заинтересованным в ее делах, т.е. повышает трудовую мотивацию. Этому же служит и высокий статус рядовых работников, и единый подход менеджмента к управлению персоналом в отношении и белых, и синих воротничков.

Наглядным подтверждением высокой трудовой мотивации работников японских фирм является широкое распространение в стране рационализаторского движения. Оно известно под разными названиями — «кружки контроля качества», «малые группы», «группы бездефектного производства» и т.д. Все эти кружки и группы работают по одной схеме — в форме добровольного участия рядовых сотрудников во вне рабочее время в обсуждении различных производственных проблем с целью улучшения качественных характеристик продукции, повышения эффективности расходования сырья, материалов и энергии, более рационального использования оборудования и т.д. Теоретически рационализаторское движение должно вести к росту производительности труда и образованию избытка рабочей силы, т.е. чревато увольнениями работников. Для предотвращения развития такого сценария как раз и применяются гарантии долговременной занятости, а пофирменные профсоюзы (объединяющие и синих, и белых воротничков дан-

ной компании) и комитеты, состоящие из представителей профсоюзов и менеджмента, служат для урегулирования разного рода проблем, возникающих в этой сфере. И то и другое возникло из практического опыта взаимодействия работников и менеджмента, часто принимавшего весьма острые формы. Пофирменные профсоюзы начали формироваться на крупных предприятиях примерно к середине 1950-х годов, после жарких баталий первого послевоенного десятилетия, когда и работники, и менеджмент осознали, насколько разрушительна конфронтация для обеих сторон, и начали конструктивно взаимодействовать. В результате в обмен на предоставление работникам гарантий долговременной занятости и повышение статуса синих воротничков менеджмент получил лояльную рабочую силу, готовую участвовать в модернизации экономики, а затем и в масштабных амбициозных проектах, выведших страну в мировые лидеры¹⁶.

Таким образом, как было показано выше, японская система управления, и прежде всего система управления трудом, отличается значительным своеобразием. Она формировалась постепенно, одни ее элементы возникли раньше, другие позже, при этом главной ее чертой является опора на нормы и правила, выработанные национальной культурой. Благодаря этому работники воспринимают такую систему управления как разумную и справедливую, что имеет решающее значение для ее эффективного функционирования.

О том, насколько сильно система управления японских компаний укоренена в национальной культуре, свидетельствует и тот факт, что нигде в мире японскому менеджменту не удалось применить ее в полном объеме. Под влиянием особенностей местной среды и культуры во всех странах и регионах, где расположены японские филиалы, сформировались гибридные системы управления разной конфигурации. Какие-то страны оказались более восприимчивы к одним элементам японской системы, какие-то — к другим. Есть элементы (например, деятельность малых групп), которые не смогли прижиться ни в одной стране, включая и наиболее близкие к Японии в культурно-историческом отношении государства Восточной Азии. Оценки степени аппликативности японской системы на зарубежных филиалах, рассчитанные по специальной методике японскими специалистами, в среднем несколько превышают три балла (из пяти возможных). Это означает, что местные гибридные системы немногим более чем наполовину состоят из японских элементов и немногим менее чем наполовину — из местных¹⁷. Иными словами, в силу своей национальной специфичности японская система управления не может быть в полном объеме внедрена в чужеродной среде.

Что же касается экономической эффективности системы пожизненного найма, то необходимыми условиями ее поддержания являются, *во-первых*, постоянное обновление рабочей силы за счет притока молодежи и, *во-вторых*, относительно высокие темпы роста производства. Первое условие необходимо для недопущения старения рабочей силы и сдерживания роста издержек на труд, а второе — для обеспечения ежегодного повышения заработной платы работников. Однако с начала 1990-х годов в экономике и обществе начали происходить изменения, которые в существенной степени подорвали эти основы эффективности системы пожизненного найма.

Как известно, с начала 1990-х годов японская экономика вступила в полосу затяжной депрессии, которая продолжалась почти два десятилетия. Среднегодовые темпы роста ВВП снизились с 4% в 1980-е годы до 1,5% в 1990-е годы и менее 1% в 2000—2010-е годы. Наряду с банковской системой в особенно тяжелом положении оказалась промышленность страны, где система пожизненного найма получила наибольшее распространение.

Кроме того, к началу 1990-х годов в Японии завершился период «демографического бонуса», когда численность трудоспособного населения (от 15 до 64 лет) по меньшей мере вдвое превышает численность зависимых лиц (до 15 и старше 65 лет), и начался процесс довольно быстрого старения населения. Система пожизненного найма, основанная на постоянном обновлении возрастного состава сотрудников за счет молодой рабочей силы, столкнулась с заметным сокращением ее предложения. Так, число выпускников высшей ступени средней школы, которые заполняли места синих воротничков, сократилось с 1 млн 770 тыс. в 1990 г. до 1 млн 88 тыс. в 2013 г., т.е. почти на 700 тыс. человек. Что же касается выпускников университетов, то неблагоприятные изменения в возрастной структуре населения были компенсированы за счет быстрого возрастания среди выпускников школ доли продолжавших образование в университетах (с 30% в 1990 г. она поднялась до 52—54% в первой половине 2010-х годов). Благодаря этому число выпускников университетов, в 1990 г. составлявшее порядка 400 тыс. человек, к 2000 г. достигло почти 540 тыс. и в последующие годы оставалось практически неизменным (540—560 тыс.)¹⁸.

Естественным результатом демографических изменений стало старение рабочей силы: за 2000—2013 гг. в общей численности занятых количество лиц в возрасте от 15 до 34 лет сократилось почти на 5 млн, а число лиц старше 35 лет увеличилось на 4 млн 200 тыс. человек. И если в 2000 г. люди моложе 34 лет составляли около $\frac{1}{3}$ рабочей силы страны (21,2 млн из общей численности 64,5 млн), то в 2013 г. — лишь пятую часть (16,2 из 63,8 млн)¹⁹.

Как же работает система пожизненного найма в новых реалиях? Вопрос об изменениях, происходящих в последние два десятилетия в этой системе, и о том, какое влияние это оказывает на японское общество, будет рассмотрен в следующей главе.

Примечания

¹ *Takashi Araki*. Changes in Japan Practice-Dependent Stakeholder Model and Employee-Centered Corporate Governance // *Corporate Governance and Managerial Reform in Japan*. N.Y., 2009. P. 222–251.

² *The Economic Analysis of Japanese Firm*. N.Y., 1984. P. 3.

³ *The Annals of the School of Business Administration*. Kobe University. 1990. No 34. P. 27–28.

⁴ *Adhikari D. R.* National Factors and Employment Relations in Japan. JILPT, Tokyo, 2005. P. 62–65.

⁵ *Ballon R., Tomita I.* The Financial Behavior of Japanese Corporations. Tokyo, 1988. P. 108.

⁶ *Hasegawa Keitaro*. Japanese-Style Management. Tokyo, 1986. P. 57.

⁷ *Abegglen J., Kaisha S. G.* The Japanese Corporations. Tokyo, 1987. P. 192.

⁸ *The Annals of the School of Business Administration*. Kobe University. 1990. No 34. P. 32–33.

⁹ *Hasegawa Keitaro*. Op. cit. Ch. 3.

¹⁰ РНР. Мацусита Коносукэ кэнкю. 1998, осенний выпуск. С. 39.

¹¹ *Chiaki Moriguchi*. Japanese-Style Human Resource Management and Its Historical Origins // *Japan Labor Review*. Summer 2014. Vol. 11. No 3. P. 61.

¹² Ibid. P. 59.

¹³ *Матрусова Т. Н.* Особенности управления трудом в японских фирмах // *Экономика Японии* / Отв. ред. И. П. Лебедева, И. Л. Тимонина. М., 2008. С. 391.

¹⁴ *Conrad H.* From Seniority to Performance Principle: The Evaluation of Pay Practices of Japanese Firms since the 1990s // *Social Science Japan Journ.* 2010. Vol. 13. No 1. P. 130.

¹⁵ На русском языке о системе пожизненного найма см.: *Матрусова Т. Н.* Особенности управления трудом в японских фирмах // *Экономика Японии* / Отв. ред. И. П. Лебедева, И. Л. Тимонина. М., 2008. С. 385–401; *Она же*. Своеобразие системы мотивационного управления персоналом // *Японский феномен*. М., 1996. С. 139–149 и другие работы автора.

¹⁶ *Chiaki Moriguchi*. Op. cit. P. 70–71.

¹⁷ Подробно см.: *Лебедева И. П.* Глобализация японского промышленного производства. М., 2012. Гл. 3.

¹⁸ Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. Statistics. URL: www.mext.go.jp/.

¹⁹ Нихон токэй нэнкан (Статистический ежегодник Японии). 2017. Табл. 19.3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.stat.go.jp/.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЖИЗНЕННОГО НАЙМА И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Как отмечалось в предыдущей главе, в наиболее полном виде (т.е. с использованием всех элементов материального и морального стимулирования работников) система пожизненного найма применялась в крупных частных компаниях (где охватывала и белых, и синих воротничков) и в государственных учреждениях. Однако и все другие предприятия, в том числе и мелкие, для того чтобы повысить свою привлекательность в глазах персонала, стремились применять эту систему в той или иной степени, распространяя ее принципы на определенных сотрудников (например, только на белых воротничков) или используя отдельные ее элементы в отношении всех работников. Поэтому в действительности сфера влияния системы пожизненного найма выходила далеко за пределы области ее прямого применения (т.е. крупных частных компаний и государственных учреждений) и в большей или меньшей степени охватывала практически весь контингент постоянных работников. Напомним, что в конце 1980-х годов порядка 80% всех трудившихся по найму японцев относились к категории постоянных работников.

Широта сферы влияния системы пожизненного найма, соответствие ее принципов особенностям национального менталитета и национальной культуры предопределили тот факт, что она стала не просто моделью управления японских компаний, а основой, на которой и вокруг которой формировался образ жизни и система ценностей нескольких послевоенных поколений японцев.

На наш взгляд, можно выделить по меньшей мере пять направлений воздействия этой системы на ценностные ориентиры японского общества.

Во-первых, поскольку вплоть до середины 1980-х годов (т.е. до принятия Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу) система пожизненного найма распространялась почти исключительно на мужчин, она способствовала закреплению за ними роли добытчиков средств, кормильцев семьи, а следовательно, и упрочению их главенствующего положения в семье и обществе.

Во-вторых, поскольку предоставляемые работникам гарантии долговременной занятости предполагали в ответ их готовность взять на себя довольно обременительные обязательства (например, соглашаться на продолжительный рабочий день и сверхурочные работы, на укороченный отпуск, на ротацию с переводом в другой город и т.д.), система пожизненного найма способствовала закреплению гендерного разделения ролей в семье (по принципу «муж — на работе, жена — дома»).

В-третьих, под влиянием системы пожизненного найма значительно повысился престиж образования в японском обществе. Так, уже к 1990 г. доля выпускников средних школ, продолживших обучение в школе высшей ступени, поднялась до 95%, а среди окончивших высшую ступень средней школы доля поступивших в университеты достигла 24% среди юношей и 37% среди девушек (в последующие годы эти показатели продолжали повышаться и в 2015 г. составили соответственно 98,5, 52,1 и 56,9%)¹.

Это было связано с особенностями практики найма, а именно с тем, что на условиях пожизненного найма на работу принимались только «свежие» (т.е. не имевшие опыта работы) выпускники школ (на места синих воротничков) и университетов (на должности белых воротничков). Как правило, чем престижнее было учебное заведение, тем выше были шансы у его выпускников устроиться в известную, крупную фирму. При этом происходило постепенное снижение роли социального происхождения в доступе к хорошему образованию и, напротив, повышение значения личных усилий, личных достижений учеников.

В-четвертых, система пожизненного найма оказала сильное влияние на формирование ценностных ориентиров японской молодежи, предложив ей в качестве модели жизненного успеха карьеру *сараримана* (*salary man*), т.е. постоянного работника крупной компании или государственного учреждения. Чтобы стать *сарариманом*, нужно было закончить один из престижных университетов, а для того, чтобы успешно пройти через «экзаменационный ад» и стать студентом, необходимо было проявлять усердие и упорство в учебе, используя возможности не только школьного, но и различных видов внешкольного образования.

Преодолев систему отбора и поступив на работу в крупную компанию или государственное учреждение, молодой человек попадал в осо-

бый мир — мир стабильной работы и предсказуемой жизни. Условия пожизненного найма гарантировали ему продвижение по служебной лестнице и повышение заработной платы на долгие годы вперед, благодаря чему он и его семья получали возможность планировать свое будущее и последовательно реализовывать жизненные планы. На практике эта модель оказалась доступна весьма широкому кругу молодежи. Среди юношей, закончивших школу в 1976–1985 гг., смогли стать *сарариманами* по окончании университета более 30%, а среди выпускников 1986–1995 гг. — соответственно 40%. В оба этих периода еще около четверти молодых людей смогли в той или иной степени реализовать «японскую мечту», получив работу белых воротничков в средних и мелких фирмах². Следует также иметь в виду, что на карьере, подобную карьере *сараримана*, могли рассчитывать и синие воротнички — работники крупных компаний и даже часть рядовых сотрудников мелких и средних фирм.

Наконец, *в-пятых*, система пожизненного найма сыграла важную роль в формировании в Японии «общества среднего класса». Как известно, с конца 1960-х годов порядка 90% японцев стали относить себя к среднему классу, имея в виду при этом не только свое материальное положение, но и социальный статус. Очевидно, что такие черты системы пожизненного найма, как придание рядовым работникам высокого статуса в компании, стремление менеджмента сгладить различия в положении белых и синих воротничков, акцент при определении карьерного роста на оценке личного усердия и личных качеств работника и т.д., внесли значительный вклад в превращение японского общества в «общество удивительного равенства возможностей и результатов»³.

При этом быстрое увеличение доходов работников японских компаний в период высоких темпов роста (1955–1972) и стабильное их возрастание в последующие два десятилетия создали материальную базу для формирования «общества среднего класса». Для абсолютного большинства японских семей стал доступен образ жизни, который в довоенные годы могли себе позволить лишь избранные. А именно: муж зарабатывал деньги, жена занималась домашним хозяйством, растила двоих-троих детей, причем быстрое распространение различной бытовой техники и массовая автомобилизация делали домашний труд все менее обременительным, а жизнь домохозяек все более комфортной⁴.

Однако, как отмечалось в предыдущей главе, с начала 1990-х годов в Японии начали происходить изменения, которые подорвали основы экономической эффективности системы пожизненного найма. *Во-первых*, страна вступила в период глубокой, продолжительной депрессии, последствия которой не преодолены и до сих пор, а *во-вторых*,

началось быстрое старение населения, а следовательно, и рабочей силы. Как же функционировала система пожизненного найма в новых условиях? Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на неблагоприятные изменения в среде развития японских компаний, система пожизненного найма в целом устояла и значительная часть японских компаний продолжает придерживаться принципов, лежащих в ее основе.

Это тем более примечательно, что другие традиционные элементы японской системы управления претерпели заметные изменения. Так, в результате проведенной в конце 1990-х годов либерализации финансовой системы произошел переход компаний от косвенного финансирования (банковских кредитов) к прямому (через рынок ценных бумаг). Это не только привело к ослаблению особых отношений между компаниями и банками, но и вынудило менеджмент усилить внимание к поддержанию курсов акций и повышению рыночной стоимости компании. Следствием этого стало некоторое укрепление прежде «ущербных» позиций акционеров, возрастание их роли в принятии решений, усиление внимания менеджмента к обеспечению их интересов, в первую очередь в отношении размеров дивидендов. Изменения коснулись прежде всего компаний, существенная доля акций которых находится в руках иностранных инвесторов (последним принадлежит сейчас около 28% акционерного капитала страны)⁵. Заметные перемены произошли в области деловых отношений. В сложных условиях 1990–2000-х годов и компании, и банки начали избавляться от акций партнеров, в результате чего снизилось значение перекрестного акционерства как основы, цементирующей деловые отношения. Из-за изменений в горизонтальных и вертикальных *кэйрэцу* (см. гл. 11 и 12) долговременные, стабильные отношения с деловыми партнерами утратили свою прежнюю ценность, сфера их применения сжалась, уступив место обычным рыночным отношениям и т.д.

Однако что касается пожизненного найма, то, как свидетельствуют результаты проведенных в разные годы опросов, японские компании в целом сохраняют приверженность этой системе и, прежде всего, ее основному принципу — гарантиям долговременной занятости персонала. Так, например, согласно одному из исследований, проведенных во второй половине 2000-х годов, почти 70% японских компаний считали, что долговременный наем должен охватывать как можно большее число работников, а еще 21% полагали, что он должен применяться, но по отношению к ограниченному контингенту сотрудников⁶. А проведенный в 2007 г. опрос менеджеров, ответственных за планирование и управление трудовыми ресурсами, показал, что 60% из них считали работников не просто важной частью компании, но более значимой, чем ее индивидуальные и институциональные инвесторы⁷.

О том, что система пожизненного найма смогла устоять в сложных условиях 1990–2000-х годов, свидетельствуют и данные табл. 1, показывающие, насколько широко распространена в Японии практика долговременных отношений между работниками и компанией.

Таблица 1

Доля сотрудников в возрасте 50–59 лет с более чем 20-летним стажем работы в одной и той же компании, 2009 г. (%)

Размеры компании (число занятых)	Продолжительность работы			
	20–24 года	25–29 лет	более 30 лет	всего
1000 чел. и более	4,0	5,1	66,3	75,4
100–999 чел.	6,0	6,9	40,0	52,9
10–99 чел.	8,9	7,9	21,0	37,8
5–9 чел.	10,3	9,8	22,9	43,0

Источник: Naohiro Yashiro. Myths about Japanese Employment Practices // Contemporary Japan Journal of the German Institute for Japanese Studies. 2011. Vol. 23. No 2. P. 136.

Обращает на себя внимание тот факт, что, как и прежде, гарантии долговременной занятости предоставляются работникам не только крупнейших, крупных и средних компаний, но даже и мелких фирм, хотя, естественно, не в таких значительных масштабах.

Возникает естественный вопрос — каким же образом в условиях сложной экономической конъюнктуры и неблагоприятных сдвигов в возрастной структуре рабочей силы японским компаниям удалось сохранить систему пожизненного найма? Очевидно, что для этого им необходимо было прежде всего предпринять меры, которые позволили бы не допустить резкого роста издержек на рабочую силу. Будучи связаны моральными обязательствами перед работниками, которые уже были наняты на условиях пожизненного найма (т.е. не имея возможности их уволить), для недопущения роста издержек на труд японские компании предприняли следующие меры:

- ограничили прием на работу на условиях гарантированной занятости выпускников школ и университетов;
- резко расширили использование различных форм непостоянной занятости;
- усилили в системе оплаты труда акцент на элементах, которые позволили бы придать повозрастной заработной плате большую гибкость.

Что касается ограничения найма «свежих» выпускников, то если в 1990 г. получить место постоянного работника смогли 81% из них, то в 2000 г. — 55,8%, в 2010 г. — 60,8%, в 2015 г. — 67,3%⁸. Одновременно и сам отбор претендентов стал более строгим. Прежде японские компании, целиком полагаясь на систему внутрифирменного обучения в подготовке нужных кадров, при отборе выпускников оценивали прежде всего не уровень их знаний, а такие качества, как мотивация к труду, позитивный подход, жизнестойкость, коммуникабельность и т.д. Однако в условиях глобализации, ведущей к обострению конкуренции на международных рынках и внутри страны, они стали обращать все большее внимание на уровень академической подготовки претендентов с тем, чтобы они как можно быстрее могли включиться в работу.

Параллельно с сокращением найма молодежи на постоянную работу происходило быстрое нарастание масштабов использования различных форм непостоянной занятости — частично занятых, работающих по контрактам, временных работников и т.д. Так, доля непостоянных работников в общем числе занятых, в 1990 г. составлявшая 20,2%, повысилась до 37,4% в 2015 г., а численность лиц данной категории за эти годы возросла с 8 млн 810 тыс. до 19 млн 800 тыс., т.е. более чем удвоилась. Доля же постоянных работников снизилась соответственно с 79,8 до 62,6%, а их численность, достигшая пиковых значений — 38 млн 135 тыс. человек — в 1997 г., к 2015 г. сократилась до 33 млн 130 тыс. человек, или на 13%⁹.

При этом произошел не просто количественный рост категории непостоянно занятых, но и качественное изменение ее состава, прежде всего за счет притока молодежи. За 10 лет — с 2006 по 2015 г. — доля молодых людей (в возрасте от 15 до 34 лет) в общей численности непостоянных работников возросла с 17 до 26,2%, а их число увеличилось с 2 млн 850 тыс. до 5 млн 190 тыс., или на 82%. Число же молодых людей, имеющих постоянную работу, напротив, сократилось за эти годы с 15 млн 890 тыс. до 10 млн 180 тыс., или на 36%¹⁰.

С точки зрения социальных последствий, о которых речь пойдет ниже, особое значение имеет резкое повышение доли непостоянно занятых в группе 20–24-летних японцев. Притом, что в целом среди молодежи эта доля составляет немногим более $\frac{1}{3}$, в этой группе она достигает почти 40% среди юношей и 45% среди девушек. Поскольку в эту группу входит молодежь, завершившая образование и вышедшая на рынок труда, видно, насколько сложнее стало нынешним молодым людям найти постоянную работу по окончании школы или университета. И это относится не только к девушкам, но и к юношам, которые всегда имели преимущества при устройстве на постоянную работу.

Более того, что касается студентов, то сам поиск ими работы (по-японски этот процесс называется *сюсёку кацудо*), который они обычно начинают во втором семестре третьего года обучения, настолько усложнился и стал поглощать так много сил и времени, что это стало негативно сказываться на качестве образования. В последнее десятилетие проблема приобрела столь острый характер, что в 2013 г. Федерация экономических организаций Японии (Ниппон Кэйданрэн), объединяющая порядка 1300 крупнейших компаний, пересмотрела Хартию о корпоративной этике в области найма и занятости и приняла новые правила. Начиная с 2016 г. публичная деятельность компаний по найму должна начинаться с 1 марта (в самом конце третьего года обучения), а реальный процесс отбора (интервью и проч.) — не раньше 1 августа (в середине четвертого курса). При этом процесс отбора, который раньше занимал шесть месяцев, теперь должен длиться не более двух месяцев и заканчиваться к 1 октября¹¹.

Следует отметить, что резкое расширение масштабов непостоянной занятости было связано не только со стремлением японских компаний сдерживать рост издержек на труд. Этому способствовали по меньшей мере еще два обстоятельства. *Во-первых*, процесс сервисизации японской экономики, в том числе быстрое развитие рынка индивидуальных услуг, что создает объективные предпосылки для расширения использования гибких форм найма. *Во-вторых*, изменение самого характера труда в связи с переходом японской экономики в стадию постиндустриального развития. С одной стороны, продолжают существовать виды труда, требующие специальных профессиональных знаний и постоянного повышения квалификации, а с другой — появились виды работ, для выполнения которых достаточно следовать инструкциям и повышения квалификации не требуется. Очевидно, что для выполнения первого вида работ компаниям нужны постоянные работники, а во втором случае вполне пригодными оказываются и различные формы непостоянной занятости¹².

Эти процессы происходят во всех развитых странах, и везде они сопровождаются ростом доли непостоянных работников в структуре занятости. Но нигде в мире нет таких резких различий между постоянными и непостоянными работниками, как в Японии. Так, по данным министерства здравоохранения, труда и благосостояния за 2014 г., если среди постоянных работников страхованием по безработице, пенсионным страхованием и страхованием здоровья охвачены практически 100%, то среди непостоянно занятых — 67,7, 54,7 и 52% соответственно. Выходное пособие получают 80,6% постоянных работников и только 9,6% непостоянных, а бонусы — соответственно 86,1 и 31%. Доступ

к системе внутрифирменного обучения и к обучению с отрывом от производства имеют 62,2 и 74,2% постоянных работников и 31,1 и 34% непостоянно занятых. Наконец, уровень часовой оплаты труда по категории частично занятых (т.е. работающих менее 35 часов в неделю) для мужчин составляет 53,5% от показателя постоянных работников, а для женщин — 48,4%¹³.

К этому следует добавить и глубокий водораздел между этими двумя категориями с точки зрения социального статуса. Он сложился под влиянием системы пожизненного найма, благодаря которой статус постоянного работника с гарантиями продвижения по службе и повышения заработной платы на долгие годы вперед стал восприниматься в обществе как несомненная ценность, а статус непостоянного работника с нестабильной занятостью и низкой оплатой труда означает гораздо более низкое положение.

Что касается третьей меры — изменений в системе заработной платы, — то она преследовала две цели: ослабить давление на издержки на труд прогрессирующего старения рабочей силы и сгладить «повозрастной» характер заработной платы с тем, чтобы он не «гасил» мотивацию молодых работников. С этой целью во многих компаниях была введена оценка результатов труда (*сэйсэкию*). И сейчас в большинстве японских компаний базовая зарплата работника определяется с учетом трех элементов: занимаемой должности или квалификации (*сёкунокю*), тесно связанного с ней возраста (*нэнрэйкю*) и результатов труда (*сэйсэкию*)¹⁴. При этом при оценке квалификации компании все больше принимают во внимание ее «полезность» для выполнения конкретной работы, а не просто объем знаний и навыков, накопленных работником, поскольку из-за быстрых технологических изменений последние могут оказаться морально устаревшими.

В результате «крутизна» шкалы повышения заработной платы по мере увеличения стажа значительно уменьшилась по сравнению с 1990-ми годами. Так, если в 1990 г. по категории «постоянные работники с высшим образованием» заработная плата 50-летнего служащего превышала заработную плату 22-летнего новичка в 5 раз, то в 2015 г. — уже только в 2,4 раза. По категории «постоянные работники со средним образованием» разница в зарплате 50-летнего рабочего и 18-летнего новичка в 1990 г. составляла 4,9 раза, а в 2015 г. — 2,5 раза¹⁵.

Таким образом, благодаря изменениям в структуре занятости и нововведениям в системе заработной платы японским компаниям удалось сохранить пожизненный наем как основу всей системы управления. Однако предпринятые меры, прежде всего сокращение найма выпускников учебных заведений на места постоянных работников

и расширение использования непостоянно занятых, привели к появлению довольно болезненных социальных проблем. В первую очередь они коснулись японской молодежи.

Как отмечалось выше, трудоустройство в качестве постоянного работника сразу по окончании учебы долгое время было главной целью для большинства японцев, поскольку такой старт гарантировал спокойную, стабильную и обеспеченную жизнь. Подобные представления весьма широко распространены и сейчас. Об этом свидетельствуют и данные опросов, и сохранение ожесточенной конкуренции в сфере образования — за поступление в лучшие школы и наиболее престижные университеты. О том, что, несмотря на все перемены на рынке труда, непостоянная занятость, как и прежде, воспринимается в Японии как некое отклонение от нормы, свидетельствует, например, позиция министерства здравоохранения, труда и благосостояния. В обследованиях рынка труда, проводимых министерством, «стандартным работником» называется тот, кто «был принят на предприятие сразу после окончания учебного заведения и будет работать на нем продолжительное время»¹⁶.

Притом, что момент окончания учебного заведения и устройства на работу продолжает быть очень значимым, возможности получения постоянной работы, как было показано выше, существенно сократились. Особую остроту этой проблеме придает то обстоятельство, что в силу особенностей политики найма японских компаний (предпочтение «свежих» выпускников) вероятность получить в будущем постоянную работу для тех, кто не смог это сделать сразу по окончании учебы, невысока. Так, например, в 2013 г. постоянную работу получили примерно $\frac{2}{3}$, а непостоянную — соответственно $\frac{1}{3}$ «свежих» выпускников японских школ и вузов. Что же касается тех, кто не смог трудоустроиться сразу после выпуска и не работал в течение года, то среди них лишь $\frac{1}{3}$ получили постоянную работу, а $\frac{2}{3}$ — непостоянную¹⁷.

С учетом сложной ситуации в сфере молодежной занятости Консультационный совет при министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологий настоятельно рекомендовал предпринимателям изменить подходы к найму выпускников. А именно: всех молодых людей рассматривать как «чистые листы» в течение трех лет после окончания учебного заведения и при найме на работу подходить к ним так же, как и к выпускникам, только что завершившим образование. Будут ли эти рекомендации воплощены в жизнь — покажет время.

Очевидно, что сокращение возможностей трудоустройства на постоянную работу для выпускников привело к определенной эрозии отлаженного за долгие годы механизма транзита «учебное заведение — компания», а следовательно, и к подрыву доверия к системе образо-

вания как инструменту, поддерживающему социальную мобильность и стабильность. Связь между успехами в учебе и успешной карьерой уже перестала быть столь очевидной, как прежде.

Конечно, это не означает, что значение образования в системе ценностей японского общества снизилось: для большинства граждан оно по-прежнему остается одним из важнейших жизненных приоритетов. Но очевидно, что нарушение транзита «учебное заведение — компания» не могло не привести к исчезновению у части молодежи стимулов к учебе, к определенному обесцениванию огромных моральных и физических усилий (не говоря уже о финансовых затратах), которые прилагают и сами молодые люди, и их родители для получения доступа к хорошему образованию. Это проявляется, в частности, в том, что параллельно со снижением доли выпускников, сумевших устроиться на постоянную работу, происходит уменьшение и доли молодых людей, желающих получить работу сразу по окончании учебного заведения. Так, в 2015 г. среди выпускников университетов доля желающих сразу устроиться на работу составила 74% среди девушек и 67,7% среди юношей, среди выпускников специальных профессиональных школ — соответственно 62 и 62%, среди девушек, окончивших двухгодичные колледжи, — 81,3%¹⁸.

Еще одним следствием новой ситуации в сфере найма стала все большая поляризация японской молодежи, разделение ее на две части, резко различающиеся между собой по образу жизни, уровню доходов, социальному статусу, представлениям о будущем и т.д. С одной стороны, есть счастливчики, которые смогли устроиться на постоянную работу со всеми прилагающимися к ней гарантиями и могут рассчитывать на такую же спокойную, размеренную, предсказуемую жизнь, которая была обеспечена их родителям (таких, по данным за 2015 г., насчитывалось порядка 10 млн 200 тыс.). С другой стороны, из года в год растет армия тех, кто оказался за пределами системы постоянной занятости и вынужден довольствоваться различными вариантами непостоянной работы (в 2015 г. их насчитывалось около 5 млн 200 тыс.)¹⁹.

Не имеющую постоянной работы молодежь в Японии называют *фритерами* (*Freeters* — комбинация английского *Free* и немецкого *Arbeiter*) и дают ей следующее определение: *фритеры* — это молодые люди обоих полов в возрасте от 15 до 34 лет, не являющиеся учащимися или студентами учебных заведений или домохозяйками (в случае замужних женщин) и работающие на непостоянной основе²⁰.

Состав *фритеров* чрезвычайно разнообразен, но в целом их можно разделить на три подгруппы:

- так называемые паразитирующие одиночки (*parasite singles* — термин, введенный в конце 1990-х годов известным японским социо-

- логом Ямада Масахиро), т.е. молодые люди, работающие лишь время от времени, проживающие совместно с родителями и зависящие от них в удовлетворении своих повседневных потребностей;
- молодые люди (многие — с высшим образованием), которые не хотят опутывать свою жизнь ограничениями и обязательствами, налагаемыми работой на постоянной основе, и рассчитывают реализовать себя в таких сферах, как искусство, театр, мультипликация, компьютерные игры и т.д.;
 - «*фритеры* поневоле» — те, кто пытался найти постоянную работу сразу по окончании учебы, но потерпел неудачу и вынужден довольствоваться работой на непостоянной основе.

Еще более необычной для Японии группой молодежи, появившейся в 1990–2000-е годы, стали так называемые *нитто*, или *NEETs* (*not in Education, Employment or Training*). Согласно определению министерства здравоохранения, труда и благосостояния, *нитто* — это молодые люди в возрасте от 15 до 34 лет, которые ничем не заняты — ни учебой, ни работой, ни профессиональной переподготовкой. Их насчитывается порядка 600 тыс.²¹

В этой среде сформировалась также особая подгруппа молодежи — так называемые *хикикомори*, что в переводе с японского означает «затворники». *Хикикомори* — это молодые люди, которые избегают контактов с внешним миром, предпочитают проводить время дома (преимущественно — в своей комнате), погружаясь в виртуальный мир *манга*, *аниме*, компьютерных игр и т.д. По данным министерства здравоохранения, труда и благосостояния, в Японии насчитывается порядка 260 тыс. семей, где есть дети, ведущие образ жизни *хикикомори*²².

Разделение японской молодежи на постоянных и непостоянных работников привело к ее поляризации не только по уровню доходов, но и по статусу. Причем особенно остро эти различия проявляются среди мужчин. Дело в том, что и сейчас в Японии символом мужественности и зрелости молодого человека остается *сарариман*. Его мужественность проявляется в том, что он преодолевает трудности, решителен и целеустремлен, обладает развитым чувством долга, а зрелость — в способности соответствовать ожиданиям общества и умении сочетать их со своими целями и желаниями²³. Очевидно, что *фритеры* — полная противоположность этим представлениям. Частая смена ими работы (особенно под предлогом, что она не нравится), отсутствие четких жизненных целей воспринимаются как показатель слабого характера, незрелости, проявление эгоизма и безответственности по отношению к семье и обществу.

Пока *фритеры*-мужчины молоды, им многое прощается (их часто называют «взрослые дети»). Ближе к 30 годам многие из них пытаются изменить образ жизни и найти стабильную работу, но далеко не всем это удастся. И по мере взросления они начинают все острее ощущать свое несоответствие принятым в обществе критериям и оценкам. Напомним, что на формирование этих критериев и оценок огромное влияние оказала именно идеология пожизненного найма.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы — это влияние, которое система пожизненного найма и происходящие в ней изменения оказывают на положение японских женщин, включая вопросы семьи, брака и рождаемости.

Как отмечалось выше, в период 1960—1980-х годов система пожизненного найма значительно отразилась на положении женщин на рынке труда и в обществе в целом, а также способствовала формированию определенной модели семьи, которая долгое время была доминирующей. Так, распространяя гарантии долговременной занятости только на мужчин, она тем самым «выталкивала» женщин в сферу непостоянной занятости, т.е. априори ставила их в неравное положение с мужчинами с точки зрения статуса, уровня доходов и возможностей профессионального роста. Те немногие женщины, которым по окончании университета удавалось получить место постоянного работника, выполняли в основном обычную офисную работу (*иппансёку*), которая не предполагала повышения квалификации и профессионального роста.

Несмотря на значительные перемены, происшедшие в японском обществе за последние десятилетия, система пожизненного найма продолжает сказываться на самых разных сторонах жизни женщин. Прежде всего, следует отметить, что под влиянием таких факторов, как повышение уровня образования, облегчение домашнего труда, желание улучшить финансовое положение семьи и т.д., в целом участие женщин в экономической жизни общества постепенно возрастает. Причем все больше японок выходит на рынок труда в поисках полноценной работы, а не временных подработок, как это было прежде. В последние годы среди женщин трудоспособного возраста работали уже почти 65%. Хотя по этому показателю Япония все еще уступает другим развитым странам (например, в США и Германии он составляет 70%, Канаде — 75%, в скандинавских странах — около 80%), разрыв постепенно сокращается²⁴.

Но главные различия между Японией и другими развитыми странами касаются характера и степени участия женщин в трудовой деятельности. Так, если в Японии контуры графика, отражающего степень трудовой активности женщин разных возрастных категорий, напоми-

нают букву «М» с провалом, приходящимся на возрастную группу 25–39 лет (с долей работающих женщин около 70%), то в других развитых странах они напоминают спину лошади (с долей работающих женщин в той же возрастной группе 75–90%)²⁵.

Очевидно, что эти различия сложились под влиянием системы пожизненного найма и порожденных ею стереотипов. Так, японский рынок труда по-прежнему остается гораздо более благожелательным к мужчинам, чем к женщинам. Несмотря на вступление в силу в 1985 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу, во всех возрастных категориях доля мужчин, работающих на условиях постоянной занятости, существенно превышает соответствующий показатель для женщин. Так, если среди мужчин в возрасте 25–60 лет доля постоянных работников в общем числе работающих по найму составляет 80–90% и практически не меняется вплоть до наступления предельного возраста (60 лет), то в отношении женщин ситуация выглядит иначе. Достигнув пика (более 60%) в возрастной когорте 25–29 лет, после 30 лет доля постоянно занятых среди женщин начинает непрерывно снижаться. По данным за 2015 г., в возрастной категории 30–34 года она составила 55%, 35–39 лет — 49%, 40–59 лет — 40–42%²⁶. Это означает, что многие японки не только оставляют постоянную работу сразу после рождения ребенка (сейчас средний возраст рождения первого ребенка — 30 лет), но и не возвращаются на свои прежние должности даже после того, как дети подрастут.

При этом, как и прежде, большинство женщин, получивших постоянную работу (порядка 80%), заняты *иппансёку*, т.е. простой работой, не предполагающей регулярного повышения квалификации и карьерного роста (в отличие от *согосёку* или общей работы, предназначенной в основном для мужчин).

О неравенстве возможностей мужчин и женщин в плане профессионального роста свидетельствуют данные табл. 2, характеризующие гендерные различия в степени возрастания заработной платы.

Поскольку, как отмечалось выше, увеличение заработной платы в японских фирмах тесно увязано с повышением квалификации работника, более умеренный ее рост для женщин означает, что они в целом вынуждены довольствоваться более скромной, чем мужчины, профессиональной карьерой. При этом изменения, происшедшие в системе пожизненного найма, еще больше усугубили ситуацию.

Во-первых, структурные сдвиги на рынке труда (резкое расширение масштабов найма на непостоянную работу и сужение границ постоянной занятости), а также разного рода реорганизации компаний затронули в первую очередь именно женщин. В частности, довольно

Таблица 2

**Разница между начальной и максимальной заработной платой
по трем категориям постоянных работников
(заработная плата работников в возрасте 20–24 года = 100)**

Категории работников	С высшим образованием	Со средним специальным образованием	Со средним образованием
Мужчины	(50–54 года) 246	(55–59 лет) 212	(50–59 лет) 180
Женщины	(50–54 года) 190	(50–59 лет) 145	(45–49 лет) 124

Источник: Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide). 2012. P. 7. URL: <http://www.mhlw.go.jp/>.

широкое распространение приобрела практика замены постоянных работников временными в сфере *иппансёку* — традиционной вотчине женщин. Во-вторых, усиление акцента на квалификацию в системе оплаты труда постоянных работников еще больше удерживает женщин от возвращения на прежнее место работы, поскольку время отпуска по уходу за ребенком, отрывая их от системы повышения квалификации в рамках внутрифирменного обучения, наносит ощутимый ущерб карьерному росту.

Однако неравенство возможностей для профессионального роста — не главная проблема, с которой сталкиваются японские женщины, работающие на условиях постоянной занятости. Гораздо более серьезным вызовом для них является вопрос о замужестве и рождении ребенка. С одной стороны, за последние годы здесь произошли заметные изменения: так, практика увольнения женщин с работы сразу после замужества в основном осталась в прошлом, и все большее число женщин продолжают работать и после свадьбы. Но что касается рождения ребенка, то здесь изменений почти не наблюдается. Как отмечалось выше, после 30 лет доля женщин, работающих на условиях постоянной занятости, начинает снижаться и больше уже не возвращается на прежний уровень.

Это означает, что значительное число японок добровольно или вынужденно выбирают образ жизни, который косвенно или прямо навязывает им система пожизненного найма, а именно — работу на условиях непостоянной занятости, уход с работы после рождения ребенка, занятие домашним хозяйством и воспитанием детей, материальную зависимость от мужа. Что же касается женщин, которые стремятся реализовать свои знания и способности и сделать карьеру, то, подчиняясь жестким условиям пожизненного найма, они вынуждены либо вообще отказываться от замужества и рождения детей, либо переносить эти события на возможно более поздние сроки.

Доля молодых женщин, не состоящих в браке, начала быстро возрастать в Японии с конца 1980-х годов. Если в 1980 г. в браке не состояли 24% японок в возрасте 25–29 лет, 9,1% — в возрасте 30–34 года и 5,5% — в возрасте 35–39 лет, то к 2010 г. картина резко изменилась: в возрастной когорте 25–29 лет доля незамужних женщин достигла 60,3%, в когорте 30–34 года — 34,5%, а в когорте 35–39 лет — 23,1%²⁷. За эти же годы произошло заметное повышение среднего возраста японок, впервые вступающих в брак, — с 25,2 года в 1980 г. до 29,4 года в 2014 г., а следовательно, и возраста рождения первого ребенка: соответственно с 26,4 до 30,6 года. Наконец, в 1990–2000-е годы продолжалось начавшееся еще раньше снижение показателя фертильности, и в 2014 г. он составил всего лишь 1,42, т.е. оказался одним из самых низких в группе высокоразвитых стран²⁸.

Характерно, что эти явления происходят на фоне в целом весьма положительного отношения молодых японок и японцев к институту брака, не говоря уже об известной всему миру любви японцев к детям. Так, в отличие от западных стран, где в результате усиливающейся диверсификации жизненных стилей и предпочтений как женщин, так и мужчин все большее распространение получают гражданские браки с частой сменой партнера, рождение детей вне брака, сознательный отказ от рождения детей супружескими парами и т.д., т.е. происходит определенная эрозия семейных ценностей и прежней модели семьи, в Японии общество остается весьма консервативным в этом отношении. Феминистские движения, сексуальная революция и диверсификация жизненных стилей, конечно же, распространились и на Японию, но их влияние здесь незначительно. Например, лишь 1% детей в Японии рождаются вне брака, а доля гражданских браков составляет всего 2% от общего числа семейных пар. При этом, по опросам, абсолютное большинство молодых японок и японцев (86,3% мужчин и 89,4% женщин) хотели бы выйти замуж или жениться²⁹.

Понятно, что такие явления, как резкий рост доли молодых незамужних женщин, перенос на более поздние сроки замужества и рождения ребенка, снижение показателя фертильности, возникли под влиянием не только системы пожизненного найма, но и целого ряда других факторов. Это и повышение уровня материальных и духовных запросов молодежи, и возрастание доли молодых людей, обучающихся в университетах и аспирантуре, и уменьшение численности населения, и неблагоприятные изменения в его возрастной структуре и т.д.

Тем не менее «вклад» пожизненного найма вполне очевиден. Например, наибольшая доля незамужних женщин отмечается среди обладательниц университетских дипломов, у которых больше шансов

устроиться на постоянную работу и реализовать свои знания и способности³⁰. Об этом же говорят и резкие различия в показателях фертильности между работающими и неработающими замужними женщинами: если в первой группе он составляет всего лишь 0,6, то во второй — 2,2 и практически не меняется на протяжении последних десятилетий³¹. Кроме того, из-за сокращения возможностей трудоустройства на постоянную работу молодых мужчин и расширения непостоянной занятости снизилось число тех из них, кого японские девушки и их родители могли бы считать достойными претендентами на роль мужа.

Наконец, система пожизненного найма оказала и продолжает оказывать сильное влияние на положение пожилых граждан страны. Прежде всего, следует отметить, что в период депрессии 1990—2000-х годов с целью сокращения числа работников, пользующихся привилегиями пожизненного найма, довольно широко применялась практика «добровольных» увольнений, когда в обмен на согласие на досрочное увольнение компания выплачивала работникам повышенные выходные пособия. Разумеется, первыми такие предложения получали сотрудники старших возрастов.

Но гораздо большее влияние на положение пожилых граждан оказывает само существование института предельного возраста пребывания в фирме. Понятно, что при повозрастной системе заработной платы принудительные увольнения по достижении предельного возраста — это, по сути, единственный способ для компаний избежать роста издержек на труд, а также избавиться от неэффективных работников, которых в силу особенностей японского законодательства практически невозможно уволить по другим причинам. Но на фоне других развитых стран, где увольнения по возрасту запрещены как одна из форм дискриминации, ситуация в Японии выглядит весьма необычно.

Как отмечалось выше, здесь практика принудительных увольнений по возрасту не только не запрещена, но и оформлена законодательно — через признание самого института предельного возраста японскими законами о труде. При этом, поскольку пенсии в Японии начинают выплачиваться с 65 лет, основные усилия правительства направлены на то, чтобы побудить компании максимально приблизить предельный возраст (60 лет) к этому рубежу. В частности, Закон о стабилизации занятости пожилых людей, принятый в августе 2012 г., обязал компании, устанавливающие предельный возраст пребывания работников в фирме, предпринять одну из следующих мер: либо повысить его, либо отменить совсем, либо ввести схемы продления занятости.

По данным за 2015 г., абсолютное большинство (80,5%) японских компаний сохраняют институт предельного возраста на уровне 60 лет,

и лишь 16,1% подняли его до 65 лет. При этом 72% компаний используют систему повторного найма уволенных работников, 11% — схемы продления занятости, 10% применяют оба варианта, а 7% вообще не привлекают уволенных работников³².

Таким образом, большинство компаний практикуют повторный найм пожилых работников. То, что они отдают предпочтение именно этой форме, вполне объяснимо. Ведь если при продлении занятости у значительной части работников сохраняется прежний уровень заработной платы, то повторный найм происходит в основном на гораздо менее выгодных для них условиях — по годичным контрактам и на существенно меньшую заработную плату. Так, по данным за 2015 г., 42% компаний, использующих продление занятости, сохраняют сотрудникам прежнюю зарплату, а еще 20% платят им от 80 до 100% от прежнего заработка. С другой стороны, лишь 13% компаний, применяющих повторный найм, сохраняют работникам прежнюю зарплату, а еще 17% выплачивают им от 80 до 100% от прежнего заработка. В то же время более половины (53%) компаний нанимают работников на зарплату, составляющую 50–80%, а 10% — 30–50% от прежнего уровня³³.

Очевидно, что в результате такой практики значительные массы еще нестарых людей, обладающих большим опытом и высокой квалификацией, сталкиваются с весьма ощутимым изменением своего положения — как по уровню доходов, так и с точки зрения социального статуса. Конечно, у некоторых категорий есть возможность неплохо трудоустроиться и после увольнения. Так, например, высокопоставленные чиновники министерств нередко оказываются на «теплых» местах в частных компаниях тех отраслей, которые они прежде курировали (эта практика получила название *амакудари* — «спуск с небес»). Профессора частных вузов имеют возможность продлить свой контракт на несколько лет (хотя и на менее выгодных условиях), а профессора государственных университетов — устроиться в какой-либо частный университет (но опять же — на менее выгодных условиях). Но для огромного большинства пожилых японцев момент принудительного увольнения связан с довольно сложным переходом к совершенно иному образу жизни.

Особое звучание этой проблеме придают следующие обстоятельства. *Во-первых*, то, что японцы являются одной из наиболее здоровых и долгоживущих наций в мире. Так, состояние здоровья, не ограничивающее нормальную полноценную жизнь, сохраняется у женщин в среднем до 73,6 года, а у мужчин — до 70,4 года. *Во-вторых*, то, что в системе жизненных ценностей японцев труд занимает приоритетное положение и многие из них просто не мыслят свою жизнь без актив-

ной работы. Так, согласно данным опросов, более половины пожилых граждан страны хотели бы продолжать работать до 70—75 лет³⁴.

В последние годы проблема занятости пожилых японцев приобрела еще большую актуальность в связи с тем, что в пенсионный возраст стали вступать огромные массы людей, рожденных в период первого послевоенного беби-бума. При этом значение имеют не только количественные параметры этой категории, но и ее качественный состав. Она представлена людьми более образованными, чем прежние пенсионеры, обладающими большим профессиональным опытом и высокой квалификацией, с достаточно высоким уровнем материальных и духовных потребностей. Иными словами, облик японских пенсионеров заметно меняется, и это делает еще более очевидным диссонанс между их потенциалом и положением, которое они занимают в обществе и, в частности, на рынке труда.

* * *

Таким образом, как было показано выше, прямо или косвенно система пожизненного найма продолжает оказывать влияние на самые разные стороны жизни японского общества и затрагивает интересы значительной части населения страны. Сложившиеся под влиянием этой системы нормы и представления (об идеальной карьере, о положении мужчин и женщин в обществе, о модели семьи и семейных отношений и т.д.) до сих пор широко распространены в социуме. Между тем изменения, происходящие в стране, все чаще приходят в противоречие с этими устоявшимися нормами и представлениями.

Особенно остро это ощущает японская молодежь, которая оказалась разделена на две качественно различные категории — постоянных работников и тех, кто довольствуется работой на условиях непостоянной занятости. Система пожизненного найма оказывается весьма «недружественной» и по отношению к женщинам. Как и в других развитых странах, в Японии все большее число женщин включается в экономическую деятельность, но рынок труда остается по-прежнему более благожелательным к мужчинам, предоставляя женщинам гораздо меньше шансов на трудоустройство на условиях постоянной занятости и профессиональный рост. Наконец, явно дискриминационный характер носит практика принудительного увольнения работников, достигших предельного возраста пребывания в фирме, следствием которой становится существенное изменение их материального положения и социального статуса.

Но дело, конечно же, не в том, что на фоне других развитых стран ситуация в Японии в плане занятости молодежи, положения женщин

и пожилых работников выглядит довольно странно, а в том, что она имеет своим следствием целый ряд болезненных социальных явлений. Это и появление многочисленных групп «нестандартной» молодежи, и снижение числа браков, и резкий рост доли не состоящих в браке молодых японок и японцев, и падение рождаемости и т.д. Кроме того, здесь есть и экономический аспект: ведь создание условий, благоприятных для трудоустройства молодежи, повышения степени и изменения характера участия женщин в трудовой деятельности, а также пересмотр практики использования пожилых работников являются для страны едва ли не единственным средством решения проблемы нехватки рабочей силы, обостряющейся вследствие быстрого старения населения.

Примечания

¹ Нихон токэй нэнкан 2017. Табл. 23–25.

² *Chiavacci D.* From Class Struggle to General Middle-Class Society to Divided Society: Societal Model of Inequality in Postwar Japan // *Social Science Japan Journal*. 2008. Vol. 11. No 1. P. 16–17.

³ *Ibid.* P. 16.

⁴ *Naohiro Yashiro.* Myths about Japanese Employment Practices // *Contemporary Japan Journal of the German Institute for Japanese Studies*. 2011. Vol. 23. No 2. P. 140.

⁵ *Routledge Handbook of Japanese Business and Management* / Ed. by Patrissa Haghirian. L.; N.Y.: Routledge, 2016. P. 65.

⁶ *Labor Situation in Japan and Its Analysis*. 2009/2010. P. 107 // Japan Institute of Labor Policy and Training.

⁷ *Corporate Governance and Managerial Reform in Japan*. P. 247–248.

⁸ URL: <http://mext.go.jp/statistic>.

⁹ *Annual Report on the Labour Force Survey* // Statistics Bureau. 2006, 2015. Table 1-A-1. URL: <http://www.stat.go.jp/>; *Labor Situation in Japan and Its Analysis*. 2015/2016. P. 44 // Japan Institute of Labor Policy and Training.

¹⁰ *Annual Report on the Labour Force Survey* // Statistics Bureau. 2006, 2015. Table 1-B-1. URL: <http://www.stat.go.jp/>.

¹¹ *Labor Situation in Japan and Its Analysis*. 2015/2016. P. 82.

¹² *Ямада Масахиро.* «Кибо какуса саякай» (Общество разделенных надежд). Токио, 2004. С. 60–61.

¹³ *Kanai K.* The MHLW's Policy of "Diverse Regular Employees" and Its Impact on Female Employment // *Japan Labor Review*. Spring 2016. Vol. 13. No 2. P. 90; *Labor Situation in Japan and Its Analysis*. 2015/2016. P. 94.

¹⁴ *Conrad H.* From Seniority to Performance Principle: The Evolution of Pay Practices in Japanese Firms since 1990s // *Social Science Japan Journal*. 2010. Vol. 13. No 1. P. 118–119.

- ¹⁵ Токэй дэ миру Нихон (Япония сквозь призму статистики). Токио, 2008. P. 194–195; Basic Survey on Wage Structure (Nationwide). 2015. Table B-10 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp/>.
- ¹⁶ Summary Report of Basic Survey on Wage Structure (Nationwide). 2012. P. 3. URL: <http://www.mhlw.go.jp/>.
- ¹⁷ Labor Situation in Japan and Its Analysis. 2015/2016. P. 77.
- ¹⁸ Хэйсэй 27 нэндо дайгаку танки дайгаку кото сэммон гакко оёби сэнсё гакко соцугё ётэйся-но сюсёку дзёкё тёса (Обследование за 2015 г. трудоустройства выпускников университетов, краткосрочных университетов, высшей ступени средней школы и специализированных профессиональных школ) // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp/>.
- ¹⁹ Annual Report on the Labour Force Survey 2015. Population aged 15 years old and over by labour force status, status in employment, type of employment and age // Statistics Bureau. URL: <http://www.stat.go.jp/>.
- ²⁰ Cook E. E. Expectations of Failure. Maturity and Masculinity for Freeters in Contemporary Japan // Social Science Japan Journal. 2013. Vol. 16. No 1. P. 29.
- ²¹ White Paper on Children and Young People 2012. Figure 8 // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp/>.
- ²² Гёнда Юдзи. Корицу мугёся (Неработающие одиночки). Токио, 2013. С. 38.
- ²³ Cook E. E. Op. cit. P. 30–32.
- ²⁴ Steinberg C., Nakane M. Can women save Japan? // IMF Working Paper. WP/12/248. October 2012. P. 16.
- ²⁵ Japanese Working Life Profile 2016/2017. P. 17.
- ²⁶ Annual Report on the Labour Force Survey. Population aged 15 years old and over by labour force status, status in employment, type of employment and age // Statistics Bureau. 2015. URL: <http://www.mhlw.go.jp/>.
- ²⁷ Сёкока хакусё (Белая книга о снижении рождаемости). Токио, 2012. С. 3.
- ²⁸ Сёкока сякай тайсаку хакусё (Белая книга о политике в обществе со снижающейся рождаемостью). Токио, 2016. С. 3, 11.
- ²⁹ Там же. С. 14; Yamada M. Japan's Deepening Social Divides. P. 20. URL: www.nippon.com/en/in-depth/a01002.
- ³⁰ Toward Active Participation of Women as the Core of Growth Strategy. June 2013. P. 6. URL: <http://www.cao.go.jp/>.
- ³¹ A Sociology of Japanese Youth: From Returnees to NEETs / Ed. by Roger Goodman, Yuki Imoto, Tuukka Toivonen. N.Y., 2012. P. 162–163.
- ³² Japanese Working Life Profile 2016/2017. P. 28, 31.
- ³³ Ibid. P. 32.
- ³⁴ Корэйка-но дзёкё оёби корэй сякай тайсаку-но дзитти дзёкё (Стареющее общество и политика в отношении стареющего общества). Токио, 2013. С. 2.

Раздел IV

КУЛЬТУРА

ЯПОНСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ

Постановка проблемы и периодизация истории культуры

Высокую степень специфичности исторического пути Японии в значительной мере можно объяснить особым влиянием культурного и национально-психологического компонентов японской идентичности.

Соотношение культуры и бытия, духовного и материального — старая философская проблема, как и вопрос о том, что из них первично, а что — вторично. Японский опыт свидетельствует, что фактор сознания оказывает нередко решающее воздействие или определяет бытие не в меньшей мере, чем наоборот. Другими словами, между ними существует глубокая взаимосвязь. Сознание, особенно его культурно-эстетическое начало, имеет могучее влияние на формирование материальных реалий, и фраза Достоевского о «красоте, которая спасет мир», воспринимаемая часто как литературный образ, имеет более чем серьезные основания.

«Значение культуры в развитии любого общества трудно переоценить. Без нее и присущей ей свободы даже самое совершенное общество — не что иное, как джунгли», — подчеркивал Альбер Камю.

Роль культуры в становлении японского общества оценивается по-разному. Большинство склонно оценивать ее высоко, но есть и те, кто на опыте последних десятилетий ставят это под сомнение. Среди западных политологов и социологов есть так называемые ревизионисты (так их прозвали за то, что они стремятся «пересмотреть», или «ревизовать», традиционный взгляд на Японию и японцев), которые доказывают, что японцы всего лишь «талантливые имитаторы». Признавая за Японией выдающиеся достижения в области экономики и технологий, они нередко отказывают ей в высокой культуре или в наличии, по

крайней мере в настоящее время, таких достижений в этой сфере, которые бы обогатили мир.

«Расцвет торговли и промышленности не сопровождается сколько-нибудь серьезным расцветом искусств... наподобие того, как свидетельствует история, как это бывало во времена великих экономических расцветов», —

пишет один из таких «ревизионистов» в отношении сегодняшней Японии¹.

Спорность этого тезиса, хотя автор имеет в виду не всю культуру, а только «искусство», достаточно очевидна уже в силу упомянутой взаимосвязи между духовным и материальным. Японские достижения в области материальной культуры заставили многих исследователей искать их истоки в культуре духовной, исследуя шаг за шагом поведенческие нормы, систему принятия решений, взаимодействие между субъектами разного уровня и разной компетенции².

Сама идея соотношения культуры и экономики представляется не только теоретически интересной, но и практически важной. После краха социалистической модели, пытавшейся утвердить гуманистические или социально ориентированные принципы экономической деятельности через плановое начало и огосударствление всех средств производства и собственности, мы становимся свидетелями вновь разгорающегося спора о том, является ли нынешняя рыночная модель оптимальной с точки зрения ее культурной «начинки».

До конца XVIII в., до появления «Богатства народов» Адама Смита все экономические теории представляли собой смесь экономических воззрений, этики и морали. Экономическая деятельность рассматривалась в них как нечто, органично связанное с культурой. Адаму Смиту первому удалось создать чисто экономическую теорию, которая легла в основу английской классической школы. В конце XIX в. эта теория испытала на себе влияние других, и возникла так называемая неоклассическая экономическая школа, которая доминирует до сих пор в виде теории рынка и свободного предпринимательства. Ее главный пафос — утверждение, что и капиталист, и управляющий, и рабочий, и потребитель есть «гомо экономикус», которые находятся в постоянном поиске удовлетворения своих интересов. Главным объектом изучения неоклассиков является рынок и его механизмы. По их мнению, экономические законы и механизмы наднациональны и хотя и испытывают на себе влияние культурных и социопсихологических факторов, однако им не подчиняются³.

Японский феномен — это свидетельство эффективности модели, отличающейся от неоклассического капитализма. И не случайно, что японцы часто выступают его критиками, доказывая, что со временем он должен быть видоизменен, соединив в себе такие элементы, как сосуществование экономик разных культурных типов и отказ от принципа главенства прибыли в целях защиты и сохранения быстро истощающихся природных ресурсов и деградирующей природы⁴.

Такой подход диктует важность рассмотрения вопросов культуры, но прежде всего необходимо условиться, что следует понимать под культурой. Существуют разные представления о содержании этого понятия — узкое и широкое. Узкое понятие — это то, что в рамках государственной политики подпадает под компетенцию министерств и ведомств культуры (литература, искусство, памятники культуры и пр.). Широкое включает более обширный круг явлений и ближе к понятию цивилизации, хотя ему и неадекватно. Цивилизацию можно было бы скорее назвать «социальной историей, оплодотворенной культурой».

Автор не претендует на выбор точной дефиниции и ставит задачу исследовать лишь некоторую часть огромной культурной системы Японии, ряда духовно-эстетических факторов, которые наполняют смыслом материальную, физическую жизнь общества. В наш компьютерный век, если воспользоваться его терминологией и все социальное бытие поделить на *software* и *hardware*, культура — это *software* общества, духовная «начинка» материальных факторов — *hardware*. В конечном счете это то, что, собственно, и делает человеческое общество именно человеческим. В понятие «культура» можно включить все, что относится к духовному «климату» человеческой цивилизации на любом уровне.

Исследование влияния культурного фактора на феноменальные по результатам успехи в социальной и экономической сфере не имеет в виду ни восхваление Японии и японцев, ни попытки обосновать особую «уникальность» их культуры. Очевидно, что все народы и всякая культура уникальны, поскольку не могут быть репродуцированы или точно скопированы. И конечная цель такого исследования иная — доказать, что японский феномен отнюдь не от «бога», а вполне реальное и моделируемое явление в рамках человеческих возможностей, которое основано на человеческом материале, хотя и имеет «уникальное значение», как писал Дои Такэо, автор оригинальных исследований по японскому национальному характеру⁵.

Это видно уже из того, что многие из национальных черт японцев или культурно-психологические особенности нации не являются сугубо японскими, а принадлежат всему восточноазиатскому культурному

ареалу, тем странам, в которых, подобно Японии, были распространены буддизм и конфуцианство. В последнее время, в частности, корейские ученые начинают оспаривать первенство или уникальность целого ряда черт японского национального характера, утверждая, что в первую очередь они свойственны корейцам.

На формирование специфической японской культуры определяющее влияние оказали следующие факторы:

- островное положение страны, приведшее не столько к изолированности, сколько дистанцированности от остальных очагов культуры; но эта дистанция служила и своеобразным «фильтром», через который проходило внешнее влияние, и породила способность национального самосознания впитывать нужное или отторгать то, что для японской культуры было неорганично и губительно;
- молодость народа-нации, рождение которой пришлось на период, когда существовавшие по соседству очаги цивилизации уже находились в полном расцвете и поэтому могли служить благодатным источником для заимствований; при этом отмеченный выше фактор в известной мере снимал опасность для отечественной культуры быть поглощенной или поработенной;
- отсутствие в истории периодов рабовладения или крепостничества (прикрепленность к земле была, но не было продаж на сторону «крестьянских душ»), что отражалось и в культуре, и в экономических отношениях между разными социальными группами;
- языково-этническая однородность населения с уникальным самосознанием общей культурной идентичности, что, в частности, выразилось в сохранении института монархии на протяжении всей истории, прежде всего как идейно-культурного фактора, объединяющего нацию; в результате формально и вся история Японии делится на периоды правления того или иного императора;
- сложные географические и геологические условия, определившие комплекс естественных причин, побуждавших японцев к поискам наиболее эффективных способов общежития, социальных форм, позволявших выживать и развиваться.

Приведенное выше не полный набор факторов, но они все же являются главными и основополагающими.

Развитие японской культуры происходило в конкретных исторических условиях. Поэтому целесообразно принять какую-то классификацию этапов исторического развития страны. Сделать это непросто,

как и определить понятие «культура». Существуют три основные версии периодизации японской истории: собственно японская, западная и марксистская.

Западная исходит из сложившейся периодизации истории человеческой цивилизации, начиная с культуры первобытного общества, затем Древнего мира, Средневековья, Возрождения, Нового и Новейшего времен. Собственно японская пытается строить периодизацию на каком-то присущем эпохе культурном факторе, и если в ней преобладают названия столиц, куда переезжал императорский двор или ставка военного правителя (сёгуна), то лишь потому, что столица становилась центром не только политическим, но и культурным. С завершением эпохи Эдо в 1868 г. этот принцип перестал действовать — столица остается на одном месте. Эдо переименовывается в Токио, и сюда из Киото переезжает императорский двор. С этого момента периодизация отражает смену на троне императоров и эпохи их правления.

В настоящей работе отдано предпочтение японской версии по двум причинам: она более наглядна и формализована в большей мере как раз по признакам изменения культурно-исторических эпох. В этом смысле она удобнее, чем более стройная и мотивированная марксистская периодизация, в которой, однако, нередко стадийные критерии становятся прокрустовым ложем для всего, что не укладывается в эту логику. Чаше всего конфликтует с историческим материализмом как раз культура.

Японская периодизация начинается с эпохи палеолита (30–40 тыс. лет тому назад — несколько тысячелетий до н.э.). Однако в строгом смысле о палеолитической культуре в Японии говорить трудно — археологических данных этого периода слишком мало. Некоторые находки на островах Окинава и Хоккайдо свидетельствуют о том, что палеолитические протояпонцы имели связи с материком, в частности, на Хоккайдо найдены предметы, сделанные в Сибири⁶.

Культура неолита в Японии носит название культуры Дзёмон (несколько тысячелетий до н.э. — III в. до н.э.). Она создана протояпонскими племенами, образовавшимися за счет смешения пришельцев со стороны южных морей и северной части Азии. Эта эпоха в японской историографии выделена в особую категорию по чисто формальному признаку — орнаменту на гончарных изделиях. В целом неолитический уровень японской культуры более примитивен, чем аналогичные в других регионах мира. Тем не менее среди изделий мастеров Дзёмон есть прекрасные образцы гончарного искусства. Многие из них уже несут в себе самую отличительную черту национальной культуры — умение в совершенстве овладевать техникой, заимствованной из-за рубежа, и вместе с тем вносить в нее свои собственные неповторимые черты.

В период Яёи (бронзовые и железные века, III век до н.э. — III в. н.э., по названию квартала в Токио, где впервые были найдены керамические изделия того периода) особого внимания заслуживают отлитые из бронзы ритуальные колокола — *дотаку*. Технология их литья, скорее всего, была заимствована из Китая, но форма и эстетика изделий явно японского происхождения — подобное не встречается на Дальнем Востоке⁷.

В этот период влияние Китая в материальной культуре Японии ощущается особенно остро. В погребальных холмах найдено большое число предметов культуры, привезенных из Китая, в частности знаменитые бронзовые зеркала китайской династии Хань. Многие из них были изготовлены в самой Японии по китайским образцам. Но можно обнаружить и такие, которые отходят от чисто китайской традиции и представляют собой образцы японской культуры. Это так называемые зеркала с колокольчиками (по краю — шесть маленьких колокольчиков). Довольно оригинальной и творчески осмысленной японцами представляется и пропорция олова и меди, использовавшаяся для изготовления этих зеркал⁸.

Этот период плавно переходит в культуру Кофун (эпоха курганов, V–VI вв.), которую можно рассматривать как предтечу более развитой материальной культуры. Она создала особый вид погребальной скульптуры — *ханива* (маленьких глиняных фигурок). *Ханива* вошли в сокровищницу мировой культуры. В этот же период происходит консолидация племен и формирование государства Ямато — протогосударства современной Японии.

Следующие три периода тесно связаны с проникновением и укреплением буддизма, ставшего впоследствии одним из центральных элементов национальной культуры. Это — эпоха Асука (названа по месту нахождения императорского двора, 592–710 гг.), которую можно рассматривать как начало формирования синтетической культуры на основе весьма плодотворного сочетания внутреннего (эзотерического) и внешнего (экзотерического) начал. Внутри эпохи Асука иногда выделяется период Хакухо (645–710 гг.) — время укрепления государственности на основе реформ Тайка, принятия первого свода законов «Тайхо рицурё», чеканки монет, введения системы переписи населения, первых дворянских рангов, появления императорских рескриптов, а также сооружения буддийских и синтоистских храмов. И, наконец, эпоха Нара (по названию столицы, 710–794 гг.), когда по императорскому указу были составлены «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.). Анализ этих памятников позволяет судить

о существенных особенностях японской мировоззренческой культуры, специфике социальной психологии, формирующейся на японской почве, эстетических и этических норм. Они подвели итог длительному по времени процессу возникновения японской нации как культурного феномена. Они свидетельствуют о рождении особой культуры, отличающейся от Европы и даже от близкого Китая, с особым мировоззренческим и ценностным характером. Все, что происходило позднее, а также внешнее культурное влияние ложились на эту почву и на ней давали свои плоды, тем самым усиливая изначальную специфичность. Активная законотворческая деятельность императорского двора предписывала создание буддийских монастырей в каждой провинции. Шло бурное строительство новых храмов: Синъякусидзи, Сайдайдзи, Энрякудзи, Тодзи и Сайдзи; в храме Тодайдзи в Нара была установлена громадная скульптура Будды.

Особую страницу в истории японской культуры представляет эпоха Хэйан (по названию города, затем переименованного в Киото, — официальная столица Японии до 1868 г.) — грандиозная по протяженности и значению. Она длилась почти четыре века — с 794 по 1192 г., и именно поэтому японская историография предпочитает делить ее на два периода — ранний (794—931 гг.) и поздний (931—1192 гг.), связанный с правлением дома Фудзивара. Первый отмечен появлением ряда новых буддийских школ, в частности Тэндай и Сингон; созданием антологий китайской поэзии и официальных хроник; в политической сфере — ослаблением института императорской власти и введением института «канцлеров» — *кампаку*. Второй — период японской классической литературы, который называют «золотым». Речь идет о таких национальных шедеврах, как «Дневник из Тоса» Ки-но Цураюки, «Записки у изголовья» Сэй-Сёнагон, «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, «Собрание старых и новых песен Ямато», «Повесть о Такэтори», «Повесть о дуплистом дереве» и др.

Следующие эпохи отражают культуру самурайства. Эпоха Камакура (по названию неофициальной столицы того времени, 1192—1336 гг.) — период полного и окончательного оформления *сёгуна* как института реальной власти *сёгунов* при сохранении номинальной у императоров. Наиболее яркая личность эпохи — *сёгун* Минамото Ёритомо, образ которого вдохновил на создание шедевров литературы. В это время отмечается расцвет искусств, особенно поэзии, составляются официальные поэтические антологии, в частности «Синкокинсю» («Новая антология старых и новых стихов»), продолжается бурное строительство буддийских храмов.

Эпоха Муромати (1336–1563 гг.) названа по кварталу в Киото, где был основан сёгунат Асикага. Это начало формирования сильной централизованной власти, объединения страны, активной деятельности первого «объединителя» страны — Ода Нобунага. Продолжается расцвет поэзии, строительство буддийских храмов, в частности главного храма школы Дзэн — Сёкокудзи; составляется первая военная хроника «Тайхэйки» и сборник Отоги-дзоси («Книга сказок»). К концу этой эпохи в Японии появляются первые иностранцы — португальцы на о. Танэгасима; начинается миссионерская деятельность католических монахов. Первый миссионер ордена иезуитов Франциск Ксавье, бывший в Японии с 1549 по 1551 г., писал в одном из своих отчетов:

«Люди здесь лучшие из тех, с кем мне доводилось встречаться. И, как мне кажется, среди нехристиан вряд ли найдутся такие, которые могли бы их превзойти»⁹.

Факт появления иностранцев трудно переоценить — культурное влияние европейской цивилизации было ошеломляющим, особенно потому, что японцы впервые поняли и ощутили свое отставание по целому ряду цивилизационных признаков.

Эта эпоха включает в себя и период великой смуты с конца XV по конец XVI в. Война шла не только между крупными воинскими частями феодалов, но и между многочисленными бандами, что тяжело отразилось на состоянии культуры: пострадали, были сожжены не только великолепные образцы архитектуры, но погибли бесценные рукописи. Несмотря на то что техника книгопечатания в Японии получила распространение с VIII в., большинство произведений японской литературы сохранялось в виде рукописей. Сожжение библиотек поэтому явилось не только актом вандализма, но и привело к безвозвратной потере бесценных атрибутов культуры¹⁰.

Эпоха Момояма (1568–1603 гг.) — место, где находилась резиденция правителя страны и самый короткий, но значительный период в японской истории. Процесс формирования централизованного государства вошел в конечную фазу, когда после грандиозной объединительной работы Ода Нобунага эстафету принял Тоётоми Хидэёси. Это время заметного оживления национальной культуры и одновременно гонения на христиан.

В эпоху Эдо (1603–1868 гг.), или эпоху власти феодального клана Токугава, сложились такие черты японской культуры и ее социальные функции, которые после определенной модификации во многом сохранились до сих пор. Страна оказалась закрытой от внешнего мира и его влияния. Именно в этот период происходит сублимация тех со-

циальных черт национальной культуры, которые придадут ей особую специфику, совершенствуются ее институты.

Грандиозная эпоха открытия Японии — эпоха Мэйдзи (1868—1912 гг.) названа, как и все последующие за ней, по девизу правления императора. Она характеризуется массивным культурным влиянием Запада, активным и даже жадным впитыванием японской культурой элементов европейской. Одновременно усиливается национализм, питавшийся идеями культурной исключительности; в политике он вылился в войну с Китаем за Корею, геополитическими противоречиями с Россией из-за той же Кореи, переросшими в Русско-японскую войну, последовавшей аннексией Кореи и почти союзными отношениями с Россией. Победа в Русско-японской войне, по признанию русского генерала Алексея Николаевича Куропаткина, была достигнута в немалой степени благодаря моральным качествам японского солдата. Показательны и другие признания генерала, посетившего Японию за полгода до начала войны:

«Несмотря на прочитанные мною описания, поражен культурой увиденных мною местностей. Несомненно, что в отношении культуры масса населения опередила нас, русских, весьма значительно. Обработка полей изумительна. Порядок в деревнях, по-видимому, большой, насколько то можно было судить из окна вагона... Проехали в экипаже город Кобе. Производит сильное впечатление порядок, чистота, значительные постройки сего города и спокойная, полная чувства собственного достоинства уличная толпа»¹¹.

Эпоха Тайсё (1912—1925 гг.) — период в японской культуре, отмеченный ростом либеральных идей, появлением новой политической культуры. Но в целом она продолжила и несколько углубила тенденции, возникшие после революции Мэйдзи. Западная культура стала менять облик японских городов, появились здания, построенные в готическом и романском стилях, ренессансная архитектура.

Эпоха Сёва (1925—1988 гг.) вместила в себя две противоположные культурно-цивилизационные тенденции. Одна — это разрушение либерализма и становление тоталитарной идеологии с ее прославлением собственного, национального; рост шовинизма и идей паназиатизма. После крушения всего этого в результате поражения в войне и первой за всю историю страны оккупации иностранной державой проявилась другая тенденция — развитие комплекса вины и неполноценности, осмысление допущенных ошибок и их причин, развитие демократических институтов в национальном масштабе с сохранением целого ряда

психологических институтов, традиционных социальных отношений на уровне группы, семьи, затем вновь рост «культурного национализма» в результате феноменальных успехов в экономической и социальной сфере после середины 1950-х годов¹².

Начало эпохи Хэйсэй (1888 — по н/в.) совпадает с периодом наивысшего взлета японской экономики, объемы которой в абсолютном значении были равны 80% от американской и свыше 15% от мировой. Последующие десятилетия, которые в Японии были названы потерянными, демонстрировали падение удельного веса Японии в мире и возрастание экономической силы и политической мощи Китая. Но ни в экономическом, ни тем более в культурном отношении эти годы не были потерянными. Они были отмечены обновлением облика городов и деревень, появлением большого числа высотных зданий современной архитектуры. В эстетике построенных по новейшим технологиям градостроительства зданий национальных черт было меньше, но они в должной мере проявлялись во внутренней планировке и дизайне, особом внимании к озеленению и эстетике территорий, окружающих высотные здания. Было построено большое число зданий культурного назначения, театров оперы и балета, концертных залов, по эстетическим и техническим нормам не уступающих лучшим мировым образцам.

Бурное развитие компьютерных технологий породило новую волну поп-культуры и субкультур. Огромную популярность по всему миру приобрели японские манга и аниме и компьютерные игры. Авторы монографии о буме манга и аниме в США отмечали в качестве их сильной стороны развлекательность, построенную на фантазии, которую ее создатели черпают в первую очередь в японском фольклоре. В пример приводились сюжеты из «Кондзяку моногатари» (1120 г.), содержащей 1000 народных сказок в основном фантастического плана¹³.

Япония занимает одно из видных мест в постпанковской субкультуре, добавив к движению «готов» образ «Лолиты». Субкультура или даже своеобразная эстетика внешнего вида девочек-подростков «Госурори» («Готическая Лолита») 14–15 лет не отторгается обществом как подрывающая моральные устои и растлевающая подростков, а воспринимается как невинная в принципе мода со своим очарованием юной красоты и задорности. В последнее время куклы Госурори вполне уживаются с традиционными куклами Хинамацури (Праздник девочек или кукол), с куклами в одеждах императриц и придворных древней и средневековой Японии¹⁴. В наборе кукол этого праздника уже появились куклы в виде «готических Лолит»¹⁵.

Синтетичность культуры и открытость к восприятию внешнего влияния

Спецификой японской культуры является прежде всего отсутствие в ней, за редким исключением, воинствующей ксенофобии. Она не утверждала себя как самодостаточную. Случаи полной ассимиляции других культур в японской крайне редки — это айну на севере и рюкюсцы на юге. Более того, японская культура никогда не навязывала себя другим народам. Подобные попытки в японских колониях — на Тайване и в Корее — сопровождались насилием и были неудачны, несмотря на определенные успехи в их модернизации.

Из формул, описывающих характер японской культуры и цивилизации в широком смысле, привлекает внимание метафорическое сравнение с мембраной, которая обладает огромной гибкостью, а как образ — способностью к изменению способов действия. Она выпукла и вогнута. Выпуклость — это ее воздействие вовне и недопущение внешнего влияния на внутреннюю среду. А вогнутость — наоборот: активное восприятие и впитывание в себя внешнего влияния. Это некий социальный и культурный клапан. Режим его работы строго соответствует потребностям самого культурного организма.

Сила японской культуры заключается в ее многосторонности и синтетичности. Эти ее черты сформировались благодаря тому, что она складывалась под духовно-эстетическим влиянием разных религий. Фундаментом японской религиозно-этической системы стал синтоизм, чье влияние на японскую культуру, наравне с пришедшими позже буддизмом, даосизмом и конфуцианством, огромно.

Основой синтоизма явилось обожествление окружающей среды, вера не в одного, а в множество богов, пантеизм. В его мировоззренческой традиции всеобщее (*дзэн*), т.е. природа, является комплексом единичных элементов (*ко*). Человек в природе — один из таких элементов, ее составная часть. Именно поэтому для него бессмысленно и даже преступно бросать ей вызов. Кроме того, как бы человек ни пытался отдалиться от природы, он в конечном счете к ней и возвращается и «растворяется» в «богах» или в «космосе»¹⁶. Следовательно, с точки зрения японской культурной традиции природу (в широком смысле как *дзэн* или универсум) бесполезно переделывать. Это невозможно и вредно. И именно поэтому наивысшей эффективности, в том числе и социальной, можно достичь путем поисков гармонии с ней.

В японских мифах существенно более высокий уровень обожествления природы, окружающей среды, что отличает их от антропо-

центризма континентальной китайской мифологии, не говоря уже о греческой или римской. Связано это не с примитивностью или неразработанностью концептуального мышления древних японцев. Обожествление природы и географии (ландшафта) Японских островов, которое обнаруживается в мифах, отражает отношение японцев к среде своего обитания как к чему-то самоценному, их стремление обрести согласие с природой, суровой, скупой на щедрости, опасной стихийными бедствиями¹⁷.

В японских мифах мы впервые обнаруживаем, что вся мифология, космогонические теории и прочие концептуальные структуры выступают не столько как философско-мировоззренческие, сколько как культурно-мировоззренческие концепции. И в этом качестве они обнаруживают целый ряд особенностей, отличающих их от китайской и западной традиции. Прежде всего, это — большая «эластичность» культуры. Духовно-этические нормы в ней характеризуются большей гибкостью, отсутствием четких и резких граней между полюсными понятиями и категориями — положительным и отрицательным, добром и злом, светлым и темным, красивым и уродливым, чистым и грязным, счастливым и несчастным, богатством и бедностью и т.п.

Позднее, вместе с проникновением зарубежных культурно-религиозных систем, эластичность японского менталитета, его способность непредвзято и с прагматических позиций воспринимать привнесенную идеологию, этику и эстетику получили особое развитие. Подобные учения, попадавшие на японскую почву из-за рубежа, сами вынуждены были адаптироваться к местным условиям для того, чтобы выжить и самоутвердиться. Родившиеся в Индии или Китае и на протяжении многих и многих веков испытывавшие свой расцвет и упадок, в Японию они попали приблизительно в одну короткую историческую эпоху, как бы спрессованные во времени. Это предопределило их синкретизм, ибо здесь они оказались в одном «котле», где благополучно переварились, соединились с национальной религией и создали уникальную сублимированную форму японской культуры, сочетающую различные черты и принципы в синтетическом и диалектическом единстве¹⁸.

Готовность воспринимать внешнее культурное влияние было осознанным и целенаправленным. Оно не носило хаотического характера. Сформировавшийся на основе собственной культуры социум был не только восприимчивым к внешнему влиянию, он был крепким и стойким сам по себе. Абсорбция внешней культуры шла по двум направлениям. Воспринималось то, что было функционально необходимо или полезно, ненужное отвергалось. Новое не оставалось чужеродным, оно

перемалывалось жерновами собственной культуры и становилось в результате органично своим, национальным,

«...осуществляемые заимствования объяснялись чисто внутренними потребностями государства и ни в малейшей степени не были навязаны извне... В этом смысле Япония представляет собой идеальный “полигон” для исследования межкультурных контактов, не сопровождавшихся насилием»¹⁹.

Более того, японцы способны не только воспринимать чужое, но и доводить его до совершенства. Это качество было присуще им всегда. Специалист по японской литературе Дональд Кин, в частности, приводит слова одного католического миссионера, писавшего, что купленный им в Эдо хлеб, который японцы до этого никогда не пекли, оказался самым вкусным — такого ему не доводилось пробовать до сих пор²⁰. В VII в. японцы смогли не только скопировать изобретенное в Европе огнестрельное оружие, но и наладить его массовое производство. В этом они добились таких феноменальных результатов, что к концу столетия в стране ружей было больше, чем во всей Европе. Это качество культуры островной страны, которая в силу ограниченности своих ресурсов вынуждена ввозить «сырье» и, обработав его и придав ему насколько возможно совершенную форму и свойства, экспортирует за рубеж уже в виде готовой продукции.

Островной характер страны, ее географическая удаленность от большинства центров мировой цивилизации исторически привели к тому, что японская культура лишь аккумулировала информацию извне, не передавая ее дальше. В этом смысле она — культура «аккумуляторного типа». Но для того чтобы не образовались культурные «завалы», нация, *во-первых*, выработала феноменальную способность усваивать их, а, *во-вторых*, — умение перекрывать клапан поступления инокультурной информации.

Способность японцев воспринимать все полезное извне послужило основанием присвоить им ярлык «имитаторов», неспособных на собственные изобретения. Подобная точка зрения получила свое развитие особенно в послевоенное время. Ее в изобилии можно найти в книгах и статьях уже упоминавшихся «ревизионистов». Сам процесс широкого заимствования извне выработал паразитительную способность японцев к восприятию чужого без какой-либо предубежденности. По мнению российского исследователя А. Н. Мещерякова, это обстоятельство разительно отличает Японию от другого островного государства — Англии²¹.

Огромное и ни с чем не сравнимое влияние на формирование японской культуры оказал Китай, который был центром азиатской ци-

визитации. Здесь пересекались мощные торговые и культурные потоки — из Индии, Ирана и Европы.

«Китай *был* чрезвычайно богатым и сильным, а его столица — центром всех мировых цивилизаций и культур. И поэтому персы, армяне, индийцы — все везли сюда свои религии, произведения искусства, свои бесчисленные товары», —

пишет японский ученый Цуда Норитакэ и отмечает огромную разницу между Японией и Китаем, которая сама по себе предопределила сильное культурное воздействие последнего²². Это был эффект, называемый в физике законом сообщающихся сосудов.

Духовные связи между этими странами ряд исследователей склонен сравнивать с отношениями Северной Европы со Средиземноморьем. Япония наследовала классическую культуру Китая подобно тому, как Англия и Германия — классическую культуру Рима²³. Тот же Цуда Норитакэ отмечал: «Китай был для Японии тем же, чем Афины для Рима»²⁴. Из Китая в Японию попали мощные, с огромным цивилизационным потенциалом уже упоминавшиеся культурно-мировоззренческие системы.

Основы японской ментальности и мировосприятия заложены религиозно-этическими учениями. При этом религии воспринимаются японцами больше как этико-эстетические категории, а не философско-мировоззренческие концепции. Это определяет отсутствие у японцев религиозного фанатизма. Религия не становилась инструментом государственного управления массами. Единственное исключение составляет период реакции накануне и во время Второй мировой войны, когда синтоизм был возведен в ранг государственной религии. Но этот эпизод в японской истории был культурно-психологической аномалией или искусственной моделью, которой правящая элита воспользовалась для идеологического обслуживания тоталитарного государства. Не случайно часть синтоистских школ встала в резкую оппозицию этому.

Подобным отношением к религии можно объяснить и ту легкость, с которой разные религиозно-этические учения в Японии не только мирно сосуществовали, а вполне органично дополняли друг друга в национальном сознании. При этом их взаимное проникновение происходило не на идейной, а на духовно-эстетической основе. Западный исследователь Сэнсом отмечает, в частности, что буддийская школа *дзэн* заимствовала у конфуцианства не столько его идеи, сколько риторику и цветистость, т.е. эстетическую выразительность²⁵.

Не случайно религиозные учения воплощались в литературной форме, в которой эстетическое, художественное начало преобладало над религиозно-философским в большей мере, чем в европейских религиозных памятниках. Пример — «Кодзики», первый памятник японской художественности, по выражению академика Н. И. Конрада²⁶. Культуролог Като Сюити, отмечая огромную роль литературы и изобразительного искусства в японской культуре, подчеркивает: «Во все времена своей истории японцы предпочитали выражать свои мысли не столько в абстрактных философских системах, сколько в конкретных литературных произведениях». При этом он эмоционально добавляет, что в знаменитой антологии стихов «Манъёсю» идеи и мировоззрение японцев периода Нара получили более четкое отражение, чем во всех трудах буддийских ученых того же периода, вместе взятых. В утонченной литературе хэйанской эпохи, золотого периода японской культуры, нельзя найти какой-то глубокой философской системы. Во всей японской истории, продолжает он, можно заметить только два исключения: буддизм периода Камакура и конфуцианство эпохи Токугава. В частности, он называет имена буддийских мыслителей периода Камакура — Хонэн и Догэн, чьи работы были достаточно оригинальными, а также конфуцианистов Ито Дзинсай и Огю Сорай в период Эдо. Но эти философские достижения не были подхвачены другими учеными и не получили дальнейшего развития²⁷.

Като Сюити категорично заявляет, что «очевидной особенностью японской культуры было чуждение логики, абстракций и систематизации и предпочтение чувств, конкретики и бессистемности». Этим он, в частности, объясняет то, что в японской культуре наибольшее развитие получили литература, живопись, скульптура и народное ремесло, а не музыка, например, которая, по его мнению, является абстрактным искусством. Разумеется, и в музыке у японцев были свои достижения: в музыке к театру Но в эпоху Муромати и к драмам Дзёрури в период Эдо. Однако они никогда не достигали тех вершин, которые были в живописи²⁸.

Эти рассуждения достаточно любопытны и показательны. Однако они, кажется, нуждаются в уточнении. Речь, очевидно, идет не о неспособности японцев мыслить абстрактно или системно (вся их социальная организация в разные эпохи, инженерный склад ума говорят об обратном). Та же живопись при всей ее конкретности, в том числе в упомянутые периоды, носила оттенок условности. Здесь видно явное внешнее противоречие между пристрастием к конкретике (чисто логическому) и эмоциональным восприятием мира. Для японцев ощущение или эмоциональная реакция на тот или иной объект или явление чаще важнее их рациональных объяснений. Логика, лишенная чув-

ственной эмоциональной окраски, может вызвать у них любопытство, но не страсть.

Наверное, именно импрессионистичностью японской гравюры можно объяснить ее влияние в конце прошлого века на отцов европейского импрессионизма. Известен их огромный интерес к ней, в частности Ван Гога, страстного любителя и коллекционера японской живописи. По мнению одного русского критика конца прошлого века, «по силе импульса влияние японского искусства на современный стиль можно сравнить только с тем направлением, которое возникло в искусстве эпохи Возрождения благодаря влиянию древнегреческого искусства»²⁹.

Способность японской культуры воспринимать рациональное или доктринальное через эстетику или в неразрывной связи с ней подчеркивал в несколько афористической манере Рабиндранат Тагор. Как свидетельствовала российский японовед Т.П. Григорьева, он удивлялся тому, как японцы «развили такое свойство зрения, когда Истину видят в Красоте, а Красоту в Истине»³⁰.

Художественное эстетическое начало религиозности определило, вероятно, и высокую степень веротерпимости японцев, а также существенную дистанцию между религией и государством. Для многих в Европе и США до сих пор остается загадкой, как премьер-министрами Японии становились лица, исповадовавшие христианство. «Христианскими» премьерами были Хара Такаси (1918–1921), Такахаси Корэкиё (1921–1922; 1932), Ёсида Сигэру (1946–1947; 1948–1954), Катаяма Тэцу (1947), Хатояма Итиро (1954–1956), Охира Масаёси (1978–1980), Асо Таро (2008–2009). Причем двое из них были премьерами в довоенной Японской империи. Они оба пали жертвой фанатиков, но по политическим, а не религиозным мотивам.

Семь премьер-министров христиан! Такого не было ни в одной нехристианской стране мира, что само по себе — яркое свидетельство принципиально иного отношения к религии. Премьер-христианин никогда не вызывал отторжения в народе. Никогда это не воспринималось как угроза японской культуре или ее идентичности. В печати никто не смаковал эту тему, и поэтому большинство японцев даже не догадываются об этом.

Решающее воздействие на формирование японской культуры оказал буддизм. Его влияние и на современных японцев глубоко и органично. Первое проникновение в Японию буддизма из Китая через Корею ученые относят к середине VI в. Как утверждает большинство источников, это произошло в 552 г., когда правитель корейского царства Пэкчэ (по-японски Кudara) прислал японскому императору предметы буддийского культа.

Распространение новой религии не было вполне мирным, но в конечном счете был достигнут компромисс, который по сути стал основным методом решения всех культурно-исторических коллизий. Император Киммэй после первого знакомства с буддийской доктриной стал склоняться в пользу ее принятия. Но процесс был заторможен возникшим противоречием между двумя ведущими кланами — Сога и Мононобэ. Первый выступил в пользу буддизма. Второй возражал, опасаясь, что внедрение учения с новой системой ценностей может разрушить всю прежнюю духовно-культурную основу, на которой покоилось государство.

В чисто японском духе император Киммэй принял компромиссное решение, разрешив клану Сога исполнять буддийские культовые обряды. Это был социальный эксперимент, правильность которого доказало время. Именно оно выявило силу и социальную эффективность буддизма. Клан Мононобэ потерпел поражение, его глава был убит, а вместе с ним исчез и очаг активного антибуддийского сопротивления. При этом распространение буддизма не шло по пути насильственной индоктринации, как это было с христианством в языческих странах. Выбран был другой путь — активного приспособления к традиционному мышлению и системе ценностей, основанных на пантеистических верованиях японцев. Эту великую задачу решил принц Сётоку, выдающийся деятель Древней Японии.

Проникновению буддизма в решающей степени помог исключительно высокий и развитый культурный аспект этого учения и его социальная прогрессивность. Это подтверждает крупный знаток дзэн-буддизма Судзуки Дайсэцу (Тэйтаро), считающий, что внедрение буддизма японской политической элитой в VI в. было связано с ее стремлением «создать институт, который способствовал бы культурному развитию и политической консолидации»³¹. Не следует забывать, что это учение было своеобразным посредником, «медиумом» в проникновении в Японию культурных и цивилизационных элементов из значительно более развитого Китая. Главной средой, в которой происходил «импорт» китайской цивилизации, были культура в широком смысле и искусство в частности.

Влияние буддизма было обусловлено не только и даже не столько его мировоззренческой философией, сколько эстетикой. Благодаря ему особого расцвета достигли живопись, скульптура и архитектура. Это был гигантский шаг вперед по сравнению с прошлым. Культурно-цивилизационное значение буддизма заключалось и в том, что он был ориентирован на широкие массы. Его социальная направленность была очевидной и весьма ценной для политической элиты Японии того периода.

Но японцы не были бы японцами, если бы лишь как примерные ученики усвоили бы новую культуру. Их восприятие этой религии было активным по своей сути, отношение к ней — пытливым и проникновенным. В результате они оказались более восприимчивы, в частности, к дзэн-буддизму, к его эстетике, чем китайцы. Судзуки пишет о том, что монахи буддийской школы *дзэн* в эпоху Камакура в XIII в., часто путешествовавшие между Японией и Китаем, привозили шедевры живописи южных провинций империи Сун. Эта живопись нашла своих горячих поклонников, ряд ее произведений и ныне входит в пантеон национальных сокровищ страны, в то время как в Китае ее образцы сегодня трудно найти и идентифицировать³².

Вместе с тем дзэн-буддизм испытал огромное влияние собственно японской культурной традиции, приобретая более законченные формы и социальную направленность. Примером могут служить такие эстетические категории, как *ваби* и *саби*. Они сыграли большую роль в формировании социально-психологических установок японцев, их системы ценностей. Категория *ваби* как эстетика скромности и умения довольствоваться малым, несомненно, сказалась на поведенческих нормах японцев.

Эстетика «бедности» возникла и утвердилась в Японии в силу объективных условий, в которых находились страна и нация. Скучность природных ресурсов диктовала необходимость формирования таких норм, которые не только бы примиряли с бедностью, но и придавали ей некое очарование и привлекательность. Это в корне отличало японскую эстетическую систему от западной, где богатство форм и роскошь, буйство фантазии, многоцветье, пышность и яркость были и в значительной мере остаются ее позитивными элементами. Следует отметить, что категория *ваби* повлияла не только на эстетические нормы, но и на интеллектуальную сферу, в которой стал цениться тот же скромный подход, созвучие с японской природой, в которой присутствует гармония форм, «неаффектированная простота», по выражению того же Судзуки³³.

Простота и скромность в конечном счете в социальной и экономической сфере воплотились в категорию «экономности», в умение достигать поставленной цели с наименьшими затратами. Скромность или, точнее, разумная сдержанность как этико-эстетическая норма имела экономический и социальный выход: сравнительно низкая норма личного потребления и высокая норма накоплений играли в японской экономике всегда очень важную роль, особенно в период быстрых темпов экономического роста с середины 1950-х по начало 1970-х годов.

Дзэн-буддизм как учение — не столько рационалистически философское, сколько интуитивно-эстетическое и этическое — многое привнесло в такой социальный институт, как самурайство. Причем идея насилия или вооруженной борьбы и все другие атрибуты самурайской идеологии не могли иметь корни в буддизме, поскольку Учение о Будде само по себе отрицает насилие. Но в Японии предпочитают гибкий подход, когда для социально-политических нужд применяется селективный метод: из философско-эстетического учения выбираются те элементы, которые необходимы в данный момент. Дзэн-буддизм дал самурайской идеологии идею о воле как главной человеческой и социальной добродетели³⁴.

Формирование нынешнего японского социума с его культурно-психологическими особенностями было бы невозможным без конфуцианства. Обычно считается, что оно послужило основой этических норм поведения, иерархии социальных отношений и пр. Большинство исследователей особенно подчеркивает влияние конфуцианства на военное сословие в Средние века³⁵. Но это справедливо, если говорить о конфуцианстве только как об идеологическом и политическом институте. Характерно, что в Японии нет конфуцианства в его чистом виде, как оно существует, скажем, в Корее. Воспринимая это учение, японцы, как это было и с буддизмом, пропустили его через свое культурное «сито».

Интересно, что они усвоили не только рациональные, но и эстетические «зерна» этого учения великого китайского философа. В конфуцианстве и российские исследователи находят некий синтез рационального с иррациональным, мистическим и чувственным. И. И. Семененко отмечает:

«Слово Конфуция отличается двойственностью, двуплановостью, ибо, с одной стороны, оно характеризуется рационально-логическими, а с другой — оказывается проникнутым иррационально-мистическими интонациями. Однако этот иррациональный аспект отнюдь не является простым отрицанием рационального. Противостоя ему, он вместе с тем составляет его высший и сокровенный смысл. Мистический мифологизм становится как бы “душой” всех рационалистических заявок “Изречений”»³⁶.

Это учение в Японии приняло оригинальную форму квазирелигиозной ритуальности. Основой конфуцианского храма является школа по изучению идей великого философа. Наиболее известной стала такая школа в маленьком городе Асикага. Здесь же сохранилась самая старая в стране (XVI в.) деревянная скульптура сидящего Конфуция. Подобных храмов немного, и они не очень известны широкой публике.

Мало кто из токийцев знает, что рядом с оживленным кварталом Акихабара на уютном склоне Внешнего рва (Сотобори) — второго защитного кольца вокруг императорского дворца, напротив православного собора Воскресения Христова (Николай-до) расположился конфуцианский храм Юсима Сэйдо со школой, где еще не так давно можно было слушать лекции по «Лунь Юй». В парке — скульптура Конфуция уже в традиционном виде, в котором его, в частности, можно увидеть и в китайском квартале Нью-Йорка.

Влияние западной цивилизации на формирование японской культуры по значению вполне сравнимо с китайским. Более того, с ее проникновением Япония освободилась от монополизма Китая в духовной сфере. Особенно это сказалось на литературных произведениях, большей частью писавшихся в Средние века по-китайски и в китайской художественной традиции. Японоязычная литература оставалась на задворках в роли падчерицы, но с проникновением западной культуры, с начала эпохи Эдо, она быстро завоевала передовые позиции и стала полностью доминировать³⁷.

Отношение Японии к Западу в принципе отличалось от китайского. Ее культура не пыталась, как это было в Китае, отторгнуть от себя западную цивилизацию ни в конце XVI в., ни тем более после революции Мэйдзи в силу органически присущей ей способности и стремления впитывать все наиболее эффективное и полезное. Этому помогло и то, что в течение всего своего существования она училась у других и не пыталась учить других. Китайская культура традиционно считала европейскую более низкой и «варварской» по сути. Когда первый португалец появился на острове Танэгасима в сопровождении китайца, тот представил его как «варвара», темного и некультурного. Реакция же японцев была совершенно иной. Их внимание привлекло огнестрельное оружие португальца, которое они оценили как свидетельство прямо противоположного — высокого уровня развития техники³⁸.

Этот «технократиум» японцев, по выражению Окада Сусуму, остался навсегда наиболее отличительной чертой японской культуры, решающим фактором, определившим ее отношение к Западу. Сегодня Япония пытается внести свой вклад в развитие фундаментальной научной мысли и добилась в этом больших результатов, однако до сих пор преобладание западной технической мысли остается заметным.

Принято считать, что христианство так и не смогло привиться на японской почве и поэтому не имело существенного влияния на японскую культуру. Это и так и не так. Как культурный фактор христианство или западная культура в целом оказали заметное воздействие на японскую. Как идеология или мировоззрение христианство действительно

в сознании японцев не укоренилось. Оно не стало национальной религией, а его ценности мало сказались на менталитете. Для этого были серьезные основания как исторического, так и психологического плана.

Сознательная самоизоляция Японии в начале XVII в. и активное гонение на христиан послужили главной причиной того, что эта религия, несмотря на усилия миссионеров, так и не смогла добиться успехов. Литературовед Дональд Кин отмечал определенную ограниченность влияния европейской культуры, в частности, на японскую литературу и объяснял это в первую очередь политическими мотивами. По его мнению, лидеры страны усматривали в ней угрозу идейной сплоченности, без которой невозможно было объединение Японии. Эта причина лежала и в основе политики самоизоляции. Поэтому, считает Дональд Кин, Японии не удалось уже тогда примкнуть к европоцентристской мировой цивилизации³⁹.

Но он же отмечает и другие, как кажется, более существенные причины, почему это произошло, в частности, боязнь, что вслед за христианством в страну придут колонизаторы, как это случилось с соседними Филиппинами. Кроме того, правители Японии опасались, что обращенные в христианскую веру генералы могут пожертвовать интересами страны и государства во имя своей веры.

Но были и неполитические, культурно-психологические факторы, которые не позволили христианству глубоко проникнуть в японский социум, — неприятие основных философских и этических постулатов христианской религии. Японцы понимали и даже с уважением относились к ним, но не могли сделать их своими национальными. Известный католический писатель Эндо Сюсаку в одном из своих философских произведений, посвященных сравнительному анализу христианской монотеистической традиции и японской пантеистической, признавался, что чем больше японский католик приобщается к этой вере, тем явственнее ощущает в себе зов крови потомка «богов» и, чтобы стать истинным христианином, верующим в единого Бога, ему приходится гасить в себе этот «генетический» пантеизм⁴⁰.

Но следует отметить еще одну причину. Дело в том, что именно в Японии первые христианские миссионеры столкнулись с чрезвычайно поразившим их фактором — высокой развитостью и глубиной философии и ритуальности укоренившихся в Японии буддийских школ. Когда иезуитский миссионер Франциск Ксавье впервые попал на медитацию членов школы *дзэн*, он понял, что в их лице христианское миссионерство встретит мощную духовную конкуренцию⁴¹.

По свидетельству Дональда Кина, взамен христианства насаждались конфуцианские идеи, проповедовавшие строгую социальную

иерархию. Но с течением времени христианство, особенно после революции Мэйдзи, постепенно заняло свою нишу в японском обществе. Произошла его определенная трансформация и приспособление к японским условиям. Теперь христианство мирно уживается и даже взаимодействует с другими религиями⁴².

Культурно-психологический генотип японцев

Культурно-психологические характеристики японского социума во многом обусловлены национально-языковой однородностью. Окада Сусуму, пытаясь определить, что же такое «японец», писал:

«Для японца начало всех начал не в технике, не в идеологии и не в культуре, а в простом факте, что он прежде всего японец, и ничто иное... Успокоение его души в том, что он принадлежит единому народу, живущему в окружении моря, говорящему на одном языке, имеющему единые обычаи и общую жизнь, и при этом он самостоятельно с помощью самоконтроля при необходимости вбирает в себя чужое и при необходимости это чужое отвергает»⁴³.

В прошлом национальное и, следовательно, культурно-психологическое единство японцев обеспечивалось относительной их изоляцией, их сознательными и самоконтролирующими действиями по ограничению проникновения в страну чужого. Особое внимание уделялось регулированию притока иностранцев. Причем чаще для этого не нужно было принимать какие-то административные меры. Чужестранцы в силу чисто психологических причин не были способны раствориться в японском обществе или стать его органической частью и потому предпочитали уезжать из Японии. Таковой была участь практически всех европейских эмиграций до последнего времени, особенно двух русских потоков — после революции и Второй мировой войны.

Традиционно неприятие иммиграции в Японии носило характер скорее не расовых, а культурных предубеждений, опасений, что она может испортить качество японского общества, нарушить его культурно-психологическую целостность. Именно этим объясняет А. Н. Мещеряков противодействие иммиграции в Японию в VI–VIII вв. из Китая и Кореи. Иммигранты, представляя низшие или средние слои в своих обществах, пытались сразу же внедриться в японскую элиту, фальсифицируя свое происхождение, доказывая, что они ведут свой род от императоров и богов. Это, естественно, приводило к дестабилизации общества⁴⁴.

Японский социум в настоящее время находится в мучительных поисках оптимального соотношения между необходимостью сохране-

ния национальной однородности и неизбежностью увеличения числа иностранцев, постоянно проживающих в стране. При этом нынешняя иммиграция — совершенно другого порядка, в ней все больше преобладают азиаты, представители близкой японцам культуры восточноазиатского типа. Пока японской культуре удастся успешно переваривать новый этнокультурный материал, однако со временем число иностранцев может достичь критической массы.

Наиболее сильную специфику в культурно-психологической традиции японцев можно отметить в их представлениях об отношениях личности и общества. До появления буддизма роль личности в Японии была явно в тени. Именно ему японцы обязаны возрастанием внимания к индивидууму. А. Н. Мещеряков отмечает, что в начале своего распространения это учение воспринималось как «защитник отдельной личности» и лишь позднее стало религией государственного строительства. Вместе с тем соотношение интересов личности и коллектива-общества здесь явно в пользу последнего.

Западная традиция современных обществ связана с их акцентом на личности (на этом основываются теории западного индивидуализма), на ее потенциал, социальную роль и ответственность. Этот фактор — основа западноевропейской демократии, строящейся с упором на права человека. Демократия зиждется на балансе двух категорий — свободы и ответственности. Эффективность функционирования общества в конечном счете связана с организацией форм социальной ответственности. В европейской традиции она возлагается, как правило, на личность. Поэтому ей и предоставляется свобода.

Восточная, и японская в том числе, традиция иная. Здесь в социальных системах и процессах, как уже отмечалось, ответственность возлагается на коллектив. В японском понимании она предполагает скорее ответственность личности перед коллективом, чем перед обществом в целом. В политической жизни Японии известна практика принятия на себя ответственности и ухода в отставку за какой-то проступок. Но это как раз и есть акт личного самопожертвования во имя интересов группы.

Свободы личности в европейском понимании здесь также не существует. Причина, скорее всего, в том, что феодальная структура обществ на Востоке сохранялась исторически дольше. В такой структуре человек уже при рождении, вне зависимости от социального положения, не был свободным. Его жизнь была запрограммирована социальной схемой.

В Японии в силу ее специфики — сложных природных и ресурсных условий, трудоемкого сельскохозяйственного производства — личность

была всегда слабее группы, коллектива. Социальная эффективность не могла бы быть достигнута за счет полной свободы отдельной личности. А сам человек даже этого и не добивался, поскольку осознавал непродуктивность подобных действий. Более того, только опора на коллектив, на его возможности давала личности шанс на выживание и процветание. По некоторым оценкам, это обусловлено культурой выращивания риса. При поливном рисоводстве, в частности, огромное значение имеет равное распределение воды по всем полям. Сама ирригационная система предполагает коллективное сотрудничество, высокие моральные стандарты, способность отдавать свое на благо остальных.

Коллективизм, или группизм, как основа социальной организации постепенно подтачивается реалиями новой структуры производства и функционирования экономики. Но тем не менее он остается достаточно сильным генетически. По опросу журнала «Экономисутто», проведенному в 1992 г., японцы ценят свободу личности в два раза меньше, чем американцы и англичане⁴⁵. Даже те, кто покинул родину, признают именно социальную ориентированность личности главной или основополагающей чертой японской культуры. Профессор Гавайского университета Такиэ Сугияма Лебра считает ее «социокультурной», а моральное поведение японцев, по ее мнению, регулируется высокочувствительным радаром, встроенным в каждого из них⁴⁶.

Однако это вовсе не свидетельствует о какой-то ущербности японского национального сознания, его прирожденной недемократичности. Это добровольный и вполне осознанный отказ от части своей личной свободы в пользу интересов группы и общества в целом во имя социальной эффективности и пользы, которая обеспечивает в большей и лучшей мере интересы и самой личности.

В христианстве не существует традиции ощущения себя человеком Христом или Богом. В буддийской — характерной особенностью медитаций является такое самоуглубление, при котором молящийся начинает ощущать себя божеством, Буддой, растворяя при этом свое «я» во всеобщем, в универсуме.

В японской эстетике этот образ личности, сливающейся с всеобщим, с Богом, довольно распространен. Японский психолог Аидзава Сидзуо приводит пример, когда душа Ямато Такэру из драмы Тикамацу «превращается» в птицу и растворяется в природе. А по версии одного из крупнейших японских культурологов, бывшего директора Международного центра по изучению японской культуры в Киото Умэхара Такэси, образы птиц и бабочек в элегических песнях «Манъёсю» есть не что иное, как души умерших, которые возвращаются в лоно природы⁴⁷.

Согласно буддийской культурной и мировоззренческой традиции, личность — это микрокосм. Он воплощает в миниатюре всю полноту и сложность мироздания, космоса. Поэтому он многогранен и многоаспектен и в социальном плане.

Как отмечается в одной из работ, японское общество отличается поразительно гибким или снисходительным отношением к отдельным антисоциальным поступкам личности. Если конкретный индивид обладает определенными социально полезными и ценными качествами, то оно склонно прощать ему проступки в одной сфере и допускает его к деятельности в других⁴⁸.

Культурная монолитность японского народа стала основой идейно-психологического конформизма и единства поведенческих норм, особенно в критических ситуациях. В японской истории можно найти немало примеров, когда принадлежность к одной культуре, а через нее к одним этико-психологическим ценностям примиряла смертельных противников, смягчала отношение победителя к побежденному. Типичной является средневековая история о Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин, получившая воплощение во многих произведениях искусства. Наиболее знаменитой стала киноверсия «Воин-двойник» («Кагэмуся»), созданная Куросава Акира. Социально-психологический феномен этой истории в том, что и побежденный (Такэда Сингэн) и победитель (Уэсуги Кэнсин) были приверженцами буддизма и оба проповедовали одни и те же этические нормы. Это и определило столь необычное поведение обоих: смертельные противники не уничтожили друг друга.

Иными словами, неизбежные в любом социуме и в то же время необходимые для его поступательного развития противоречия сглаживаются или, точнее, гармонизируются культурной общностью народа, его приверженностью ей, а также значительной ролью культуры в формировании и эволюции этого общества.

Психологическое единство, сформировавшееся на культурной почве, стало главной причиной отсутствия в японской истории разрушительных явлений, подобных социальным революциям. Борьба шла между отдельными кланами и группами интересов. Победа одних над другими не приводила к разрушению культурных и цивилизационных ценностей. Гибель храмов в некоторых случаях была связана отнюдь не с желанием искоренить культовые сооружения противника. Они разрушались в основном как фортификационные сооружения, как крепости или в результате пожаров.

Структура Японского государства, механизм власти и его восприятие японцами восходит также к этико-эстетическим воззрениям о том,

как должен строиться этот механизм. Государство воспринимается как некая целостность, обладающая тремя «добродетелями»: чувством гармонии в своих решениях, разумной и экономной организацией и эффективностью социальной политики, что обеспечивает стабильность в обществе.

По своей социальной сути стабильность — это критически важное качество для страны, уязвимой перед внешними катаклизмами и не обладающей для противодействия им достаточными внутренними ресурсами, кроме психологических. Стремление японцев к стабильности, устойчивости всех социальных и психологических структур часто расценивают как консерватизм, что в принципе не соответствует действительности. Это европейское клише, перенесенное на японскую почву без учета специфики культурной традиции. Конструктивный, или «здоровый», консерватизм японцев отличается от европейского, или классического. Здесь нет четкой грани между консерватизмом и радикализмом. В культурной «мембранной» системе — это два полюса, между которыми находится множество вариантов, а выбор какого-то из них зависит от конкретной социальной задачи.

Но психологически консерватизм связан скорее с отношением в буддийской философской системе к окружающему миру. В ней значительно больше, чем в западной, готовности принимать мир таким, как он есть, и не пытаться его изменить в корне. Отсюда — большая терпимость к бедам и невзгодам, способность философски воспринимать горе, не сетовать на жизнь, а стараться выдержать испытания.

Как отмечает один из западных исследователей, в философии буддизма, в отличие от христианства и более поздних учений времен английской или французской революций, а затем марксизма, нет каких-то абсолютно непреходящих истин. В ней нет утопических идей об улучшении мира или создании идеального общества, лучшего, чем то, что есть. С точки зрения японской традиционной системы ценностей существующий мир и общество в его последовательном развитии есть высший идеал, поэтому главное — поддержание устойчивого социального порядка. Однако эта устойчивость не статична. Так как общество не связано ни с какими идеалистическими догмами и доктринами, оно легко меняется и приспосабливается (адаптируется) к изменению внешней среды. Поэтому японское общество является консервативным и инновационным одновременно⁴⁹.

В японской культурной традиции нет противопоставления плоти и духа как двух враждующих начал, что превалирует в христианской догматике и нашло, по мнению Аидзава Сидзуо, свое наилучшее воплощение в эстетике и философии Толстого и Достоевского («Крей-

церов соната» и «Братья Карамазовы»). В эстетике классика японской литературы Тикамацу Мондзаэмон, написавшего пьесу в жанре *синдзюмоно* (мелодраматическая пьеса о двойном самоубийстве влюбленных), тело и душа слиты воедино⁵⁰.

Возможно, этим объясняется и иное отношение японцев к жизни и смерти. Иное отношение и к самоубийству, считающемуся, по христианской традиции, преступлением и грехом. В пантеистической философии, оно — не нарушение святости рождения. В Японии и ныне бывают случаи самоубийства влюбленных по согласию (*синдзю*) или самоубийство родителей и детей (*ояко синдзю*) или даже семейное самоубийство (*икка синдзю*). Судзуки объясняет это особой структурой мышления японцев как представителей культуры восточного типа. Она основывается на интуитивности, в то время как у представителей западной — на логике и дискурсивности⁵¹.

Ту же разницу в образе мышления японцев, но уже с китайцами, на основе сравнительного анализа классической литературы находит другой автор. Он считает, что китайская литература «как рационалистична, интеллектуализирована, так и нравоучительна». Ею движет желание умозрительного познания мироздания, сугубо земное, прагматическое стремление понять роль человека в нем. Ее, кроме моральных аспектов, мало волнуют нюансы человеческой натуры. В отличие от нее японская концептуальная литература берет начало от памятников, полных поэзии, художественного вымысла и драмы. В ней познание мира происходит скорее через «интуицию, воображение, нежели разум»⁵². Произведения искусства не только интерпретируют или иллюстрируют сюжеты и мистику религиозной философии, но сами становятся воплощением Божественного начала. Более того, они проникают в суть Божественного.

Для японцев, таким образом, искусство было продолжением религиозной философии, ее эстетическим развитием. Каждое искусство, подчеркивает Судзуки, имеет свое собственное волшебство и свой собственный «божественный пульс», или *мё* по-японски. При этом художником может стать только тот, кто его ощутил.

Посвящая большое исследование сходству великолепной поэзии *хайку* с философией *дзэн*, Судзуки отмечал, что в ней, как и в философии *дзэн*, логическая схема идеи — не главное. Ценно другое — раскрытие идеи через чувство, через остроэмоциональное ощущение. *Хайку*, пишет он, не выражает какую-то идею, а скорее выдвигает на первый план образы, отражающие интуитивные ощущения⁵³. В то же время он считает, что интуитивная структура мышления имеет свои очевидные слабости и неоспоримые преимущества, особенно в тех случаях, когда

речь идет о религиозном, метафизическом и эстетическом восприятии мира⁵⁴.

Наиболее полное воплощение идея интуитивного восприятия мира японцами получила в категории *сатори*. Таким образом происходит некое ее противопоставление европейскому логосу. На самом деле эти две категории вряд ли взаимоисключаемы. *Сатори*, или интуитивный уровень познания мира, отличается от логического не принципиально иной конструкцией мышления, а иным культурно-психологическим компонентом. Он представляет другую этико-эстетическую систему ценностей или иную окрашенность подхода к процессу познания. Интуитивность в данном случае, как справедливо отмечает Судзуки, точнее можно определить как чувственность или эмоциональность восприятия. Так или иначе, ее значимость в японской системе ценностей весьма существенна. Она в большой мере определяет и характерные особенности социальных отношений и коммуникационных систем — и в политической, и в экономической, и в духовной сферах.

С этой точки зрения *сатори* — категория не столько логическая, сколько эстетическая, т.е. построенная на доминировании чувственного начала. *Сатори* как элемент буддийского мировосприятия во многом основывается на окрашивании окружающего мира в мистические тона с высокой степенью поэтичности и художественной мистики. Это обстоятельство само по себе и определило глубокую связь религиозного и культурно-эстетического компонентов в формировании японского феномена.

Согласно буддийской философии, нельзя стать полноценной личностью, не пройдя большой путь самосовершенствования и ощущения *сатори*. Буддизм признает, что гением можно только родиться, а не сделаться.

«Гений заложен в каждом человеке, задача только в том, чтобы его пробудить. И в этом — предназначение *сатори*»⁵⁵.

Другими словами, чтобы стать великим мастером, даже весьма одаренному человеку необходимо пройти через суровые круги самосовершенствования, епитимьи, как это звучало бы в христианской догматике.

Эти идеи, разумеется, родились не в Японии и, возможно, даже не в Китае. Они широко распространены и в европейской культурной традиции. Но в Японии они получили свое социальное развитие, канонизировались в виде культурно-психологических норм общества. И причина этого отнюдь не в какой-то исключительности народа и нации. Для этого были важные объективные предпосылки.

Социальная результативность подобной философии очевидна. Она предполагает трудолюбие и упорное самосовершенствование как самостоятельные добродетели. Это идея одинаковой ценности каждого, а следовательно, его социального значения и равенства.

* * *

Несмотря на все гигантские сдвиги в образе жизни современного японца, урбанизацию, интернационализацию, информатизацию и пр., культурный фактор не теряет своего значения. Скорее происходит обратное — возрастает тяга к культуре как кислороду, который должен питать поры общества, находящегося под сильным стрессом всех современных вызовов.

Не меняется в принципе и «генетический код» японской идентичности. На пике экономического роста в середине 1960-х годов появилось исследование специалиста по культурной антропологии Наканэ Тиэ, адресованное самим японцам и иностранцам, пытавшимся понять суть японского феномена. Все дело в «вертикальной структуре» общества, писала она, когда важнее всего не сама личность с ее индивидуальными достоинствами, а ее «место» в этой структуре. Тираж ее книги «Отношения между людьми в обществе вертикальной структуры» (1967 г.), более сотни изданий, превысил миллион экземпляров. Отмечая 50-летие ее первого выхода, одна из газет в интервью прославленного ученого, которой перевалило за девяносто, выяснила, что нынешняя Япония, несмотря на разительные перемены, не вызывает у нее желания переписать свою книгу⁵⁶.

Описать специфику японской идентичности пытались многие и до войны. В послевоенные годы наиболее серьезные попытки можно найти в книге Рут Бенедикт «Хризантема и меч» 1946 г., в которой автор выделяет «культуру стыда». В том же году была опубликована работа ведущего японского политолога и теоретика Маруяма Масао «Логика и психология ультрационализма» с главным тезисом о «безответственности» довоенной политики. Затем появился целый ряд работ: «Гибридность культуры: маленькое желание Японии» (1955 г.) — исследование известнейшего культуролога Като Сюити о влиянии на японскую культуру мировой цивилизации; «Структура “Амаэ”» (1971 г.) врача-психиатра Дои Такао с теорией благосклонного отношения старшего к младшему, начальника к подчиненному как заданного; книга гарвардского профессора Эзры Фогеля «Япония как мировой лидер номер один» (1979 г.). Свой вклад в поиски «секретов» японской самобытности и ее послевоенных успехов внесли и россияне. Среди

наиболее известных работ следует назвать «Ветку сакуры» (1971 г.) Всеволода Овчинникова, ставшую хитом застойных лет, и «Пятнадцатый камень сада Рёандзи» (1986 г.) Владимира Цветова.

Тема «культуры» — излюбленная среди политиков и активно используется в их лозунгах. Построение «государства культуры» — флаг, под которым выступал премьер-министр Такэсита Нобору⁵⁷. И сейчас, почти 30 лет спустя, культурная политика правительства проводится под лозунгом «Превратить Японию в страну культуры и искусства, которыми можно гордиться в мире».

Теоретики ведут изыскания, политики наживают политический капитал, а государство занимается конкретной работой по сохранению культурного наследия, пропаганде и приданию ему актуального социального значения. Бюджет Управления культуры министерства образования и науки Японии в 2017 г. составил 113 млрд иен (порядка 1 млрд долл.)⁵⁸. Сравнительно небольшие расходы государства связаны с тем, что многие объекты культуры и программы берет на себя частный капитал в порядке спонсорства.

Все культурные объекты классифицируются по группам в соответствии со своим историческим значением. Наивысшая — предметы культуры, причисленные к разряду *кокухо* — «национальное сокровище». По всей стране к ней относится 1101 объект. 223 из них — здания и сооружения, остальное — произведения искусства: живопись, скульптура, предметы ремесла, письменные памятники, рукописи и книги, древние манускрипты, археологические находки и исторические материалы. Следы двух из них (в обоих случаях — японские мечи), находившихся во владении частных лиц, по разным причинам потеряны. Вторая группа памятников, охраняемых государством, — «важное культурное достояние». 2233 из них — здания и сооружения, 9676 — предметы живописи, ремесла и др.

Япония — единственная страна в мире, где человек, художник, актер, деятель культуры может быть объявлен «национальным сокровищем». Таких сейчас более пятидесяти человек. Это актеры театров Но, Бунраку, Кабуки, окинавского театра танца Кумидори, недавно признанного национальным сокровищем. Более половины — музыканты, играющие на традиционных инструментах, и исполнители устных рассказов классического Ракуго.

Вопрос о перспективах развития культурно-психологического фактора в современном обществе имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Сохранит ли Япония свою уникальную специфичность или быстрыми темпами начнет растворяться в некоей глобальной культурной и цивилизационной системе, основанной на

европейской модели? От ответа на этот вопрос зависит будущее самой Японии и ее отношения с остальным миром.

Интернационализация экономик — факт непреложный и объективный по своей сути. Национальные культурно-психологические структуры, как правило, не только более консервативны. Они активно стремятся сохранить себя, а в ряде случаев — даже с изрядной долей агрессивности. Это своеобразная реакция на процесс интернационализации, который грубо и болезненно вторгается в культурно-психологическую сферу. Поэтому суть мировых процессов, происходящих в последние два десятилетия, — это развитие двух мощных тенденций, диалектически единых и противоположных.

С одной стороны, это экономическая и политическая интеграция, интернационализация связей и формирование глобального рынка, расширение обмена товарами, идеями, людьми. А с другой — это рост национализма, национального самосознания, усиление стремления к самобытности, пестование своей культуры, языка и др. В значительной мере этим объясняется взрыв межэтнических противоречий, которые были законсервированы в прошлую эпоху.

Для Японии развитие интернационализации — особенно тяжелое испытание, поскольку многие ее упрекают, и нередко справедливо, что она больше говорит об этом, чем делает. Но это не закрытость страны в буквальном смысле слова. Скорее мы имеем дело с работой того самого культурного «клапана», регулирующего доступ такого количества инокультурной информации и влияния, которое национальный организм способен переварить, не разрушая самого себя⁵⁹. Японский опыт последних лет гармонизации своей культуры с остальным миром заслуживает самого пристального внимания. Страна являет одну из моделей сочетания национального и интернационального. Она пытается соединить в себе оба начала. Для нее это вопрос не только сохранения целостности национального самосознания, но и эффективности социальных и экономических структур.

В обозримом будущем, как это было и в прошлом, эволюция будет происходить по формуле «высокого» синтеза, путем органичного соединения традиционных черт с привносимыми извне и формирования на этой основе нового качества, которое будет по-прежнему национальным, т.е. японским. Культурная «мембрана» будет функционировать как фильтр, поглощая и усваивая только то, что полезно, и отбрасывая то, что неэффективно или разрушительно. Но, как показывает жизнь, — решить эту задачу очень непросто даже такой стране, как Япония, которой присуща высокая степень эластичности внутренних структур.

Примечания

- ¹ *Wolferen K. Van*. The Enigma of Japanese power. N.Y., 1990. P. 3.
- ² *Herbig P.* Innovation Japanese Style: A Cultural and Historical Perspective. Quorum Books. Westport, CT, 1995. P. 20, 177, 182, 188 и др.; *Graham F.* Inside the Japanese Company. N.Y., 2003. P. 3, 11, 74, 166, 169, 232 и др.
- ³ *Ozaki R.* Humann Capitalism. The Japanese Enterprise System as World Model. Tokyo, 1991. P. 86–87.
- ⁴ См.: *Eisuke Sakakibara*. The End of Progressivism: A Search for New Goals // Foreign Affairs. 1995. September/October. P. 8–14.
- ⁵ *Takeo Doi*. The Anatomy of Self: The Individual versus Society. Tokyo, 1986, P. 12.
- ⁶ *Нихон дзэнси*. Джапан куроникку (Ранняя история Японии. Японские хроники). Токио, 1991. С. 22.
- ⁷ *Noritake Tsuda*. Handbook of Japanese Art. Tokyo, 1981. P. 18.
- ⁸ Ibid. P. 19.
- ⁹ Цит. по: *Sansom G. B.* The Western “World and Japan”. A Study in the Interaction of European and Asiatic Cultures. Tokyo, 1977. P. 115.
- ¹⁰ *Keene D.* Appreciations of Japanese Culture. Tokyo, 1981. P. 40.
- ¹¹ Записки генерала Куропаткина о русско-японской войне. Berlin, 1909. С. 410, 411.
- ¹² *Kosaku Yoshino*. Cultural Nationalism in Contemporary Japan, a sociological enquiry. N.Y.; L., 1992.
- ¹³ *Mangatopia: Essays on Manga and Anime in the Modern World* / Timothy Perper, Martha Cornog (eds). Libraries Unlimited. Santa Barbara, CA. 2011. P. 61.
- ¹⁴ Йомиури симбун. 04.02.2017; Майнити симбун. 21.02.2017.
- ¹⁵ Асахи симбун. 03.03.2016.
- ¹⁶ *Аидзава Сидзуо*. Никон бунка то сэйсин кодзо (Японская культура и духовная структура). Токио, 1975. С. 201.
- ¹⁷ *Pelzel J. C.* Human Nature in Japanese Myths // Japanese Culture and Behavior. Selected Readings. Honolulu, 1974. P. 20.
- ¹⁸ В этом смысле вряд ли рационально говорить только о «синтоистско-буддийском синкретизме». См.: *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония. Буддизм и синтоизм. М., 1987.
- ¹⁹ Там же. С. 34.
- ²⁰ *Keene D.* Op. cit. P. 41.
- ²¹ *Мещеряков А. Н.* Указ. соч. С. 3.
- ²² *Noritake Tsuda*. Op. cit. P. 37.
- ²³ *Gerstel C. A.* The Concept of Tragedy in Japanese Drama // Japan Review. 1990. No 1. P. 51.
- ²⁴ *Noritake Tsuda*. Op. cit. P. 27.
- ²⁵ *Sansom G. B.* Op. cit. P. 43, 44.
- ²⁶ *Конрад Н. И.* Избранные труды. Синология. М., 1977. С. 429.

Раздел IV. Культура

- ²⁷ *Shuichi Kato*. A History of Japanese Literature. Tokyo, 1981. P. 1, 2.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Цит. по: *Воронова Б.* Предисловие к каталогу выставки «Японская гравюра укиё-э — в свете творчества Ван Гога». М., 1995.
- ³⁰ *Григорьева Т. П.* Красотой Японии рожденный. М., 1993. С. 16.
- ³¹ *Suzuki D.* Zen and Japanese Culture. Tokyo, 1991. P. 217.
- ³² Ibid. P. 21.
- ³³ *Suzuki D.* Op. cit. P. 23.
- ³⁴ Ibid. P. 61.
- ³⁵ *Noritake Tsuda*. Op. cit. P. 165–166.
- ³⁶ Цит. по: *Переломов Л. С.* Конфуций. Жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 175–176.
- ³⁷ *Domeki Kyozaburo*. Japanese Culture. “About Japan”. Series // Foreign Press Center of Japan. 1979. June. P. 15.
- ³⁸ *Окада Сусуму.* Нихондзин-но имэдзи кодзо (Структура имиджа японца). Токио, 1972. С. 165.
- ³⁹ *Keen D.* Op. cit. P. 41.
- ⁴⁰ Приводится по: *Аудзава Сидзуо.* Указ. соч. С. 201.
- ⁴¹ *Sansom G. B.* Op. cit. P. 117.
- ⁴² *Сугии Рокуро.* Киндай нихон саякай то кирисутोकё (Современное японское общество и христианство). Токио, 1989.
- ⁴³ *Окада Сусуму.* Указ. соч. С. 172, 173.
- ⁴⁴ *Мещеряков А. Н.* Указ. соч. С. 47.
- ⁴⁵ *Coulmas F.* Responsibility Allocation and Networks in Japanese Society // Japan Quarterly. 1993. April–June. P. 128.
- ⁴⁶ *Takie Sugiyama Lebra.* Compensative Justice and Moral Investment among Japanese, Chinese, and Koreans // Japanese Culture and Behavior... P. 43.
- ⁴⁷ *Аудзава Сидзуо.* Указ. соч. С. 203.
- ⁴⁸ *Eichiro Ishida.* A Culture of Love and Hate // Japanese Culture and Behavior... P. 40.
- ⁴⁹ *Coulmas F.* Op. cit. P. 128.
- ⁵⁰ *Takie Sugiyama Lebra.* Op. cit. P. 43.
- ⁵¹ *Suzuki D.* Op. cit. P. 219.
- ⁵² *Pelzel J. C.* Op. cit. P. 8.
- ⁵³ *Suzuki D.* Op. cit. P. 240.
- ⁵⁴ Ibid. P. 219.
- ⁵⁵ Ibid. P. 222.
- ⁵⁶ Асахи симбун 17.05.2017.
- ⁵⁷ Йомиури симбун. 03.11.1995.
- ⁵⁸ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.bunka.go.jp/seisaku/bunka_gyosei/yosan/pdf/h29_yosan.pdf.
- ⁵⁹ Japan Almanac. 1996; Asahi shimbun. Tokyo, 1986. P. 249; Asahi Evening News. 29.06.1995.

О ТРАДИЦИОННОМ СОЗНАНИИ ЯПОНЦЕВ

Вот уже более полутора века Япония являет миру поразительную устойчивость как в движении по пути прогресса, так и в поддержании имиджа страны, которой, несмотря на разностороннее влияние интернационализации и глобализации, удается не только сохранить традиционную культуру, но и умело сочетать ее со всевозможными новшествами во всех областях жизнедеятельности человека. Это становится причиной внимания к особенностям развития Японии, ее культуры и духовного облика ее народа.

Общим местом в рассуждениях о том, как японцам удалось преодолеть многовековую отсталость и интегрироваться в мировое сообщество «на равных», а также при рассмотрении причин, способствующих этому, в научных исследованиях и популярной литературе стала открытость японцев чужому опыту и готовность заимствовать чужие знания. В работах культурологического характера подчеркивается приверженность японцев традициям и любовь к природе. И те и другие особенности японского характера на самом деле проявляются во всех сферах жизнедеятельности. Причины их формирования могут быть рассмотрены с различных точек зрения. Однако

«как ни знай сердце человеческое, как ни будь опытен, а трудно действовать по обыкновенным законам ума и логики там, где нет ключа к миросозерцанию, нравственности и нравам народа»

И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада».

Какие же элементы миропонимания сформировали нравы японцев и их ценности, определив духовный облик нации?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо подчеркнуть, что миропонимание японцев характеризует синто-даосско-буддийский синкретизм, лежащий в основе того, что зачастую принято называть «традиционно японским». В результате многие философские понятия приобрели своеобразную смысловую окраску и, таким образом, перестали строго соответствовать закрепленным за ними терминам. В свою

очередь, это обстоятельство вызывает определенные сложности в культурологических исследованиях, поскольку, с одной стороны, возникает необходимость рассмотреть в каждом отдельном случае процесс видоизменения понятия, а с другой — существует опасность отойти от обсуждаемой темы слишком далеко.

Обходя эти трудности, попытаемся проанализировать, какие особенности восприятия мира и своего места в нем стали причинами готовности заимствовать чужие знания, в чем проявляется традиционность и что следует понимать под любовью к природе, насколько это позволяет заданный формат.

В рассуждениях о склонности японцев к заимствованиям многие авторы вполне справедливо подчеркивают, что заимствования не только не наносили ущерба существующим традициям, но поднимали их на новый, более высокий уровень¹. «Заимствованные» знания в Японии ничего не замещали и не восполняли, как это бывает в случае заимствований в полном смысле слова. Как правило, они служили новыми средствами выражения главного, что лежало в основе национальных убеждений японцев, и, таким образом, способствовали его укреплению. Результатом заимствований, когда бы и в какой бы области они ни происходили, обычно было появление феноменов, становившихся знаковыми именно для Японии².

Ввиду особенностей исторического развития Японии и, прежде всего, закрытия страны на два с половиной века от внешнего мира историю заимствований условно можно разделить на два периода. Первый берет начало во времена становления Японского государства (VI–VIII вв.) и характеризуется процессами, во время которых Япония обогащалась достижениями ближних соседей, в основном Китая. Из Китая через Корею в Японию пришел буддизм, была заимствована система государственного устройства, образования, градостроительства и многое другое.

Начало второго периода приходится на вторую половину XIX в., когда Япония перестала быть «закрытой страной», стала конституционной монархией, познакомилась с научными достижениями западных стран и с западной культурой и, обогатившись чужими знаниями, приступила к модернизации страны, которая по-разному и в разной степени затронула все области японской жизни.

Во время «второго периода» японская культура испытала мощное воздействие Запада. Оно коснулось всех сфер — от государственного устройства до образа жизни граждан. Духовную жизнь общества стали определять новые понятия, новые поэтические и философские тече-

ния, появились новые поэтические жанры, изменился характер японской прозы. Традиционно японское казалось устаревшим, и перемены проходили под лозунгом «соответствовать современности».

Однако после первого неудержимого увлечения всем западным «элемент чисто японский» (заимствуя слова О. О. Розенберга), понимаемый как «характерное мировоззрение, не заключенное в рамки системы»³, сыграл роль модератора в процессе освоения всего нового.

Этот «национальный, чисто японский элемент» был результатом взаимодействия местных синтоистских поверий с учениями Будды и Лао-цзы, которое, если не считать монахов и ученых, происходило большей частью стихийно, отчего характерное мировоззрение и не могло быть «заключено в рамки системы». Однако важно помнить, что основа, на которую ложились буддийские и даосские учения, была синтоистской.

Синтоистское понимание мира и своего места в нем определило многие черты национального характера японцев, из которых наиболее часто отмечаются трудолюбие и ответственное отношение к результату своего труда. Японские исследователи достаточно часто подчеркивают различие, которое обнаруживается между пониманием повседневного труда в Ветхом Завете и в японских мифах Кодзики и Нихонсёки. В частности, в наказание за первородный грех Адам, изгнанный из рая, где они вместе с Евой безмятежно проводили время, обречен «возделывать землю», трудиться и есть в поте лица своего добытый хлеб. Иными словами, труд рассматривается как наказание. В японских мифах рассказывается о том, как трудятся сами японские *ками* и как передают свои знания и опыт людям. Верховная богиня японского пантеона богов Озаряющая Небо богиня Аматаэрасу 天照大神 сама возделывала рис на Равнине Высокого Неба — Такамагахара 高天原 и занималась ткачеством. Благодаря ей люди научились выращивать рис и ткать. В память об этом японский император ежегодно совершает обряды посадки риса *тауэ* 田植 и жатвы *инэкари* 稲刈. Японцы рассматривают свой повседневный труд как благословление, ниспосланное им богами, и с радостью предаются ему. Именно «отношение к труду следует ставить во главу угла при рассмотрении вопроса о национальной идентичности японцев», полагают японские историки, исследователи синто, авторы книги «Мифы Кодзики делают Японию сильнее. Японцев можно понять, зная их мифы» Наканиси Тэруаки (中西 輝政) и Такамори Акинори (高森明勅)⁴.

Согласно синто, сотворенный богами *ками* мир — прекрасен, а все существующее в нем, изначально незрелое и незавершенное, иными

словами, пребывающее в начальной стадии своего существования, постепенно, по мере того как люди своим трудом продолжают деяния богов, выражая тем самым им свое почтение и благодарность, становится все лучше и лучше. Считалось, что боги, поощряя людей за оказываемое им поклонение, разными способами, в том числе открывая им новые знания и умения⁵, помогают совершенствовать мир и жизнь на земле.

Знаменательно, что все награды богов людям достаются при жизни. Синто не обещает никаких воздаяний за благие дела после смерти. Таким образом, само понятие «труд» японцы воспринимают не только в материальном, но и в духовном измерении и относятся к продукту труда с большой ответственностью.

Поскольку людьми руководят *ками*, соответственно, все перемены — к лучшему. (Любопытно отметить, что в японском языке любое обозначение повторения действия заново или иначе, т.е. пересмотр или переделка чего бы то ни было, представляет собой сложные слова, второй частью которых является слово «*нао*си» — исправление; например, передумать — *кангаэнаосу* — букв. «исправить мысли», пересмотреть — *минаосу* — исправить «видение», взгляд на вещи, перестроить — *татаэнаосу* — исправить построенное и т.д.) При этом совершенствуется не только мир, но и сами люди, применившие новые знания.

Убедительным примером того, как работает механизм применения новых знаний, может служить зарождение в VIII в. идеологии *рёбу синтё* — букв. «двойной путь богов», которую в Японии характеризуют как *симбуцу сюгё* 神仏習合 (букв. «совмещение *ками* и будд») или *симбуцу конкё* 神仏混淆 (букв. «смешение *ками* с буддами»). Японцы под влиянием буддийской школы Сингон 真言⁶ уверовали в то, что принесенные новым учением взгляды на бытие открыли их боги *ками* и потому они не могут остаться без внимания. Синтоистских божеств стали отождествлять с буддами (*симбуцу дōтай* 神仏同体). Синтоистские божества были признаны «явленным следом» (*суйдзакү* 垂迹) будд, которые почитались за «истинную сущность» (*хондзи* 本地) (данный перевод терминов предложен В. Н. Гореглядом), иными словами, местным проявлением «изначальных, истинных» (根本眞実身 *контай синдзицу-син*) будд и бодхисатв.

В XIV в. синтоистские священники, вдохновленные главным священником Внешнего святилища в Исэ, одним из ведущих теоретиков синтоизма своего времени Ватараи Иэюки (度会家行 1256–1356), стали утверждать, что истинные сущности — это японские *ками*, а будды — их новая ипостась. Свидетельств подобного совмещения верований

немало обнаруживается в дневниках, написанных на протяжении столетий равно мирянами и монахами. Красноречивым примером может служить дневник «Записки о паломничестве в Великое святилище Исэ («Исэдайзингу санкэйки» 伊勢大神宮参詣記), написанный в 1342 г. монахом Сака Дзюбуцу (坂十仏), основная часть которого посвящена беседе с самим Ватараи Иэюки. Беседа так глубоко тронула монаха, что он почувствовал необходимость совершить очищение по синтоистскому обряду и признался, что хотел бы чаще посещать Великое святилище для духовного обновления.

Синтоизм заимствовал многие элементы буддийской обрядности. А буддийские монахи в Японии зачастую во время синтоистских праздников читали сутры перед алтарями синтоистских божеств. В результате японцы в равной степени чтит и чтят и своих божеств *ками*, и будд.

Именно таков был механизм заимствований в Японии, в какой бы области они ни происходили, будь то культурные традиции, одухотворенные религиозным мировоззрением, или методы управления производством и бизнесом, и результатом их становилось появление феноменов, характерных именно для Японии. Наиболее очевидным и ярким примером может служить принадлежащая сфере как духовного, так и художественного, считающаяся заимствованной из Китая так называемая чайная церемония — ритуал, кульминационным моментом которого является чайное действо. Японская чайная церемония по форме и по роли, которую она играет в обществе, разительно отличается от «первоисточника». Все исследователи японской культуры⁷, в том числе и в Китае, сходятся в том, что чайная церемония стала знаковым явлением именно для Японии. Даже беглое сопоставление черт, наиболее характерных для каждой из национальных форм проведения чайных церемоний, демонстрирует коренные отличия и в форме, и в содержании, а главное в целях, которым они служат.

Принято считать, что в Японии чай появился в начале IX в., его привез в подарок императору вернувшийся из паломничества в Китай Великий наставник в законоучении Кōбō-дайси ((弘法大師, 774–835), иначе Кūкай (空海)⁸. На первых порах здесь, так же как в Китае и Корее, чай пили монахи во время долгих медитаций⁹. Чуть позднее при дворе японских императоров чаепитие стало изысканным развлечением, а к XVI в. «чайные собрания», иначе «встречи за чаем», устраивали представители нового сословия горожан. В их среде из различных по форме и содержанию чаепитий зародилась классическая форма чайной церемонии, кульминационным моментом которой и является чайное действо.

Слово «церемония» (*ceremony*) отражает восприятие европейцами этого действия. Ни в одной из стран Дальнего Востока, где чайное действие существует как особый ритуал, не употребляется слово «церемония». Общим в отношении этого действия во всех странах скорее будет слово «Путь» (道 — японское *dō*, китайское дао), понимаемое как Путь гармонического развития Вселенной. Однако начиная с XVI в. и по настоящее время слово «Путь», как его понимает дальневосточная традиция, иными словами как метафора способов достижения душевного равновесия и гармонического единства с окружающим миром, применимо лишь к японской форме этого ритуала, имеющего четкие канонические правила и называемого *садō*.

В Японии чайный ритуал называют также *тя-но ю* 茶の湯 — «вода для чая». Это выражение *тя-но ю* может быть использовано и в переносном смысле как метафора ситуации или беседы, когда в обычном на первый взгляд событии или разговоре присутствует возвышенная духовная идея.

Этот ритуал, независимо от того, где он совершается, в монастыре или в чайном павильоне, служит скорее «спасению души» (исключение составляют лишь церемонии — шоу, когда присутствующим демонстрируются основные правила чайных церемоний), нежели получению удовольствия от аромата и вкуса чая. Его цель — оказать определенное психоэмоциональное воздействие на участников, помогая пережить нечто вроде философского прозрения. Для этого разработаны определенные методы, помогающие создать атмосферу взаимодействия реального с ирреальным, снять измерения с пространства и времени и пр. Это, как считают сами японцы, дает им возможность «возвыситься над суетой будней» и «обрести душевное равновесие». О японских чайных церемониях говорят, что они совершаются «между повседневностью и Небытием».

В отличие от Японии в Китае чайная церемония — прежде всего изысканное развлечение, цель которого в первую очередь — наслаждение вкусом и ароматом чая. Цель китайского мастера «искусства чайного действия» — провести церемонию чаепития таким образом, чтобы доставить гостю максимум удовольствия. Это называют высшим чайным мастерством — *гунфуца*. На родине чая и чайной церемонии японскую форму ее проведения не восприняли настолько, что, стремясь противопоставить свою культуру чаепития японской, т.е. *садō*, назвали ее *тягэй* или *гунфуца* — «искусство чая» или «высшее чайное мастерство».

Профессор Центра исследований японской культуры Китайского института социальных наук Чжан Дзяньли подчеркивает тот факт,

что общая для всех стран традиция чаепития в Японии с XVI в. принимает уникальную самобытную форму, и называет ее «воплощением множества общенациональных (японских) черт»¹⁰. Очевидно, что под «общенациональными чертами» в этом контексте следует понимать характерное для японцев употребление метафорических иносказаний, различных приемов, применяемых с целью снять ограничения с пространства и времени, проникнуться неповторимостью мгновения, исчезающего в Вечности.

К слову сказать, многие формулировки, характеризующие идейную составляющую японской культуры, на русском языке звучат как метафоры. Причиной тому отсутствие у не имеющих склонности к теоретизированию японцев четких терминов для характеристики своего миропонимания и обусловленный его особенностями образно-эстетический тип осмысления действительности, в результате которого философия реализуется через поэзию и искусство¹¹. Отсюда обилие поэтических образов в рассуждениях о специфике «японского».

Возникновение новых по форме и содержанию явлений в результате знакомства с опытом других культур можно наблюдать в Японии и в других областях общественной жизни. Многие исследователи отмечают, что, когда в Японии началось переустройство государства по западному образцу, т.е. после так называемой реставрации Мэйдзи 1867 г., в ходе модернизации страны оказались успешными лишь те реформы, на проведение которых повлияли элементы национального сознания, сформированные традиционным мировоззрением. Более того, результатом этих преобразований было появление совершенно новых феноменов в разных областях жизни социума¹².

Тенденция возникновения новых феноменов в случае применения чужого опыта сохранялась и в последующее время, даже спустя почти столетие после начала мэйдзийских реформ. Так, например, современные методы управления в Японии начали складываться после Второй мировой войны, когда в стране царил разуха. Со всей остротой стояли и социальные, и экономические, и политические проблемы. В процессе их решения зачастую прибегали к американским методам управления, что, как показывает опыт, не давало ожидаемых результатов.

«Тем не менее идеи американских исследователей способствовали установлению особого образа мышления и подходов, присущих только менеджерам Японии. В результате основные черты японской системы управления отделяет ряд концепций, отсутствовавших в американской модели»¹³.

При этом четко прослеживаются параллели с синтоистскими установками, поэтому сегодня о японской системе управления принято говорить как о «построенной на синтезе импортированных идей и национальных культурных традиций»¹⁴.

Так, например, прямая аналогия синтоистского понимания миропорядка как системы, совершенствующейся в результате упорного труда людей и применения новых знаний, в результате чего совершенствуются и сами люди, прослеживается с одной из ключевых концепций японского менеджмента — *кайдзэн*¹⁵ 改善, в переводе — «совершенствование». *Кайдзэн* в бизнесе означает постоянное улучшение, начиная от способов производства и заканчивая методами руководства, включая эффективность работы всех сотрудников от директора до рядового рабочего. Конечная цель *кайдзэн* — производство без потерь и, что характерно, непререкаемое моральное удовлетворение от своей работы. Очевидно, что философия *кайдзэн* ориентирована на постоянное улучшение жизни в целом — и трудовой, и общественной, и частной.

Разумеется, вряд ли сегодня все японцы задумываются над тем, почему так или иначе складываются обстоятельства в жизни и на производстве, возникают новые правила и понятия (многие из которых по существу являются новой гранью в понимании старых), но все исследователи единодушно отмечают, что повышение мастерства японцы считают своим долгом, причем без ожидания какой-либо материальной выгоды.

Совершенствованию многих форм бытия, в том числе и успешному развитию производства, способствует и так называемая философия *монодзукури*. *Монодзукури* — это сложное слово, состоящее из двух частей: *моно* — «вещь» и *дзукури* — «создавать», «изготавливать».

Начиная с конца 1990-х годов *монодзукури* как термин широко используется на всех уровнях бизнеса и в средствах массовой информации для обозначения «производства» в самом широком смысле этого слова — от непосредственного изготовления отдельного продукта до производства в масштабе целой отрасли, включая все процессы, имеющие к нему отношение. Считается, что это понятие отражает особенности японской национальной культуры, способствовавшие достижению успехов японской промышленностью.

Философия *монодзукури* направлена на поддержание разумного баланса между различными элементами бытия, в том числе и в сфере производства, и достижение гармонического взаимодействия с Природой. Природа в понимании японцев — это не только красивые пейзажи. Это Универсум, в котором действуют определенные законы и их нарушение ведет к разбалансированности системы. Каждый человек,

будучи частью целого, ответственен за поддержание гармонического равновесия.

В основе философии *монодзукури*, так же как и в случае с *кайд-зэн*, нетрудно разглядеть синтоистские истоки отношения к труду, который, согласно традиционным поверьям, упоминавшимся выше, будучи продолжением дел *ками*, подаривших людям прекрасный, совершенный мир, должен быть созидательным и производительным. Авторы этой концепции подчеркивают, что слово *монодзукури* выражает особенности производства, предполагающие не только сам процесс изготовления, но и духовное, и идейное содержание, вкладываемое в любой вид трудовой деятельности.

«Японцы в силу особенностей своего национального характера особенно успешны в *монодзукури*» — это слова президента компании «Мацусита дэнки» Накамура Кунио, который убежден в том, что

«японское *монодзукури* больше, чем просто производство. *Монодзукури* для японцев — это акт создания новой “ценности”, ценности не только материальной, но и духовной»¹⁶.

Создание «новой ценности», согласно синтоистским поверьям, также было угодно богам — при этом изготовленный предмет должен был служить подтверждением того, что он является не просто результатом механических действий, а понимания замысла богов.

Не следует думать, что авторы концепции *монодзукури*, разрабатывая ее, задумывались о синтоистских богах и о том, чтобы угодить им, но подобное отношение к труду стало привычкой, в результате которой философия *монодзукури* предполагает не столько совершенствование и доведение до автоматизма технического мастерства, сколько мастерство, которое является результатом творческого мышления, развиваемого в процессе упорного труда¹⁷. Такова порой форма реализации «национального элемента», понимаемого как «характерное мировоззрение, не заключенное в рамки системы».

Одной из особенностей этого мировоззрения было синкретическое понимание Универсума *синра бансё* (森羅万象, вся тьма вещей, все сущее, живое и неживое) как целостной системы, в которой господствует всеобщая взаимосвязанность вещей. Сохранение этой взаимосвязанности — залог гармонического существования в лоне Универсума. Человек, равно как и все боги и божества, — неотъемлемая часть этого единого Целого, которое возникло само собой, самопроизвольно, естественным образом.

Слово *сидзэн* 自然 (в буквальном переводе — «самозарождающаяся») — природа, в современном японском языке в этом значении стало

употребляться только после реставрации Мэйдзи¹⁸. Изначально, как свидетельствуют словари архаизмов¹⁹, оно обозначало «все сущее», «всеобщую взаимосвязанность» (*моно-но сокансуру кото* ものの相関すること). Именно в этом смысле употреблялось слово *сидзэн*, оно было не существительным, а наречием, обозначающим «само собой», без видимых причин. Вероятно, поэтому в ходе реформ по западному образцу слово *сидзэн* «закрепилось» за «природой» в западноевропейском широком понимании (т.е. все, что не создано человеком и предполагает противопоставление человека и природы). Традиционное же восприятие себя частью целого лишало японца чувства антропоцентризма и никоим образом не мыслилось противопоставлением человека с его чувствами, помыслами, трудовой деятельностью и ее результатами естественному порядку. В этом же ряду противопоставлений сотворенного человеком естественному появилось и понятие «искусство», и слово гэйдзюцу 芸術 для его обозначения.

Японское искусство достаточно хорошо изучено искусствоведами и в России, и за ее пределами, но о его имплицитности упоминаний почти нет, несмотря на то что спровоцировавшие ее причины оказали огромное влияние на всю область художественной культуры — отношение к художественным ценностям, понимание критериев художественности, способ и место хранения произведений искусства (коллекции, музеи), и, в конечном счете, на массовое сознание японского общества²⁰, которое неизбежно стало меняться, обогащаясь новыми понятиями, не отказываясь при этом от старых.

О том, какую роль играли искусства в жизни японского общества, также написано немало. Хорошо известно, что концентрация эстетического опыта в Японии была чрезвычайно велика. Однако художественные практики служили не усладой души или средством скрашивания досуга, а помогали обрести душевное равновесие.

В силу особенностей своего философско-поэтического типа мышления и в результате повседневных «художественных практик» японцы получали импульсы, сопоставимые с теми, какие может дать религиозное прозрение. Состояние, которое сегодня может быть понято как эстетическое переживание, не было самоценным, а эмоциональная реакция расценивалась как религиозно-этическая норма. Не будет преувеличением сказать, что эстетическое сознание было слито с религиозным²¹. Художественные практики были для японцев, как и чайная церемония, «Пути».

Слово «Путь» 道 (по-японски произносится *дō* или *мити*) даосского происхождения и означает Вселенский путь. Иначе говоря, Путь Ис-

тинно сущего. Позднее слово «Путь» в китайском, корейском и японском буддизме стало употребляться для обозначения Пути Будды, Пути гармонического развития Вселенной. В Японии, как известно, знают много «Путей» — «Путь чая» *sadō* 茶道, «Путь цветов» *kadō* 華道 или икебана, «Путь письмен» — каллиграфия *сёдō* 書道 и пр. Все они имеют свои законы, свой ритуал, свою философию, однако в силу того, что многие элементы обстановки и исполнения рассчитаны на эстетическое восприятие, на Западе их причисляют к традиционным японским искусствам. Для японцев же это скорее культурные традиции, одухотворенные религиозным мировоззрением.

Зародившись в древности, эти «Пути» достигли вершины своего расцвета в эпоху Муромати (1336–1573). Время от времени в «Путях» появлялись новые стили и каноны, но на всем протяжении своего существования, вплоть до настоящего времени, они не переставали быть не столько возможностью самовыражения и источником наслаждения их эстетической стороной, сколько средством ухода от будничной суеты, обретения душевного равновесия и гармонии с окружающим миром, средством интуитивного познания невыразимой в логических категориях Истины.

Тенденция рассматривать искусства как средство достижения Вселенской гармонии (в которой угадывается переключка с сакральностью поэзии *танка*)²², «инициированная» школой, основанной Кукаем, привела к убежденности в том, что все искусства (еще не осознаваемые как таковые) — и поэтическое, и театральное, и садово-парковое, и изобразительное и пр. — имеют свой Путь, следуя которому достигается Вселенская гармония, к чему и должно стремиться. Так, поэзия — это *кадō* 歌道 «Путь песни», театральное искусство *гэкидō* 劇道 — «Путь драмы», изобразительное — *гадō* 画道 — «Путь картин» и пр. Подобная мотивация творческой деятельности стала одной из причин имплицитности японского искусства — фактически существовавшего, но не осознаваемого как таковое.

Однако «творческая фантазия» японцев была активизирована не только стремлением причаститься к гармоническому развитию Вселенной. Надо было угодить и своим богам *ками*, и это было еще одной, не менее весомой причиной, обусловившей особенности функционирования искусств в Японии. Желание продемонстрировать *ками* почтение и благодарность способствовало появлению «языка», на котором они выражались. Это значит, что результат любого действия, в особенности если это созидательный труд, который, как уже говорилось, есть продолжение дел *ками*, должен содержать в себе намек на то, что замы-

сел богов понят. Этого можно было достичь, внеся свою «творческую лепту», вследствие чего, как говорил упоминавшийся выше президент компании «Мацусита дэнки» Накамура Кунио, должна быть создана «новая ценность».

Один из наиболее понятных примеров творческой лепты при коммуникации с богами приводит Ямагути Масао: люди издавна подносили цветы богам²³, но они не видели смысла в том, чтобы подношением были просто красивые цветы, которые богами же и сотворены²⁴. Необходимо было внести «свою творческую лепту» сюкō 趣向 (идея, замысел) — так появилось искусство создания букетов икебана.

Успешному взаимодействию с богами способствовало и творческое отношение к труду, которое могло проявиться прежде всего во внимании к материалу, с которым приходится иметь дело, к форме и пропорциям изготавливаемого предмета, что свидетельствует о желании и старании представить предмет своего труда соответствующим образом. Творческое отношение к труду при установке на создание новой ценности не означало того, что все продукты труда были шедеврами, и тем не менее существует многократно оправдавшее себя мнение о том, что

Что вышло из руки японца,
То в каждой черточке хранит
Любовь к труду, изящный вид

К. Бальмонт. К Японии. 1916 г.

Восприятие себя частью природы уравнивало японца со всем окружающим миром и лишало стремления выразить себя в предмете своего труда. Вследствие этого до появления понятия «искусство», повлекшего за собой интерес к личности автора, в Японии не существовало и понятия «ремесло».

Знакомство с западноевропейскими теориями и искусством имело особенно важное значение для японцев — оно меняло установки, а именно призывало человека по-другому посмотреть на художественные практики, на роль художника, автора, учило любоваться прекрасным для собственного удовольствия. Время показало, что японцы, вписавшись в мировое сообщество, научились по-новому смотреть на мир, на искусство, на его роль в жизни общества и человека, сохранив при этом традиционное понимание Путей.

Сегодня, подобно тому как в прежние времена заимствованные опыт и знания обогащали собственную культуру, самые современные технологии нередко применяются не только в производстве, строительстве и дизайне, но и там, где они могут способствовать сохране-

нию, возрождению или развитию традиционной культуры. Примером может служить взаимодействие Культурного фонда «Оогура Хякунин иссю»²⁵, занимающегося поощрением изучения старинной поэтической антологии «По одному стихотворению от ста поэтов» («Хякунин иссю»)²⁶ и крупнейшей в мире компании по производству компьютерных игр и игровых консолей «Нинтэндо»²⁷, которые увенчались открытием в январе 2006 г. в Киото историко-литературного интерактивного музея «Сигурэдэн». Все залы и экспозиции музея оснащены оборудованием, работающим на основе использования новейших цифровых технологий.

Слово *сигурэ* означает «моросящий дождь», а слово *дэн* — «дворец». В старину в аристократических усадьбах так называли место, где проводили досуг или предавались каким-либо развлечениям в ненастную погоду. Со временем *сигурэдэн* стали называть тематические парки и другие места для развлечений. Музей «Сигурэдэн» стал своеобразным «домом поэзии», где посетители имеют возможность играть в старинную поэтическую игру *ута-карута* (букв. «карты с текстами песен»), пользуясь устройствами, на основе цифровых технологий.

Ута-карута появилась в Японии в XVII в., когда японцы через португальцев познакомились с европейской игрой в карты. Главным ее условием является знание стихотворений, вошедших в сборник «По одному стихотворению от ста поэтов». Эта антология была составлена прославленным поэтом Фудзивара-но Тэйка (Садаиэ) (1162–1241). На протяжении многих столетий сборник переписывали от руки и печатали с ксилографических досок. Текст каждого стихотворения сопровождался изображением его автора. Скорее всего, оно было лишено портретного сходства, но в Средние века японские художники особо выделяли в изображении детали одежды, аксессуаров, характеризующие автора и эпоху, поэтому в каждом отдельном случае поэты легко узнаваемы.

Популярность этого сборника была столь велика, что многие знали все сто стихотворений наизусть даже спустя столетия после его появления, что в XVII в. послужило толчком для изобретения карточной игры «на японский манер». На каждой карте были написаны начальные либо заключительные строфы стихотворения. Выигрывал тот, кому раньше других удавалось соединить «половинки» и составить целую *танка*.

Сегодня цифровые технологии позволяют расширить «игровой» диапазон этой поэтической антологии. В музее «Сигурэдэн» на жидкокристаллическом экране размером около 50 кв. м, образующем пол в одном из залов, представлены созданные средневековыми художниками портреты авторов стихотворений, вошедших в сборник, а также

строчки из стихотворений. Каждому посетителю вручается электронный сборник «По одному стихотворению от ста поэтов» с недостающими на «напольных» изображениях строчками. «Вооруженные» пультами дистанционного управления, посетители передвигаются от одного изображения к другому в поисках «своей половины».

В остальных залах — шарады, ребусы и другие игры на темы стихотворений и исторических событий эпохи, а также на знание поэтических приемов, характерных для традиционного жанра *танка*. Среди прочего, есть видео и интерактивные игры с роботами в человеческий рост в образе известных поэтов и прославленных в той или иной области деятелей периода, когда формировалось классическое культурное наследие Японии.

Разумеется, сегодня далеко не все знают наизусть все сто стихотворений, но высокая посещаемость «дома поэзии» свидетельствует о его популярности, причем у всех возрастных и социальных групп. Излишне говорить о пользе, которую принесло обществу слияние бизнеса, науки, техники и поэзии, роль которой в жизни японцев во все времена была чрезвычайно высока.

Можно было бы привести множество примеров, свидетельствующих о том, что современные технологии, материалы, формы, методы не только не препятствуют сохранению традиционного философско-поэтического мировосприятия, но в некотором роде способствуют его поддержанию. Так, в построенном по последнему слову техники и дизайна здании железнодорожного вокзала Киото, подобных которому нет нигде не только в Японии, но и в мире, немало выполненных новыми средствами и материалами деталей, апеллирующих к традиционному сознанию посетителей.

Наиболее значима длинная, осененная гигантскими всеерами (форма, изобретенная в Киото много веков назад), сделанными из серого с мягким блеском материала, лестница. По обе ее стороны движутся эскалаторы. И лестница, и эскалаторы кажутся уходящими в... небо. Это впечатление создается благодаря тому, что верхние ступеньки переходят в смотровую площадку, над которой нет крыши. Таким образом, поднимающемуся кажется, что лестница и эскалаторы уходят вверх в бесконечность, а спускающийся не видит конца. Все это создает впечатление непрерывно движущегося потока. Поток — *нагарэ* — является для японцев метафорой человеческой жизни. Другая метафора жизни — странствия. Странствия же стоят в одном ассоциативном ряду с вокзалом.

Необычные лестница и эскалатор в здании вокзала в Киото — не просто функциональные части сооружения. Они несут в себе определенный смысл, создающий соответствующий психоэмоциональный

настрой. Лестница — это материализованный художественный образ, который понятен японцам. О том, что эффект неслучаен, говорит и присвоение этой части сооружения названия *Kētō дайкайдан* (букв. «Большая (великая) лестница Киото»), и включение ее в число «Великих видов Киото»²⁸.

Другая немаловажная деталь, апеллирующая к традиционному сознанию: в здании, где местами создается ощущение пребывания на космической станции, красная ковровая дорожка устилает лестницу, ведущую в привокзальный театр. В помещении, выдержанном в цвете стали со всеми ее оттенками, — это единственное яркое пятно. Однако ее функция не только эстетическая. Эта красная дорожка должна напоминать посетителям о том, что они находятся в Киото, в городе, славящемся мастерством песни и танца в исполнении *гэйко* 芸子, как здесь называют гейш. Красными полотнами в старину покрывали скамейки перед первыми чайными домами, в которых останавливались путники, направлявшиеся в расположенные неподалеку храмы. Девушки в красных фартуках, обслуживающие путников, — прообраз нынешних гейш — развлекали их песнями и танцами. Покрытые красной тканью скамейки и сегодня можно увидеть в местах, где устраиваются чайные церемонии или просто предлагают выпить чай. Таким образом, создатели вокзального комплекса применили одно из специфически японских средств художественной выразительности — *мутатэ* 見立 (буквально представить, продемонстрировать), которое можно считать ключом к пониманию японского.

Мутатэ — универсалия японской культуры. Умением применять его славились поэты и художники, сочетавшие «оппозиционные образы» так, чтобы «совместить» их в сознании того, кто соприкоснулся с их творением, чтобы «два стало одно»²⁹. В данном случае это — Киото в своей традиционной ипостаси города — хранителя традиционной культуры, родина института гейш, и Киото современный, устремленный в будущее.

Мутатэ — средство художественной выразительности, но зачастую оно играет роль средства невербальной коммуникации, своеобразного пароля, которого достаточно для достижения взаимопонимания. *Мутатэ* обнаруживается не только в поэзии, но и в живописи, театре, дизайне, архитектуре, цирковых номерах, рекламе, кулинарии и в других сферах социальной и повседневной жизни Японии. Им широко пользуются в быту³⁰. Оно служит намеком, будит воображение, рождает ассоциации. Не будет преувеличением сказать, что *мутатэ* вносит в повседневную жизнь элемент творчества, понятного тем, кто знает пароли.

Широкое использование приема *митатэ* во всех областях жизнедеятельности человека, так же как и открытость новым знаниям и чужому опыту, трудолюбие, стремление к совершенству, творческое отношение к труду — характеризующие японцев черты, воспитанные традиционным сознанием. В условиях современной действительности их вполне можно считать японским феноменом.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Горегляд В. Н.* Японская литература VIII—XVI вв. М., 1997; *Молодякова Э. В., Маркарян С. Б.* Размышления о процессе модернизации Японии // *Размышления о японской истории.* М., 1996; *Саркисов К. О.* Японский тип культуры // *Японский феномен.* РИО ИВ РАН, 1996 и др.

² Подробнее см.: *Герасимова М. П.* Механизм заимствования // *Япония.* 2010.

³ «...если элемент чисто японский и был менее сильным и определенным, он все же оказал огромное влияние на самый способ обработки, которой подверглись чужие элементы. В национальном элементе скрывалось известное предрасположение, известное характерное мировоззрение, хотя и не заключенное в рамки системы». (*Розенберг О. О.* Труды по буддизму. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 55).

⁴ Подробнее см.: *Наканиси Тэруаки, Такамори Акэми.* *Kojiki wa Nihon o tsuyoku suru. Shinwa ga wakareba 'nihonjin' ga wakaruru* (Мифы Кодзики делают Японию сильнее. Японцев можно понять, зная их мифы). Токумасётэн, 2012.

⁵ Известный философ, религиовед и исследователь истории японской культуры Ямаори Тэцуо подчеркивает, что японцы «хорошие ученики», что в обществе всегда существовала система отношений «ученик—учитель» и что именно благодаря этому достигался прогресс во всех сферах человеческой деятельности. Причину успехов Японии в освоении западных технологий Ямаори Тэцуо также объясняет тем, что принцип «ученик—учитель» срабатывает в масштабе страны. Подробнее см.: *Ямаори Тэцуо.* Душа Японии, душа японцев (Нихон но кокоро, нихондзин-но кокоро). Токио, 2004.

⁶ *Сингон, Сингонсю 真言, 真言宗* (букв. «истинные слова»). Одна из наиболее влиятельных школ эзотерического буддизма. Учением *Сингон* все сущее понимается как проявление Будды Дайнити 大日 (Вайрочана) — Великого солнца, тело которого включает космос, состоящий из шести элементов: земли, огня, воздуха, воды, пространства и сознания. Человеческая речь и письмо считаются одним из проявлений космического языка, а всякая мысль или идея есть не что иное, как отражение идеи, содержащейся в космической душе. Жизнь во Вселенной организуют тело, речь и мысль Дайнити.

⁷ Подробнее см.: *Кин Д.* Странники в веках // *Восточная литература РАН,* 1996.

⁸ В ноябре 2006 г. в университете Хосэй (г. Токио) — симпозиум «Понимание инокультур», 10 мая 2009 г. в Университете Колумбия — международный

симпозиум «Культурное наследие стран Восточной Азии. Общее и самобытное», во время которых обсуждались вопросы, посвященные чайным церемониям в странах Дальнего Востока.

⁹ Кукай (774–835) — ученый, художник, каллиграф, основатель школы эзотерического буддизма *Сингон*. Кукай приписывается создание японской слоговой азбуки. Подробнее см.: *Мещеряков А. Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988; *Трубникова Н. Н.* «Различение учений» в японском буддизме IX в. Кукай о различиях между тайным и явным учениями. М., 2000.

¹⁰ Буддийские монахи в Китае, вначале использовавшие чай как тонизирующее средство во время длительных медитаций, впоследствии установили определенный порядок действий при заваривании чая и возвели это действо в ритуал (примерно в VII в.). Со временем его стали совершать буддийские монахи и в Корее, и в Японии, придя к выводу, что он способствует достижению просветления *сатори* и помогает приобщиться к Вселенской гармонии.

¹¹ 長 建立. Садо то тя-но ю. Нихон тябунка сикирон (Чжан Дзяньли. Садо и тя-но ю. Теория японской чайной культуры). Токио, 1970, 2004.

¹² Философская мысль в Японии на всем протяжении ее исторического развития до реставрации Мэйдзи не была дифференцирована. Религиозное, политическое, экономическое, этическое и пр. сознание, обуславливающее характер как отдельного индивида, так и нации, называлось *сисо* 思想 — буквально «идея», «мысль», «концепция», «идеология». Слова «философия» — *тэ-цугаку* не было в словаре японцев, оно появилось в период проведения реформ по западному образцу во второй половине XIX в. в результате знакомства с западноевропейскими научными теориями.

¹³ Подробнее см.: *Симхович В.* Истоки современной японской системы управления // Теория и практика управления. 2002. № 6. С. 114–120.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Впервые философия *кайдзэн* была применена в ряде японских компаний в период восстановления страны после Второй мировой войны, но спустя какое-то время получила широкое распространение во всем мире. *Кайдзэн* стал термином после выхода в свет в 1986 г. одноименной книги Имаи Масааки «Кайдзэн: Ключ к успехам японских компаний» и в 1993 г. был включен в новое издание *New Shorter Oxford English Dictionary*, который определяет *кайдзэн* как непрерывное совершенствование и методов работы, и личной эффективности как философии бизнеса.

¹⁷ Подробнее см.: *Nakamura Kunio.* Manufacturing as the Lifeblood of the Nation // Japan echo. 2005. № 8; *Герасимова М. П.* Традиционные ценности как факторы движения Японии по пути научно-технического прогресса // Восток. 2013. № 1.

¹⁸ Труд в этом случае подразумевает не только сам производственный процесс, но и занятия в специальных учебных центрах, проводимые с целью повышения квалификации и развития творческого мышления.

¹⁹ «Природа» в ее современном понимании, т.е. природный пейзаж, воспринимался как своеобразная манифестация «духа», «энергии» *кэ* 気. На это указывает то, что в прежние времена для обозначения природного пейзажа вместо нынешнего *кэсики* 景色 употребляли созвучное ему *кэи* 気色, где первый иероглиф 気 *кэ* (ки) — «атмосфера», «дух», «энергия» в его словарном значении — применяется для обозначения непрерывной, пространственно-временной, духовно-материальной, энергетической субстанции, которая есть основа всего. Второй иероглиф *иро* 色 означает «цвет», «окраска». Главным же для понимания Природы была не столько красота пейзажа, его «окрас», если можно так сказать, сколько пронизывающий его дух, выраженный в его «состоянии». Поэтому и в поэзии, и в прозе, а затем и в живописи воспроизводится именно состояние, в котором пребывает природа «в данный момент и в данном месте», и проецируется на автора. Автор своими эмоциями оказывается вовлеченным в ситуацию и приглашает с собой сопереживающего читателя.

²⁰ Когодзитэн (Синсэн). Словарь архаизмов / Под ред. Накада Норико. Токио, 1963.

²¹ Подробнее см.: Герасимова М. П. Изменение массового сознания японцев // Историческая психология и социальная история. 2013. № 1.

²² Среди российских исследователей на эту особенность миропонимания и его выражения в художественной форме обращает внимание Н. С. Николаева в работах, посвященных японскому саду. Саркисов К. О. Японский тип культуры // Японский феномен. РИО ИВ РАН, 1996.

²³ Подробнее см.: Герасимова М. П. О специфике японского // Япония. 2012; Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. М., 1995; Ермакова Л. М., Соколова-Делюсина Т. Л. Японская поэзия. От сердца к сердцу сквозь столетия. СПб., 2000.

²⁴ О происхождении икебаны до сих пор нет единого мнения. Одни считают, что обычай возлагать цветы к алтарям пришел в Японию вместе с учением Будды, другие возражают им, указывая на то, что цветы преподносились и синтоистским *ками* задолго до укоренения буддизма в Японии.

²⁵ Yamaguchi Masao. 1966. The Poetics of Exhibition in Japanese Culture // I. Karp and S. Levine (eds). Exhibiting Cultures: The Poetics and Politics of Museum Display. Washington and L.: Smithsonian Institution, 1991. P. 197–202.

²⁶ Огура — название поместья, где по просьбе владельца сын известного поэта Фудзивара-но Тэйка (1162–1241) собственной рукой переписал все *тан-ка* сборника «По одному стихотворению от ста поэтов». Исходя из того, что есть два варианта этого сборника, незначительно отличающиеся друг от друга, некоторые исследователи полагают, что переписчик внес свою правку. Один из вариантов сборника называется «Огура Хякунин иссю», что можно перевести как «По одному стихотворению от ста поэтов из Огура».

²⁷ Сборник «По одному стихотворению от ста поэтов» вышел в русском переводе В. Сановича под названием «Сто стихотворений ста поэтов» в 1994 г. в Санкт-Петербурге.

²⁸ «Нинтэндо» была основана в 1889 г. как компания *Marufuku*, выпускавшая игральные карты ханафуда с изображением цветов и растений. Она первой начала выпускать электронные игрушки (1970-е годы), в 1980-х годах выпускала пользующиеся огромной популярностью электронные игры, сегодня — одна из самых крупных в мире по производству компьютерных игр. Продукция «Нинтэндо» настолько популярна, что можно говорить о ее влиянии на субкультуру во всех странах мира.

²⁹ Киото и его окрестности — место действия в произведениях классической литературы. «Киотоские виды» известны даже тем, кто их никогда не видел. Их издавна называли «великими видами Киото» и рассматривали не просто как одну из достопримечательностей старой столицы, но и как национальное достояние.

³⁰ Подробнее см.: *Герасимова М. П.* Воображение японцев // Историческая психология и социальная история. 2016. № 1.

ЯПОНСКАЯ МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЦИОНАЛЬНЫМ ИСТОКАМ

Уходит в прошлое время, когда визитной карточкой Японии были *икебана* и чайная церемония, *гейши* и *самураи*. Современное восприятие японского общества и страны в мире формируется во многом феноменом последних десятилетий — массовой культурой, а именно: популярными комиксами — *манга*, покорившими весь мир анимационными фильмами — *аниме*, самобытным японским роком и поп-музыкой — *J-pop* и *J-rock*, мистическими фильмами ужасов — *J-horror*, актуальной уличной модой, всем, что стало неотъемлемой частью мирового культурного пространства.

Манга как матрица современной массовой культуры

Самым безошибочным путеводителем по бесконечным лабиринтам этой разнообразной массовой культурной продукции, безусловно, являются комиксы — *манга*, которые известный исследователь Фредерик Шодт назвал «полностью оформившимся художественным медиумом»¹. Понятие *манга* первично, в нем заложены все основополагающие принципы, распространившиеся впоследствии и на анимацию — *аниме*, и на видео- и компьютерные игры, ставшие логическим продолжением *манга*. По сути, это — один и тот же культурный феномен, только существующий в разных ипостасях — в печатной, кино- и цифровой версиях.

В свою очередь, *аниме* сегодня диктует основные тренды на всем огромном культурном пространстве Японии — в кино, музыке, эстраде, изобразительном искусстве, моде и т.д. Визуальная составляющая многочисленных шоу и клипов не менее, а порой и более важна, чем собственно музыкальное исполнение: взять хотя бы популярную груп-

па «Монингу мусумэ» (*Morning Musume*), солистки которой часто выступают в качестве анимационных героев.

Не в меньшей степени влияние *аниме* в наши дни сказывается и в большом кино. И если в других странах анимация «паразитирует» на кино, то в Японии прослеживается обратная связь. Японский игровой кинематограф полностью взял на вооружение эстетику, сюжетные линии и даже монтажные и композиционные особенности *манга* и *аниме*. Достаточно вспомнить когда-то нашумевший фильм Миикэ Такаси «Кинопроба», который словно соткан из штампов *аниме*, и т.д.

Однако влияние японской визуальной культуры обнаруживается не только в самой Японии, но и простирается далеко за ее географические пределы, захватывая все новые сферы, начиная от европейской высокой моды и графического дизайна и кончая голливудскими блокбастерами. При этом даже беглый взгляд на всю эту столь разнообразную культурную продукцию позволяет заявлять о том, что ее объединяет общее начало — своеобразная матрица, которой являются японские комиксы — *манга*. Более того, если в Америке культура комикса ориентирована в основном на подростков, в Европе комикс признан девятым видом искусством, то *манга* в Японии — культурный феномен, без знания которого трудно по-настоящему понять эту страну и ее народ. С легкой руки большого знатока и пропагандиста этого искусства Ёнэдзава Ёсихиро Японию часто называют «страной комиксов».

Книги и журналы с картинками здесь с упоением читают в электричке и дома, на перемене в школе и в обеденный перерыв в офисах. Читают все — и мужчины, и женщины, школьники и студенты, клерки и профессора. При этом самый главный секрет популярности *манга* состоит, пожалуй, в редкой способности японцев ощущать и воспринимать на каком-то генетическом уровне художественные традиции своих предков. Как считают некоторые японские и западные психологи, *манга* является «своеобразным путем к постижению японского сознания, закрытого для понимания от остального мира своеобразием полуторатысячелетней культуры и ее уникальными традициями»².

Манга принято считать культурным явлением Нового и Новейшего времени, так как современный облик, а также огромную популярность этот вид массового искусства приобрел во второй половине XX в. Однако в Японии до сих пор ведется много споров и дискуссий о древних исторических корнях этого культурного феномена. Одни историки культуры связывают их появление с лубочными картинками периода Яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.), которые напоминали примитивные детские рисунки. Они были найдены археологами в древних курганах с захоронениями первых японских императоров. Другие видят прооб-

раз современной *манга* в средневековых свитках-картинах *эмаки*, ведя отсчет от первой, как принято считать, работы в этом жанре — «Веселые картинки из жизни птиц и зверей» («Тёдзюгига»), созданной буддийским монахом Тоба (Какую) в XII в. Третьи превозносят огромное значение гравюры *укиё-э* для становления *манга*, делая основной акцент на том, что именно выдающемуся художнику Кацусика Хокусая принадлежат не только похожие на современные комиксы «живые» рисунки и оригинальные сюжеты для них, но именно ему японцы обязаны появлением самого слова *манга*. И наконец, часть исследователей связывают этот феномен с литературным процессом, находя аналогии современной *манга* в средневековых книжках в картинках — *эхон*, и в особенности в такой их разновидности, как «желтые книжки с картинками» — *кибёси*. В этой связи можно наметить условную схему их развития: иероглифическая письменность — свитковая живопись *эмаки* — японская гравюра *укиё-э* — книжки в картинках *кибёси* — комиксы *манга*.

Иероглифы: застывшие картинки и их образное прочтение

Для формирования культурных особенностей любой страны огромное значение имеет характер письменности. Для Японии эта проблема особо актуальна в связи с тем, что в VI–VII вв. вместе с буддизмом здесь заимствовали из Китая культуру и иероглифическое письмо. Как известно, иероглифы — это своеобразные пиктограммы, в основе которых лежат рисунки, хотя и весьма стилизованные и упрощенные. Запечатленные на бумаге, они представляют собой смысловые знаки для обозначения китайских слов — морфем. Японцы же, не имея в то время собственной письменности, вынуждены были перенять у китайцев и это их культурное достижение, приспособив иероглифику для написания японских слов. Они, как правило, оставляли прежнее смысловое значение китайских иероглифов, но давали им новое звуковое наполнение. А в дальнейшем иероглифы в японской письменности стали использовать также для написания слов как обычные фонетические знаки — фонемы, абстрагировавшись от их значения.

Именно таким способом был записан выдающийся памятник японской культуры — поэтическая антология «Мантёсю», давшая название первой японской письменности — *мантёгана*. Фиксировать длинные тексты подобным способом было делом не из легких, поэтому, как свидетельствуют дошедшие до наших дней старинные рукописи, сфера применения этой письменности была ограничена в основ-

ном короткими поэтическими или служебными текстами. Вот почему японцы вынуждены были пойти по пути упрощения этих сложных для написания, запоминания и воспроизведения знаков. Для этого они прибегли к простому способу максимального сокращения черт в их написании, что привело в большинстве случаев к использованию лишь одной части иероглифа. Так родилась азбука *катакана*: в первый слог «ката» означает «неполный», а слово целиком — «сокращенная кана», т.е. «сокращенная азбука».

Не менее рациональным представлялся и другой способ — скорописное начертание иероглифов, что, в свою очередь, привело к появлению азбуки *хирагана*, почти сразу же ставшей уделом женщин-писательниц. В связи с этим она даже получила название «*оннадэ*» — «почерк женской руки», тогда как мужчины обязаны были продолжать писать по-китайски.

Этот краткий экскурс в историю японской письменности достаточно ярко иллюстрирует двоякую функцию иероглифов в японском языке: с одной стороны, с их помощью записывали звучание слова, а с другой — они несли в себе смысловую нагрузку: картинку, образ. Возможно, именно отсюда проистекает своеобразие японского художественного мышления — воспринимать и обобщать любую информацию в картинках и образах, а также ассоциативный принцип, на котором базируется японская художественная традиция. Гармоничное сочетание визуального и звукового рядов, заложенное в основе японской письменности, определило дальнейшее развитие японской культуры вплоть до сегодняшнего дня, что дает основание причислить к самым древним художественным истокам современной *манга*-культуры японскую иероглифическую письменность.

Размышляя над общими принципами японской культуры, лежащими в основе японской письменности, поэзии, графики и т.д., выдающийся советский режиссер Сергей Эйзенштейн подчеркивал их необычайную кинематографичность. Речь идет, в частности, о его знаменитой теории монтажа, возникшей в результате знакомства мастера с основами китайской и японской иероглифики, а также особенностями японской письменности. В своих работах он анализирует и сопоставляет закономерности языка кино с пиктографическим письмом, направлением чтения знаков в древних системах письма, сокращенным написанием в старинном и современном письме и т.д. На примерах из истории японской и китайской иероглифики он подробно анализирует, как в процессе письма возникают символы, как изображение предмета постепенно становится условным знаком — символом.

«В пламенно развевающемся иероглифе «*ма*» (лошадь), — указывает он, — уже немисливо распознать облик трогательно осевшей на задние ноги лошади письменного стили Цзэн Су, так хорошо знакомого по древнекитайской скульптуре»³.

На примере второй функции использования иероглифов — как фона, которую он условно обозначал как «совокупную», Эйзенштейн наглядно показывает, как путем монтажа совершается переход от изображения предмета к передаче понятия. «Сочетанием двух “изобразимых” достигается начертание графически неизобразимого»⁴, — утверждает он и для пояснения своей мысли приводит весьма наглядный пример написания иероглифа «плакать», состоящего из двух частей — изображения «глаза» и «воды». «Именно этот “необычный” ход мышления помог мне в дальнейшем разобраться в природе монтажа», — признает режиссер⁵.

Знакомство с японским письмом многое дало Эйзенштейну и для построения его теории звукозрительного контрапункта в звуковом кино.

«Вертикальный монтаж, осуществляющийся в двух рядах — зрительном и звуковом, легче всего можно было понять на примере японского письма с его сложным переплетением исторически различающихся чтений одного и того же иероглифа», —

указывал он⁶, понимая под «вертикальным монтажом» только что нарождавшееся звуковое кино. Достаточно показательно, что одну из своих статей, посвященных влиянию японской культуры, и в частности японской традиционной письменности, на свое творчество, режиссер назовет «За кадром».

Тем самым он стремился еще раз подчеркнуть огромные потенциальные изобразительные и кинематографические возможности древней японской письменности, которые долгие годы, естественно, находились «за кадром», вне сферы кино — нового вида искусства, о котором тогда невозможно было помыслить даже в самых смелых фантазиях. Сегодня же предложенное Эйзенштейном сравнение кино с письменностью, в первую очередь иероглифической, часто приводится в учебных пособиях и исследовательских работах по теории кино.

Повествовательная живопись и иллюстрированная проза

Следуя хронологии исторического процесса, прежде всего стоит обратить внимание на огромное влияние японской письменности на изобразительное искусство того времени. На протяжении многих веков сложность японского письма диктовала необходимость сопро-

вождения текстов иллюстрациями — подсказками, без которых читателю зачастую было непросто понять литературный текст. Вот почему еще первые рукописные и старопечатные книги-свитки *эмаки* (*эмаки-моно*), относящиеся к VIII—IX вв., обычно писались на горизонтальных листах бумаги и содержали в нижней более широкой части листа сплошной текст, выполненный в стиле классической китайской каллиграфии, а в верхней, более узкой — иллюстрации — незатейливые сценки с контурным рисунком и чистыми красками. А сразу же после рождения японской прозы (*моногатари*) появились и ее первые адаптированные иллюстрированные пересказы — книги-«гармошки» с картинками — *эхон*, в которых самого текста было немного, а основную роль уже играли иллюстрации.

Эти так называемые книжки-картинки с популярными сюжетами, заимствованными из фольклора, из героического эпоса и т.д., стали одной из переходных форм от устного творчества к письменному. Картинки сопровождалась пояснительными надписями, в простой и доступной форме излагавшими основные моменты повествования. Произведения литературы, таким образом, воспринимались на первых порах зрительно — через книжки-картинки — и на слух. Появились и профессиональные толкователи книг-картинок, профессиональные рассказчики и певцы, ведущие временами свой рассказ под аккомпанемент музыкальных инструментов. При этом характерно, что в эпоху, когда большинство населения было неграмотным, кроме профессиональных рассказчиков имелись и специальные чтецы — как правило, странствующие монахи. Существование таких странствующих чтецов само по себе свидетельствовало о большой популярности этих произведений.

Прозаический жанр в то время рассматривался не как образец высокого искусства, которым являлась поэзия, а как развлекательное чтение. И хотя авторы, в особенности первых таких произведений, часто обращались в своем творчестве к заимствованиям из буддийских книг, а также к китайским литературным образцам, значительная часть старинных книг базировалась на устной народной традиции и народных преданиях. Это в еще большей степени усиливало значение пусть и простых и во многом условных, но так необходимых книжных иллюстраций.

Книга в классической японской культуре всегда осознавалась как произведение литературы и искусства одновременно. Текст и картинка, литература и живопись постоянно поддерживали между собой естественную связь, дополняя друг друга и делая художественный образ

эмоционально насыщенным и одновременно доступным для понимания. Иллюстрированная проза или же переложенное на язык живописи литературное произведение — так условно можно определить специфику этого явления, которому, пожалуй, более всего соответствует термин «повествовательная живопись»⁷.

У древних японцев, по существу, не было своей техники живописи, и о зарождении в Японии первых образцов изобразительного искусства в подлинном смысле этого слова, с использованием бумаги, шелка или холста, с применением туши и т.д., можно говорить только в связи с проникновением в страну искусства их северных соседей. При этом на первых порах начинающие японские живописцы старались, как всегда, во всем подражать своим китайским учителям и как можно точнее следовать китайским изобразительным канонам.

А затем, овладев в совершенстве азами мастерства, японцы пошли по пути творческой адаптации иностранных образцов к родной почве. Так, уже к X в. сложились основы национальной живописи *яматэ* со специфически японской тематикой, национальным колоритом и оригинальными техническими приемами. Эта живопись носила в основном декоративно-прикладной характер, а потому писалась главным образом на раздвижных перегородках — *сёдзи* и складных ширмах — *бёбу*, что было связано с особенностями жилища аристократии того периода. А самыми распространенными изображениями являлись люди, цветы, птицы, горы и вода. Часто на *сёдзи* и *бёбу* с нарисованным на них пейзажем наклеивали цветную бумагу, а на ней писали стихи на ту же тему, что и картина, и таким образом старались выразить лирический мотив стихотворений и средствами живописи, и средствами литературы одновременно.

К сожалению, до нас дошли лишь картины *ямато-э* того периода, имеющие традиционную форму горизонтальных свитков — *эмаки*. Для японцев эта форма, казалось бы, была знакома, поскольку в свое время пришла из Китая, и именно в виде свитков выпускались тогда и книги, и государственные указы, и буддийские сутры. «Что же касается картин-свитков, особенно такой формы живописи, как изображение непрерывно разворачивающегося пейзажа, дающее своего рода кинематографический эффект, выявляющее особенность свитков — их горизонтальную протяженность, то, хотя и в Китае было нечто подобное, можно смело приписать создание этого жанра творческой фантазии японцев, живших в этот период», — отмечает известный историк японской литературы Иэнага Сабуро⁸. Именно этот кинематографический эффект японской живописи, о котором впоследствии говорил и вели-

кий Сергей Эйзенштейн, будет в дальнейшем с блеском использован японскими создателями комиксов и анимации. Но этому японцы научились далеко не сразу.

Синкретичность как основа национального искусства

Одна из определяющих особенностей японского искусства того времени — его синкретичность, выраженная в тесной и гармоничной связи живописи с литературным творчеством и высококлассной каллиграфией, возведенной в Японии в ранг искусства, не говоря уже об удивительном качестве бумаги — также национальной гордости японцев. Текст, искусно написанный иероглифами, располагался попеременно с изящными рисунками на изысканной японской бумаге, и получался свиток *эмаки*. Эти произведения искусства так быстро вошли в быт аристократии, что даже при императорском дворе, подобно поэтическим турнирам, стали проводиться живописные состязания по написанию картин *эмаки* на заданную тему, как правило определенную канонами этого жанра, — пейзаж, цветы и т.д. Но уже к XII в. жанровое разнообразие этих произведений настолько расширилось, что теперь на язык рисунков стали перелагать легенды, исторические события, дневниковые заметки, а также литературные памятники.

Одним из самых известных образцов этого искусства, сохранившихся до нашего времени, является адаптированный под иллюстрации свиток по мотивам первого японского романа «Повесть о блистательном принце Гэндзи» («Гэндзи моногатари», начало XI в.). Свиток датируется XII в. Читатель знакомился с его содержанием, медленно перематывая скатанный свиток справа налево. И перед его глазами разворачивались рисунки отдельных сцен и эпизодов из этого произведения, снабженные поэтическими вставками и авторскими комментариями. Композиционные элементы самого романа были также внутренне не связаны между собой и объединены лишь общей темой повествования — историей жизни двух поколений, принца Гэндзи и его потомка, слагаемой из сложных и запутанных отношений между главными героями и другими, в основном женскими персонажами. При этом значение сюжета, как в литературном первоисточнике, так и в его изобразительном переложении, как бы отходит на второй план. Главным же становится воссоздание эмоциональной атмосферы придворной жизни того времени, ее колорит, который особенно ярко проступает на свитке благодаря изяществу и выразительности рисунка, а также насыщенности цветовой палитры.

В дальнейшем японцы открыли для себя и секрет изображения сюжета во временной последовательности событий. Это достигалось движением рисунков, расположенных друг за другом по горизонтальной линии. Так сложилась самостоятельная форма живописи, отличная от свитковой, в которой практически нет текстовых вкраплений. Судить о ней можно по таким полотнам XII в., как «События на горе Сигисан» («Сигисан энги-эмаки») и «История в картинках о придворном Бан» («Бандайнагон-эмаки»). Первое рассказывает о возведении буддийского храма на горе Сиги и состоит из трех отдельных свитков, объединенных сюжетной линией, но при этом каждый из них повествует об отдельной истории.

В первом из них, известном под названием «Богач из Ямадзаки», который демонстрировался на «Экспо-2005» (в преф. Айти), рассказывается о жадном землевладельце. За его скупость основатель храма Тогосонэндзи (г. Нара) решил проучить его при народе с помощью волшебной чаши. Чаша переносится на склад и наполняется рисом, а потом, поднятая какой-то неведомой силой, вместе с рисовым амбаром богача на виду у изумленной толпы поднимается в небо, к вершине горы Сигисан. Содержание остальных свитков менее забавно. Второй свиток повествует о монахе Мёрэн, который силой своей веры врачует тяжелобольного императора Дайго. А в третьем — опять же с помощью молитвы — происходит чудесная встреча монаха и его давно потерянной сестры. На втором полотне — «Бандайнагон-эмаки», которое в настоящее время хранится в частном музее Идэмицу, — изображена эмоциональная сцена бегущей толпы возбужденных чиновников и горожан, окруживших горящие ворота Отэнмон.

Однако намного раньше идея заставить картинку меняться по ходу повествования пришла в голову монаху Содзё Тоба (известен также как Какую, 1053—1140) из храма Энрякудзи (расположен вблизи Киото). Его считают прародителем японских комиксов — *манга* благодаря созданным им четырем свиткам под общим названием «Веселые картинки из жизни птиц и зверей» («Тёдзю гига» XII в.), хранящимся в храме Кодзандзи в Киото. Уместно напомнить, что самые первые образцы свитковой живописи-«эмаки» рождались в монастырях и были тесно связаны с буддийским искусством. Они носили сугубо религиозный характер, пересказывая жития буддийских святых.

Объектом изображения в буддийской живописи, как правило, были будды, бодхисатвы, которые рисовались в основном в том виде, как это было принято в Индии и Китае. Поэтому с точки зрения тематики у монастырских живописцев, казалось бы, было мало возможностей для выражения творческой самостоятельности. Но именно там,

в монастырской среде, появились первые юмористические зарисовки нравов того времени, которые приписываются буддийскому монаху Какую, хотя специалисты не исключают, что реальных художников было больше. Птицы и звери, олицетворяющие собой людей, были изображены на первых двух его свитках в различных забавных ситуациях. Два других были посвящены мирской жизни и неблагоприятным поступкам буддийских монахов. Простые, но выразительные линии, выполненные тушью, утрированные пропорции, отчетливо выраженные эмоции и, самое главное, текстовые реплики и комментарии автора, а также идея заставить картинку меняться по ходу повествования, которая пришла в голову монаху и которую он с блеском воплотил последовательной сменой событий, позволяют увидеть в этих свитках прообраз современной *манга*.

Забегая вперед, следует сказать, что в дальнейшем жанр *тёдзю гика* породил множество последователей, создавших собственные варианты юмористических картинок, порой даже повторяющих приемы и технику монаха Тоба и получивших название «Тоба-э» (стиль Тоба). Это и *дзэнга* — сатирические пародии на монахов, и *кёка* — «безумные картинки», рассказывавшие о странных событиях, и т.д. Более поздними по происхождению являются художественные памфлеты, чем-то напоминающие политические басни в картинках: *намадзу-э* (картинки о рыбе сом) и *тануки-э* (в дословном переводе «рисунки енотовидной лисицы», переводят и как «рисунки барсука»), относящиеся уже к концу XIX в. Их целью было высмеять пережитки уходящей эпохи и внедрить в умы людей идеи необходимости перемен. Смешные картинки стали использоваться в эти годы не только в идеологических целях, но и для поддержания морального духа населения в годы социальных и природных потрясений. Так, после трагического землетрясения 1855 г. в Эдо было издано, помимо прочих «веселых картинок», несколько сотен *намадзу-э*.

Все эти жанры «веселых рисунков» объединяет одно — юмористическое начало. Юмор (*окаси*) на протяжении многих веков пронизывает японское искусство и литературу, и, возможно, не только в силу особенностей национального характера японцев или народных истоков многих литературных и живописных сюжетов. Скорее всего, юмор, как для литераторов и художников, так и для их читателей и зрителей, оставался единственным способом выразить свои эмоции в условиях жесткого государственного правления со строжайшей регламентацией жизни средневекового японского общества. При этом шутка и смех в средневековой Японии были практически возведены в культ: появилось даже понятие *окаси-би* (красота смешного), ко-

торое заняло достойное место среди прочих эстетических категорий японского искусства.

В японских исторических хрониках упоминается более чем о 400 произведениях *эмаки*, созданных с IX по XV в. К сожалению, до нас дошла, да и то во фрагментарном виде, только небольшая часть из них — 110 *эмаки* на 600 свитках. Естественно, что эти рукотворные шедевры появлялись на свет в единичных экземплярах, что ограничивало доступ к ним читателей. Решить эту проблему удалось лишь в эпоху Эдо, когда японцы приспособили искусство ксилографии к запросам массового читателя.

Желтые книжки «кибёси» и их сочинители

Желтые книжки «*кибёси*» — также родом из эдоской культуры, и именно их рассматривают сегодня в числе литературных прародителей современной *манга*. Это были любовные истории, рассказы об удачной карьере, политические комментарии, даже эротика — одним словом, чтиво для взрослых, которое скрывалось под желтыми обложками. По форме они представляли собой рассказы в картинках, снабженные текстовыми пояснениями. А о их содержании можно судить по популярному в те годы произведению Коикава Харумати (1744–1789) «Мечты г-на Кинкина о славе» («Кинкин сэнсэй зйга-но юмэ», 1775) — роману в двух томах с рисунками автора.

В нем рассказывалось о молодом провинциале, отправившемся в столицу Эдо в поисках славы и богатства, о ниспослании которых он постоянно обращается в своих молитвах к Бодхисатве. Однако, заночевав по дороге в гостинице, герой видит чудесный сон. Ему снится, что он становится приемным сыном богача, живет в роскоши и веселье, но потом неожиданно разоряется. Проснувшись, Кинкин восклицает: «Выходит, что все радости человеческой жизни подобны крупинке пшена в ступе!»⁹ И, собрав свой нехитрый скарб, отправляется восвояси, посчитав, что путь к удаче неоправданно тернист.

Этот незамысловатый сюжет заимствован из китайской классики — знаменитой новеллы Шэнь Цзи-цзи (VIII в.) «Волшебное изголовье». Но талантливый рисовальщик Коикава перенес события на японскую почву, придав своему повествованию яркий национальный колорит и наделив героя хорошо узнаваемыми чертами характера японцев.

Не менее интересны и остры комментарии автора по поводу тех или иных злободневных событий. Он учит своих читателей, как разумно тратить деньги, знакомит со сложным этикетом «веселых кварталов», не забывая при этом и о нравоучительных постулатах в духе

буддийско-даосских воззрений. Но читателю куда больше, чем морализаторская сторона истории, были интересны жизненные коллизии и любовные приключения героя. Пусть даже не наяву, а всего лишь во сне. В этом — причина огромной популярности книги, жанр которой можно определить как фантазийная сатира. Имя Кинкин-сэнсэй стало нарицательным, превратилось в символ нового типа молодого эдосца — прожигателя жизни. А сама книга с вертикальным желтым ярлыком на обложке, на котором также указывалось название сочинения, фактически и положила начало новому популярному книжному продукту — *кибёси*.

Основная особенность книг *кибёси* состоит в том, что каждая страница в них не имеет пустот — не заполненных рисунками или текстом мест. Там, где образовывалось какое-нибудь пространство для текста, оно непременно исчезало под вязью вертикальных строк японской письменности, которые располагались буквально повсюду: спускались сверху вниз, обвивали фигурки героев и простирались по земле. Хотя отрезки текста были максимально приближены к персонажу, к которому они относились, не всегда читатель мог сразу же определить, какую из строк следует читать первой.

«Точно так же, — отмечает Д. Кин, — не всегда легко установить, входит ли в текст книжки, скажем, надпись на стене или содержание письма, которое читает изображенный на рисунке человек. *Кибёси* рассчитана на цельность восприятия слова и изображения»¹⁰.

В дальнейшем создатели *кибёси* придумали любопытный выход из подобных головоломок: они стали заключать диалоги, а также слова и записанные мысли героев в вытянутые кружки, практически точно так же, как это сегодня делают в комиксах-*манга*. При этом, чтобы читатель смог четко понять, произносит ли герой слова наяву, думает ли об этом или же видит во сне, кружки при помощи хвостиков-стрелочек максимально приближали либо ко рту говорящего, либо к затылку спящего или задумавшегося человека.

А чтобы передать быструю смену действий и расширить горизонты картинки, страница в книге иногда делилась на несколько частей-фрагментов, и в каждом из них изображалось последовательное разворачивание действия или событий. В результате получалась практически та же движущаяся картинка. Предположим, что на одной из них был изображен спящий человек, на другой — за его плечами — снящийся ему человек, а на третьей — планы или действия этого виртуального героя. Разве это не яркий образец максимального приближения к искусству современной *манга*?

Жанр *кибёси* вызвал к жизни и другую разновидность подобного рода литературы — романы-серии, подобные древним сказаниям. Эти серии стали называться *гокан-моно* (сброшюрованные выпуски). Книга содержала в себе несколько небольших брошюр, в каждой из которых было пять двойных страниц. Брошюры переплетались в один том с ярким желтым ярлыком на обложке, и внешний облик книг определял название литературного жанра. Внешне *гокан-моно* были очень похожи на *кибёси*. В них также вертикальные строчки текста были искусно включены в общую композицию страницы, обрамляя фигурки людей и сценки. Но было и много различий. Если в *кибёси* оформление сводилось к небольшим цветным ярлыкам в левом углу, то в *гокан-моно* всю обложку заполняла иллюстрация (нередко цветная).

Один из ярких представителей этого жанра, писатель Рютэй Танэхико (1783–1842), которого иногда даже называют создателем массовой литературы, печатал свои книги в жанре *гокан-моно* в одной из старейших японских типографий — уже тогда знаменитой «Цуруя». Он обычно сам делал наброски иллюстраций к каждой странице и передавал их художнику Утагава Кунисада (1786–1865), с которым много работал вместе. И, в частности, во многом именно ему писатель Танэхико Рютэй обязан успехом своего знаменитого сочинения «Лже-Мурасаки и деревенский Гэндзи» («Нисэ Мурасаки инака Гэндзи», 1850), популярность которого не исчезла и в наши дни. Книги из серии бестселлеров, подобные этой, издавались тиражом в 10 тыс. экземпляров, тогда как обычный тираж таких изданий — 2–3 тыс.

Долгие годы произведения в жанре *гокан-моно* иллюстрировал прославленный гравер Утагава Тоёкуни (1769–1825) и многие другие известные мастера. Однако примерно с 1830-х годов этот жанр стал уделом второстепенных писателей и художников. Общий сатирический тон *гокан-моно* вызывал недовольство правительства, и в конце концов этот жанр литературы вовсе исчез с книжного рынка. Вскоре вместо *гокан-моно* во всем своем блеске предстали близкие к *кибёси* «книжки остроумия» — *сярэбон* — смешные иллюстрированные рассказы и другие популярные жанры, литературная жизнь которых также оказалась недолгой. Образованная и взыскательная публика обратила свои интересы в сторону серьезной литературы — *ёмихон*.

Однако, несмотря на столь широкое литературное разнообразие, предлагаемое на разные читательские вкусы, ко второй половине XVIII в. значение «желтых картинок» в истории японской культуры не ограничивается лишь их достаточно короткой литературной судьбой. Этот популярный жанр, в котором уже трудно отдать предпочтение картинке или рассказу, а, скорее всего, главенствует все-таки изобра-

жение, стал первым реальным прообразом современного искусства *манга*, дальнейшее становление которого перешло уже в область изобразительного искусства и связано в первую очередь с именем выдающегося японского художника Хокусай Кацусика (1760–1849).

Хокусай Кацусика и его дар предвидения

Великий Хокусай по праву считается создателем первой японской *манга*. Он прославился прежде всего как талантливый график, работавший практически во всех жанрах гравюры. Созданные им серии гравюр «36 видов горы Фудзи», «Путешествие по водопадам страны», «Тысяча видов моря» и другие его самые знаменитые работы в жанре пейзажа вошли в золотой фонд культурного наследия Японии. Он создал немало живописных свитков, расписывал ширмы, выполнил за свою жизнь несколько крупных интерьерных росписей и т.д. Одна из таких работ — яркое декоративное изображение Феникса — сохранилась в храме небольшого городка Обусэ в префектуре Нагано. Не отказывал себе в удовольствии великий мастер поработать и в популярном и любимом эдосцами жанре эротической гравюры *сюнга*, огромная коллекция которой сохранилась и до наших дней и сравнительно недавно стала доступной широкому обозрению.

Универсальность личности Хокусай, многогранность его дарования ярче всего проявилась в его работе с книгой — он был не только графиком, но и живописцем, и прозаиком, и поэтом, ярко заявив о себе практически во всех жанрах литературы. Хокусай с удовольствием создавал сборники стихов *кёка*, как сатирического, так и лирического содержания, выступая при этом и автором, и иллюстратором. Вместе с другими художниками выпускал красочные открытки — *суримоно*, в которых стихи сопровождались иллюстрациями. В начале XIX в. он рьяно увлекся поэзией, посещал поэтические клубы, но все-таки всегда особенно тяготел к самому популярному среди народа жанру *э-хон* и его желтой версии — *кибёси*, нередко выступая одновременно в двух ипостасях: сочинителя и иллюстратора этих книг. Мастер с поразительной виртуозностью вписывал в свободное пространство своих рисунков легкую вязь придуманного им же самим текста, располагая его произвольно по всей странице. В его иллюстрациях оживало буквально все — вплоть до раздвижных перегородок комнат, которые создавали ощущение динамичного и постоянно меняющегося пространства.

Именно на поприще книжной иллюстрации началось увлечение Хокусай пейзажной темой. Этому увлечению художника мы обязаны

теперь уже всемирно известному слову *манга* — буквально «странные или веселые картинки, гротески», которое в дальнейшем закрепилось за обозначением японских комиксов. Он придумал его в 1814 г. и использовал для серии своих «рисунков из жизни».

Период с 1812 по 1836 г. отмечен в жизни Хокусай многочисленными путешествиями, во время которых он продолжал работать, делая зарисовки всего, что привлекало его внимание. Так, из путевых эскизов в 1814 г. был составлен первый том «*Манга*» («книга набросков»), затем последовали другие. В общей сложности художником было создано 15 томов, причем три из них увидели свет уже после смерти автора. Точные, метко схваченные зарисовки свидетельствуют о том, что художнику было интересно действительно все: дорожные сценки и мифологические сюжеты, архитектура и одежда, разные типы людей, трав, цветов, деревьев, фиксация поз, движений, жестов людей и т.д. Рисунки «*Манга*» предназначались главным образом для молодых художников как учебное пособие, но привлекли внимание широкой публики.

Уместно вновь вспомнить здесь Сергея Эйзенштейна, который не только восхищался гением Хокусай, но и достаточно глубоко изучал особенности его графического искусства. Обращаясь к работам японского художника, а еще раньше — к изучению театра *Кабуки*, русский режиссер стремился еще раз проиллюстрировать свою мысль о том, что для постижения техники искусства кино более всего можно и следует учиться у японцев.

Действительно, искусство Хокусай и сегодня выглядит необычайно актуальным. Глядя на многие из его гравюр, порой думаешь, что, придай немного иную стилистику его рисункам, снабди их текстом с современным содержанием, и перед вами — лучшие образцы современной *манга*. А заставь двигаться его рисунок — и мы перенесемся в бесконечный мир *аниме*. Не говоря уже о том, что немалая часть его рисунков, сюжетов и образов просто перекечевала в современные массовые образцы в виде прямых цитат. И в этом нет ничего удивительного, поскольку богатое художественное наследие Хокусай впитало в себя все лучшие живописные традиции, созданные за многие столетия истории японской культуры.

Поражает другое — то, что Хокусай, по сути дела, намного опередил свое время и своим творчеством предвосхитил появление и популярность новых видов массового искусства в Японии еще до того, как произошло первое знакомство японцев с западными комиксами, которые стали проникать в Японию со второй половины XIX в. Что же почерпнули современные художники комиксов — так называемые

мангака и создатели *аниме* у Хокусай и других его талантливых современников?

Во-первых, своеобразие линии рисунка и его композиции, построенной на принципе линейной перспективы и производящей впечатление плоскостного изображения, что коренным образом разнится с привычной для европейцев пространственной перспективой и объемным видением предмета. Сегодня мы бы назвали это приемом «2D».

Во-вторых, редкое умение старых мастеров передать тонкую игру светотени, удивительную цветовую палитру и вместе с тем ярко выраженную декоративность их работ.

В-третьих, неумную фантазию граверов-классиков, их нескрываемую тягу к гротеску, свободе творчества и всякого рода экспериментам. Японцы на своих гравюрах, как правило, давали идеализированное отражение окружающего мира, однако зачастую сочетая его с реалистическими зарисовками типажей, точными характеристиками и т.д. И это тоже характерно для современной *манга*.

Более того, не секрет, что полюбившаяся горожанам эротическая гравюра — *сюнга*, прославившая имена многих художников того времени, но постоянно подвергавшаяся гонениям со стороны властей, — это прообраз современного жанра *хэнтай*, пожалуй самой популярной сегодня эротической продукции японской комикс-индустрии.

Но и это лишь предыстория современной *манга* с точки зрения ее национальных корней, тогда как на завершающем этапе формирования этого популярного вида искусства последнюю лепту внесли европейские и американские художники, познакомив японцев с лучшими мировыми образцами комикс-продукции. Это случилось позднее — в середине XIX в., когда в Японию после более чем двух веков изоляции страны мощным потоком хлынула мировая цивилизация. Восприняв саму идею комиксов у своих западных коллег, японские художники пошли по пути их адаптации к собственным художественным традициям (свитковая живопись *эмаки*, популярные книжки *кибёси*, гравюра *укиё-э* и т.д.), зародившимся задолго до того, как в США и Европе возникла культура комиксов. Вот почему принято считать, что японские создатели комиксов взяли физическую форму с Запада, соединили с традицией иллюстрированного рассказа и юмористическими рисунками, внесли свои оригинальные идеи и тем самым дали рождение этому столь популярному и любимому в Японии визуальному искусству.

Кстати говоря, по своим художественным особенностям *манга* является прямым аналогом российского лубка, традиции которого в со-

временной России, к сожалению, практически забыты, также, впрочем, как навсегда канули в вечность житийные тексты и многое другое. И этот факт еще раз наталкивает на размышление о том, что, забывая свое духовное наследие, российская культура часто утрачивала

«кумулятивный момент развития, момент эволюционного переваривания нового, заимствованного. Трансформация становится не конструктивной, а созданием каждый раз чего-то радикально нового на разрушенном месте. Возрастающие традиции заменяются революционными преобразованиями»¹¹.

В Японии же, напротив, именно богатство художественных традиций, многовековой духовный опыт практически всегда определяли восприимчивость и одновременно устойчивость японского общества, интенсивную динамику его развития. Возможно, этим и объясняется потрясающая способность японской культуры к освоению и перевариванию опыта других народов с сохранением собственного своеобразия и целостности. И современная массовая культура, являющаяся на сегодняшний день одной из самых развитых, разнообразных и востребованных в мире, служит ярким тому подтверждением.

Примечания

¹ Schodt F. L. Dreamland Japan: Writing on Modern Manga. Berkeley, 1996. P. 198.

² Купин К. Все японцы читают манга. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/topic-4180499_7595041 (дата обращения: 03.09.2017).

³ Эйзенштейн С. М. Избранные сочинения. Т. 1–6. М., 1964–1966. Т. 2. С. 284.

⁴ Там же. Т. 2. С. 284–285.

⁵ Там же. Т. 1. С. 98.

⁶ Там же.

⁷ Манченков Д. И. Повествовательная живопись средневековой Японии и ее влияние на современную массовую культуру Японии (на примере феноменов манга и рэнга). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://trubnikovann.parod.ru> (дата обращения: 03.09.2017).

⁸ Иэнага Сабуро. История японской культуры, М., 1972. С. 88.

⁹ Рехо К. Японская литература: История всемирной литературы. М., 1988. Т. 5. С. 576.

¹⁰ Цит. по: Завадская Е. Японское искусство книги VII–XIX века. М., 2014. С. 152.

¹¹ Биричевская О. Ю. Массовая культура России и Японии: сравнительный ценностно-смысловой анализ // Вестник ТГПН. 2006. Вып. 7 (58). Серия: Гуманитарные науки. С. 88.

Раздел V

ПРОГНОЗ

ЯПОНИЯ: ПОПЫТКА СРЕДНЕСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

В настоящей главе попытаемся обозначить главные направления, по которым Япония будет развиваться в среднесрочной перспективе — в ближайшие 15–20 лет. Основными параметрами, по которым дан каждый прогноз, станут следующие: экономическое развитие, социальное развитие и роль религии, наука и образование, государственное управление и внутренняя политика, внешняя политика, национальная безопасность.

При всей многовариантности и сложности исторического выбора автор исходит из двух возможных сценариев развития, которые открываются для Японии на среднесрочную перспективу (15–20 лет): сценарий интернационального развития и сценарий суверенного развития. Поэтому в каждом из разделов имеются как общая для обоих сценариев часть прогноза, так и вариативная часть, зависящая от специфики каждого сценария.

Сценарий интернационального развития исходит из того, что преобладающим трендом мирового развития станет мягкая глобализация, в рамках которой в мире ускорится интеграция в экономической, культурной, политической и религиозной сферах, что приведет к качественному усилению взаимосвязанности различных стран, цивилизаций и регионов. Он опирается на предположение о том, что Япония, являясь мировой торговой державой, будет строить свою стратегию развития, основываясь на необходимости развития глобальной системы международной торговли и на приоритете внешнеэкономических и торговых связей, и прежде всего со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

В настоящее время (2017 г.) правительство Японии выдвигает амбициозные планы, связанные со строительством зоны свободной торговли АТР, с проведением внутренних структурных реформ, направленных на внедрение международных стандартов, расширение потоков людей, товаров, капиталов между Японией и АТР с целью максимализации возможностей роста японской экономики.

Япония, как предполагается данным сценарием, будет исходить из того, что в мире необходимо установить общие и единые законы и правила поведения, которые получат приоритет в отношении внутреннего законодательства и позволят налагать определенные ограничения в отношении суверенных прав государств. Такие правила будут устанавливаться в рамках всеобъемлющих международных согласовательных механизмов — ООН и ее специализированных организаций, ВТО, «Большой двадцатки» и «Большой семерки» и т.д. Гегемония какого-либо государства / группы государств не допускается, невозможно и установление каких-либо правил жестким/силовым путем.

Сценарий интернационального развития имеет относительно высокую вероятность реализации в случае, если в международных отношениях произойдут качественные сдвиги в направлении интеграции и глобализации. Данному сценарию будет способствовать дальнейшее развитие транснациональных связей в мировой экономике, усиление меркантилистского мышления в руководстве ключевых экономик мира, и прежде всего США и Китая. Многосторонние наднациональные экономические и политические институты будут иметь полномочия, налагающие ограничения на использование государствами прав национального суверенитета. Однако, даже если подобные правила и ограничения не станут носить обязывающего характера, государства должны будут уважать и учитывать их в общих интересах. Данный сценарий основывается на предположении о том, что глобализация будет происходить естественным путем, без чьего-то диктата или применения силы, согласно логике мирового развития.

Другим сценарием, по которому возможно развитие Японии в ближайшие годы, является **сценарий суверенного развития**. В его основе лежит предположение об усилении в исторической перспективе реалистской парадигмы международного порядка, в рамках которой основой миропорядка послужит баланс сил между ведущими мировыми державами. Предполагается, что в международных отношениях станет усиливаться элемент нестабильности, а мир будет отличаться хрупкостью и непрочностью. Наибольшую роль в обеспечении мирового порядка начнут играть военные потенциалы государств, которые заложат основу многополярного мира.

Миропорядок в условиях многополярности будет формироваться в ходе борьбы интересов крупнейших экономических и политических акторов — Китая, США, Индии, Японии, стран Европы, России. Эти государства будут обладать сопоставимыми потенциалами, а каждое из них — представлять собой самостоятельный центр силы. Государства предпочтут поодиночке стремиться к защите собственных национальных интересов и к усилению своей позиции, одновременно противодействуя попыткам любого другого государства обрести статус лидера. Согласно реалистской парадигме, состояние мира есть состояние равновесия сил между государствами. В рамках данной системы ни одно государство не сможет претендовать на мировую гегемонию, а правила и нормы поведения будут формироваться стихийно в форме «концерта держав».

Предложенный сценарий исходит из того, что Япония будет строить свою политику в области военной безопасности при опоре на военно-политический союз с США, но в экономической плоскости сохранит существенную специфику национальных интересов, которые не всегда будут коррелировать с американскими. Японии будет необходимо учитывать в своей внешней политике снижение уровня военного и политического присутствия США в Восточной Азии, формирование «новой биполярности» на основе американо-китайского противостояния, в котором с течением времени позиции Китая начнут усиливаться, а США, наоборот, ослабляться.

В военно-политической области Япония будет вынуждена проводить политику сдерживания военных амбиций Китая и его напористой политики по отстаиванию своих интересов в Восточной Азии, включая территориальные претензии по отношению к странам-соседям. В экономической сфере проекты создания масштабных зон свободной торговли и иных структур многосторонней экономической интеграции будут иметь ограниченную эффективность. Преобладающими станут двусторонние экономические отношения, в которых значение сыграет экономическая, политическая и военная мощь держав.

Таким образом, произойдет своего рода «суверенизация» международной политики. Национальные (суверенные) интересы государств получат приоритет перед многонациональными. Ценностная дипломатия и консенсусная дипломатия отступят на задний план перед дипломатией отстаивания национальных интересов.

Сценарий суверенного развития осуществится с относительно высокой вероятностью в том случае, если интеграционные процессы в Восточной Азии не приведут к появлению устойчивых и международно признанных норм и правил поведения. Многосторонние зоны свободной торговли, включая Всеобъемлющее региональное эконо-

мическое партнерство, так и не сложатся либо не станут действенным механизмом интеграции. Будет буксовать процесс создания многосторонней системы безопасности, продолжится распространение оружия массового поражения. КНДР останется для Японии источником военной угрозы, в Северо-Восточной Азии усилится гонка вооружений, повысится международная напряженность. Существенно окрепший в военном отношении Китай продолжит проводить напористую политику в отношении своих соседей, активно используя для этого военно-силовую компоненту. Ощутимо снизится в Японии уверенность в гарантиях, предоставляемых США по Договору безопасности, особенно в случае обострения угрозы со стороны Китая силового решения проблемы Сэнкаку. В этих условиях в политическом истеблишменте Японии усилятся позиции националистического крыла, которое будет выступать за отказ от пацифистских ограничений и превращение Японии в «нормальное» государство.

Экономическое развитие и ресурсная база

Япония продолжит развитие по постиндустриальной модели, для которой характерно преобладание третичного сектора в структуре ВВП. Хотя темпы экономического роста останутся умеренными (2–3% в год), высокий технологический уровень промышленности и других сфер экономики, огромный научно-технический потенциал и финансовая мощь позволят Японии сохранить свои позиции в качестве одного из лидеров мировой экономики.

Япония не уступит первые строчки рейтингов по отдельным критериям международной конкурентоспособности, причем по некоторым позициям она по-прежнему останется мировым лидером. В наибольшей степени устойчивому росту японской экономики будут способствовать такие ее характеристики, отмеченные в докладе Международного экономического форума, как инновационное развитие (второе место в мире); высокий уровень развития инфраструктуры; наличие квалифицированной и физически здоровой рабочей силы; прекрасная инновационная среда, включающая большой потенциал инженерно-технических кадров; сложность и высокая диверсифицированность бизнеса, позволяющие обеспечивать выпуск редких уникальных видов продукции; уникальность многих производственных процессов; высокая доля локальных компонентов; контроль над товарными потоками; большое количество высококлассных научно-исследовательских учреждений; значительная доля корпоративных затрат в общих расходах на НИОКР и т.д.¹

Япония утратит по сравнению с современным состоянием еще несколько пунктов в рейтинге крупнейших экономик мира, включая

долю страны в глобальном ВВП и в ВВР, рассчитанном по паритету покупательной способности (PPP). Однако она сохранит относительно высокие показатели международной конкурентоспособности экономики (около десятого места). Некоторое падение в международных рейтингах макроэкономических показателей компенсируется технологическим превосходством, инновационной производственной средой, уникальностью производства многих видов продукции.

Японская экономика удержит лидерские позиции по тем показателям, которые отражают инновационный характер выбранной ею постиндустриальной модели экономического развития. Несмотря на снижение позиций в рейтингах по ряду макроэкономических показателей, Япония сохранит существенное технологическое преимущество над Китаем, Индией и другими странами-конкурентами. Япония продолжит занимать нишу на мировом рынке в качестве поставщика многих видов уникальной и высокотехнологической продукции, основанных на энерго- и сырьесберегающих технологиях (т.е. «зеленый сектор» экономики), потребительской продукции и услуг, ориентированных на «старое» общество, робототехники, а также потребительской продукции с уникальными свойствами. Это позволит ей уверенно чувствовать себя в рамках системы международного разделения труда.

Значение Японии в мировой торговле в силу отхода от индустриальной модели и снижения доли вторичного сектора будет неизбежно сокращаться. Сохранится наблюдаемое с начала 2000-х годов снижение доли Японии в мировой торговле товарами при одновременном незначительном росте доли страны в мировой торговле услугами. Япония будет занимать скромную долю в мировом экспорте (ориентировочно от 2 до 4%) и импорте (от 2 до 5%). Ниша Японии в международном разделении труда будет в большей степени связана с экспортом услуг.

Внешнеторговый баланс останется дефицитным. Основную роль здесь будет играть постепенное ослабление курса японской иены по отношению к доллару, приводящее к удорожанию импорта. Особенно влияние этого фактора будет заметно на примере импорта энергоносителей — из-за отказа от атомной энергетики Япония вынуждена поддерживать на высоком уровне ввоз углеводородного топлива (и прежде всего сжиженного природного газа).

Несмотря на выведение за пределы страны значительной части промышленных мощностей, Япония в большей степени, чем многие другие развитые страны, сохранит на собственной территории мощный промышленный комплекс и останется мировым лидером в научно-технической сфере. Будут активно развиваться экономические отношения Японии с азиатскими странами. Уровень интегрированности Японии в азиатскую экономику станет на порядок выше.

Вместе с тем в ряде отраслей экономики, включая отрасли со средней и высокой степенью сложности технологических и производственных процессов, Япония утратит позиции в мировых рейтингах. В числе слабых мест японской экономики, которые проявят себя в ближайшие 15–20 лет, следует назвать отсталость и архаичность системы производственного обучения персонала, негибкость системы найма, а также крайне низкую долю женщин в общей структуре найма. Именно социальные и демографические проблемы, связанные со старением общества, окажутся ахиллесовой пятой японской экономики, которая проявит себя как фактор проигрыша Японии по многим позициям в конкуренции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (и прежде всего с Китаем и Индией).

Особое значение для Японии приобретут внешнеэкономические связи. Японские прямые инвестиции будут играть все более важную роль в экономике многих стран Восточной Азии. Именно за счет внешних инвестиций Япония продолжит получать значительную часть доходов от внешнеэкономической деятельности и сохранит, несмотря на дефицит внешней торговли, положительное сальдо своего платежного баланса. Основным источником экономического роста будет внешний спрос, создаваемый главным образом в азиатских странах.

Сокращение товарной составляющей экспорта во внешнеторговом балансе Японии будет связано со становлением новой модели разделения труда между Японией и странами Восточной Азии, при которой стадии производственного процесса оказываются разбросанными по разным странам региона. Между ними окончательно сложатся транснациональные логистические цепочки в рамках корпораций, контролируемых японским капиталом. Основным предметом торговых операций станут не готовые товары и услуги, а добавленная стоимость. Из стран-партнеров по региональной интеграции Япония будет импортировать готовую продукцию, включая как потребительские товары, так и промышленное оборудование.

Сохранит свое значение стратегия локализации производства, т.е. приближения его к потенциальным рынкам сбыта. Эта стратегия призвана максимально использовать преимущества стран, ставших объектом японских инвестиций, и одновременно избегать негативных последствий, связанных с колебаниями валютного курса иены. Переместив значительную часть своих производств, включая те, что сопряжены с созданием высокой доли добавленной стоимости, за рубеж (в Китай, Тайвань, страны АСЕАН, где имеются для этого наилучшие условия, включая дешевую и квалифицированную рабочую силу и хорошую производственную инфраструктуру), Япония оставит у себя выработку технологических решений, а также производство значи-

тельной части компонентной базы. Экспорт будет обеспечиваться в основном за счет промежуточной продукции.

Одновременно Япония продолжит уделять приоритетное внимание продвижению в страны Восточной Азии целых инфраструктурных проектов. Подобный подход предполагает не только поставки оборудования и проведение соответствующих строительных работ, но и разработку дизайна, проектирование, предоставление в одном пакете технологий и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги. Для сохранения позиций на внешних рынках особый упор будет сделан на те сферы экспорта готовых систем, где Япония имеет превосходство — электроэнергетику, дороги, водоснабжение, информационные технологии, здравоохранение и т.д. В странах-партнерах будут реализовываться комплексные проекты в области производственной и социальной инфраструктуры, промышленные технологии, готовые энергетические проекты, проекты в сфере экобизнеса и т.д.

Поскольку Япония бедна природными ресурсами и не располагает значимой сырьевой базой для развития промышленности, основным инструментом удовлетворения потребностей в ресурсах останутся торговые отношения с сырьепроизводящими странами, которые традиционно направлены на обеспечение доступа к источникам сырья и топлива, поддержание стабильности их поставок, а также на устранение торгово-политических барьеров на пути японских товаров на внешние рынки. Обеспечение стабильных поставок энергетических и сырьевых ресурсов останется краеугольным камнем японской экономической дипломатии.

К 2030-м годам Япония начнет испытывать существенные потребности в ресурсах, необходимых для обеспечения устойчивого экономического роста в рамках постиндустриальной модели развития. Такие потребности будут связаны главным образом с теми отраслями экономики, где Япония сохранит для себя нишу в качестве производителя определенных видов материальной продукции: информационная техника, промышленное и строительное оборудование, новые материалы, химическая продукция, автомобили и бытовые приборы с уникальными потребительскими свойствами и проч. Среди прочих видов ресурсов Япония будет предъявлять спрос прежде всего на нефть (для химической промышленности), коксующиеся угли, руды черных и цветных металлов, металлы редкоземельной группы и т.д. По-прежнему этот запрос будет удовлетворяться за счет импорта.

Вместе с тем потребности Японии в крупных источниках ресурсов для промышленности будут ограниченными в связи с дальнейшим выведением производственной базы за пределы страны («выхолащиванием промышленности»), преобладанием третичного сектора и специали-

зацией экономики в направлении экспорта технологических решений и готовых инфраструктурных проектов.

Наиболее остро проблема нехватки ресурсов будет стоять прежде всего в сфере энергетики. Эту проблему предполагается решать, прилагая усилия по двум направлениям.

Во-первых, это **перестройка энергетического баланса** в пользу так называемых «базовых источников электроэнергии». К «базовым» в Японии относят четыре источника: атом, уголь, гидро- и геотермальную энергию. Особенность этого типа источников заключается в том, что они относительно дешевы и способны круглосуточно обеспечивать стабильное производство электроэнергии (в этом их отличие от относительно дорогих газа и нефти, а также от солнечной и ветряной энергии, сильно зависящих от капризов погоды). Долгосрочной стратегией в сфере энергетики предполагается к 2030 г. увеличить их долю с нынешних 40 до 60%.

К концу 2020-х годов АЭС будут вырабатывать около 20% от общего объема производимой в стране электроэнергии, используя имеющиеся мощности, которые постепенно станут выводить из эксплуатации, новых АЭС строить не планируется. Доля угля среди источников для энергогенерации составит около 30%. И хотя уголь считается относительно грязным источником энергии, он сравнительно дешев, а успехи «зеленой энергетики» позволяют надеяться на увеличение полноты его сгорания, сокращение вредных выбросов в атмосферу и дальнейшее увеличение экобезопасности. Будет снижена доля углеводородов в электрогенерации: нефть составит к 2030 г. около 5% (против 15% в 2013 г.), природный газ — 25% (43%). В соответствии с ранее намеченными планами доля возобновляемой энергетики в энергобалансе страны увеличится с 10–12% в середине 2020-х годов примерно до 20%. Ставка будет делаться на развитие солнечной и ветряной энергетики, доля которых возрастет с 2 до 10%.

Наибольшее значение в оценке перспектив обеспеченности Японии сырьевыми ресурсами будут иметь успехи страны в политике энергосбережения. Можно ожидать реализации планов по качественному изменению структуры энергогенерации; внедрения энергосберегающих технологий в сфере транспорта, обеспечивающих существенное снижение расхода топлива, активного распространения автомобилей нового поколения, которые бы отвечали самым жестким на момент своего появления экологическим требованиям, включая электрокары, гибридные автомобили, автомобили на природном газе и на топливных батареях и т.д. Экономии углеводородного сырья будут способствовать меры по переходу на экологичную модель транспортных потоков, предполагающую переориентацию грузопассажирских пото-

ков с автомобильного и воздушного транспорта на железнодорожный и водный. Большое влияние окажет и переход на энергосберегающие бытовые приборы и оборудование.

Огромное внимание в рамках государственных программ будет уделяться расширению использования альтернативных источников энергии, таких как солнечная, геотермальная и энергия ветра. К 2040 г. будет реализована долгосрочная стратегия повышения энергоэффективности национальной экономики (как минимум на 30% по сравнению с 2017 г.). Успехи страны в энергосбережении будут основаны на стратегии НИОКР в этой сфере; определении базовых индикаторов энергосбережения по различным секторам экономики; формировании инвестиционного климата, благоприятного для внедрения энергосберегающих технологий. Будут проведены мероприятия по повышению коммерческой привлекательности этих технологий, которые станут объектом активных инвестиций; по созданию «энергосберегающих» городов и регионов.

Планы повышения энергоэффективности экономики, основанные на стратегиях развития энергосберегающих технологий, позволят обеспечить приоритетное развитие узкопрофилированных технологий, дифференцированных по отдельным сферам энергопотребления. В результате применения технологий энергосбережения в смежных областях энергопотребления будет достигнут большой синергетический эффект.

Во-вторых, это развертывание **долгосрочной энергетической дипломатии**, нацеленной на диверсификацию источников поставок сырья и укрепление отношений со странами — поставщиками сырья и энергоресурсов. Япония будет заинтересована в прочном мире, стабильных и предсказуемых правилах международной торговли, безопасном и свободном режиме мореплавания. Безопасность морских коммуникаций останется приоритетным направлением в рамках курса обеспечения национальной безопасности.

Можно ожидать обострения конкуренции Японии с Китаем и Индией за ресурсы, которая проявится как соперничество за экономическое влияние в тех странах Азии, Африки и Латинской Америки, где имеется необходимый ресурсный потенциал. Особое значение приобретет для Японии ресурсный потенциал Центральной Азии, в частности имеющиеся там месторождения цветных и редкоземельных металлов, железа, урана, нефти. Япония активизирует свое экономическое и технологическое проникновение в этот регион, стремясь диверсифицировать импорт редкоземельных металлов, 80% которых она на данный момент получает из Китая.

В рамках **сценария интернационального развития** приоритетную роль для экономического развития Японии будут играть внешнеэкономические связи. Темпы роста экономики будут умеренными, но более

высокими, чем в рамках сценария суверенного развития. За счет повышения налоговых поступлений правительству удастся существенно снизить актуальность проблемы внутреннего государственного долга. Инвестиционные рейтинги Японии останутся достаточно высокими.

По сравнению со сценарием интернационального развития в рамках **сценария суверенного развития** большее значение в качестве источника экономического роста придается внутреннему спросу. Проблема внутреннего государственного долга снизит свою актуальность по мере достижения первичного баланса государственных финансов, но продолжит оставаться достаточно острой в связи с огромными расходами на обслуживание государственного долга. Инвестиционные рейтинги Японии останутся стабильными.

Спрос на ресурсы будет достаточно ограниченным. Потребности страны в энергоресурсах несколько уменьшатся. Кроме того, по сравнению со сценарием интернационального развития Япония не будет уделять столь большого внимания расширению и диверсификации внешних поставок сырья и материалов, зависимость от которых сократится.

Социальное развитие

С точки зрения качества жизни (в том числе таких его составляющих, как уровень развития здравоохранения, состояние окружающей среды, комфортность транспортной инфраструктуры, обеспечение условий для достойной старости и т.д.) Япония будет соответствовать высшим мировым стандартам и служить образцом для других государств.

Можно ожидать ускорения демографических процессов, связанных со старением общества. В Японии будет продолжиться формирование демографической модели, характеризующейся низким коэффициентом рождаемости и не обеспечивающей даже простого воспроизводства населения. Средняя продолжительность жизни в стране останется одной из самых высоких в мире (в 2014 г. она составляла 81 год для мужчин и 87 лет для женщин). Средний возраст японцев (29 лет в 1961 г. и 44,9 года в 2011 г.) превысит к 2025 г. 50-летнюю отметку. Еще в начале 2010-х годов в стране начался процесс сокращения абсолютной численности населения, а с течением времени проблема депопуляции будет только обостряться. К 2025 г. население страны сократится со 127 до примерно 120 млн человек.

В результате Япония превратится в самое «старое» общество в мире (см. табл. 3): доля жителей старше 65 лет составит к 2040 г. более 35% (более 30% к 2025 г.). Одновременно ускорится процесс нуклеаризации японской семьи, вследствие которого государству придется восполнять функцию традиционной семьи по заботе о пожилых людях.

Таблица 3

Демографический прогноз до середины XXI в.

Годы	Население, тыс. чел.	Группа от 15 до 64 лет, %	Группа старше 65 лет, %
2014	127 013	61,3	26,0
2016	127 043	60,5	26,8
2020	124 100	59,2	29,1
2030	116 618	58,1	31,6
2040	107 276	53,6	36,1
2050	97 076	51,3	38,8

Источник: Statistical Handbook of Japan, 2016. URL: www.stat.go.jp. Данные переписи населения Японии 2015 г. и прогноз Национального института народонаселения и социального страхования.

Увеличение доли иждивенцев (лиц старших возрастов) в демографической структуре японского общества будет означать дальнейшее усиление налогового бремени на работающее поколение: существенное увеличение расходов на социальное страхование, доля которых превысит 30% в общем объеме расходной части государственного бюджета. Большая доля расходов выпадет на системы пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания для лиц старше 75 лет, а также на патронажный уход за лежащими пациентами старших возрастов. Остро встанет вопрос о создании дееспособной национальной системы социального обеспечения, поскольку принципы поколенческой солидарности не смогут обеспечивать достаточный уровень пенсий (с коэффициентом замещения не менее 60%).

В стране будет наблюдаться снижение доли экономически активного населения и острая нехватка рабочих рук. Уровень безработицы середины 2010-х годов (3,1–3,2% экономически активного населения), скорее всего, существенно не увеличится. Наибольшую потребность Япония будет испытывать в среднем медицинском персонале и социальных работниках, особенно в свете обозначившейся нехватки медсестер в региональных медицинских учреждениях, роста потребности в сиделках в центрах ухода за престарелыми.

Из потенциальных резервов трудовых ресурсов следует называть женщин, основная часть которых обычно работает до замужества и рождения детей, а затем возвращается на рынок труда после 40 лет,

когда дети вырастают. Женская занятость на условиях временных контрактов увеличится в торговле, здравоохранении и сфере услуг. Другой резерв связан с возможностью повышения пенсионного возраста, а также повторного найма (на условиях временных контрактов) работников, уволенных по возрасту.

Другим ответом на вызовы, которые таит в себе старение общества, может быть более активное привлечение иностранной рабочей силы, которое позволит компенсировать сокращение рынка труда. Об этом свидетельствует опыт развитых стран Запада (например, Западной Европы), столкнувшихся с аналогичными демографическими проблемами, которые идут по пути наращивания трудовой иммиграции. В 2015 г. в Японии насчитывалось 2,23 млн иностранных граждан, или чуть более 1,5% населения страны, тогда как в США доля иностранцев в том же году составляла 13,1%, в Австралии 27,6%, во Франции и Германии 6–8%.

В религиозном отношении Япония останется моноэтническим государством и сохранит нынешнюю конфессиональную картину, для которой характерна высокая степень веротерпимости и отсутствие конфликтов на религиозной почве. Расширение трудовой миграции произойдет в основном за счет немусульманских стран, что предотвратит появление вопроса о проникновении религиозного экстремизма в политической повестке дня.

Роль традиционных религий не будет возрастать в общественном дискурсе и политической жизни страны. Исключением можно считать так называемые новые религии, место которых в жизни японцев не уменьшится, так как эти религии обращены к повседневным житейским проблемам верующих, а идея спасения в загробной жизни отодвинута на задний план. Некоторые из них начнут активно позиционировать себя в политической сфере.

В стране останутся две основные религии — синтоизм и буддизм, а также морально-этические учения конфуцианства и даосизма. Все религии будут признаваться равноправными. В Японии не сложится единой идеологии и общей религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. По традиции здесь сохранится религиозный плюрализм, религиозные распри на доктринальном уровне будут отсутствовать.

Вместе с тем роль традиционных религий в общественной жизни страны будет достаточно высокой. Религиозные культы сохраняют свое место в духовной жизни общества, в том числе как средство поддержания национальной идентичности. Острых конфессиональных конфликтов не проявится, так как японская нация сохранит свою

моноэтничность и гомогенность, а массовой иммиграции из стран с религиями, проповедующими религиозную нетерпимость, в страну допущено не будет.

Как ответ на вызовы глобализации, в обществе усилятся запрос на традиционные ценности. В этой связи будет укрепляться роль синто в жизни японцев, связанная с их национальной идентичностью, возрастет интерес к историческим традициям и культу предков. В политической жизни это проявится в виде роста популярности консервативных политических сил правого толка, включая правящую Либерально-демократическую партию и Партию обновления. В электоральной поддержке этих партий усилят свое значение синтоистские и традиционалистские организации («Японский форум», Ассоциация синтоистских организаций и т.д.) Вместе с тем потенциал воздействия синто на политику будет ограниченным, так как в японском обществе сохраняется негативная память о милитаристском прошлом, когда именно синтоизм использовался в качестве государственной идеологии.

В рамках **сценария интернационального развития** для решения задач реструктуризации корпоративного сектора на вооружение будут взяты стандарты глобального корпоративного управления. «Мягкая глобализация» продолжит размывать основы японской модели менеджмента, основанной на ограниченности рыночных принципов и особой роли корпораций в решении социальных проблем.

Отказ от пожизненного найма и отход от государственного протекционизма в отношении корпоративного сектора приведет к снижению уровня социальной защищенности наемной рабочей силы. Повысится уровень безработицы (до 7–8%), усилятся социальное расслоение, увеличится недовольство властью, что станет источником политических кризисов. Но это позволит повысить производительность труда и избежать существенного отставания от стран-конкурентов по показателям эффективности.

В рамках данного сценария можно ожидать относительно более радикальной либерализации иммиграционного законодательства, которая приведет к наплыву в страну мигрантов, прежде всего граждан Латинской Америки японского происхождения (т.н. *никкэйдзинов*), а также жителей некоторых стран Восточной и Юго-Восточной Азии, главным образом Тайваня, Филиппин и Таиланда. Тем не менее совокупная доля мигрантов вряд ли превысит 2–3% населения страны. Контролируемая миграция не приведет к масштабной социальной напряженности, так как правительство не допустит, чтобы пребывание иностранных работников сопровождалось существенным увеличением преступности. Скорее всего, несколько возрастет эмиграция японских

пенсионеров, для которых будут построены комфортабельные пансионаты для постоянного проживания в тех странах, прежде всего азиатских, где для этого создадут подходящие условия.

Расширение в повестке дня тематики социального обеспечения пожилых людей, которые составят все более заметную долю в электорате партии власти, неизбежно приведет к нарастанию тенденций в пользу децентрализации государственного управления и усиления полномочий местных органов власти. Япония сможет построить жизнеспособную пенсионную систему и систему медицинского обслуживания населения даже в условиях снижения темпов экономического роста и иных экономических показателей, найдя себе нишу в международном разделении труда как технологический и финансовый донор. Речь прежде всего идет об информационно-развлекательных технологиях, экотехнологиях, а также создании комфортной среды обитания для пожилых людей.

В свою очередь, **сценарий суверенного развития** предполагает, что традиционная модель японского менеджмента, основанная на его «трех столпах» (пожизненный наем, оплата по старшинству и внутрифирменные профсоюзы), сохранит свою действенность. Это позволит избежать сильных социальных контрастов и связанной с этим социальной напряженности, но одновременно станет фактором отставания японской экономики от стран-конкурентов (и прежде всего в Азии) по критериям эффективности.

Сокращение численности трудоспособного населения будет отчасти компенсировано ростом производительности труда на основе новых технологий производства и управления. Однако отставание Японии от развитых стран Запада по показателям производительности труда сохранится, хотя существенно и не увеличится в результате внедрения инновационных решений в экономику.

С учетом отрицательного отношения населения страны к либерализации иммиграционного законодательства, а также трудностей, связанных с языковым барьером, Япония, несмотря на нехватку рабочих рук (особенно в трудоемких производственных процессах, а также в сферах коммунального хозяйства и социального обеспечения) продолжит воздерживаться от радикальной либерализации миграционного законодательства и не допустит наплыва мигрантов из развивающихся стран. Трудовая миграция будет допущена в ограниченных масштабах, только в отношении квалифицированных и высокооплачиваемых работников. В результате нехватка рабочей силы будет восполняться за счет внутренних резервов (неполной занятости, особенно женщин, использования системы «вторичного найма» пожилых людей и т.д.).

Наука и образование

Государство в Японии будет исходить из тезиса, закреплённого в «Основном законе о науке, технике и технологиях», согласно которому наука и техника обеспечивают основы развития страны. Первостепенное внимание будет уделено необходимости сохранения технологического лидерства. Япония сконцентрирует наибольшие усилия на прорывных направлениях науки и техники, позволяющих ей сохранять лидерские позиции в мире. Особое значение приобретут такие направления, как создание искусственного интеллекта и манипуляторов, развитие биологии и биотехнологий, разработка энергосберегающих техники и технологий. В результате широкого внедрения инновационных технологий в стране будет достигнуто оптимальное соотношение между спросом и предложением энергии, основанное на коренных преобразованиях, как в сфере производства, так и в сфере потребления энергии.

Япония также сосредоточится не только на научно-технических, но и на организационно-управленческих инновациях. Она добьётся заметных успехов и в разработке новых методов планирования, выполнения и оценки исследовательских проектов. В результате в стране будет сформирована качественная модель инновационного развития с выраженным креативным компонентом.

В долгосрочных планах научно-технического развития приоритет будет отдаваться двум направлениям. Первое из них, примыкающее к сфере фундаментальных исследований, включает в себя науки о жизни, информатику и телекоммуникации, нанотехнологии и материалы, экологию. Второе направление имеет преимущественно прикладную ориентацию и представлено такими разделами, как энергетика и ресурсы, промышленные технологии, производственная и социальная инфраструктура, Земля и космос.

Можно ожидать, что Япония, опираясь на эти приоритеты, добьётся значительных успехов. Наиболее прочные позиции Япония будет занимать и в таких областях, как нанотехнологии и создание на их базе новых материалов, высокопроизводительные компьютерные системы, средства хранения и отображения информации, беспроводная техника связи, оптоэлектроника и фотоника. Неизменно высоко будут котироваться японские энергосберегающие технологии, системы переработки отходов, не загрязняющие окружающую среду, робототехника и многие другие научные и инженерные достижения.

Япония приложит серьезные усилия по расширению фундаментальных исследований, недостаток которых долгое время мешал ей достичь глобального лидерства в научно-техническом прогрессе.

Страна сохранит достаточно высокие позиции в мире по уровню профессиональной подготовки кадров и качеству высшего образования. Коренных институциональных изменений в системе среднего и высшего образования не произойдет. В количественном отношении останется около 500–600 университетов, включая 425 частных. Самыми престижными государственными университетами по-прежнему будут Токийский и Осакий университеты, университеты Хоккайдо и Тохоку. Из частных свои позиции сохраняют университеты Тюо, Нихон, Васэда, Мэйдзи, Токай и Кансай.

В структуре высшей школы продолжится тенденция к усилению роли частных университетов и увеличению колледжей, большей автономии вузов, дальнейшей децентрализации управления ими со стороны государства, укреплению их академической и финансовой самостоятельности. В процессе образования будет возрастать приоритет личности, расширяться права профессорско-преподавательского состава, что приведет к большей свободе выбора содержания и методов обучения. Студенты получат больше возможностей оказывать влияние на содержание учебного процесса, выбирать индивидуальные планы обучения, дисциплины и самих преподавателей.

Проблему составит начавшийся в 2000-е годы процесс корпоративизации государственных и общественных университетов, сопровождаемый сокращением бюджетных дотаций. В результате вывода университетов из-под прямого подчинения министерству образования произойдет сокращение персонала, ускорение процесса слияния и укрупнения университетов, переориентация бюджетного финансирования на учет результатов, введение более гибкой системы платы за обучение, диверсификация доходов учебных учреждений.

Одновременно будет наблюдаться разрыв между небольшим количеством престижных университетов, получающих приоритетное финансирование и имеющих высококлассные научно-преподавательские кадры, и значительной частью университетов-«аутсайдеров». Проблемой для Японии станет также уменьшение количества потенциальных студентов под влиянием демографического спада, снижение реальных доходов населения, сокращение доступных финансовых ресурсов, связанное со слабым экономическим ростом и сложным состоянием бюджета. Большие расходы на подготовку в университеты, сужение возможностей государственного финансирования, сравнительно высокая и постоянно растущая плата за обучение приведут к утрате равенства доступа к образованию. Кроме того, можно ожидать, что в системе образования сохранятся серьезные гендерные различия, связанные с ограниченными возможностями карьерного роста для женщин (сре-

ди общего числа университетских профессоров женщины составляли в начале 2010-х годов лишь около 10%).

Качество системы образования в Японии будет зависеть от того, насколько эффективно она сможет провести реформу образования в направлении воспитания творческих и креативно мыслящих личностей. Залогом успеха в этом отношении станут тесные научно-технические связи Японии со странами Европы и США. Эти связи позволяют Японии сохранить лидирующие позиции в прикладных исследованиях и преодолеть разрыв с Западом в области фундаментальных наук, особенно в сферах физики и биологии, а также медицины.

В рамках **сценария интернационального развития** в системе образования сохранятся те тренды, которые наметились с переходом Японии на стадию постиндустриального развития. Эти тренды связаны с интернационализацией и информатизацией общества, возрастанием его требований к пожизненному обучению. Если традиционно главным критерием при найме выпускника считалась способность к обучению (которую демонстрировало не столько содержание образования, сколько сам факт поступления в престижный университет), то в среднесрочной перспективе все большие требования будут предъявляться к инициативности, способности принимать решения, коммуникативности и т.д.

Усилятся тенденция к интернационализации высшего образования, его адаптации с помощью механизмов демократизации к потребностям современного информационного общества, обеспечению эквивалентности японских дипломов аналогичным документам об образовании в странах Европы и США. Японские университеты станут активнее развивать международные связи, стремясь интегрироваться в международную образовательную среду. Правительство страны будет привлекать в страну иностранных студентов, общее число которых превысит 300 тыс. человек. Более 100 тыс. японских студентов получают университетское образование за пределами Японии. Для повышения привлекательности международных университетских обменов будет осуществлена радикальная реформа образовательных стандартов в системе высшего образования в направлении их унификации с международными стандартами (в частности, с болонской системой). Значительные бюджетные средства будут выделены на то, чтобы повысить уровень японских университетов в международных рейтингах, увеличив их число в первой сотне. В рамках правительственного проекта «*Global 30*», завершаемого в 2020 г., тридцать лучших японских университетов смогут готовить специалистов международного уровня.

В свою очередь, **сценарий суверенного развития** предполагает, что система высшего образования останется относительной закрытой

и изолированной от международной образовательной среды. Значимость высшего образования в глазах японских граждан, как и прежде, будет заключаться в том, что оно повышает вероятность попадания в крупную компанию с пожизненным наймом. Международные образовательные обмены будут носить ограниченный характер, а японские образовательные стандарты не станут полностью коррелировать с международными.

Как и в сценарии интернационального развития, приоритет в научно-техническом развитии будет отдан прорывным направлениям науки и техники, включая науки о жизни, информатику и телекоммуникации, нанотехнологии и материалы, экологию, промышленные технологии и проч. Япония приложит серьезные усилия по расширению фундаментальных исследований, однако из-за ограниченности международных научно-технических связей разрыв со странами Запада преодолен не будет. Япония также будет отставать по качеству высшего образования, развивающегося по инерционному сценарию.

Вместе с тем, по сравнению со сценарием интернационализации, научные разработки будут в большей степени базироваться не на международных проектах, а на использовании национального научного потенциала. Особое значение будет придаваться информационной безопасности, сохранению секретности, недопущению утечек данных.

Государственное управление и внутренняя политика

Япония останется демократической страной с кабинетно-парламентской формой правления. В сфере государственного управления ситуация будет характеризоваться относительно высокой устойчивостью и стабильностью политических институтов. Качественные изменения кабинетно-парламентской системы, а также правительственной структуры в среднесрочной перспективе маловероятны. Коренного преобразования политических институтов, включая парламент, правительство или судебные органы, не произойдет.

В Японии сохранится тренд в пользу укрепления института премьер-министра, усиления роли кабинета министров как органа политического руководства правительством. Премьер-министр будет наделен более эффективными рычагами для проявления политического лидерства, усилится роль канцелярии кабинета министров как органа координации деятельности правительства, будут опробованы новые экспертно-вспомогательные механизмы при премьер-министре. Сохранит свою значимость и фактор преобладающей роли исполнительной власти и гипертрофированной роли, которую играет бюрократия.

В партийно-политической сфере Японии останется страной с преобладанием одной-двух политических партий в системе государственного управления. Либерально-демократическая партия даже при сохранении своего господствующего положения не сможет отказаться от вступления в коалиции с другими партиями. Скорее всего, ее партнером по коалиции в обозримой перспективе останется партия Коэйтэ, голоса сторонников которой неоценимы для ЛДП на выборах в нижнюю палату парламента, а также, с меньшей вероятностью, Партия обновления либо иная новая партия консервативной ориентации. В системе коалиционного правления возможно появление других партий, расположенных в центральной или правой части политического спектра. Можно ожидать ускорения процесса реформирования партийно-политического пространства.

Во внутренней политике в условиях правления ЛДП продолжится курс на минимизацию социальных обязательств государства и опору на принципы рыночного фундаментализма. Перспектива стабильного правления ЛДП на период после 2021 г. будет зависеть от успехов политики «абэномики». Среди угроз для действующей власти многие называют отсутствие устойчивого роста, пробуксовку структурных реформ, сокращение реальных доходов населения. От руководства ЛДП требуется немалое искусство, чтобы, с одной стороны, добиться экономического подъема с помощью мер экономического дерегулирования и усиления роли рыночных механизмов, а с другой — провести серьезную реформу системы здравоохранения и социального обеспечения, требующую огромных государственных вложений. Большую внутриполитическую проблему для ЛДП составит повышение потребительского налога до 10%, которое может быть произойти в октябре 2019 г.

Велика вероятность того, что отсутствие консенсуса в обществе по спорным и деликатным вопросам идеологического характера (политика страны в сфере безопасности, вопросы исторического прошлого и т.д.) будет сочетаться с устойчивым и достаточно высоким уровнем поддержки кабинетов ЛДП (возглавляемых Синдзо Абэ и его преемниками). ЛДП будет с выгодой для себя использовать раскол в оппозиционном лагере, отсутствие в руководстве оппозиционной Демократической партии сильных политических фигур, способных увлечь за собой недовольные Синдзо Абэ слои электората.

Вектор дальнейших изменений в системе политического управления будет зависеть от того, какого типа политические фигуры после 2021 г. придут в ЛДП на смену Абэ. В политике усилится запрос на лидерское начало и политиков националистического и популистского типа, которые более заметны в основном на правом фланге. Можно

ожидать также усиления центристских тенденций в партии. В обществе будут преобладать консервативные настроения, основанные на ностальгии по традиционным «японским ценностям». Политический выбор будет в большей степени осуществляться внутри самой ЛДП, в которой уживаются правоконсервативное и прагматическое течения. В какой-то степени произойдет воссоздание системы доминантной партии, существовавшей в Японии в период 1955–1993 гг.

Скорее всего, со стороны оппозиционного лагеря ни одна из политических партий, включая Демократическую, не сможет составить ЛДП реальной конкуренции в борьбе за власть. Однако имеется некоторая вероятность прихода к власти партии-конкурента или коалиции левоцентристской ориентации во главе с политическим деятелем популистского типа, которые используют накопленный в обществе протестный потенциал. В этом случае возможны существенные корректировки курса страны по отношению к Договору безопасности с США, азиатской интеграции, проблеме потепления климата, угрозе распространения ядерного оружия и т.д. Победа оппозиционной коалиции над ЛДП приведет к полевению внешнеполитического курса страны, отходу внешней политики от жесткой привязки к Договору безопасности в пользу ооновской дипломатии, переходу на более нейтральные и менее ориентированные на США позиции по основным международным проблемам. Однако данный сценарий носит неочевидный характер и может рассматриваться как одна из неприоритетных возможностей в рамках демократического процесса.

Во внутренней политике, если у власти окажется левоцентристское правительство, возможны попытки реализовать концепцию «государства социального благоденствия» по типу стран Северной Европы. Однако эти попытки будут сталкиваться с большими трудностями, так как в Японии преобладает крайне негативное отношение к идее повышения потребительского и иных налогов, которые будут выступать финансовым источником социальной политики государства.

Нельзя полностью исключать и того, что к власти придет «третья сила», например в виде «лоскутной коалиции» малых и средних партий, которая выступит в качестве альтернативы двум крупным партиям. В пользу «третьей силы» играют такие особенности избирательной системы в парламент, как наличие крупного блока мест в нижнюю палату, избираемого в «округах пропорционального представительства», особый порядок выборов в палату советников, отличный от палаты представителей, а также несовпадающие сроки выборов в верхнюю и нижнюю палаты. Однако практика показывает, что главный расчет малых и средних партий заключается в том, чтобы с наибольшей выго-

дой «продать себя», либо после некоторого торга вступить в правящую коалицию. Поэтому большую вероятность приобретает сценарий поляризации сил на основе тяготения малых и средних партий к одной из двух системообразующих партий — ЛДП или ДПЯ.

Эффекту поляризации будет способствовать бо́льшая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для «малых партий». В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не происходит и политической институционализации интересов таких меньшинств. К тому же японское общество относительно гомогенно в экономическом отношении, его основу составляет сильный средний класс. Свой вклад в процесс поляризации партийно-политического пространства будет вносить также то обстоятельство, что японские избиратели, имеющие более протекционистски ориентированный, чем в других странах, тип сознания, склонны поддерживать в первую очередь партии, которые имеют реальную перспективу прихода к власти.

В случае реализации **сценария суверенного развития** можно предположить, что в Японии будет воссоздан какой-то вариант модели доминантной партии, при которой ЛДП удастся выстроить долгосрочные механизмы контроля политической власти с сохранением демократических процедур. Можно ожидать, что при этом произойдет усиление механизмов принятия политических решений, основанных на особой роли партийных структур ЛДП в деле согласования разноплановых интересов бюрократии, политического мира, бизнеса, региональных структур и иных выразителей корпоративных интересов.

Становление системы власти ЛДП будет сопровождаться усилением лидерского начала в политике и запроса на политиков авторитарного и харизматического типа. На этом фоне можно ожидать роста влияния тех органов, которые находятся под прямым контролем премьер-министра, включая различного рода консультативные советы. Кроме того, можно ожидать роста усиления политической роли государственных институтов в сфере национальной безопасности (Совета национальной безопасности и министерства обороны).

В рамках **сценария интернационального развития** политическая власть в Японии будет более «распыленной», большее значение будет иметь элемент коалиционности правления, не столь значимым станет фактор персонального начала политических лидеров харизматического типа. Более вероятным станет приход к власти альтернативных ЛДП политических сил центристской или левоцентристской ориентации.

Внешняя политика

Существенное воздействие на внешнюю политику Японии окажут внутривнутриполитические соображения. В их числе — подъем национализма в стране и поправление политического спектра, отраженного представленными в парламенте партиями, а также выход на политическую арену новых поколений японцев, не помнящих Второй мировой войны. Большое значение будет иметь и рост популизма в политике, заставляющего власть принимать решения, в том числе во внешнеполитической сфере, которые ориентированы в первую очередь на националистические настроения электората.

Япония продолжит внешнеполитический курс, основанный на ее статусе члена западного сообщества. По большинству глобальных проблем (включая украинскую проблему) Япония станет демонстрировать общую позицию или солидарность с «Большой семеркой» в той степени, в какой это не противоречит базовым национальным интересам страны.

Одновременно Япония будет активно использовать во внешней политике свое особое положение как страны, пострадавшей от атомной бомбардировки и принявшей мирную конституцию. Принятие поправок в конституцию не затронет ее базовых постулатов, касающихся отказа Японии от войны как средства решения международных споров. Япония продолжит позиционировать себя в качестве государства, приверженного миру и готового вносить в соответствии с выдвинутой Синдзо Абэ доктриной «проактивного пацифизма» вклад в достижение мира, стабильности и процветания международного сообщества. Факторы мягкой силы будут исключительно значимыми во внешнеполитическом инструментарии Токио, особенно в Юго-Восточной и Восточной Азии, где образ «мирной и демократической» Японии будет противопоставлен имиджу «напористого» и «агрессивного» Китая. Вместе с тем наращивание военного потенциала и превращение Японии в «нормальное» (не обремененное ограничениями на военное строительство) государство внесет определенный диссонанс между официально заявленными целями (вклад в мир) и средствами их достижения (политика перевооружения).

Ставя перед собой цель повышения своей глобальной политической роли и обретения статуса крупной политической державы мирового значения, а также вступления в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена, Япония продолжит оставаться одним из крупнейших финансовых доноров в ООН и иные международные организации и будет добиваться увеличения числа японских сотрудников в этих учреждениях. Продолжится наращивание институционального потенциала

японской дипломатии. Сохранится курс на активизацию участия страны в решении глобальных проблем, включая международный терроризм.

Придавая большое значение ядерному разоружению. Япония будет содействовать укреплению режима ДНЯО. Приоритетным направлением внешней политики останется международное сотрудничество в сфере экологии. Япония не изменит ориентации на поддержку международных усилий в борьбе с потеплением климата, хотя постепенный отказ от атомной энергетики и сохранение высокого удельного веса углеводородов в энергетическом балансе страны не позволит ей брать на себя радикальные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов.

В региональной политике Япония будет определять свою позицию, исходя из необходимости построения в Восточной Азии многосторонних механизмов региональной интеграции, основанных на принципах «открытого регионализма». Согласно этим принципам сотрудничество между восточноазиатскими странами должно способствовать предотвращению регионального сепаратизма, т.е. делать упор на интересы глобального экономического сотрудничества.

Япония станет активным членом всех крупных интеграционных объединений в Восточной Азии, включая Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и Транстихоокеанское партнерство, которое, возможно, получит новое дыхание после ухода в 2021 г. администрации Трампа. Что касается зоны свободной торговли Севера Восточной Азии в формате «Большой тройки» (Япония — Китай — Южная Корея), то многое будет зависеть от политических взаимоотношений трех стран, которые крайне нестабильны и с трудом поддаются прогнозированию. Можно предположить, что Япония будет считать «тройку» контрбалансиром, который можно выгодно использовать в дипломатических отношениях с Вашингтоном, а также механизмом, с помощью которого получится продать выгодные для себя форматы интеграции. Для Китая же это станет способом экономически теснее привязать к себе Японию и не допустить формирования в Восточной Азии экономических группировок без своего участия.

Япония активизирует свое присутствие в сетевых структурах безопасности в Восточной Азии, которые придут на смену двусторонним договорам безопасности с США («системе оси и спиц»). В 2020–2030-е годы в Восточной Азии продолжится формирование блоковых (сетевых) структур безопасности с участием стран, заинтересованных в военном и политическом сдерживании Китая: Японии, США, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Индии, а также, с меньшей степенью вероятности, Вьетнама, Филиппин и Таиланда. Несмотря на наличие большого числа политических проблем, создающих неблагопри-

ятную атмосферу в двусторонних отношениях между потенциальными участниками (включая оценки исторического прошлого и территориальные разногласия), в подобных многосторонних форматах произойдет консолидация и унификация интересов участников на базе общего понимания военных угроз.

Помимо США наибольшее значение для Японии будут иметь двусторонние отношения с соседями по региону (Китаем, Республикой Корея, Россией). Существенным фактором, определяющим внешнеполитические решения японского руководства на длительную перспективу, следует назвать ситуацию в китайско-американских отношениях.

В японо-китайских отношениях будет наблюдаться волнообразное движение. С одной стороны, страны будут по-прежнему делить груз нерешенных проблем исторического прошлого, которые не имеют перспектив урегулирования. С другой — обе крупнейшие экономики Азии, находясь в тесной зависимости друг от друга, будут ориентироваться на внешний спрос и проявлять заинтересованность в установлении четких правил международной торговли. В японо-китайских отношениях экономика, таким образом, не позволит политике пойти дальше определенной красной черты.

Территориальные опоры со странами-соседями — Китаем (проблема Сэнкаку/Дяоюйдао), Южной Кореей (проблема Токто/Такэсима), Россией (пограничное размежевание в районе Южных Курил «северные территории») — сохранятся, но их острота в политической повестке дня снизится в результате развития региональной экономической интеграции и усиления роли многосторонних согласовательных механизмов в международно-политическом дискурсе региона. В результате эти споры не станут тормозом на пути экономического сотрудничества со странами-соседями.

Япония будет проводить активную культурную дипломатию в отношении стран АТР, которая позволит ей решать задачи усиления политического влияния и распространения демократических ценностей, носителем коих Япония продолжит себя считать. В отношении стран Восточной Азии (Китай, Южная Корея) политика Японии в культурной области будет, кроме того, преследовать цель освобождения от исторических обид, связанных с негативной для Японии исторической памятью периода Второй мировой войны.

Стратегия в культурной сфере позволит Японии сохранить привлекательный образ в мире и обеспечит устойчивость массового интереса зарубежной аудитории к глубинам японской истории и культуры. Вместе с тем существенным ограничением для распространения культурного влияния Японии станет стремительно растущая конкуренция со стороны Китая и Индии, хотя ни одна из этих стран не займет ведуще-

го или монопольного положения в мире в различных индексах потенциальных ресурсов мягкой силы.

С Россией отношения будут развиваться непросто. США усилят курс на военное окружение и сдерживание Китая. В Восточной Азии активизируется процесс формирования блоковой системы безопасности. Вопросы ПРО и мер доверия в военной области в Северо-Восточной Азии останутся наиболее острыми в политической повестке дня российско-японских отношений. Токио будет видеть недружественные для себя мотивы в российско-китайском военном и военно-техническом сотрудничестве, которое неизбежно интенсифицируется после размещения системы *THAAD* в Южной Корее, а в дальнейшем и в Японии. Это заставит проводить более жесткий курс по отношению к Москве, как по территориальному вопросу, так и в международно-политической плоскости в целом (участие Японии в «антироссийской коалиции» Запада).

Вместе с тем, чтобы не допустить тесных связей России и Китая в военной области, а уже тем более заключения между ними полноценного военного союза, Япония подойдет на умеренное сближение с Россией. Стимулом для установления нормальных политических отношений с Россией станет нестабильная ситуация на Корейском полуострове. Япония будет заинтересована в диалоге и сотрудничестве с Россией по вопросам региональной безопасности. Многое будет зависеть от позиции Америки: если США пойдут на новую перезагрузку отношений с Москвой с целью решения отдельных вопросов своей внешнеполитической повестки дня (ядерное разоружение, Иран, Сирия), это позволит Японии полностью освободиться от обязанности придерживаться антироссийских санкций. В этом смысле ситуация в российско-американских отношениях будет основным фактором, детерминирующим отношения Токио с Москвой.

Позитивное значение для развития российско-японских отношений будет иметь фактор личных взаимоотношений лидеров двух стран, а также их личные амбиции при урегулировании территориального спора. В то же время усиление национального самосознания будет препятствовать разрешению территориальных разногласий, так как любой вариант предполагает возможность взаимных уступок. К тому же японское руководство продолжит линию на «окончательное подведение» итогов Второй мировой войны, предполагающую отход от статуса Японии как «вражеского государства», несущего бремя ответственности за агрессивную политику времен Второй мировой войны. В этом смысле любые компромиссы с Россией по территориальной проблеме будут невозможными в силу их коренного противоречия с указанной политикой.

Фактором против сближения России и Японии станет отсутствие взаимодополняемости экономик двух стран и малая степень взаимной зависимости в экономической сфере. Для России Япония будет иметь большую привлекательность как источник инвестиций и технологий, в которых особенно нуждаются восточные регионы РФ, и как партнер, отношения с которым дадут возможность диверсифицировать партнерские связи с Азией, чтобы компенсировать рост зависимости от Китая. Для Японии же экономическое сотрудничество с Россией с учетом малой ее значимости как экономического партнера будет скорее преследовать политические цели. Тем не менее выгоды от тесного экономического партнерства сохранятся и у нее: диверсификация источников энергии и сырьевых ресурсов, импульс для внутреннего экономического роста, основанный на экспорте готовых инфраструктурных проектов, удешевление транзита в Европу и т.д.

В противоположность **сценарию интернационального развития**, при котором приоритет будет отдаваться международным обязательствам страны и ее вкладу в решение глобальных проблем, в рамках **сценария суверенного развития** Япония будет больше внимания уделять собственным национальным интересам как суверенной державы, причем не только регионального, но и глобального значения.

Национальная безопасность

Военная политика Японии, включая ее отказ от пацифистского статуса, будет состоять в выборе оптимального баланса между необходимостью укреплять позиции страны в мире в качестве крупной военной державы и использовать военную мощь для достижения внешнеполитических целей и стремлением поддерживать в мире (особенно в странах — партнерах по экономическому сотрудничеству, и в первую очередь в Азии) имидж державы, от которой не исходит военной угрозы.

Помимо традиционных основ безопасности, связанных с территорией, населением и системой государственного управления, для Японии приоритетами внешней политики будут выступать ее интересы как крупной морской державы, которые подразумевают повышенное внимание к безопасности 200-мильной морской зоны, морских коммуникаций и режиму мореплавания, причем не только в Восточноазиатском регионе, но и в мире в целом.

В Восточной Азии усилится роль парадигмы «новой биполярности» — многие процессы в регионе будут проходить под знаком американо-китайского противостояния. Эта биполярность, имея открытый конфронтационный характер, будет принимать различные формы,

включая гонку военно-морских вооружений в Тихом океане, обострение территориальных конфликтов между Китаем и союзниками США в регионе и т.д.

Основой политики Японии в области национальной безопасности останется Договор безопасности с США. Договор сохранит несимметричный характер: обязательств по защите территории США Япония нести не будет. При этом США оставят за собой право на размещение в Японии своих войск, а Япония — обязательства по финансовому обеспечению расположенных на территории страны американских военных баз. На территории Японии останется несколько десятков военных объектов США, хотя уровень военного присутствия Америки несколько сократится. Часть морской пехоты США будет переведена из Японии на Гуам и в другие регионы АТР. Будет решена проблема перемещения военной базы «Футэмма».

Оперативно-тактическое взаимодействие с США будет осуществляться в соответствии с новой редакцией «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области национальной обороны», принятой в 2015 г. Стратегическое сотрудничество Сил самообороны Японии и вооруженных сил США будет переведено на глобальный уровень и охватит не только территории мира и спокойствия, но и районы боевых действий по всему свету. Основываясь на новом понимании коллективной самообороны, Япония будет принимать участие в операциях по разминированию морских акваторий, перехвату вражеских ракет, сбору разведывательной информации и решению иных оперативно-тактических задач, не обязательно привязанных к национальным границам страны. Кроме того, Япония станет проводить логистическую и тыловую поддержку армии США по всему земному шару. Вместе с тем ограниченный характер возможной поддержки не позволит США считать Японию таким же полноценным участником международных коалиций, как, например, Великобританию или Францию.

Япония продолжит развивать совместно с США систему Противоракетной обороны Театра военных действий (ПРО ТВД), основанную на противоракетных средствах защиты морского и наземного базирования. Будут активизированы усилия по развитию совместных с американцами систем радарного наблюдения. Вслед за Южной Кореей на территории Японии будет размещена новая система ПРО (*THAAD*, или *Eagis*). На более высокий уровень будет переведено японо-американское взаимодействие в создании военной техники. Особое значение приобретут новые сферы сотрудничества США и Японии: в сфере космоса и кибербезопасности. Эти сферы будут иметь особое значение в контексте стоящих перед альянсом новых вызовов и угроз.

В отношениях с США Япония окажется перед выбором, таящим в себе существенные геополитические риски. Если Япония предпочтет сопротивляться попыткам США вовлечь ее в «коалиции доброй воли» для проведения военных операций за пределами страны либо откажется предоставить США свою территорию под военные базы, она рискует «быть брошенной на произвол судьбы». Без защиты США Японии придется существенно увеличить военные ассигнования либо стать ядерной державой. С другой стороны, объединяясь с Соединенными Штатами и заявляя о глобальной миссии Америки в обеспечении национальной безопасности, Япония рискует оказаться втянутой в вооруженные конфликты, которые не отвечают ее национальным интересам.

В рамках обоих сценариев Токио в своей политике в области военной безопасности будет ориентироваться на союз с США, однако определенное развитие получат и сетевые форматы безопасности с участием Японии и ряда стран АТР (Австралии, Индии, Филиппин, Таиланда и пр.).

В рамках **сценария интернационального развития** Япония наряду с развитием военно-политического союза с США будет ограничивать военно-силовую компоненту своей внешней политики, опираясь на конституцию и иные пацифистские ограничения. На вооружение будет взята новая трактовка права на коллективную самооборону в целях «вклада в дело мира». Получат развитие два новых направления политики безопасности: миротворческая деятельность под эгидой ООН, касающаяся гуманитарных миссий за рубежом, и тыловая (логистическая) поддержка стран — союзников Японии при реализации ими миротворческих миссий. Япония будет более активно участвовать в миротворческих операциях ООН (операции по оказанию логистической, инженерной, гуманитарной помощи странам, пострадавшим от военных конфликтов).

Для полноценного содействия реализации целей миротворческих миссий ограничения на участие Сил самообороны в боевых действиях будут отменены, и японские военнослужащие получат юридическое право применять оружие за пределами страны не только для самообороны, но и для решения конкретных боевых задач в рамках указанных миссий. В дополнение к открытой в 2011 г. в Джибути первой за послевоенный период военной базы в районах повышенной международной напряженности за пределами Японии появятся иные военные объекты японских вооруженных сил, которые будут действовать на качественно новой правовой основе.

Вероятность обрести ядерное оружие можно оценить как достаточно малую. Среди аргументов в пользу сохранения страной неядерного статуса можно отметить, что в случае нуклеаризации Японии сильный

удар будет нанесен по ее военно-политическому союзу с США. Единственным обоснованием «голлистского решения» может быть обретение страной самостоятельности и самодостаточности в проведении политики в области обороны и национальной безопасности, в связи с чем одновременная опора на американскую мощь ядерного сдерживания потеряет всякий смысл. Обретение Японией ядерного оружия лишит ее американских «ядерных гарантий» и по причине жесткой позиции Вашингтона в вопросе нераспространения ядерного оружия.

Свою роль сыграет и опасение «эффекта домино». «Ядерный выбор» приведет к ускорению распространения ядерного оружия, в том числе и среди возможных военных соперников Японии (например, в странах Корейского полуострова), дестабилизации военно-политической ситуации, гонке ядерных вооружений в Северо-Восточной Азии и существенному ухудшению внешнеполитических условий для самой Японии. Кроме того, под угрозу будет поставлен весь режим ДНЯО, который исключительно важен для Японии как крупной торговой нации. Существуют также опасения утраты международного авторитета, основанного на моральных обязательствах Японии как единственной в мире страны, пострадавшей от применения ядерного оружия. Пересмотр неядерного статуса будет препятствовать и сохранение в японском обществе «ядерной аллергии», которая с течением времени не утрачивает свою силу, несмотря на уменьшение пацифистских настроений, ослабление негативной исторической памяти об участии Японии во Второй мировой войне, а также рост националистических настроений.

Помимо Соединенных Штатов сотрудничество в сфере военной безопасности активно будет развиваться с прочими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, которые Япония считает своими союзниками, — с Австралией, Филиппинами, Индией и т.д. Такое сотрудничество будет обретать форму сетевого взаимодействия, постепенно замещающего традиционную конфигурацию «оси и спиц». Это сотрудничество будет иметь отчетливо выраженную геополитическую цель — сдерживание военно-политических амбиций Китая под знаком «демократических ценностей». Оно будет призвано обеспечить международный порядок в том понимании, которое имеется у США и их союзников.

Будут продолжены усилия по реализации концепции «ромба безопасности» — геополитической конфигурации, в которую, помимо Японии и США, войдут те страны АТР, которые имеют общие демократические ценности, в частности Индия и Австралия. Япония сохранит активные связи с этими странами, выступая поставщиком многих уникальных технологий для модернизации их вооруженных сил. Кроме того, между Японией, Индией, Австралией и США будет разви-

ваться диалоговый формат в военно-политической области и практика проведения совместных военных учений. Особое значение приобретет для Японии военное сотрудничество с Республикой Корея.

Вместе с тем Япония в условиях **сценария суверенного развития** будет в большей степени исходить из необходимости обретения военного и военно-технического потенциала, достаточного для самостоятельного отражения внешних угроз. К числу стран, которые будут представлять для Японии потенциальную военную угрозу, японская военная доктрина, как и ранее, будет относить набирающий военную и экономическую мощь Китай, а также Северную Корею, которая продолжит реализацию своей ракетно-ядерной программы. Восприятие Японией военных угроз будет основываться на понимании высокой степени уязвимости территории страны для ракетного удара (с использованием баллистических и иных типов ракет) из-за высокой концентрации населения и связанной с этим возможности быстро и эффективно парализовать административные, экономические и военные центры страны.

Япония не откажется от усиления военной компоненты в политике обеспечения национальной безопасности. Будет осуществляться программа наращивания военного потенциала, ориентированного на стоящие перед страной вызовы. Реализация такой программы, предполагающей качественное перевооружение национальной армии, позволит Японии вести боевые действия не только на своей территории, но и далеко за ее пределами при опоре на достигнутую страной экономическую и технологическую мощь. Одновременно такая программа окажет и психологический эффект, дав возможность окончательно «подвести итоги» Второй мировой войны и покончить с сохраняющимся в международных отношениях статусом Японии как проигравшей стороны.

Будут приняты поправки к 9-й ст. Основного закона, в соответствии с которыми Япония обретет собственные вооруженные силы (Силы самообороны таковыми не являются, что создает множество юридических проблем в связи с перспективой их участия в международных миссиях, в том числе под эгидой ООН). Отмена конституционных положений, касающихся запрета на содержание вооруженных сил, произойдет в результате того, что ЛДП вместе с партиями — партнерами по коалиции удержит квалифицированное большинство голосов в парламенте на выборах в нижнюю палату в 2018 г.

Если конституцию все же не удастся изменить (например, из-за отсутствия квалифицированного большинства в парламенте), японское правительство будет опираться в своей политике в сфере военной безопасности на расширенную интерпретацию права на коллективную самооборону, принятую правительством летом 2014 г., которая подво-

дит более четкие правовые основания под совместные с США действия в акваториях, примыкающих к японским территориальным водам. По этой интерпретации, реализация права на коллективную самооборону возможна при наличии трех условий: 1) произошло военное нападение на страну, «имеющую тесные отношения с Японией», и при этом возникла очевидная «фундаментальная угроза» самому существованию Японии и праву японского народа на жизнь, свободу и стремление к счастью; 2) нет иных способов защиты народа; 3) сила будет использована в минимальных пределах.

Новая трактовка напрямую коснется японо-американского Договора безопасности, сфера действия которого традиционно была ограничена районами вблизи Японии. Появятся новые возможности для взаимодействия Японии с США, например при совместном патрулировании и совместной обороне морских коммуникаций. Одним из полигонов возможного взаимодействия называют Ближний Восток, где США ожидают от Японии действенной помощи в борьбе против террористического Исламского государства (организация запрещена в РФ). Япония сможет направить свои военные корабли в Ормузский пролив для ведения операций по разминированию, так как прекращение поставок нефти в Японию будет представлять угрозу ее национальной экономике. Более серьезным и юридически обоснованным станет вклад Японии в разработку совместной с США системы противоракетной обороны, включая ее технологические, финансовые и логистические аспекты.

В соответствии с программными документами, определяющими государственную стратегию обеспечения национальной безопасности (Стратегия обеспечения национальной безопасности, Основные направления плана национальной обороны и Среднесрочная программа развития оборонного потенциала), принятыми в декабре 2013 г., и их последующими редакциями, Япония будет строить свою военную политику, опираясь на концепцию динамичной обороны. Эта концепция предполагает, что боевые возможности Сил самообороны должны использоваться с максимальной гибкостью и эффективностью. Приоритет будет отдаваться мобильности боевых подразделений, их способности к быстрому реагированию и перемещению в соответствии с изменениями оперативной обстановки. К концу 2010-х — началу 2020-х годов ожидается модернизация оборонного потенциала гибкого реагирования, который обеспечит эффективную координацию сухопутных, военно-морских и военно-воздушных Сил самообороны.

Будет увеличиваться военный бюджет страны, который превысит установленный ранее барьер в 1% ВВП. Одновременно расширится кадровое расписание Сил самообороны. Дополнительные средства

будут потрачены на защиту морских и воздушных рубежей страны, и в первую очередь на юго-западе, где находится граница Японии с Китаем. Значительные средства будут выделены на укрепление технического потенциала воздушного и морского патрулирования и подводного флота, внедрение современных средств раннего обнаружения, проведение НИОКР по созданию разведывательных беспилотников с повышенными потолками полета, модернизацию конвертопланов «Оспрей» и т.д. В связи с необходимостью защиты островов Сэнкаку от китайского военного вторжения Япония приступит к разработке собственных баллистических ракет среднего радиуса действия (дальностью 400–500 км) и оснащению ими своих вооруженных сил.

В результате проведения масштабной программы перевооружения японская армия сохранит свои лидерские позиции как одна из наиболее технически оснащенных в мире. Всеобщей воинской обязанности введено не будет, численность военнослужащих останется примерно на уровне 2010-х годов (250–270 тыс. человек), однако характер и тип вооружений качественно изменятся. Японская армия будет обладать баллистическими ракетами и иными средствами для нанесения превентивных ударов по «вражеским базам», современными мощными средствами слежения, разведки и сбора информации, патрульными и десантными средствами авиации и военно-морского флота, а также иными видами наступательного оружия, что даст основания говорить об отходе от сугубо оборонительного характера военной доктрины.

Япония включится в гонку вооружений в Восточной Азии и будет по многим показателям иметь технические преимущества перед не только северокорейской, но и китайской армией. Однако по общей военной мощи Япония будет уступать Китаю, который останется для нее противником номер один.

Наибольшую уязвимость с точки зрения защиты территориальной целостности Японии будут иметь острова Сэнкаку, а также отдаленные острова к югу и юго-западу от основной территории страны. Поэтому упор будет сделан на конкретных шагах по наращиванию мощи морских и сухопутных подразделений высокой мобильности, способных защитить эти островные территории, а при необходимости и отбить их у противника. В основе данной программы лежит сценарий, согласно которому Китай попытается захватить острова Сэнкаку, в связи с чем крайне важным станет повышение боеготовности подразделений, занимающихся разведкой, мониторингом, патрулированием морского и воздушного пространства страны вокруг спорных территорий.

Изменений нынешнего территориального статуса Японии, по всей видимости, не произойдет. Трудно ожидать, что Япония попытается си-

лой вернуть себе контроль над территориями, в отношении которых она выдвигает претензии странам-соседям — Южными Курилами и Токто. Какая-либо военная акция для получения такого контроля маловероятна не только из-за опасности втягивания в полномасштабную войну с соседями, но и в силу отрицательного отношения к подобным действиям со стороны собственного общественного мнения, а также отсутствия соответствующей законодательной базы. Япония будет рассчитывать прежде всего на дипломатические средства урегулирования споров.

Что касается островов Сэнкаку (Дяоюйдао), в отношении которых свои претензии предъявляет Япония Китай, то здесь и изменение статус-кво также является маловероятным. С одной стороны, большое значение приобретет позиция США, которые несут обязательства по защите указанных островов, в том числе средствами ядерного сдерживания. США будут сохранять нейтралитет, обосновывая свою позицию тем, что Япония и Китай должны сами разрешить этот спор. В то же время США будут учитывать и то обстоятельство, что, в отличие от основной территории Японии, нападение на которую приведет к жертвам не только среди граждан Японии, но и почти наверняка среди американцев, что даст основания для применения потенциала сдерживания, силовой захват Сэнкаку Китаем не повлечет за собой непосредственной угрозы американским интересам. Кроме того, Китай не является в чистом виде объектом ядерного сдерживания, каким он наряду с Советским Союзом был в период холодной войны. На этом фоне участие американских войск в операциях по «освобождению Сэнкаку» в случае локального конфликта вокруг островов представляется маловероятным.

Однако Китай, скорее всего, не станет прибегать к военным средствам для удовлетворения своих претензий. С одной стороны, это, пусть и теоретически, сопряжено с конфронтацией не только с Японией, но и с США, связанными с Японией Договором безопасности. С другой стороны, Китай строит свое благосостояние и экономическую стратегию на развитии внешнеэкономических связей, в том числе с Японией и США. Являясь сторонником международно-правовой системы государственного суверенитета, Китай, скорее всего, будет усиливать давление на Японию с целью побудить ее официально признать наличие территориальной проблемы, а при благоприятных обстоятельствах — перевести ее в международно-правовую плоскость, передав в Международный суд ООН.

В рамках данного сценария сохраняется высокая степень вероятности обретения Японией ядерного оружия. Япония относится к числу так называемых пороговых государств, обладающих высоким научно-техническим и промышленным потенциалом атомной отрасли, а так-

же значительными количествами оружейного плутония, который был накоплен в рамках программы эксплуатации реакторов на быстрых нейтронах. Япония сохранит способность самостоятельно в течение года произвести несколько десятков ядерных боеприпасов на плутониевой основе, за два-три года подготовить для их доставки имеющиеся баллистические носители космического назначения, в последующие пять-десять лет построить несколько атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и переоборудовать имеющиеся многоцелевые подводные лодки под ядерные крылатые ракеты большой дальности. Что касается юридической стороны дела, то обладание ядерным оружием в целях обеспечения собственной безопасности, в интерпретации правительства, не будет попадать под какие-либо конституционные запреты. Непосредственными причинами для обретения Японией ядерного оружия станут ослабление глобальной системы нераспространения ядерного оружия, и прежде всего дальнейшее развитие КНДР своей ракетно-ядерной программы, создающей непосредственную угрозу японской территории, а также ослабление военного присутствия США в Северо-Восточной Азии.

Выводы

Согласно **сценарию интернационального развития**, Япония будет активно следовать по траектории дальнейшей интеграции в международное сообщество в качестве политического лидера мирового значения. С некоторыми допущениями можно предположить следующие основные характерные черты этого сценария, отличающие его от сценария суверенизации.

Политическая власть в Японии станет более плюралистичной и менее склонной к авторитаризму. Правящая партия (ЛДП) будет считаться с мнениями партнеров по коалиции, а с течением времени уступит власть своим конкурентам (Демократической партии или коалиции оппозиционных партий). В стране будет наблюдаться тренд в сторону становления двухпартийной системы или системы правления «лоскутных коалиций». Фактор персоналистского начала в руководстве и личной харизмы политических лидеров будет приглушенным.

Территория страны останется неизменной. Территориальные проблемы со странами-соседями (Китаем, РК, Россией) сохранятся, но с течением времени их острота в политической повестке дня будет снижаться по мере развития региональной экономической интеграции и усиления роли многосторонних согласовательных механизмов. В долгосрочной перспективе не исключен вариант их решения путем двусторонних сделок с партнерами либо проведения многосторонней

международной конференции с участием крупных держав. В основе компромиссов сторон будут лежать интересы сторон по развитию взаимных экономических связей.

Япония сохранит существенные потребности в ресурсах, необходимых ей для устойчивого экономического роста в рамках постиндустриальной модели развития. Для обеспечения безопасности морских коммуникаций — основного средства внешних поставок ресурсов — Япония станет в большей степени привержена идее неделимости безопасности и будет добиваться создания многосторонних международно-политических институтов с участием всех заинтересованных сторон.

Дальнейшее старение общества приведет к острой проблеме трудовых ресурсов. Для ее решения японское руководство в перспективе прибегнет к достаточно радикальной либерализации иммиграционного законодательства и допуску в страну значительного количества иностранной рабочей силы. Это в свою очередь чревато появлением социальной напряженности, в основе которой будут лежать традиционные для японского общества ксенофобские настроения.

Экономика будет развиваться главным образом за счет внешнего спроса, создаваемого в крупнейших азиатских экономиках, и прежде всего Китае, Южной Корее, а в перспективе и Индии. Япония окажется одним из главных бенефициаров потребительского спроса, создаваемого многочисленным средним классом в указанных странах. По-прежнему в основе японской экономической стратегии будет лежать локализация производства, т.е. приближение его к потенциальным рынкам сбыта.

Для создания своего позитивного образа и условий для экономического проникновения в страны-партнеры Япония будет активно использовать культурную дипломатию. В странах ЮВА и Южной Азии образ «мирной и демократической» Японии будет активно противопоставляться имиджу «эгоистичного» и даже «агрессивного» Китая.

В сфере образования сложится тенденция к интернационализации, адаптации к международной образовательной среде, признанию в мире японских дипломов о высшем образовании. Тесные научно-технические связи Японии со странами Европы и США позволят ей сохранять лидирующие позиции в прикладных исследованиях и преодолеть разрыв с Западом в области фундаментальных наук, особенно в сферах физики и биологии, а также медицины.

Конституция и иные пацифистские ограничения сохранятся, а если и будут изменены, то не затронут базового постулата об отказе Японии от войны как средства решения международных споров. Япония будет ограничивать военно-силовую компоненту своей внешней политики. Будут развиваться два новых направления политики безопасности: миротворческая деятельность под эгидой ООН, касающаяся

гуманитарных миссий за рубежом, и тыловая (логистическая) поддержка стран — союзников Японии при реализации ими миротворческих миссий. Международное сотрудничество в области безопасности Япония будет проводить с теми странами АТР, которые считает своими союзниками (Австралией, Филиппинами, Индией и др.). Такое сотрудничество обретет форму сетевого взаимодействия, постепенно замещающего традиционную конфигурацию «оси и спиц».

Япония будет активно добиваться построения в Восточной Азии зон свободной торговли и иных многосторонних механизмов региональной интеграции, основанных на принципах «открытого регионализма». Эти механизмы Япония, играя в них лидирующую роль, использует для защиты своих интересов как мировой торговой державы.

С Россией возможно построение добрососедских отношений, основанных на взаимной заинтересованности. С японской стороны главным мотивом станут соображения национальной безопасности (и прежде всего факторы Китая и Северной Кореи), с российской — экономики. В перспективе не исключено решение территориальной проблемы на базе Декларации 1956 г. и подписание мирного договора.

Вероятность реализации сценария интернационализации будет в значительной степени зависеть от глобальной международно-политической ситуации. Она повысится, если доминирующей тенденцией в мире будет консенсус по поводу необходимости устранения всех барьеров на пути международной торговли и экономических связей. Свою роль сыграет и ситуация внутри Японии. В ЛДП продолжится борьба мнений между «националистическим», «пацифистским» и «меркантилистским» течениями, каждое из которых имеет собственное представление об угрозах и, соответственно, приоритетах в сфере безопасности. Так, «меркантилисты» всегда исходят из того, что главная угроза безопасности страны связана с ее изоляцией и упадком системы мировой торговли, «националисты» — с утратой суверенитета и полного подчинения Японии старшему партнеру по Договору безопасности, «пацифисты» — с опасностью невольного вовлечения в вооруженный конфликт. Соответственно, сценарий интернационализации получит дополнительные шансы на развитие в случае существенного усиления «меркантилистов».

В свою очередь, **сценарий суверенного развития** предполагает, что в государственной политике Японии в средне- и долгосрочной перспективе будет преобладать отстаивание «суверенных» национальных интересов, в противоположность интересам международного сообщества. Япония не будет в такой же степени, как в случае со сценарием интернационализации, стремиться к роли политического лидера мирового значения, к установлению и соблюдению общих норм

и правил международного поведения, к появлению масштабных зон свободной торговли и иных механизмов экономической интеграции. Упор будет сделан на развитие национальной экономики за счет внутренних источников, на усиление военно-политической компоненты во внешней политике и признание военной силы в качестве источника международного влияния, на прагматизм и отход от ценностной идеологии в межгосударственных отношениях. С некоторыми допущениями можно предположить следующие основные характерные черты этого сценария, отличающие его от сценария интернационализации.

Во внутренней политике будет преобладать тренд в пользу укрепления института главы исполнительной власти, усиления роли кабинета министров как органа политического руководства правительством. Усилится запрос на лидерское начало, популизм, национализм и национальный эгоизм, на экономический изоляционизм. В политической власти будут преобладать правонационалистические силы.

В отношениях со странами-соседями сохранится напряженность, связанная с территориальными спорами и оценкой исторического прошлого. В регионе продолжится гонка вооружений, усилится недоверие и конфронтационность. Изменений нынешнего территориального статуса Японии не произойдет.

Потребности Японии в крупных источниках ресурсов для промышленности будут связаны прежде всего с энергетическим сектором. Можно ожидать обострения конкуренции Японии с Китаем и Индией, которая проявит себя в форме соперничества за экономическое влияние в тех странах Азии, Африки и Латинской Америки, где имеется необходимый ресурсный потенциал.

Можно ожидать ускорения неблагоприятных тенденций в демографической сфере, связанных со старением общества. В Японии будет продолжаться формирование демографической модели, характеризующейся низким коэффициентом рождаемости и не обеспечивающей даже простого воспроизводства населения. Тем не менее с учетом отрицательного отношения населения страны к либерализации иммиграционного законодательства, а также трудностей, связанных с языковым барьером, Япония будет воздерживаться от либерализации миграционного законодательства и не допустит наплыва в страну мигрантов из развивающихся стран.

Значение Японии в мировой торговле в силу отхода от индустриальной модели и снижения доли вторичного сектора будет неизбежно сокращаться. По сравнению со сценарием интернационализации большее значение в качестве источника экономического роста получит внутренний спрос. Темпы роста экономики будут низкими. Япония потеряет позиции в мировых рейтингах. В числе слабых мест японской

экономики, которые проявят себя в долгосрочной перспективе, следует назвать отсталость и архаичность системы производственного обучения персонала, негибкость системы найма, а также крайне низкую долю женщин в общей структуре найма.

Культурная дипломатия займет подчиненное положение по отношению к традиционной, хотя Япония останется великой культурной державой. Религиозные культы останутся в духовной жизни общества, в том числе как средство поддержания национальной идентичности.

Япония сохранит достаточно высокие позиции в мире по уровню профессиональной подготовки кадров и по качеству высшего образования. Коренных институциональных изменений в системе образования не произойдет. Японская система высшего образования останется относительной закрытой и изолированной от международной образовательной среды. Студенческие обмены будут носить ограниченный характер, образовательные стандарты не будут полностью коррелировать с международными.

В сфере строительства вооруженных сил одним из основополагающих факторов станет восприятие Японией военных угроз. Оно будет основываться на понимании высокой степени уязвимости территории страны для ракетного удара. Нельзя исключить и оснащение японской армии ядерным оружием.

Япония включится в гонку вооружений в Восточной Азии и будет по многим показателям иметь технические преимущества перед не только северокорейской, но и китайской армией. Однако по общей военной мощи Япония будет уступать Китаю, который останется для нее противником номер один. Усиление сомнений и опасения по поводу надежности гарантий безопасности будут укреплять позиции националистического крыла, ратующего за более активный и самостоятельный внешнеполитический курс.

В мировой политике Япония останется одной из ключевых стран, претендующих на глобальное политическое лидерство. Находясь с США «в одной лодке», Япония будет неизбежно втянута в процессы формирования блоковых структур безопасности. Роль Японии в таких структурах будет заключаться в технологическом и финансовом содействии модернизации вооруженных сил стран-партнеров. Кроме того, после отмены пацифистских ограничений японские вооруженные силы будут задействованы в решении конкретных задач стратегического взаимодействия с Соединенными Штатами.

Примечание

¹ Country highlights. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/country-highlights> (дата обращения: 29.04.16).

Сведения об авторах

Бабкова Майя Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Герасимова Майя Петровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Добринская Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Долин Александр Аркадьевич — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Катасонова Елена Леонидовна — доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН

Лебедева Ирина Павловна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Матрусова Татьяна Николаевна — кандидат экономических наук

Мещеряков Александр Николаевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник НИУ Высшая школа экономики

Саркисов Константин Оганесович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор МГИМО МИД России

Чугров Сергей Владиславович — доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала «ПОЛИС»

Научное издание

ЯПОНСКИЙ ФЕНОМЕН глазами российских японоведов

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 25,0. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел. 8 (495) 221-89-80